
3 1761 08114713 4

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ

КНИГА X—XII.

СОФІЯ
1921

1920 годъ.

Очерки.

(Окончаніе).

Маякъ.

...Онъ приближался медленно, этотъ маякъ. Мы гребли сутки и выбились изъ силъ.

Но все же онъ приближался, росъ въ небѣ, становясь изъ „мачты бѣшено несущагося за горизонтомъ миноносца" — высокимъ столбомъ, на которомъ появилось два черныхъ кольца.

Онъ выросталъ надъ низкой, низкой песчаной косой, за которой опять виднѣлось море. Подъ нимъ — какіе то домики, два дерева, — больше ничего. Коса бѣло-желтая тянется сколько глазъ хватитъ. Еще бы. Вѣдь эта коса — знаменитый островъ Тендра „чуть замѣтный". Онъ имѣетъ семьдесятъ верстъ длиной при ширинѣ отъ полутора до двухъ. Говорятъ, что когда Господь создалъ Крымъ, то чертъ этому позавидовалъ. Ночью подкрался и ухватился тащить Крымъ въ преисподнюю. Ангелъ Господень отбилъ — не далъ. Но чертъ успѣлъ, выдирая Крымъ изъ рукъ Ангела, вытянуть изъ полуострова эти двѣ стрѣлки: Тендру и Арбатскую.

* * *

Неужели это правда, что это Тендра? Не вѣрилось...
И потомъ... въ концѣ концовъ кто его еще знаетъ...

* * *

Тамъ, на этомъ низкомъ берегу виднѣлось двѣ группы живыхъ существъ.

Одна лѣвѣе, — нарядная, ослѣпительно сверкающая бѣлимъ, — это мартыны, большія морскія чайки... Они красиво неподвижны.

Другая правѣе, ближе къ маяку — грязно-коричневая. Это люди. Они загадочно копошатся.

* * *

Чего нужно ждать отъ этого копошенія? Правда, рыбаки говорили намъ, что Тендра у добровольцевъ, но кто жъ его знаетъ... Сегодня у насъ, а завтра у „нихъ“.

Но нѣтъ, не можетъ быть. Вѣдь вотъ тамъ за этимъ диковинно узкимъ островомъ опять море. Это должно быть Ягорлыцкій заливъ. И тамъ явственно видны суда, — морскія суда. Откуда у большевиковъ можетъ быть флотъ? Это наши!

Во всякомъ случаѣ отступать некуда. Наши или нѣтъ, все равно, если мы повернемъ обратно въ море, эта копошащаяся коричневая кучка откроетъ по насъ пальбу...

* * *

Мы выбросились на песокъ съ однимъ изъ валовъ прибоя. За минуту передъ этимъ я понялъ, почему кучка людей была коричневая: они были полуголые, въ однихъ штанахъ и загорѣлые, какъ полинезійцы.

Но въ ту минуту, когда я, „изящно перебѣжавъ“ съ кормы на носъ по банкамъ „Speranz'ы“, прыгнулъ на песокъ, отъ полинезійской группы отдѣлился человѣкъ во „френчѣ“.

Ура, — на немъ были *погоны*!

* * *

Произошла сцена „изъ Жюль-Верна“.

— Я комендантъ острова Тендра. Кто вы и откуда?

Я отвѣтилъ въ томъ же стилѣ:

— Шульгинъ... изъ Одессы...

— У васъ есть документы?...

— Исключительно фальшивые...

— Пожалуйте...

Онъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ.

Мы пошли, увязая въ пескѣ. Коричневая кучка любопытныхъ надвинулась на насъ съ распросами, но ее отодвинули.

Я успѣлъ однако разсмотрѣть, что все это была молодежь. Повидимому интеллигентная или полуинтеллигентная,

но страшно загорѣлая, поздоровѣвшая, бронзо-неузнаваемая . . .

Но отчего они всѣ такъ одѣты, то есть неодѣты? Что это — форма?

* * *

Итакъ мы пошли за комендантомъ.

Маякъ смотрѣлъ на всю эту сцену, — и „пусть меня повѣсятъ“, какъ говорятъ герои Жюль Верна, если у него, этого маяка, при этомъ не было какое то странное выраженіе.

Онъ смотрѣлъ на насъ съ сочувствіемъ, даже ласково, но какая то складка печальной ироніи угадывалась въ этихъ двухъ черныхъ кольцахъ . . .

Я не понялъ тогда, къ чему она относилась . . .

* * *

Мы были какъ пьяные. Насъ качало во всѣ стороны послѣ шлюпки, а кромѣ того все смѣялось кругомъ . . . Небо, море, песокъ и даже эта палящая жара, отъ которой единственное спасеніе въ пѣнѣ прибоя . . .

Но люди . . .

Люди были коричневатые.

Они не смѣялись.

Они посмѣивались . . .

* * *

Нѣкоторая часть „полинезійцевъ“ пріодѣлась и оказалась молодыми морскими офицерами.

Они шутили на нашъ счетъ, т. е. больше на счетъ Ирины . . .

* * *

— Ты сегодня дежурный?

— Я . . .

— Значитъ тебѣ . . .

— Что? . . .

— Выводить въ расходъ блондиночку . . .

— Ну вотъ . . .

— А ты думалъ . . . Явно шпіонка! . . .

— Я не дежурный . . .

— Не хочешь? . . . ничего братъ, привыкай!

* * *

Черезъ нѣкоторое время мы уютно обѣдали въ кают компаніи эскадреннаго миноносца „Капитанъ Сакенъ“, причемъ „разстрѣльщики“ ухаживали за „жертвой“ . . .

Не къ этому-ли относилась иронія маяка?

Нѣтъ, — къ другому . . .

* * *

Этой же ночью мы ушли въ Севастополь на Лукуллѣ.

Маякъ не сверкнулъ намъ въ темнотѣ на прощаніе, керосину не было . . .

Лукуллъ.

Это былъ тотъ Лукуллъ . . . „тотъ самый“ . . .

Лукуллъ — яхта. Теперь многіе знаютъ его очертанія. Это тотъ самый Лукуллъ, на которомъ впослѣдствіи держалъ ставку Главнокомандующій генералъ Врангель.

Но тогда это былъ мало кому извѣстный Лукуллъ, замѣчательный впрочемъ тѣмъ, что на немъ шелъ командующій флотомъ адмиралъ Саблинъ.

Итакъ мы въ гостяхъ у „Комфлота“ . . .

* * *

Адмиралъ пригласилъ насъ къ обѣду.

Обѣдали на ютѣ на открытомъ воздухѣ.

Погода была дивная, Лукуллъ „пѣнилъ воду“, какъ принято выражаться въ этихъ случаяхъ, и все было, какъ полагается.

Обѣдъ очень скромный по старымъ мѣркамъ, но для нашихъ совдепскихъ желудковъ нестерпимо сытный . . . Сервировка тоже скромная, — но все же, Боже мой . . .

У насъ тамъ, „на берегу моря“, былъ одинъ разбитый стаканъ „за все“.

А тутъ . . .

– И бѣлая скатерть! . . .

Это не удерживается Ирина.

Бѣлые офицеры (моряки сохранили бѣлые кителя) учтиво разспрашивали, что значитъ „и бѣлая скатерть“ . . . А у адмирала на плечахъ среди золота—черные двуглавые орлы . . .

И обѣдаютъ, какъ раньше обѣдали культурные люди, и не надо каждую минуту прислушиваться, почему скрипнула садовая калитка, и читать въ испуганныхъ глазахъ:

— Идутъ? . . .

Нѣтъ, идетъ только Лукуллъ, спокойный среди спокойнаго моря, и идетъ мирная бесѣда на ютѣ.

Спрашиваютъ . . .

* * *

Мы разсказываемъ . . . И не знаешь хорошенько, что же сонъ: „это" или „то". Можетъ быть и то, и другое . . Настоящая жизнь была до революціи. Мы проснемся, когда все кончится.

Но когда же? . . .

* * *

Теперь я распрашиваю.

— Не грабятъ? . . .

— Нѣтъ. Въ общемъ нѣтъ. Бываютъ, конечно, случаи . . . но въ общемъ нѣтъ. Это надо сказать . . .

— Какимъ же образомъ удалось? . . .

— Да сначала, конечно, мѣрами строгости . . . Разстрѣливали . . . А потомъ какъ то поняли сами. Конечно, не всѣ . . . но значительная часть поняла . . . отчего мы въ Крыму, а не въ Москвѣ . . .

— А населеніе? Перемѣнили отношеніе?

— Перемѣнили безусловно . . . Къ намъ по крайней мѣрѣ, морякамъ, хорошо относятся. Но вѣдь у насъ строго . . . конечно, въ арміи бываетъ, но въ общемъ былыхъ безобразій нѣтъ . . . и отношеніе населенія иное . . .

Я знаю, какъ флотъ относится къ арміи и обратно. Поэтому для меня свидѣтельство моряковъ о сухопутныхъ цѣнно.

Затѣмъ слѣдуетъ неизбѣжное. Начинаются жалобы, что флотъ забросили, притѣсняютъ, угнетаютъ и т. д.

Но такъ какъ я твердо знаю, что нѣтъ ни одного рода оружія и ни одной части, и ни одного полка, и даже ни одной роты, которая не была бы свято и нерушимо убѣждена, что она самая угнетенная изъ всѣхъ, — то я слушаю это въ полъ-уха.

Въ доказательство, однако, говорятъ:

— Нашу новую форму видѣли?... Не даютъ флоту обмундированія, что подѣлаешь... Пришлось узаконить это „полуголое состояніе"... Вотъ прійдемъ въ Акмечеть — и увидите...

* * *

Мы подходимъ...

Тутъ стоитъ нѣсколько судовъ и между прочимъ тотъ несчастный крейсеръ, на которомъ въ началѣ революціи произошли душу раздирающія избіенія офицеровъ.

Вахтенный докладываетъ:

— Подходимъ къ Алмазу... Команда стоитъ во фронтъ.

Адмиралъ подходитъ къ борту.

Все замерло здѣсь и у нихъ.

Вотъ тамъ, на борту „Алмаза", ровнымъ, ровнымъ коричневымъ частокольчикомъ стоятъ застывшіе „полинезійцы".

Амиралъ здоровается въ рупоръ.

Оттуда чрезъ нѣсколько мгновеній доносится дружное, размѣренно скандированное:

— Ррррра... и... е... е... а... е... а... е... рррррр... о!...

И чувствуется въ этихъ гласныхъ безъ согласныхъ и согласіе, и сила...

И почему то это волнуетъ.

* * *

А когда мы всходили на судно и капитанъ поздоровался съ Лялей, онъ отчеканилъ, какъ и полагается „юнкеру флота":

— Здравія желаемъ господинъ капитанъ перррваго рранга...

И расплылся радостной улыбкой... Вѣдь полагается „весело привѣтствовать начальника"...

Почему и этотъ пустякъ... „щемитъ"?...

* * *

Сигналъ. Адмиралъ покидаетъ Лукуллъ.

Это торжественно. Все на суднѣ должно чувствовать этотъ моментъ.

У трапа нарядный вельботъ. На веслахъ бронзовые полинезійцы.

— Встать! смирно!...

Бронзовые вскакиваютъ и застываютъ въ вельботѣ.

Здороваются. Адмиралъ садится и беретъ въ руки рулевые тросы.

— Садись!.., весла разобрать!...

Бронзовые опускаются, а весла лѣсомъ встаютъ къ небу.

— На воду!!!

Весла падаютъ на воду.

Вельботъ отваливаетъ. Бронзовые тѣла красиво покрываются мускулами, и Андреевкій флагъ волнующимъ крестомъ вьется надъ струйкой у кормы.

* * *

— Что съ вами, Ирина?...

— Ахъ, я не могу на все это смотрѣть... хочется плакать... Отчего это?...

* * *

Мы снова вышли въ море. И тутъ оно доказало, какъ намъ повезло, и какъ оно было милостиво къ намъ наканунѣ.

Разыгрался штормъ. Лукуллъ держалъ себя хорошо, но море обращалось съ нимъ безжалостно.

Меня какимъ то чудомъ не укачало и потому я могъ оцѣнить красивость шторма. Удивительно интересна взбѣсившаяся вода. Одно непріятно. Кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы она когда нибудь успокоилась.

А межъ тѣмъ все прійдетъ въ порядокъ, когда настанетъ „часъ опредѣленный". Не то ли и съ революціей?

Люди, испугавшись этихъ косматыхъ чудовищъ, увѣровали, что ихъ силѣ нельзя противиться...

Нѣтъ, Лукуллъ не вѣритъ. Онъ бодро прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ скверныя забавы этихъ исполинскихъ катящихся гадовъ.

„Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ..."

* * *

На слѣдующее утро, то есть 27 іюля по старому стилю мы пришли въ Севастополь. Переходъ изъ Одессы, слѣдовательно, занялъ трое сутокъ.

Севастополь.

Несмотря на то, что мы пришли на адмиральскомъ суднѣ и обѣдали съ „Комфлотомъ“, насъ для вѣрности все же направили прямо съ Графской пристани въ „Морскую контръ-развѣдку.“

По дорогѣ въ окнѣ одного дома я вдругъ увидѣлъ знакомую фигуру Н. Н. Львова. Въ то же мгновенье въ окнѣ оказались другія дружескія лица, а на дверяхъ я прочелъ:

— „Редакція Великой Россіи. Основана В. В. Шульгинымъ.“

Встрѣча была соотвѣтствующая.

— Господи, мы какъ разъ обсуждали шестую версію вашей гибели. Съ того свѣта вы, — съ того свѣта!...

* * *

И вотъ начались наши впечатлѣнія выходцевъ съ того свѣта.

Въ контръ-развѣдкѣ насъ признали окончательно. Выразилось это въ томъ, что насъ снабдили документами, возстановившими наше, если не доброе, то настоящее имя. Съ этой минуты мы, такъ сказать, репатріировались, вновь стали гражданами „этого свѣта“...

* * *

Мы вышли на какую то улицу, которую я тогда не зналъ. И эта улица, и все въ ней казалось не то, чтобы во снѣ, а какъ въ кинематографѣ. Что то свое, знакомое, страшно живое и реальное, но еще неухватимое. Казалось, что мы какъ бы не имѣемъ права на все это, не можемъ съ этимъ слиться, — словомъ, что это не „о трехъ измѣреніяхъ“, а только на экранѣ...

* * *

Улицы полны народомъ, и какимъ народомъ. Прежнимъ и даже какъ будто бы похорошѣвшимъ.

Масса офицеровъ, часто нарядныхъ, хотя и по новому нарядныхъ, масса дамъ — шикарныхъ дамъ, даже иногда красивыхъ, извозчики, автомобили, объявленія концертовъ,

лекцій, собраній, мѣняльныя лавки на каждомъ шагу, скульптурныя груды винограда и всякихъ фруктовъ, а главное магазины . . . Роскошь витринъ . . . особенная, крымская . . . и все тутъ, что угодно . . .

Кафе, рестораны . . .

Свободно, нарядно, шумно, почти весело . . .

* * *

Но почему же это не наше, почему? . .

Потому-ли, что мы не боролись за это, а только бѣжали сюда, — на готовое? .

Но, вѣдь тогда, въ порту, въ Одессѣ . . . Развѣ не „за нашими спинами“ многіе изъ тѣхъ, что здѣсь, выѣхали сюда?

Или потому, что мы оборваны такъ, что на насъ оборачиваются и что у насъ нѣтъ гроша въ карманѣ! . . .

Или совсѣмъ, совсѣмъ по другой причинѣ?

* * *

Какъ бы тамъ ни было, хотѣлось-бы выпить кофе. Ничего не подѣлаешь — буржуйская привычка.

— Василій Витальевичъ! . . . Вы! . . . Съ того свѣта! . . .

Объятія, удивленія.

— Конечно, у васъ нѣтъ денегъ . . . Я вамъ дамъ сейчасъ . . . Но, простите, только пустяки . . . вотъ сто тысячъ . . .

Я раскрылъ глаза:

— Сто тысячъ — пустяки? . . .

Но когда мы зашли выпить кофе, неосторожно съѣли при этомъ что то и заплатили нѣсколько тысячъ, — я понялъ...

* * *

— Квартира?

— Совершенно невозможно достать . . . Единственный способъ — помѣститься на суднѣ.

— На суднѣ? . . .

— Тутъ много кораблей стоитъ въ порту. Много вашихъ друзей живетъ . . . Я васъ устрою . . .

И, дѣйствительно, насъ устроили. И съ тѣхъ поръ мы такъ сказать, пошли по флоту: сначала на Вестѣ, пока она не ушла въ море, потомъ на Добычѣ, которая черезъ нѣко-

торое время ушла за Вестой, и въ концѣ концовъ на гигантѣ — Ріонѣ, 13,000 тоннъ котораго не безпокоятъ по пустякамъ.

* * *

Первые дни ушли на объятія и распросы.

Друзей много, но сколькихъ нѣтъ . . . Кто погибъ, кто . . .

„Иные погибли въ бою,
„Другіе . . .,

если не „измѣнили“, то отошли въ сторону.

* * *

Прежде всего надо одѣться . . .

Одѣваютъ . . .

Обувь — 90,000 рублей, рубашка — 30,000, брюки холщевые — 40,000 . . .

— Но вѣдь если купить самое необходимое, то у меня будетъ нѣсколько милліоновъ долгу! . . .

Я пришелъ въ ужасъ. Но мнѣ объяснили, что здѣсь всѣ „милліонеры“ . . . въ этомъ смыслѣ . . .

* * *

— Но какъ же живутъ люди? Сколько получаютъ офицеры?

— Теперь получаютъ около шестидесяти тысячъ въ мѣсяцъ. Но на фронтѣ — это совсѣмъ другое. Тамъ дешевле Вообще же какъ то живутъ.

— И не грабятъ?

— Нѣтъ, не грабятъ, въ общемъ . . . Пошла другая мода . . . Вы думаете, какъ при Деникинѣ . . . Нѣтъ, нѣтъ, — теперь иначе . . . Какъ это сдѣлалось — Богъ его знаетъ, — но сдѣлалось . . . Теперь мужика тронуть — Боже сохрани. Сейчасъ слѣдствіе и судъ . . . Теперь съ мужикомъ цацкаются.

„Цацкаются“ . . . Такъ . . . Но все таки многаго не пойму. Напримѣръ:

— Отчего такая дороговизна?

— Территорія маленькая, а печатаемъ денегъ сколько влѣзетъ.

— А что же будетъ?

— Ну, этого никто не знаетъ.

— А вы знаете, что большевики остановились въ этомъ смыслѣ: не повышаютъ ставокъ.

— Будто?... Сколько у нихъ жалованія?

— Не свыше десяти тысячъ. А то пять, семь...

— А цѣны? Хлѣбъ?...

— Хлѣбъ — 150. А здѣсь?...

— Здѣсь на базарахъ около трехсотъ.

— А другіе предметы? Ну, виноградъ, напримѣръ?

— Виноградъ — 1000 рублей.

— Что за чепуха! Въ Одессѣ хорошая дыня стоитъ 50.

— А вотъ вы увидите, что здѣсь дѣйствительно какъ разъ все наоборотъ... Здѣсь верхамъ хуже, а низамъ лучше. Да, да... представьте себѣ, что въ этомъ „бѣлогвардейскомъ Крыму" тяжелѣе всего жить тѣмъ, кто причисляется къ соціальнымъ верхамъ... Низы же, рабочіе и крестьяне, живутъ здѣсь неизмѣримо лучше, чѣмъ въ „рабоче-крестьянской республикѣ". И причина та, — что въ Крыму цѣны на предметы первой необходимости, вотъ какъ на хлѣбъ, сравнительно низкія. А на то, безъ чего можно обойтись, какъ, напримѣръ, виноградъ, очень высокія.

Я убѣдился, что это правда. Для примѣра возьмемъ заработокъ рабочаго въ Одессѣ и Севастополѣ. Въ Одессѣ очень хорошій заработокъ для рабочаго — 15.000 въ мѣсяцъ. А здѣсь тысячъ 60, 80 и много больше... А цѣна хлѣба, главнаго предмета потребленія, здѣсь только въ два раза дороже. Слѣдовательно, если измѣрять заработокъ Одесскаго рабочаго на хлѣбъ, то выйдетъ, что на свой мѣсячный заработокъ онъ можетъ купить два съ половиной пуда хлѣба, а Севастопольскій пять пудовъ и выше.

— Какъ же этого достигли здѣсь у васъ въ Крыму?

— Съ одной стороны, объявлена свобода торговли, а съ другой стороны правительство выступаетъ какъ мощный конкуррентъ, выбрасывая ежедневно на рынокъ большія количества хлѣба по таксѣ, т. е. вдвое дешевле рыночнаго...

— Но все же... въ Севастополѣ очень трудно жить?

— Какъ кому... Иные спекулируютъ, другіе честно торгуютъ, третьи подрабатываютъ... Вотъ, видите этого офицера съ этой барышней?

— Ну?...

— Они сейчасъ оба возвращаются изъ порта...

— Что онъ тамъ дѣлали?

— Грузили... тяжести таскали... мѣшки, ящики, дрова, снаряды... очень хорошо платятъ...

— Ну, напримѣръ...

— Тысячъ до сорока выгоняютъ нѣкоторые за нѣсколько часовъ... т. е. за ночь...

— И офицерамъ разрѣшено?

— Разрѣшено.

* * *

Надо подняться по характерной для Севастополя крутой каменной лѣстницѣ, которая замѣняетъ улицу. Тамъ наверху — домъ-особнякъ. У дверей почетные часовые — казаки конвоя, — эмблема Ставки.

Въ небольшой пріемной много народа. Происходитъ нѣсколько встрѣчъ. Вотъ А. М. Драгомировъ, эксъ-премьеръ Деникинскаго періода и бывшій намѣстникъ Кіевскій.. Человѣкъ долга, органически неспособный къ интригѣ, онъ не побоялся взять отвѣтственность, когда его позвали, и ушелъ въ мирную тѣнь, когда оказалось, что его „не требуется"..

Послѣ установленныхъ трансцендентальныхъ удивленій и привѣтствій мы обмѣниваемся нѣсколькими фразами по существу.

— Чѣмъ болѣе я думаю обо всемъ, — говоритъ А. М. Драгомировъ, — тѣмъ болѣе я прихожу къ убѣжденію, что все это только... этапы. Деникинъ былъ этапъ. Боюсь быть плохимъ пророкомъ, но, мнѣ кажется, то, что сейчасъ, — тоже этапъ...

Къ намъ подходитъ „посеребренный" человѣкъ въ чесучѣ и съ шрамомъ на щекѣ... Онъ чуть постарѣлъ, но такой же... Это А. В. Кривошеинъ... Помощникъ Главнокомандующаго, теперешній премьеръ, гражданскій правитель Крыма.

Я жадно всматриваюсь въ его лицо. Когда то правая рука Столыпина, этотъ человѣкъ сдѣлалъ много въ грандіозномъ дѣлѣ Петра Аркадьевича, въ той земельной реформѣ, которая одна только могла спасти Россію отъ соціализма. — какъ онъ сейчасъ? Осталась ли былая энергія?...

У меня остается смутное чувство. И вѣрится, и нѣтъ. Кажется, надломалось что то и въ немъ... Выдержитъ ли?

Вотъ М. В. Бернадскій, мой соратникъ въ дѣлѣ октроированія такъ называемой Одесской автономіи.

Петръ Бернгардовичъ Струве.

Онъ только что вернулся изъ Парижа, гдѣ удалось „признать Врангеля".

— Мнѣ нужно съ вами поговорить... какъ слѣдуетъ.

Мнѣ тоже нужно, но я уже чувствую, какое напряженіе здѣсь у всѣхъ. Знакомое напряженіе... Такъ живутъ всѣ люди, которымъ надо властвовать.

Ахъ, друзья „управляемые",... если бы вы знали, что это за подлое ремесло, „ремесло правителей"... Самые несчастные люди въ свѣтѣ. Это такъ нестерпимо утомительно, — нужно быть вѣчнымъ сторожемъ своего времени и своихъ силъ, иначе васъ разорвутъ или задавятъ алчущіе и жаждущіе „поговорить".

Для власти нужно быть рожденнымъ.

„Рожденна, не сотворенна"...

И такъ какъ люди забыли, какъ „выводить породу властителей", то поэтому они и встрѣчаются такъ рѣдко.

Отворяется дверь, и на порогѣ появляется высокая фигура того, кого со злости большевики называютъ „крымскимъ Ханомъ".

* * *

Генералъ Врангель встрѣтилъ меня очень привѣтливо

— Пожалуйте, пожалуйте... ужасно радъ васъ видѣть... Мы вѣдь Васъ похоронили... Ну, позвольте васъ поздравить...

Я не видѣлъ генерала Врангеля около года. Тогда (это было въ Царицынѣ) онъ нервничалъ. Онъ только что пережилъ Exanthematicus, у него были сильно запавшіе глаза, но еще что то, кромѣ этого. Какое то безпокойство, недовольство „общаго порядка". Онъ сдерживался, привычный къ

дисциплинѣ, но что то въ немъ кипѣло. Мнѣ казалось тогда, что онъ недоволенъ стратегіей „влѣво", т. е. на Украину, и хочетъ правофланговой оріентаціи. — на Волгу, на соединеніе съ Колчакомъ, но, можетъ быть, дѣло было глубже.

Меня поразила перемѣна въ его лицѣ. Онъ помолодѣлъ и расцвѣлъ. Казалось-бы что тяжесть, свалившаяся на него теперь несравнима съ той, которую онъ несъ тамъ въ Царицынѣ. Но нѣтъ, именно сейчасъ въ немъ чувствовалась не нервничающая энергія, а спокойное напряженіе очень сильнаго, постояннаго тока

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, позвольте мнѣ васъ поздравить... я спасъ только свою собственную персону, а вы спасли... я не знаю, какъ это выразить... нѣчто...

Я растрогался и не нашелъ словъ.

Онъ пришелъ мнѣ на помощь.

— Я всегда думалъ — такъ... Если уже кончать, то по крайней мѣрѣ безъ позора... Когда я принялъ командованіе, дѣло было очень безнадежно... Но я хотѣлъ хоть остановить это позорище, это безобразіе, которое происходило... Уйти, но хоть по крайней мѣрѣ съ честью... И спасти, наконецъ, то, что можно... Словомъ, прекратить кабакъ... Вотъ первая задача... Давайте сядемъ...

Мы сѣли.

— Ну, эта первая задача болѣе или менѣе удалась... и тогда вдругъ оказалось, что мы можемъ еще сопротивляться... Оказалось то, на что, въ сущности говоря, очень трудно было расчитывать. Мы ихъ выгнали изъ Крыма и теперь развиваемъ операціи... Но я долженъ сейчасъ же сказать, что я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мнѣ необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что безъ помощи русскаго населенія нельзя ничего сдѣлать... Политику завоеванія Россіи — надо оставить... Вѣдь я же помню... Мы же чувствовали себя, какъ въ завоеванномъ государствѣ... Такъ нельзя... Нельзя воевать со всѣмъ свѣтомъ... Надо на кого то опереться... Не въ смыслѣ демагогіи какой нибудь, а для того, чтобы имѣть прежде всего запасъ человѣческой силы, изъ которой можно черпать: если

я разбросаюсь, у меня не хватитъ... того, что у меня сейчасъ есть, не можетъ хватить на удержаніе большой территоріи... Для того, чтобы ее удержать, — надо брать тутъ же на мѣстѣ людей и хлѣбъ..., но для того, чтобы возможно было это, требуется извѣстная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка — какъ она можетъ быть сдѣлана?

Не пропагандой же, въ самомъ дѣлѣ... Никто теперь словамъ не вѣритъ. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы въ Крыму, чтобы хоть на этомъ клочкѣ *сдѣлать жизнь возможной*... Ну словомъ, чтобы, такъ сказать, — показать остальной Россіи... вотъ у васъ тамъ коммунизмъ, т. е. голодъ и чрезвычайка, а здѣсь: идетъ земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядокъ и возможная свобода... Никто тебя не душитъ, никто тебя не мучаетъ, — живи, какъ жилось... Ну, словомъ, опытное поле... До извѣстной степени это удается... Конечно, людей не хватаетъ... я всѣхъ зову... я тамъ не смотрю, на полградуса лѣвѣе, на полградуса правѣе, — это мнѣ безразлично.., Можешь дѣлать — дѣлай. И такъ мнѣ надо выиграть время... чтобы, такъ сказать, слава пошла: что вотъ въ Крыму можно жить. Тогда можно будетъ двигаться впередъ, — медленно, не такъ, какъ мы шли при Деникинѣ, — медленно, — закрѣпляя за собой захваченное. Тогда отнятыя у большевиковъ губерніи будутъ источникомъ нашей силы, а не слабости, какъ было раньше... Втягивать ихъ надо въ борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы имъ было за что бороться... Меня вотъ что интересуетъ... какъ вы думаете... большевики уже достаточно надоѣли?

— Я не берусь съ точностью отвѣтить вамъ за деревню. По свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ, въ деревняхъ ихъ тоже ненавидятъ, но все таки это не личныя впечатлѣнія... я могу вамъ сказать объ Одессѣ... Тамъ большевиковъ русское населеніе ненавидитъ сплошь..., а евреи — наполовину...

— Такъ что Вы думаете, что моментъ наступилъ. Сейчасъ намъ, конечно, очень помогаютъ поляки... Наше наступленіе возможно потому, что часть силъ обращена на Польшу.

— А они не подведутъ по своему обыкновенію?

— Могутъ, конечно... Но нельзя же не пользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ.

— А если подведутъ, что тогда?

— Тогда, конечно, будетъ трудно... я надѣюсь удержать Крымъ...

— И зимовать?...

— Да зимовать, конечно. Надо обезпечиться хлѣбомъ... хлѣбъ будетъ. Я сдѣлалъ такъ: я далъ возможность людямъ наживаться. Я разрѣшаю имъ экспортъ зерна въ Константинополь, что страшно для нихъ выгодно. Но за это все остальное они должны отдавать мнѣ. И хлѣбъ есть. Я стою за свободную торговлю. Надоѣли мнѣ эти крики про дороговизну смертельно. Публика требуетъ, чтобы я ввелъ твердыя цѣны. Вздоръ! Это испробовано, отъ твердыхъ цѣнъ цѣны только ростутъ. Я иду другимъ путемъ: правительство выступаетъ, какъ крупный конкуррентъ, выбрасывая на рынокъ много дешеваго хлѣба. Этимъ я понижаю цѣны. И хлѣбъ у меня сравнительно съ другими предметами не дорогъ. А это главное. Но кричатъ они о дороговизнѣ нестерпимо. Если бы вы написали что нибудь объ этомъ...

— Хорошо, я напишу... Но позвольте васъ спросить...

Тутъ я спросилъ Главнокомандующаго объ одномъ предметъ, о которомъ я пока считаю излишнимъ распространяться. Скажу только, что тутъ наши мнѣнія нѣсколько разошлись.

Въ концѣ разговора мы перешли къ будущему. Нельзя же безъ этого...

— Какъ вы себѣ представляете будущую Россію?... Она будетъ централизована?

— Отнюдь нѣтъ... я себѣ представляю Россію въ видѣ цѣлаго ряда областей, которымъ будутъ предоставлены широкія права. Начало этому—волостное земство, которое я ввожу въ Крыму. Потомъ изъ волостныхъ земствъ надо строить Уѣздныя, а изъ Уѣзднаго земства — Областныя Собранія.

— Если ужъ мечтать, то мечтать... какъ вы относитесь къ тому, что когда то раньше называлось „завершеніемъ реформъ", т. е. какъ установится государственный строй Россіи?

кивало блѣдную немочь догорѣвшихъ родовъ, и благопріобрѣтенно-обреченныхъ существъ . . .

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
„Хочу одежды съ тебя сорвать“ . . .

Ахъ, Бальмонтъ, не надо . . .

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
„Насъ возвышающій обманъ“ . . .

Къ чему обнажать хилое, измотанное, больное . . .

* * *

Здѣсь въ Севастополѣ не то.

Ярко-пульсирующая жизнь, молодость и здоровье, — нащупывающія красоту.

Вѣдь такъ шли греки: они отыскали красоту черезъ здоровье.

Но откуда здоровье послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, трехъ архангеловъ Abdominalis, Exanthematicus, Reccurens . . . Послѣ безконечныхъ эвакуацій — всѣхъ этихъ нечеловѣческихъ лишеній . . . Откуда? . . .

Очень просто. Все слабое вымерло въ ужасахъ гражданской войны. Остались самые выносливые экземпляры, которые расцвѣли здѣсь „подъ дыханіемъ солнца и моря“ . . .

Солнце и море соперничаютъ и сейчасъ одно передъ другимъ . . . Красивая толпа переливается самовлюбленной эссенціей и хотѣлось бы, чтобы нѣкто „эстетный“, но умный, одновременно восторженный и насмѣшливый, сказалъ бы про нее стихотвореніе въ прозѣ . . .

* * *

Мои сыновья сумрачны оба. Мальчикамъ не нравится Севастополь.

Молодость не понимаетъ компромиссовъ жизни.

Тамъ въ Одессѣ за пять мѣсяцевъ они привыкли къ суровости . . . всегда полуголодные, всегда на предѣлѣ нищеты, всегда въ опасности, — они научились легко выносить все это.

Но почему они какими то недружелюбными глазами смотрятъ на эту несомнѣнную красивость?

Да, почему? . . .

Это у нихъ совершенно безсознательно. Они инстинктивно чувствуютъ, должно быть, что пока тамъ, за горлышкомъ Перекопа, лежитъ *море нищеты*, этому плѣнительному полуострову нельзя разнѣживаться. Нельзя, — рано. Рано потому, что суровые смоютъ изнѣженныхъ. Суровыхъ могутъ остановить только тѣ, кто, если нужно, откажутся отъ всего „этого“ . . .

А въ этой самовлюбенной толпѣ чувствуется, что они не смогутъ отказаться . . . Даже передъ угрозой смерти.

Меня немножко поразила Ирина. Ея синтезъ былъ категорическій:

— Это не удержится . . .

* * *

Еше рѣзче это настроеніе сказалось въ Лялѣ.

Я уже нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ объ этомъ.

Я обращалъ его вниманіе на то, что тылъ — всегда тылъ. Что нужно сравнивать Севастополь съ Екатеринодаромъ и Ростовомъ. И если сдѣлать это сравненіе, то всѣ преимущества будутъ на сторонѣ Севастополя. Жизнь, правда, течетъ здѣсь по старо-режимному руслу, но и слава Богу . . . Надо же, чтобы люди жили, а не мучились. Нельзя только чтобы было безобразіе, — безудержное пьянство и все прочее. А этого нѣтъ. Наоборотъ, все очень подтянуто, — такъ подтянуто, какъ давно не было.

Онъ слушалъ все это, соглашался, но все же выдержалъ Севастополь только три дня. Онъ ему не нравился, ему хотѣлось въ полкъ.

* * *

И онъ ушелъ . . . Ушелъ, простившись, прямо съ этого красиваго бульвара, гдѣ нарядная толпа переливала всѣми красками жизни . . .

* * *

. . . „Уведи меня въ станъ погибающихъ
„За великое дѣло любви . . .“

— Да все такъ же. Когда области устроятся, тогда отъ этихъ самыхъ волостныхъ или уѣздныхъ собраній дутъ посланы представители въ какое то Общероссійск Собраніе . . . Вотъ оно и рѣшитъ . . .

Тутъ я спросилъ о другомъ предметѣ, о которомъ пока тоже считаю излишнимъ распространяться. Тутъ наши мнѣнія сошлись.

* * *

Я чувствовалъ острое напряженіе въ пріемной. Время правителей это нѣчто, чѣмъ злоупотреблять просто безбожно . . . Надо было кончать этотъ разговоръ, несмотря на весь его интересъ для меня . . .

* * *

Я ушелъ отъ Главкома успокоенный и бодрый. Въ этомъ человѣкѣ чувствовался токъ высокаго напряженія. Его психическая энергія насыщала окружавшую среду и невидимыми проводниками доходила до тѣхъ мѣстъ, гдѣ начиналось непосредственное дѣйствіе. Эта непрерывно вибрирующая воля, вѣра въ свое дѣло и легкость, съ какой онъ несъ на себѣ тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а наоборотъ, окрыляла, — они то и сдѣлали это дѣло удержанія Тавриды, дѣло, граничащее съ чудеснымъ . . .

Я вспомнилъ, какъ въ началѣ этого года, еще въ Одессѣ, съ А. М. Драгомировымъ и В. А. Степановымъ мы зажгли „Діогеновъ фонарь“ и искали человѣка . . . Мы никого не нашли тогда, кромѣ генерала Врангеля, но дальнѣйшія событія показали, что нашъ выборъ былъ правильнымъ.

* * *

У раскрытаго окна, изъ котораго видна красивая Севастопольская бухта, мы бесѣдовали съ А. В. Кривошеинымъ.

— Когда меня призвали, я думалъ объ одномъ: хотя бы клочекъ сохранить, хотя бы чтобы кости мои закопали въ русской землѣ, а не гдѣ то тамъ . . . Клочекъ для того, чтобы спасти физическую жизнь, спасти всѣхъ тѣхъ, кого не дорѣзали . . . Не скажу, чтобы я очень вѣрилъ въ то, что это удастся . . . Я бы и совсѣмъ не вѣрилъ, если бы я не вѣрилъ въ чудеса . . . Но чудо случилось . . . мы не только удержа-

Насъ истощаетъ война. Армія, которую мы содержимъ, зершенно непосильна для этого клочка земли. И вотъ ричина, почему намъ надо періодически, хотя бы набѣгами, ырываться...

— Ахъ, лишь бы только не зарваться...

— Да, да, конечно... Я же вамъ сказалъ „memento Деникинъ“...

* * *

И такъ (съ моей по крайней мѣрѣ точки зрѣнія) и Главкомъ, и его помощникъ разсуждаютъ совершенно правильно. Но удастся ли имъ? Удастся ли удержаться, *чтобы не зарваться*, и дѣлая выпадъ, не подставить себя. Здѣсь требуется очень смѣлое, но очень осторожное фехтованіе...

* * *

Прошло три дня... Мы сидѣли на Приморскомъ Бульварѣ... Было такъ, какъ можетъ быть въ этихъ случаяхъ: старшій сынъ — Ляля уѣзжалъ въ полкъ.

* * *

Народу была тьма... Толпа нарядная, красивая, — вся въ бѣломъ, переливалась самолюбующейся жидкостью... И казалось, что кто то собралъ сюда, въ этотъ красивый клочекъ земли у моря, какую то дорогую эссенцію, — „пѣну сладкихъ винъ“, — самый „цимесъ“, какъ сказали бы у насъ, въ Одессѣ.

Что поразило многихъ въ Севастополѣ это здоровье, переходящее въ красоту, женщинъ.

Обычная русская культурная толпа — „интеллигенція“, какъ говорили во времена Чехова, „буржуи“, какъ стали говорить вмѣстѣ съ Максимомъ Горькимъ, — поражала своей болѣзненностью... Рѣдко, рѣдко можно было встрѣтить яркія краски безусловности... Обычно это все были лица въ „блеклыхъ тонахъ“... блеклыхъ тонахъ условнаго петроградскаго изящества, — alias вырожденчества... Сѣро-желтовато-зеленое, — вотъ колоритъ Чеховско Блоковской красоты. Литературность манеръ, поза на изысканность, неестественная веселость, отъ которой грустно, — все это только подчер-

Тендровскій Рецидивъ.

(Драма въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ).

Въ общемъ какъ то все складывалось такъ, что до извѣстной степени я могъ себя почитать свободнымъ отъ общественныхъ дѣлъ. Правда, и Главкомъ, и А. В. Кривошеинъ желали, чтобы я писалъ въ „Великой Россіи". Но это какъ то не клеилось. Я написалъ двѣ статьи „о дороговизнѣ", и замолкъ. Въ сущности говоря, въ данную минуту мнѣ не то, что нечего было сказать, но я чувствовалъ болѣе, чѣмъ когда либо, что молчаніе — золото.

Много времени спустя, какъ то отвѣчая на одно открытое письмо, П. Н. Милюковъ написалъ:

„Съ ужасомъ прочелъ я о томъ, что вы появились въ Крыму . . ."

Если бы П. Н. Милюковъ видѣлъ, что я дѣлалъ въ Севастополѣ, онъ не ужасался бы.

* * *

За то у меня были свои личныя дѣла, о которыхъ надо было подуматъ.

Я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ помочь несчастному Эфему, захваченному чрезвычайкой. И придумалъ такой способъ.

Я выпросилъ у Главнокомандующаго отсрочку одного приговора. Это былъ видный большевикъ, пойманный въ шпіонажѣ и имѣвшій по документамъ, захваченнымъ при немъ, серіозныя связи. Я также получилъ разрѣшеніе Главнокомандующаго послать отъ своего имени радіо предсѣдателю „Украинскаго Совнаркома" Раковскому.

11 августа изъ главной радіотелеграфной станціи пошла телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Черезъ предсѣдателя Одесской черезвычайной комиссіи предсѣдателю совнаркома Украины Раковскому.

Въ Севастополѣ военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни такой то. Предлагаю обмѣнъ на арестованнаго Одесской черезвычайной комиссіей такого то. Въ случаѣ согласія объ условіяхъ телеграфировать туда то. Подпись".

Большевистская радіостанція въ Николаевѣ приняла эту телеграмму и дала „расписку", по терминологіи радіотеле-

графистовъ. Харьковъ тоже повидимому принялъ, но расписку не далъ.

* * *

Кажется, это былъ первый случай за всю войну Бѣлыхъ съ Красными. Жизнь за жизнь... Я ждалъ отвѣта первые дни лихорадочно. Отвѣта не было. Потомъ напряженіе стало спадать и наконецъ надежда погасла. Тогда я рѣшилъ дѣйствовать другимъ путемъ...

* * *

И это тѣмъ болѣе, что...

* * *

Я жилъ тогда на „Ріонѣ“... Пріятно жить на суднѣ. Въ особенности въ то время, когда тамъ почти никого не было. Весь огромный корабль былъ почти пустынный... на всѣхъ палубахъ, спардекахъ и мостикахъ можно было дышать воздухомъ и солнцемъ...

А вечеромъ какъ пріятно было возвращаться „домой“ изъ города... По темнымъ крутымъ каменнымъ лѣстницамъ, затѣмъ по набережной, безпрестанно спотыкаясь черезъ причальные канаты, потомъ по безконечному понтонному мосту, переброшенному черезъ бухту... Въ концѣ его, на томъ берегу, до самой поздней ночи всегда горятъ огоньки-свѣчечки, въ родѣ какъ подъ вербы или подъ Пасху. Это тамъ такой своеобразный базарчикъ, — онъ торгуетъ чуть ли не всю ночь...

Тутъ за триста рублей можно съѣсть вкусную котлету или выпить стаканъ молока. И винограду по 1000 рублей фунтъ — сколько угодно.

Потомъ идешь какими то мрачными закоулками, среди замолкшихъ черныхъ мастерскихъ и складовъ... Иногда тутъ останавливаетъ охрана, но вѣжливо... Наконецъ подходишь къ тому мѣсту, гдѣ темной громадой виднѣется „Ріонъ“.

Кричишь:

— На Ріонѣ!...

Черезъ нѣкоторое время отвѣтъ.

— Есть на Ріонѣ.

— Подайте плотъ.

— Есть подать плотъ.

Что то плескаетъ по водѣ, очевидно канатъ, подходитъ миніатюрный паромъ, и черезъ нѣсколько минутъ подымаешься по трапу Ріона. Проходишь всѣ эти знакомые переходы и, наконецъ, въ полной темнотѣ находишь внизу свою каюту.

Правда простынь нѣтъ, подушекъ нѣтъ, одѣяла тоже нѣть, спишь на какомъ то брезентѣ, но это неважно. Научились обходиться и безъ этого, лишь бы чисто.

Крысы?...

Къ нимъ быстро привыкаешь. Однажды они сволокли у меня цѣлый хлѣбъ въ свою преисподнюю... И митинговали при этомъ нещадно.

* * *

Я проснулся отъ того, что тамъ происходило что-то въ корридорѣ. Было абсолютно темно и зажечь нечего. Кто то ходитъ, — что то спрашиваетъ по каютамъ. Женскій голосъ... Вдругъ разслышалъ свою фамилію. Кто то шаритъ по стѣнкѣ на ощупь — постучался ко мнѣ.

— Вы здѣсь, Василій Витальевичъ?

Я вдругъ узналъ ее.

— Лена!...

Это была жена Эфема.

— Ну, наконецъ, я васъ нашла... Я прямо съ парохода... Изъ Варны. Тамъ узнала, что вы спаслись... А онъ гдѣ?...

* * *

И я долженъ былъ ей сказать...

* * *

Всю ночь она билась у меня въ рукахъ... Ахъ, проклятый міръ — ты слишкомъ жестокъ...

* * *

На слѣдующій день я сѣлъ на пароходъ, который долженъ былъ итти на Тендру.

Но сѣсть не значитъ выѣхать. Такъ было когда то раньше. А съ революціей, куда ни ткнешься, всегда выйдетъ какое нибудь глупое затрудненіе.

Такъ и съ „Казбекомъ“. Стояли мы, стояли, безконечно, потомъ ходили изъ угла въ уголъ по бухтѣ, отъ пристани, къ пристани, — все никакъ не могли нагрузить топливо. Наконецъ, пришли въ какому то молу, гдѣ стояли вагоны съ дровами.

Казалось бы, ну слава Богу. Такъ нѣтъ. Команда объявила, что не будетъ грузить, если ей сейчасъ же не заплатятъ денегъ за погрузку. А денегъ какъ разъ не было, наличныхъ.

Но жизнь учитъ.

Въ каютъ компанію, гдѣ всѣ ѣдущіе на Тендру тоскливо ожидали, когда кончится вся эта исторія, вошелъ какой то полковникъ и сказалъ:

— Господа офицеры. Судно не пойдетъ, если не погрузить дровъ. Команда не желаетъ. Если вамъ угодно будетъ самимъ погрузить дрова — мы отойдемъ черезъ три часа. Надо погрузить 800 пудовъ. Деньги будутъ уплочены по расчету, но не сейчасъ, а черезъ нѣкоторое время. Кому угодно?

Переглянулись, и семь офицеровъ, въ томъ числѣ я съ Вовкой, заявили, что намъ угодно.

Сбросили френчи и взялись за дѣло.

Первый часъ былъ труденъ. Положатъ тебѣ полныя руки этихъ неудобнѣйшихъ въ мірѣ дровъ, — бѣги съ ними по разнымъ доскамъ до парохода. Кто покраснѣлъ, кто поблѣднѣлъ отъ натуги . . .

Второй часъ — дѣло пошло значительно лучше. Хотя руки и шею уже пообдирало корой, но мускулы приспособились.

Третій часъ прошелъ совсѣмъ гладко. Образовался уже навыкъ, и когда все было кончено, показалось, что особенной усталости нѣтъ.

Какъ и обѣщалъ полковникъ, черезъ три часа мы вышли въ море. Мало того, было выполнено и другое обѣщаніе — были выплочены деньги. Недѣли черезъ три я ихъ получилъ. Пришлось около шести тысячъ на брата . . .

* * *

2-го сентября я снова увидѣлъ загадочный маякъ съ двумя черными кольцами. Мы обогнули косу. „Казбекъ“ по-

дошелъ близко къ эскадрѣ. „Генералъ Алексѣевъ“ въ это время ушелъ, и центральнымъ судномъ въ Тендровскомъ заливѣ былъ крейсеръ „Генералъ Корниловъ“, бывшій „Кагулъ“.

I.

„Натриот“, т. е. „Начальникъ Третьяго Отряда“, капитанъ перваго ранга С., принялъ меня на ютѣ. Въ это время откуда то взявшійся орелъ, сдѣлавъ нѣсколько взлетовъ, опустился въ двухъ шагахъ отъ насъ на дуло орудія. Я склоненъ былъ это принять за доброе предзнаменованіе, но увидѣлъ, что у орла молодой желтый клювъ, и тутъ же мнѣ объяснили, что это воспитанникъ „Корнилова“.

* * *

Такъ началась „Корниловская эпоха“, иначе называемая эпоха „военно-морскихъ ужасовъ“.

Первый „ужасъ“ разразился въ тотъ же вечеръ. Было очень тихо и очень красиво. Маякъ задумался о чемъ то, какъ будто бы о „прошломъ, но скорѣе о будущемъ. Вокругъ царственнаго „Корнилова“ мирно покачивались подвластныя суда... „Альма“ съ ея характернымъ возмущающимъ душу моряковъ видомъ „буржуа-жантильомъ“, — коммерческое судно, обращенное въ крейсеръ, — „шмага“ по морскому . . . Около „Альмы“ маленькій „Кіевъ“, довольно невзрачный, тихоходъ, но громкоходъ. По другой сторонѣ большая баржа „Тилли“, безутѣшная вдова, какъ ее почему то прозывали. Тамъ впереди не то „Язонъ“, не то „Скифъ“, кто ихъ разберетъ, они такъ похожи другъ на друга, эти два тральщика . . . Далеко въ морѣ погибшая сѣвшая на дно „Чесьма“. Около самаго Корнилова на должности пажа — С. К. 4 — быстроходный катеръ, изящный, приглашающій къ прогулкѣ.

У траповъ двѣ-три шаланды, наполненные арбузами...

Эти арбузы неотдѣлимы отъ Тендры. Такихъ арбузовъ, кажется, нигдѣ и въ свѣтѣ нѣтъ. А дешевизна сумасшедшая. Сто рублей штука. Въ Севастополѣ „за порцію“ надо платить триста. Но деньги берутъ неохотно. Вотъ если дать какую нибудь вещь, какой нибудь пустякъ, старую рубашку, вотъ тогда начинается бомардировка арбузами черезъ бортъ.

Ихъ бросаютъ съ шаланды, и команда крейсера ловко ловитъ ихъ въ руки.

Мы мирно любовались всей этой картиной съ юта, какъ вдругъ произошло какое то общее смятеніе. „Альма" сорвалась съ мѣста и куда то поползла съ видомъ испуганной насѣдки. „Кіевъ" тоже неистово застучалъ своимъ нестерпимымъ „балиндеромъ", баржа „Тилли" осталась неподвижной, но пригорюнилась.

Вдругъ рявкнуло орудіе, и высоко въ небѣ разорвалась шрапнель, сверкнувъ звѣздочкой. Это открыла военныя дѣйствія „Альма". „Кіевъ" немедленно присоединился, и вдвоемъ они стали покрывать участокъ неба сверкающими огоньками, послѣ которыхъ оставались дымки.

— Вонъ, во́нъ, видите . . .

Между дымками я дѣйствительно увидѣлъ черную точку. Это и была приближавшаяся большевистская „гидра". Только что я подумалъ о томъ, что это „въ честь нашего прибытія", какъ меня совершенно оглушило орудіе, рявкнувшее на самомъ „Корнило́вѣ".

Послѣ этого пошло. Стрѣляли ужъ, стрѣляли . . .

Но черная точка двигалась своимъ путемъ, повидимому, даже не замѣчая этихъ дымковъ; ихъ вѣдь, говорятъ, и не видно и не слышно летчику.

Цѣль ея посѣщенія въ сущности была ясна. Большевики отъ себя видѣли, по дыму, которой развелъ „Казбекъ" утромъ, что пришло какое то судно. И вотъ гидра летѣла провѣрить. Но недолетѣвъ немного до „Корнилова", очевидно, для соблюденія этикета, что то бросила, что произвело фонтанный всплескъ въ морѣ. Бомбу — конечно.

Въ общемъ все кончилось благополучно, какъ водится. Но, такъ сказать, вечерній военно-морской ужасъ удался на славу.

Но возмутительно себя велъ маякъ. Хотя какая то наивная душа стремилась тамъ достать гидру изъ пулемета, но маякъ лично не принималъ въ этомъ ровно никакого участія. Выраженіе у него было ироническое.

* * *

Въ числѣ наивныхъ душъ, обстрѣливавшихъ гидру изъ пулемета, оказалась женщина и даже молодая дѣвушка. Она прибыла сюда на Тендру въ качествѣ „развѣдчицы". Когда налетѣла гидра, оказалось что она къ тому же — „пулеметчица". И вотъ хотѣла достать гидру въ небѣ.

Но вмѣсто этого...

* * *

Это было черезъ нѣсколько дней. Я зашелъ въ кають-компанію къ Натриоту, — мнѣ нужно было по дѣлу.

Онъ жестомъ попросилъ меня подождать, пока кончитъ разговоръ.

Я опустился въ уютное кожаное кресло И задумался. Я полюбилъ эту каютъ компанію... симпатичная... Сквозь раскрытыя двери, которыя вели на адмиральскій мостикъ на самой кормѣ крейсера, виднѣлось море — очень ласковое сегодня .. Оно играло съ солнцемъ.

Я невольно прислушался къ разговору.

Этотъ молодой офицеръ, что докладывалъ Натриоту, очевидно, „заворачивалъ" тамъ на Маякѣ. Разговоръ шелъ о двухъ задержанныхъ развѣдчикахъ, присланныхъ изъ Севастополя, которыхъ на Маякѣ почему то признали шпіонами и жидами. Офицеръ говорилъ:

— Разрѣшите доложить... Онъ уже сознался, что онъ жидъ... Я думаю, что его надо бы пороть до тѣхъ поръ, пока онъ ее не выдастъ. Она тоже шпіонка, — это ясно...

Натриотъ успокоилъ его.

— Бросьте... я запросилъ Севастополь... Пока я приказалъ ее перевести на „Скифъ".

Я вышелъ на мостикъ. Вдоль крейсера медленно шла, направляясь къ пришвартованному къ „Корнилову" „Скифу" шаланда. На кормѣ сидѣла женщина. Мнѣ мелькнуло молодое загорѣлое лицо изъ подъ краснаго платка.

Это должно быть и есть шпіонка...

* * *

Мнѣ захотѣлось ее повидать. Кто то сказалъ мнѣ, что она уже была въ какой то развѣдкѣ и потому можетъ мнѣ

дать полезныя указанія. Кромѣ того мнѣ просто было любопытно. Неужели я не могу отличить „шпіонку" отъ настоящей.

* * *

Она сидѣла за столомъ въ маленькой каютъ-компаніи „Скифа" и съ аппетитомъ кушала жаренаго поросенка... Видно голодная...

Я извинился и подошелъ къ столу. Она встала, и такъ мы остались стоять... Это было молодое существо... сильно загорѣлое, съ выразительными губами,.. еще жирными отъ поросенка...

Я сталъ ее спрашивать и по отвѣтамъ почувствовалъ, что она затравленная, но все-же еще довѣрчивая. Вдругъ она спросила меня:

— Вы не... редакторъ „Кіевлянина"?...

И когда я сказалъ „да", вдругъ въ ея улыбкѣ, внезапно снявшей всю затравленность и оставившей одну довѣрчивость, я поймалъ что то знакомое и безошибочное.

— Такъ вы должны были знать мою сестру?

Вотъ!... Конечно, я видѣлъ уже это когда то.

— Въ семнадцатомъ году... она была у васъ... тогда вамъ поднесли...

Она смутилась... Должно быть поднесли цвѣты... Тогда эта бѣдная молодежь жалась къ „Кіевлянину". Но я вспомнилъ не это... Вдругъ вспомнилъ, что еще такъ недавно въ Одессѣ она оказала всѣмъ намъ незабываемую услугу... Та, которая должна была быть ея сестрой. Но я не сказалъ ей этого изъ преувеличенной осторожности.

Но я вернулся на „Корниловъ" и сказалъ Натриоту, что шпіонка на „Скифѣ" — дочь генерала Н., семью котораго я знаю.

Натриотъ отвѣтилъ, что полученъ отвѣтъ изъ Севастополя, устанавливающій и подтверждающій подлинность развѣдчицы.

— Разстрѣлять, разстрѣлять!... сумасшедшіе люди!...

* * *

Мораль сей исторіи для молодыхъ „разстрѣльщиковъ". Когда у васъ будутъ чесаться руки непремѣнно кого нибудь

„вывести въ расходъ“, подумайте о томъ, что можетъ быть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но съ такимъ же легкомысліемъ, какой нибудь изъ вашихъ товарищей, расправляется съ вашей сестрой или невѣстой . . .

* * *

Въ уютной адмиральской каютъ — компаніи за столомъ, „забросаннымъ картами“, обсуждалось предпріятіе. Тутъ я впервые узналъ о тайнахъ мореплаванія. Во первыхъ, для успѣха всякаго морского дѣла нужно говорить компа́съ, а не ко̀мпасъ. Полезно также говорить рапо́ртъ, а не ра̀портъ. Затѣмъ, нельзя называть веревку веревкой, а нужно говорить „тросъ“, „шкотъ“, „линь“ и вообще такъ, чтобы было непонятно. Впрочемъ, все это описано Станюковичемъ гораздо раньше и гораздо лучше, а поэтому я могу не стараться.

Въ результатѣ обсужденія оказалось, что на цѣлой эскадрѣ нельзя найти шлюпки за полной бѣдностью, и что въ дѣло придется пустить стараго друга „Speranz'у“, которая какимъ то образомъ оказалась на какомъ то суднѣ, сохранившемъ ее для насъ честно. Ее надо только отремонтировать. За это дѣло взялись рьяно.

* * *

Когда стемнѣло, „Альма“ вышла въ море, имѣя на буксирѣ „С. К. 4“, который въ свою очередь буксировалъ „Speranz'у“. Въ эту ночь требовалось сдѣлать развѣдку въ эту сторону, а слѣдовательно была оказія для насъ.

На борту „Альмы“ было пріятно. Она шла безъ огней, прокрадываясь въ темнотѣ. Можетъ быть именно потому, что машина у нея на кормѣ, у нея очень тихій и плавный ходъ, какой то скользящій.

Звѣзды сіяли и командиръ „Альмы“ объяснялъ намъ, гдѣ полярная звѣзда и давалъ нѣкоторыя другія указанія. Впрочемъ, у меня былъ компа́съ.

Мы уютно поужинали въ командирской рубкѣ, которую наглухо закрывали, чтобы не было видно свѣта. Конечно не обошлось безъ арбузовъ. Что это за арбузы! . . .

Потомъ я пошелъ спать. Судно чуть чуть покачивало и все было какъ то необычайно тихо и мирно. Я спалъ три часа, когда меня разбудили:

— Пора . . .

* * *

Я вышелъ изъ рубки. „Альма" остановилась. Было все такъ же тихо — торжественно и таинственно, какъ бываетъ въ морѣ...

„Въ небесахъ торжественно и чудно"...

„С. К. 4" завелъ машину и большой темной рыбой подошелъ съ праваго борта.

— Ну, дай вамъ Богъ...

Мы перешли на „С. К. 4", а съ него на „Сперанцу", прибуксированную къ нему.

Тутъ случилась первая непріятность: я безошибочно опредѣлилъ, что „Сперанца" нестерпимо течетъ. Пришлось тутъ же ее откачивать. Немедленно послѣ это произошла вторая непріятность: я сталъ надѣвать изготовленный стараніями „Корнилова" руль, щедро кованный желѣзомъ, но онъ оказался такимъ тяжелымъ, что при надѣваніи въ темнотѣ на проклятый шпинекъ, который не хотѣлъ влазить на полагавшуюся ему петлю, — я упустилъ этотъ богато кованный руль въ море и онъ потопъ съ ужасающей быстротой.

Я собирался очень надъ этимъ разволноваться, но времени не было. „С. К. 4" торопилъ, и мы тронулись.

Это было путешествіе... Какъ только „С. К." прибавилъ ходу, впереди „Сперанцы" появилась гора фосфоресцирующей воды и пѣны. Два бурливыхъ огненныхъ потока побѣжали по бортамъ... Страшно красиво, но шаланда стала въ косомъ положеніи — носомъ къ небу, кормой погружаясь въ сверкающую завируху. Я крикнулъ Вовкѣ, чтобы онъ перебрался на самый носъ... это чуть выпрямило шаланду. Но она стала бѣшено рыскать вправо и влѣво, и я съ трудомъ удерживалъ ее весломъ, замѣнившимъ руль...

По счастію, это красивое испытаніе длилось минутъ двадцать... „С. К. 4" сталъ... Послѣднія привѣтствія... Затѣмъ намъ бросили нашъ шкотъ, и „С. К." отошелъ, производя винтомъ свѣтовые эффекты. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ исчезъ, — мы остались одни въ морѣ.

* * *

[illegible] не бурно и шлюпка въ порядкѣ, то хотя бы о[illegible]кая крохотная, какъ эта „Сперанца", — ночью въ [illegible]о-уютно...

Но когда шлюпка отчаянно течетъ и вообще дѣло не ладится, тогда опредѣленно можно сказать, что никакой — уютности, а одна жуть.

А „Сперанца“ текла неуклонно. Одинъ изъ насъ, а было насъ двое, все время долженъ былъ выкачивать воду. И это при совершенно спокойномъ морѣ. Что же будетъ, если разведетъ зыбь.

Другой, неоткачивающій, — это былъ Вовка — долженъ былъ грести. Долженъ былъ, а на самомъ дѣлѣ онъ не гребъ, а только „привязывалъ“ . . . Есть на этихъ шлюпкахъ пренепріятныя вещи, которыя зовутъ „шкармами“. Шкармы — это деревянные колышки, засунутые въ борта . . . Они замѣняютъ уключины, то есть къ нимъ привязываютъ весла . . . но они же могутъ служить орудіями пытокъ.

Такъ было и въ нашемъ случаѣ Эти проклятыя шкармы почему то все время вываливались изъ гнѣздъ. Хорошо еще, что пока онѣ падали въ лодку. Но они грозили упасть и въ море. Какъ ихъ поймаешь тогда въ темнотѣ? Правда, я скоро опредѣлилъ, почему онѣ вываливаются, — это происходило потому, что бортъ гнилой, но отъ этого открытія намъ не стало „уютнѣе“ . . .

Въ довершеніе удовольствія очень скоро перетерлись веревки, которыми привязывались весла къ этимъ ужасающимъ шкармамъ . . .

Тогда наступила скверная минута. Однако всегда есть выходъ. Я нащупалъ ремни на винтовкахъ. Цѣлая была исторія снять эти ремни, затѣмъ не менѣе трудно было привязать весла этими ремнями къ шкармамъ. Я это сдѣлалъ. Вовка тѣмъ временемъ выкачивалъ воду и ругался. Дѣйствительно, есть положенія, когда надо ругаться . . . И прежде всего надо ругать самого себя за то, что вышли въ море, не осмотрѣвъ хорошенько шаланды. Поступили чисто по русски . . .

Когда все было готово, оказалось, что грести почти невозможно. Ибо ремни по какому то удивительному упрямству удерживали весло именно такъ, чтобы его ни повернуть ни вывернуть. Если бы мы не такъ сильно ругались, то пожалуй заплакали бы съ досады.

Къ тому же подулъ вѣтеръ съ берега. Да и берегъ этотъ былъ Богъ его знаетъ гдѣ, его еще совсѣмъ не было видно. Если такъ грести, какъ мы гребемъ, надо было бы итти нѣсколько часовъ. Между тѣмъ . . .

Между тѣмъ на востокѣ небо подозрительно поблѣднѣло. А звѣзды, огромныя, крупныя, прогнавъ куда то всю мелочь и бѣлесоватые разводы Млечнаго пути, разгорѣлись такъ ярко, какъ онѣ имѣютъ обыкновеніе это дѣлать передъ разсвѣтомъ.

* * *

Это и былъ разсвѣтъ . . . Черезъ четверть часа это стало яснымъ. Итакъ положеніе было такое. До берега нѣсколько миль. Шаланда течетъ бѣшено, весла почти не работаютъ. Вѣтерокъ хотя слабый, но противный. При этихъ условіяхъ высадиться на большевистскій берегъ можно было только черезъ нѣсколько часовъ, то есть при полномъ свѣтѣ дня.

Это было явно невозможно. Поэтому пустивъ въ море всѣ ругательства, какія можно было изобрѣсти, мы рѣшились на позорное отступленіе

Отступать, но куда? . . . Конечно на Тендру. Правда, прійдется итти совершенно неопредѣленное количество времени съ этими веслами и съ этой течью, но у насъ есть нѣкоторые шансы, что мы найдемъ „Альму“. „Альма“ обѣщала ждать меня нѣкоторое время въ морѣ въ опредѣленномъ пунктѣ.

Мы взяли по компасу это направленіе. Шли, шли, шли, какъ намъ казалось безконечно долго. Тупо гребли и обреченно выкачивали . . .

Солнце сіяло, когда мы наконецъ ее увидѣли.

Да, это было „Альма“, — безобразная „шмага“, скользящая насѣдкой. Но какъ пріятно было ее увидѣть. Словно дымъ родной.

„Дымъ отечества“ впрочемъ и вился надъ нею.

Еще пріятнѣе было, когда отъ Альмы отдѣлилась какая то точка и явно стала приближаться къ намъ съ большой быстротой, на глазахъ увеличиваясь въ размѣрахъ . . . Ясно было, „С. К. 4“ спѣшилъ къ намъ на помощь. Кто то тамъ,

очевидно, внимательно смотрѣлъ въ бинокль, если разглядѣли насъ съ такого разстоянія . . .

* * *

Репатріированные на бортъ „Альмы“ мы рѣшили такъ: будемъ высыпаться, а „Сперанцу“ въ это время починятъ. Въ четыре часа вечера мы будемъ пытать счастье снова, благо „Альма“ должна еще побыть въ этихъ водахъ.

Но когда *отремонтированную* „Сперанцу“ на таляхъ спустили на воду, вода забила по всѣмъ швамъ.

— Ничего не будетъ . . . Это ее „С. К. 4“, когда вчера тащилъ на буксирѣ, растянулъ. Вѣдь она гнилая . . .

Подошелъ командиръ „Альмы“. Осмотрѣвъ, онъ сказалъ.

— Если вы непремѣнно хотите покончить съ собой, то у меня есть въ каютѣ револьверъ. Пріятнѣе и сухо.

Хохолъ матросъ подошелъ къ борту и уставился на шлюпку . . . Потомъ сказалъ негромко, не обращаясь ни къ кому:

— Це сама смерть, — цяя шаланда . . . И отошелъ отъ борта.

* * *

Я понялъ, что дѣйствительно ничего не будетъ. Я сказалъ командиру „Альмы“, что отступаю. Въ это время показался аэропланъ. „Альма“ приготовилась къ бою, но оказалось, что это наша „гидра“. Единственная, которая была на Тендрѣ. Она вылетала въ особо-важныхъ случаяхъ.

Зажужжавъ на всѣ шмелиные напѣвы, гидра зашуршала по водѣ недалеко отъ „Альмы“ и затѣмъ безпомощно, какими то самодѣльчыми движеніями подползла къ борту.

Изъ авіаторскихъ пеленокъ вылѣзла голова, которая оказалась знакомымъ профилемъ лейтенанта К.

Оказалось, что „Натриот“ безпокоится, что сдѣлалось съ „Альмой“ и съ прочими.

Мы немедленно собрались въ обратный путь. „Гидра“ приготовилась летѣть, но ничего не вышло. Вычертивъ со свирѣпымъ рычаніемъ нѣсколько пѣнныхъ полосокъ на поверхности моря, моторъ окончательно далъ понять, что ничего не будетъ. Тогда рѣшили итти кильватерной колонной: то

есть собственно шла „Альма“ и буксировала „С. К. 4“, онъ буксировалъ гидру, а гидра — „Сперанцу“.

Когда мы подходили къ маяку, не скрывавшему на этотъ разъ насмѣшки, налетѣли непріятельскія „гидры“. Начался бой во всѣхъ направленіяхъ. Несчастная Альма трепетала по всѣмъ швамъ, потому что то „носовое“, то „кормовое“ потрясали ея дряхлѣющій корпусъ.

Все это было очень занятно, продолжалось довольно долго и, какъ водится, никакихъ послѣдствій не имѣло: обѣ стороны разошлись во свояси безъ потерь.

II.

Послѣ неудачной попытки индивидуальнаго дѣйствія, т. е. вдвоемъ съ Вовкой и на полугнилой „Speranz'ѣ“, я рѣшилъ вступить на „коммунистическій“ путь, то есть дѣйствовать сообща съ другими.

* * *

Вечеромъ 17-го сентября въ гостепріимной адмиральской каютъ-компаніи былъ сервированъ уютный столъ. Собирались кого то фетировать, не то Любовь Надежды, не то Надежду Любви . . .

Увы, мы съ Вовкой должны были покинуть „свѣтъ и тепло“ и пуститься въ Черное море.

„Таковъ ужъ долгъ солдата:
Вставать отъ сладкихъ сновъ
Для распрей и для битвъ“ . . .

(Отелло. Шекспиръ).

* * *

Было двѣ шаланды. Та, другая, шла впереди, и мы видѣли ее то бѣлымъ, то чернымъ привидѣніемъ, въ зависимости отъ перемѣны галса. Луна дѣлала эти превращенія. Всѣхъ насъ было на обѣихъ шаландахъ десять человѣкъ. Была зыбь, но не слишкомъ. Мы шли безконечно долго. — Наконецъ, берегъ какъ будто бы сталъ угадываться. Но еще очень далеко.

Нѣсколько разъ поднимались разговоры о томъ, „сбивать парусъ“, или нѣтъ. Пока одерживало мнѣніе: „Чего сбивать!

Что жъ ты думаешь, его тебѣ видно, такъ и онъ тебя видитъ".

„Онъ" — это былъ большевистскій прожекторъ. Своимъ циклопскимъ взглядомъ онъ водилъ по морю. Въ тѣ минуты, когда этотъ несносный лучъ набѣгалъ на насъ, становилось совсѣмъ свѣтло . . . Парусъ выросталъ надъ шаландой огромной бѣлой птицей . . . И видны были наши лица, казавшіяся смертельно блѣдными, съ рѣзко прорубленными морщинами.

Это продолжалось одно мгновеніе, лучъ проносился дальше, очевидно не замѣтивъ насъ.

— Если бы онъ замѣтилъ, то остановился бы, — держалъ бы насъ подъ лучемъ, — сказалъ кто то. Значитъ, не видитъ . . .

И шли дальше Но наконецъ наступила психологическая точка. Всѣ какъ то заволновались разомъ, отчаянно переругнулись въ мать, Христа и въ вѣру, и мнѣніе „сбивать парусъ" одержало верхъ.

„Сбили", то есть спустили, говоря по русски. Рыбаки — тѣ же моряки, и даже моряки par excellence. А посему и они выражаются нечеловѣческимъ языкомъ.

Пошли на веслахъ.

Насъ въ шаландѣ было шесть. Двое отлынивали насчетъ гребки, въ особенности одинъ, самый здоровенный изъ всѣхъ насъ. Ругались по сему поводу. Но все таки шли.

Вдругъ кто то замѣтилъ два огонька. Красноватые, еле замѣтные, они гдѣ то очень далеко мигали надъ самой водой.

— Это катера! . . .

Всѣ переполошились. Стали спорить и ругаться. Кто то возражалъ, что это не катера.

— Какъ же не катера! . . . (въ мать, Христа и вѣру) вотъ же бѣгутъ они . . . вотъ же бѣгутъ по водѣ! . . . Назадъ! . . .

— Постой, куда же они бѣгутъ? . . .

— Навстрѣчу другъ другу. У нихъ два катера и есть . . . Сторожевые катера! . . .

— А почему же, если они бѣгутъ навстрѣчу, между ними разстояніе не уменьшается? . . . Огни, это — костры на берегу . . . Какого черта катера съ огнями будутъ ходить?!

— А это что?!!

Рыбакъ Тодька обладаетъ какимъ то удивительнымъ голосомъ. Онъ сидитъ на кормѣ у руля и иногда разговариваетъ по человѣчески. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ рявкаетъ со всѣми скрежетаніями, какія можно только выдумать въ человѣческой глоткѣ.

— А это что?!!.

Это?... Это, дѣйствительно, было нѣчто... Тамъ, за кормой, на востокѣ, небо чуть какъ будто подалось...

— Неужели заря?

— А что же такое?!!

Всѣ звуки ада были въ его голосѣ. Да, это была заря. И тутъ уже нечего было разговаривать. Катера — не катера, конечно, а костры, но заря... Заря это заря. На эту ночь предпріятіе можно было считать неудавшимся. До берега грести еще Богъ знаетъ сколько, — нѣсколько часовъ, а это значитъ высаживаться при полномъ свѣтѣ, т. е. прямо въ объятія сторожевой охраны большевиковъ.

* * *

Что дѣлать?

Погода былъ приличная, а потому представлялся слѣдующій выходъ. Вновь ставить парусъ, отойти дальше въ море и тамъ перестоять на якорѣ весь день вплоть до слѣдующей ночи. Такъ и сдѣлали.

* * *

Двѣ шаланды стояли рядомъ. Море болтало безъ вѣтра Было нестерпимо жарко. Время тянулось томительно, прерываясь короткими минутами сна.

Иногда ѣли консервы. Пробивъ противныя дырки въ жестянкахъ, выцарапывали оттуда содержимое и ѣли съ хлѣбомъ, который уже сталъ подмакивать. Поѣвъ консервовъ, зарывались всѣми челюстями въ корки арбузовъ. Конечно, ругались. Но лѣниво, только потому, что нельзя же безъ этого.

Всѣ они были между собой на „ты", звали другъ друга Ванька, Колька, Сашка, Павка, Тодька... Тутъ были рыбаки и офицеры, но разобрать ихъ было трудно. Къ тому же нѣкоторые изъ нихъ были родственники другъ съ другомъ.

Большой, который не хотѣлъ грести, очень ожилъ, и много ѣлъ. Колька непрерывно пѣлъ какія то шансонетки, но иногда заводился на Вертинскаго.

„Гдѣ вы теперь . . .
Кто вамъ цѣлуетъ пальцы . . .
Куда ушелъ вашъ китайченокъ Ли“ . . .

Тодька съ кормы подхватывалъ:

— Вы можетъ быть любили портухальца . . .

А затѣмъ прерывалъ себя „скрежетомъ“ собственнаго изобрѣтенія . . .

— Колька . . . Колька . . . “Журавля“ . . .

И „надъ лѣнивыми волнами“ несся волосы дыбомъ поднимающій „Журавель“.

На меня это производило такое впечатлѣніе, какъ будто бы грязной блевотиной рвали въ чистое море. Желто-коричневая мерзость струйкой опускалась въ „хрустальный чертогъ“ Впрочемъ, кой-кого тошнило на самомъ дѣлѣ.

* * *

Мы съ Вовкой чувствовали себя немножко чужими въ этой средѣ. Но къ этому можно было бы привыкнуть. Неистовый Тодька, одноглазый, помѣсь рыбака и апаша, положительно проявлялъ сквозь сѣтку грубости какую то симпатичную даровитость. И кромѣ того къ нему образовывалось какое то довѣріе, — не выдастъ человѣкъ.

А въ общемъ мы довольно печально смотрѣли на дѣло. Судьба Эфема не могла не быть у насъ передъ глазами. Точно такъ, очевидно, отваливъ отъ Тендры въ такой же компаніи, замѣшавшись въ ихъ среду, высадился и „Котикъ“, погубившій Эфема. Кто знаетъ, изъ этихъ десяти человѣкъ, кто жертва и кто провокаторъ.

Поэтому я посовѣтовалъ Вовкѣ при первой возможности перейти опять къ „индивидуальной дѣятельности“.

Въ три часа дня было неожиданное развлеченіе.

Надо сказать, что мы стояли въ виду Одессы. Правда, очень далеко, такъ, чтобы и въ бинокль насъ нельзя было разсмотрѣть, но намъ то очертанія города были видны. И

вдругъ надъ этой полоской земли взвился огромный клубъ чернаго дыма. Взвился сразу, какъ взрывъ гейзера.

Это, конечно, былъ взрывъ и взрывъ сильный, судя по тому, что дымный фонтанъ поднялся на очень большую высоту. Черезъ много времени глухимъ ударомъ донесся и звукъ.

Это было 18-го сентября по старому стилю. Историки при желанiи докопаются, что это такое было. Но мнѣ оно осталось неизвѣстнымъ . . .

* * *

Между сномъ, убаюкиваемымъ моремъ, и бодрствованiемъ, просоленнымъ ругательствами, какъ то почти незамѣтно подошелъ вечеръ.

Опять ночь, опять звѣзды. Въ десять часовъ вечера поставили парусъ и пошли.

Пошли по примѣтамъ, извѣстнымъ одному Толькѣ, которому было указано общее направленiе. Впрочемъ, у меня былъ въ рукѣ компасъ, которымъ я свѣрялъ ходъ.

Время отъ времени Толька скрежеталъ за моей спиной.

— Господинъ поручикъ . . . Посмотрите тамъ на компасъ . . .

Я смотрѣлъ, но это было безполезно, потому что онъ безошибочно держалъ направленiе, руководствуясь зыбью и вѣтромъ. Зыбь подкатывалась съ лѣваго борта, у котораго я лежалъ уютно-прикурнувшись. Непрiятно было то, что ноги были систематически въ водѣ. Но къ этому всѣ привыкли. И еще съ пулеметомъ были у меня недоразумѣнiя; при большомъ кренѣ онъ стремился переломать мнѣ ноги . . .

Почему то не ругались. Было темно, луна еще не взошла. Загорѣлся прожекторъ. Теперь не надо было компаса. По прожекторамъ это легко. По этой азбукѣ легко читается весь горизонтъ: Большефонтанскiй, Воронцовскiй, Дофиновскiй . . . Все ясно . . .

* * *

Шли долго. Давно взошла луна, давно потухли прожекторы. Мы стали подходить: берегъ въ томъ, что принято называть „серебристой дымкой“, явственно угадывался. Но въ силу того, что намъ пришлось сдѣлать нѣсколько галсовъ вправо и влѣво, мы потеряли орiентировку. Самъ Толька

не могъ разобрать въ этой все нивеллирующей мглистой серебряности, гдѣ мы, т. е. противъ какого мѣста большевистскаго берега . . .

Мы все еще шли подъ парусомъ, стараясь продвинуться какъ можно ближе . . . Если слишкомъ рано перейти на весла, то опять заря застукаетъ.

Наконецъ „сбили" парусъ. Впереди былъ берегъ; повидимому, обрывистый. Но какой берегъ, — никто не могъ опредѣлить.

Трудная штука — высадиться. Прежде всего морская опасность. Штормъ, прибой, которые могутъ не дать высадиться. Затѣмъ береговая большевистская охрана, — могутъ тутъ же поймать на берегу. Затѣмъ, когда преодолѣешь двѣ эти опасности, еще остается третья: внутренній врагъ. Кто-жъ ихъ знаетъ, — не таится ли предатель вонъ въ той другой шаландѣ, что идетъ впереди, или, быть можетъ, вонъ онъ лежитъ рядомъ, плечомъ къ плечу, и разсуждаетъ о томъ, „сбить" ли парусъ или нѣтъ . . .

* * *

Тѣмъ не менѣе мы гребли и подвигались, хотя медленно, но подвигались. Когда я садился на весла, я видѣлъ, что луна свѣтила мнѣ прямо въ лицо, свѣтила весьма энергично, и я понялъ, что мы находимся прямо въ лунномъ столбѣ относительно берега. Мы еще далеко сейчасъ, но когда будемъ приближаться, насъ легко будетъ видно . . .

* * *

Близко . . . Берегъ тянется ровными голубовато-сѣрыми обрывами, — вправо и влѣво. Почти прямо противъ, по носу какіе то домики. Что это такое, Господь его вѣдаетъ . . .

Другая шаланда, ежась, подошла ближе къ намъ. Поручикъ, который, soi disant, командовалъ всей экспедиціей, былъ на нашей шаландѣ. Онъ сказалъ той другой подойти къ берегу и „попробовать" . . .

Шаланда пошла, но, покрутившись нѣкоторое время противъ домиковъ, отошла обратно въ море.

— Боятся, сволочи! . . Не пойдутъ . . . Я ихъ знаю! . . .

Шаланда держалась на дипломатическомъ разстояніи и отъ берега, и отъ насъ. Приказать ей ничего нельзя было, потому что нельзя же вопить въ такомъ положеніи, а знаковъ не видно... Намѣренія ея, впрочемъ, были ясны: она предоставляла намъ „честь первенства."

— Ну и чортъ съ ними... трамъ тарарамъ!.. Пойдемъ мы... пойдемъ Тодька?!.

— А они что жъ... трамъ тараарамъ!... Ну идемъ.

На корму втащили пулеметъ. Онъ притаился тамъ злой ящерицей. На весла сѣли мы съ Вовкой. Когда сидишь на веслахъ, то есть спиной къ берегу, на которомъ можно ожидать нѣкоторыхъ непріятностей, то такъ поневолѣ и тянетъ голову обернуться. А потому гребутъ плохо.

Я шепнулъ на ухо Вовкѣ:

— Давай не оборачиваться...

Мы налегли на весла, сколько могли, и обернулись только тогда, когда Тодька сказалъ:

— Кормой подходить надо...

Берегъ выросъ надъ нами неожиданно-большой, высокій, обрывистый. Домики куда то исчезли, вмѣсто нихъ какіе то камни, скалы.

Мы притаились на нѣсколько мгновеній, пытаясь разглядѣть что нибудь и разслушать. Но было удивительно тихо

„Сіяла ночь... Луной былъ полонъ"...

Все было полно луной... И море, и весь этотъ берегъ, на которомъ впадины и расщелины ложились черными морщинами. Маленькій удобный кусочекъ бѣлѣлъ впереди насъ пескомъ, а вокругъ него — нависшіе обрывы...

— Тамъ можно выйти?..

— Можно... Отъ тамъ какъ будто бы тропинка по обрыву...

* * *

Шаланда стала поворачиваться кормой къ берегу. Пулеметъ раскорячившейся каракатицей установился на обрывы. Около него помѣстился Р. Я положилъ винтовку рядомъ съ собой. Шаланда тихонько подвигалась кормой впередъ къ бѣлѣющему мѣстечку...

* * *

Дальше нельзя... Шаланда уперлась не то въ дно, не то въ камень. Не подойдетъ.

— Что жъ, надо въ воду...

Еще разъ внимательный взглядъ кругомъ, прислушиванiе, приглядыванiе. Кажется, тамъ кто то стоитъ. Нѣтъ, — это тѣнь. Все тихо... удивительно тихо. Даже прибоя никакого.

— Ну, Вовка... съ Богомъ...

Онъ простился со мной, взялъ свою тяжелую корзину, которая ему была необходима, и пустился за бортъ въ воду.

И когда онъ побрелъ въ водѣ почти по поясъ отъ камня къ камню, должно было бы быть очень страшно. Но въ этихъ случаяхъ спасаетъ то, что всѣ силы организма сосредоточиваются во вниманiи. Я держалъ винтовку въ рукахъ и у меня осталась только способность смотрѣть и слушать. Все остальное временно анестезировалось.

Дошелъ... на бѣломъ кусочкѣ появился его черный силуэтъ. Сталъ двигаться куда то вправо и потомъ подыматься... Значитъ, тамъ дѣйствительно оказалась тропинка. Черная еле замѣтная тѣнь, которая была то, что осталось отъ Вовки, поднялась почти до самаго верха. Потомъ вдругъ поспѣшно спустилась обратно. Стало понятно, что онъ сбѣжалъ внизъ, очевидно, что то замѣтилъ...

Нѣсколько мгновенiй очень напряженныхъ... Р. у пулемета.

Нѣтъ... ничего. Все тихо. Очевидно, онъ, поднявшись и осмотрѣвшись, просто сошелъ внизъ, поджидать остальныхъ.

Остальные двое, которые должны были высаживаться съ нашей шаланды, лежатъ однако на днѣ ея, не выказывая никакихъ признаковъ того, что они собираются выйти.

— Ну, что же вы?!

Не отвѣчаютъ.

Р. начинаетъ сердиться...

— Ну что же вы... долго будете валяться... Вотъ поручикъ вышелъ.

Молчанiе. И потомъ отвѣтъ:

— Не пойду въ воду... у меня ноги болятъ...

Происходитъ сильная сцена. Ругаются. Постепенно Р. свирѣпѣетъ. Тѣ неподвижны, — отругиваются лежа. Наконецъ, Р. хватаетъ винтовку и перебѣгаетъ по банкамъ шаланды къ нимъ.

— Стрѣлять буду, трамъ тарарамъ!... Идите, говорю... стрѣлять буду!...

Я перебѣгаю вслѣдъ за нимъ, хватаю его за винтовку:

— Мы ихъ въ морѣ пристрѣлимъ... Оставьте... Вѣдь поручикъ на берегу...

Въ это время, какъ бы на выручку, подходитъ та другая шаланда, которую мы на время забыли. Увидѣвши, что мы благополучно пристали, они приближаются. Подходятъ, становятся рядомъ, и люди оттуда одинъ за другимъ спускаются въ воду и бредутъ къ берегу. Тамъ высаживается вся шаланда, — четверо...

Когда они прошли, очевидно, совѣсть взяла и нашихъ лежаковъ.

Не говоря ни слова они поднялись, влѣзли въ воду и побрели.

Теперь всѣ... Р. говоритъ:

Выйду посмотрѣть, какъ они тамъ.

Съ винтовкой въ рукахъ бредетъ и онъ. Мы остаемся вдвоемъ съ Тодькой на двухъ шаландахъ. Мнѣ видно, какъ Р. доходитъ до бѣлаго мѣста, потомъ подымается по тропиночкѣ и исчезаетъ гдѣ то вверху. Все тихо... Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается.

— Залегли тамъ. До разсвѣта... Вашъ поручикъ тамъ въ сторонѣ. Холодно. Ну, ничего какъ нибудь... никого нѣтъ... спятъ большевики...

— Гдѣ мы?

Онъ говоритъ... Оказывается, мы совсѣмъ не тамъ, гдѣ ожидали, но очень хорошо.

* * *

Ну, надо уходить. Мы отгребаемся немножко въ море.

Попрежнему все тихо, но луна свѣтитъ со всѣмъ усердіемъ. Отойдя на веслахъ отъ берега, мнѣ вдругъ стано-

вится яснымъ, почему такъ было тихо у берега, почему нѣтъ прибоя.

— Горышнякъ — говоритъ Тодька. Попутнякъ . . .

За это время вѣтеръ перемѣнился, сталъ съ берега, то есть вестовый, — западный . . . Мы пойдемъ великолѣпно.

Обнаглѣвъ, ставимъ парусъ въ четверть мили отъ берега и съ постепенно все свѣжѣющимъ „горышнякомъ“ идемъ обратно, взявъ вторую шаланду на буксиръ. Берегъ быстро отходитъ отъ насъ . . .

* * *

Гдѣ то около разсвѣта я крѣпко заснулъ подъ разговоръ Р. и Тодьки.

Они иногда обмѣнивались соображеніями, нужно ли брать „пажей“ или „горстей“, то есть вправо или влѣво, причемъ Тодька утверждалъ, что онъ идетъ вѣрно.

— Отъ увидите . . . По самой прорвѣ будетъ маякъ . . . Господинъ поручикъ, — посмотрите тамъ на компасъ . . .

Я просыпаюсь, смотрю на компасъ и вижу, что онъ держитъ что то около оста, что и требуется. — Я еще крѣпче заснулъ, когда взошло солнце, хотя вѣтеръ все свѣжѣлъ и зыбь становилась ощутительнѣй.

Меня разбудилъ Тодька.

— Господинъ поручикъ . . .

Онъ рукой указывалъ мнѣ впередъ. Послѣ продолжительнаго приглядыванія я дѣйствительно увидѣлъ, по самой „прорвѣ“, чуть виднѣющуюся вертикальную черточку.

— Тендровскій . . . А туда посмотрите . . .

Въ совершенно противоположномъ направленіи такимъ же едва угадываемымъ столбикомъ я увидѣлъ другой маякъ . .

— Большефонтанскій . . .

* * *

Черезъ нѣсколько часовъ съ нѣкоторыми скандалами, ибо зыбь разбушевалась, насъ выбросило къ подножію двухкольцоваго маяка, который сейчасъ же засемофорилъ на „Корниловъ“, что шаланды вернулись . . . Я пересѣкъ пѣшкомъ косу, которая мѣстами превратилась въ коверъ какихъ то краснотурецкихъ молочаевъ и красивыхъ лиловыхъ цвѣтовъ между

шершаво-шелковистой осокой. Затѣмъ ботъ перетащилъ меня на „Корниловъ“, гдѣ меня ожидала дружеская встрѣча.

И горячая ванна. Нѣжась въ теплой водѣ, я думалъ о томъ, удалось ли Вовкѣ избѣжать „врага внутренняго“, и вообще дошелъ ли онъ благополучно . . .

III

Я долженъ былъ прійти за нимъ черезъ установленное число дней. Для того, чтобы не пропустить какъ нибудь и все наладить, я переселился съ гостепріемнаго „Корнилова“ на маякъ, то есть въ одинъ изъ домиковъ, притаившихся у его подножія.

Ахъ, эти дни . . . Задулъ очень свѣжій нордъ-остъ, переходящій въ штормъ. Съ возрастающей тревогой я слѣдилъ за этимъ все усиливающимся воздушнымъ токомъ, холоднымъ и упрямымъ. Разговоры съ рыбаками становились все непріятнѣе.

Наконецъ, роковой день наступилъ, но ихъ нельзя было уговорить.

Этотъ самый Тодька проявлялъ и изворотливость, и упорство. Но и вообще всюду была глухая стѣна. Куда ни ткнешься, — тамъ было много шаландъ, — вездѣ сопротивленіе. Для виду соглашаются, а на самомъ дѣлѣ увиливаютъ

Они чувствовали погоду. Къ тому же у меня было очень мало денегъ, чтобы подѣйствовать съ этой стороны. Да и что такое деньги? Вотъ если бы я имъ подарилъ какую нибудь шинель, или теплую рубашку, или обувь, — это они бы цѣнили . . .

Вѣдь всѣ эти рыбаки жили на Тендрѣ въ собачьихъ условіяхъ. Нѣкоторые имѣли палатки, а другіе и этого не имѣли. Ютились при жестокомъ нордъ-остѣ гдѣ попало, а по ночамъ температура была уже очень низкая. Ничего у нихъ не было, бѣжали они отъ большевиковъ, въ чемъ были, и жили буквально волчьей жизнью.

Въ этотъ рѣшающіи день мнѣ не удалось ихъ уговорить. А въ ночь, которая послѣдовала, мнѣ было совсѣмъ плохо: я зналъ, что тамъ, на томъ берегу, кучка людей ждетъ меня до разсвѣта, вѣря моему обѣщанію.

И все же я ничего не могъ сдѣлать. Нордъ-остъ свирѣпѣлъ съ каждой минутой и тамъ, у того берега, накатъ долженъ былъ быть неистовый.

* * *

Что же было дѣлать теперь? Теперь оставалось одно: такъ какъ условленный день или вѣрнѣе ночь была пропущена, то нужно было высадить кого нибудь новаго для того, чтобы возстановить связь. Партія, которой надо было высадиться, собиралась. Но не было среди нихъ ни одного человѣка достаточно мнѣ знакомаго, чтобы я могъ ему довѣрить серьезныя вещи. Поэтому выходило такъ, что высаживаться надо мнѣ

* * *

Нордъ-остъ продолжалъ свирѣпствовать. Было очень холодно, хотя солнце было очень яркое.

Такъ прошло нѣсколько дней вѣчныхъ разговоровъ „идемъ" — „не идемъ". Совсѣмъ уже рѣшили итти, но нордъ-остъ опять навалился, доходя „до ракушекъ".

Бываетъ нордъ-остъ „съ пескомъ" и „до ракушекъ". Если онъ подымаетъ только песокъ, то это еще ничего. Но если летятъ уже мелкія ракушки, то хуже.

Развлеченіе въ эти дни состояло въ томъ, чтобы подыматься на маякъ и слѣдить оттуда за „военно-морскими ужасами". Къ тому же подъ стекломъ такъ тепло...

Дѣло въ томъ, что „Патриот" предпринялъ операцію „Корниловъ" выходилъ какъ то вечеромъ въ море и долго систематически кого то долбилъ: разрушали батарею. Съ нимъ выходила вся эскадра, и все это было очень интересно. Старались тральщики, старалась „Альма", и всѣ вообще, и въ лиловомъ морѣ загорались эффектныя вспышки...

* * *

Наконецъ, 29-го сентября по старому стилю (я запомнилъ этотъ день) собрались. Двѣ шаланды снарядились, какъ полагается, съ пулеметами на кормахъ, и все честь честью. Нордъ-остъ продолжалъ дуть, но надоѣло всѣмъ, — рѣшили плыть.

Во время нордъ-остовъ на берегу косы, обращенномъ къ морю, совершенно тихо, — нѣтъ зыби. Поэтому усаживались

очень долго и съ удобствами. Всѣ остающіеся высыпали провожать. Напутствовали всякими благопожеланіями, даже нѣкоторыми благополезными вещами: мнѣ, напримѣръ, дали теплую рубашку и барашковую шапку такого вида, который сильно гарантировалъ насчетъ большевистскихъ подозрѣній.

Въ два часа дня мы отошли... имѣлъ неосторожность пересчитать, сколько человѣкъ было въ шаландахъ, — оказалось тринадцать. Къ тому же кто то засвистѣлъ на нашей шаландѣ.

Правда, Тодька заскрежеталъ на него самымъ невозможнымъ образомъ, но, тѣмъ менѣе, дѣло было сдѣлано: нельзя свистѣть въ шаландѣ, — не будетъ удачи... Къ тому же изъ тринадцати была одна женщина, — это уже совсѣмъ плохо.

Я пересчиталъ также и тѣхъ, что оставались. Ихъ было двѣнадцать. Они стояли всѣ рядышкомъ, въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, ровненькимъ смѣшнымъ строемъ на удаляющейся косѣ.

Нѣтъ, ихъ тоже было тринадцать. За спинами людей, неподвижный, но выразительный, стоялъ двукольчатый маякъ...

Онъ стоялъ дольше всѣхъ. Тѣ двѣнадцать давно ушли домой, ушла и низкая коса подъ воду, а онъ все стоялъ и стоялъ, какъ будто не желая уйти, стоялъ до заката солнца, хотя шаланды, гонимыя нордъ-остомъ, уходили съ большой быстротой.

Но наконецъ и онъ пропалъ.

— Прости, двукольчатый...

* * *

Кромѣ Тодьки въ моей шаландѣ были все новые. Второй рыбакъ — Федюша, затѣмъ — Жоржъ, Яша, Коля и еще одинъ, который тогда засвистѣлъ...

Одинъ изъ нихъ неподвижно лежалъ на днѣ шаланды, сильно страдая морской болѣзнью. Впослѣдствіи этотъ комокъ въ сѣрой шинели оказался Яшей. Меня пока не укачивало, хотя нордъ-остъ свирѣпѣлъ, и зыбь становилась все сильнѣй.

Иногда двѣ шаланды подходили ближе другъ къ другу и обмѣнивались невозможными замѣчаніями. Впрочемъ, въ

той шаландѣ уже лежало нѣсколько труповъ — жертвъ морской болѣзни, въ томъ числѣ и женщина. къ счастью для нея, потому что рѣдкія гадости говорили.

Безъ особыхъ приключеній докачало до вечера. Но вѣтеръ все усиливался. Мы шли съ большой быстротой. Когда стемнѣло, зажглись прожекторы, и мы поняли, какъ мы уже близко. На этотъ разъ, подгоняемые свирѣпымъ нордъ остомъ, мы сдѣлали переходъ въ нѣсколько часовъ.

Лучъ прожектора бродилъ по непріятному морю. Когда онъ набѣгалъ на ту, другую шаланду, видны были огромные черные валы, съ закипающей на нихъ пѣной, и мертвенно бѣлый парусъ, жутко чертящійся на этомъ фонѣ . . .

Мы приближались, но было какъ то плохо. Молчали . . . Даже тотъ, что свистѣлъ, угомонился. Шаланда тяжело хлюпалась о валы, и все чаще насъ окатывало гребешкомъ, хватившимъ черезъ край. Другой рыбакъ, Федюща, все время откачивалъ воду, мы ему помагали, — тѣ, кого не укачало. Впрочемъ, надо сказать, что откачиваніе воды-самое укачивающее занятіе. Стоитъ наклониться съ этимъ черпакомъ, сейчасъ же начинаетъ мутить. Было очень холодно.

Наконецъ мрачное молчаніе нарушилъ скрежещущій голосъ Тодьки.

— Какъ же будемъ высадку дѣлать?! Тамъ же такой накатъ теперь, что шаланду къ трамъ тарарамъ побьетъ . . .

Сѣрый комокъ, который впослѣдствіи оказался Яшей, проявилъ признаки жизни.

— Пусть ее бьетъ, трамъ тарарамъ, только бъ качать перестало . . .

Тодька захохоталъ.

— Что тебѣ, Яша, хорошо? . . . Качай воду! . . .

Комокъ возмутился.

— Иди ты къ трамъ тарарамъ . . . у меня порокъ сердца . . .

Это вызвало бурную веселость Тодьки.

— Кушать хочешь? . . . Консервовъ, Яша, хочешь? . . .

Несчастный комокъ подымается и бласфемируя на всѣ лады перегибается черезъ бортъ. Слышны страданія, потомъ разсвирѣпѣвшая волна вымываетъ ему все лицо и окатываетъ всѣхъ насъ.

— Сдѣлаете тутъ высадку! — скрежещетъ Толька. А если и высажу, — а назадъ какъ, трамъ тарарамъ тамъ... Какъ я отойду?! Говорилъ, нельзя... Какъ же итти, когда штормъ... Что это лѣто, — это же осень, — вода тяжелая..

Жоржъ пробуетъ его успокоить.

— Чего ты разоряешься?..

Но Тольку не такъ то легко успокоить.

— Чего, чего!.. а вотъ къ самому маяку подошли. Куда еще?! парусъ сбивать надо!..

Въ это время подходитъ другая шаланда.

Сквозь свистъ вѣтра и шелестъ валовъ, послѣ заряда отборной брани, доносится:

— Какъ тутъ высадку дѣлать?! Къ черту шаланды побьетъ!... Накатъ!...

Шаланды подходятъ ближе и черезъ валы и всю злобу нордъ-оста продолжается отчаянная ругань, изъ которой мнѣ ясны двѣ вещи: 1) что высадка дѣйствительно повидимому невозможна, 2) что во всякомъ случаѣ, эти люди ее дѣлать не будутъ. По прошлой высадкѣ я знаю, что Толька смѣлый и ловкій, — должно быть дѣйствительно плохо.

Ругнувшись въ послѣдній разъ, другая шаланда куда то исчезаетъ.

— Куда они пошли? — спрашиваетъ Жоржъ.

— Куда! отлавировываться будетъ!

— Куда отлавировываться?

— Куда!... Противъ вѣтра... А куда, чертъ одинъ знаетъ, — куда...

Остается и намъ дѣлать то же. Штормъ свирѣпѣетъ. И теперь, когда мы идемъ въ лавировку, то есть не съ вѣтромъ, а подъ угломъ къ волнѣ, это становится особенно замѣтнымъ. Бьетъ отчаянно и заливаетъ поминутно.

Я тоже начинаю слабѣть и чувствую, что близокъ мой часъ послѣдовать за Яшей. Тѣмъ не менѣе я размышляю, что же будетъ.

Будетъ очевидно возвращеніе на Тенду. Но когда мы туда попадемъ? При такомъ курсѣ ходу почти нѣтъ, потому что вся сила парусовъ уходитъ на преодолѣніе зыби. Къ тому же мы идемъ „пузыремъ", это значитъ, что выброшено де-

рево, придерживающее парусъ. Это пришлось сдѣлать для безопасности, но это очень уменьшаетъ ходъ. Удастся ли отлавироваться? . . .

Послѣ первыхъ приступовъ морской болѣзни, я засыпаю на нѣкоторое время. Просыпаюсь оттого, что что то большое и тяжелое прыгнуло мнѣ на грудь. Это „что то" оказывается волною. Теперь мы мокрые съ головы до ногъ. Откачиваемся безконечно. „Кинбурнъ" свирѣпѣетъ . . . Яша умираетъ отъ порока сердца, Жоржъ меланхоличенъ, „свистунъ" угомонился, а Колька, какъ улегся съ самаго начала на носу, такъ до сихъ поръ не подалъ ни малѣйшаго признака жизни. Потомъ я узналъ причину: онъ невозмутимѣйшій хохолъ, котораго когда нибудь видѣлъ свѣтъ. Товарищи его называли „Петлюрой".

— Эй ты, Петлюра . . .

Никакого отвѣта.

— Колька . . .

Ноль вниманія.

Возмущенный Жоржъ колотитъ его прикладомъ.

Наконецъ онъ подаетъ голосъ.

— Ну что? . .

— Да ты умеръ, что ли!!

Молчаніе . . . Онъ опять заснулъ.

Свирѣпый „Кинбурнъ" и вообще вся эта исторія совершенно его не тревожатъ. Онъ спитъ . . . Ахъ, если бы можно было бы и мнѣ такъ заснуть, чтобы не чувствовать этихъ мукъ. Мнѣ кажется, что я скоро подарю морю свои внутренности.

Вода въ шаландѣ прибываетъ, несмотря на откачиваніе. Тодька ругается и скрежещетъ хуже нордъ-оста — „Кинбурна", какъ онъ его называетъ.

* * *

Утро застало насъ все въ томъ же положеніи. Оказалось, что мы за ночь „отлавированія" почти не подвинулись впередъ. Мы предполагали, что выйдемъ хотя бы на высоту Дофиновки. Но въ разсвѣтѣ начали вырисовываться Большефонтанскіе берега.

Взошло солнце и ярко освѣтило жуткую картину разсвирѣпѣвшаго моря. Та шаланда исчезла. Куда она пошла, Богъ ее знаетъ.

Наше положеніе скверное. Укачались всѣ, кромѣ Тодьки. Даже и второй рыбакъ, Федюша, лежитъ блѣдный и не въ силахъ больше откачивать воды. Одинъ Тодька сидитъ у руля какъ будто ничего. На него это не дѣйствуетъ. Онъ съ тѣмъ большимъ презрѣніемъ обрушивается на Федюшу.

— Рыбалка называется! . . . трамъ тарарамъ твою перетарарамъ . . . Отливай воду! . . .

Федюша, блѣдный какъ смерть, сползаетъ съ банки и начинаетъ черпать. Я вижу, что ему плохо, у меня какъ будто бы легкій перерывъ „занятій; я пытаюсь тоже отливать.

— Лежите, господинъ поручикъ, лежите . . .

Эта неожиданная заботливость со стороны Тодьки меня трогаетъ. Онъ снова обращается ко мнѣ.

— Что будемъ дѣлать? . . .

Я соображаю. Потомъ говорю:

— Если не отлавируемся, — выбросимся въ Румынію.

— А не разстрѣляютъ, господинъ поручикъ, румыны? . . .

Комокъ Яша дѣлаетъ движеніе.

— Пусть разстрѣляютъ . . . только бы не качало . . .

Тодька хохочетъ . . .

— Какъ у тебя порокъ сердца, такъ тебѣ все равно. Все равно умрешь . . .

Я говорю:

— Нѣтъ, разстрѣлять не разстрѣляютъ . . . За что другое не ручаюсь . . . Ограбятъ, и все такое, арестуютъ, задержатъ, но разстрѣла не будетъ.

Жоржъ у мачты проявляется.

— Держи „горстей“, Тодька . . .

— Чего „горстей“? . . . куда „горстей“? . . .

— Держи „горстей“, отлавируешься . . .

Тодька разражается.

Онъ и такъ держитъ „горстей“ сколько можетъ. По настоящему „пажей“ надо держать.

— За недѣлю такъ не отлавируемся! . . . Куды жъ, шаланда полна воды, на волну не лѣзетъ . . .

Они нѣкоторое время спорятъ другъ съ другомъ, сыпятъ названіями вѣтровъ. „Кинбурнъ“, „Горышнякъ“, „Молдаванка“, „Низовка“, „Остовая Низовка“ перемѣшиваются у нихъ съ какими то „пажей“, „горстей“ и „прорвой“ . . . Я наконецъ понимаю, что „прорва“ это носъ.

— Что у меня по прорвѣ?! — кричитъ Тодька. Дофиновка? трамъ рарамъ перетрамъ тарарамъ! . . . Опять на Большой Фонталъ выходимъ!

Затѣмъ „разговоръ упадаетъ, блѣднѣя“ . . . Еще часъ мы пробуемъ отлавироваться. Однако ясно, что, если вѣтеръ не перемѣнится, — ничего не будетъ. Главное, что въ шаландѣ слишкомъ много воды, и просто нельзя ее отлить. Что отольемъ большими усиліями, - какая нибудь сумасшедшая дрянь — волна, побольше другихъ, небрежнымъ движеніемъ наплеснетъ во мгновеніе ока. И отяжелѣвшая шаланда, плохо подымаясь на волнахъ, больше даетъ „дрейфу“, чѣмъ „ходу“.

Солнце встаетъ все выше, и еще не покидаетъ насъ надежда, авось вѣтеръ начнетъ стихать къ полудню.

* * *

Полдень . . . Нордъ-остъ все тотъ же. Безъ мѣры упрямый и холодный. Опять вспыхиваетъ разговоръ о Румыніи.

— Господинъ поручикъ . . А какъ же съ ними говорить? . . .

— По французски . . . Они всѣ знаютъ . . .

— А вы можете? . .

Въ это время „свистунъ“ вновь появляется на сценѣ, Неожидано оказывается, что онъ прекрасно говоритъ по румынски.

Но Жоржъ, который чувствуетъ себя начальникомъ экспедиціи:

— А съ пулеметомъ какъ будетъ? Съ винтовками? . . А какъ они насъ за большевиковъ примутъ! . . А и не примутъ, что же имъ подарить пулеметъ? Держи горстей, Тодька! . . .

* * *

И еще . . . и еще . . .

Солнце пошло уже немножко внизъ, а нордъ-остъ еще усилился. Дѣло плохо. Мы не выиграли ничего у вѣтра, но

воды все прибавляется. Тодька сидитъ уже сутки безсмѣнно у руля.

Что же дѣлать?..

Рѣшаемъ держаться до вечера, и, если буря не угомонится къ заходу солнца, выброситься въ Румынію.

* * *

Румынскій берегъ виденъ. Вотъ маякъ, который долженъ быть въ устьи Днѣстра. Солнце низко. Нордъ-остъ свирѣпъ. Ничего не подѣлаешь, — надо выбрасываться.

— А какъ пройдемъ? — говоритъ Федюша. Накатъ большой...

Дѣйствительно, тамъ подъ берегомъ творится что то бѣшеное. Тамъ море совсѣмъ желтое; это оно бѣснуется на мелкомъ, замутивъ дно. Эта желтизна кончается мощной бѣлой каймой, отъ которой нельзя ждать ничего хорошаго, — это пѣна свирѣпаго прибоя.

— Какъ пройдемъ? — говоритъ Федюша, показывая на это желто-бѣлое.

Но Тодька скрежещетъ на него съ бѣшенствомъ;

— Рыбалка называется!. А проходъ зачѣмъ?!. А баканъ зачѣмъ стоитъ?!. Отъ найду баканъ, и чтобъ былъ онъ у меня справа, трамъ тарамтатамъ! Тоже — рыбалка!..

Онъ ругается съ такой особенной яростью потому, что шаланда уже чувствуетъ приближеніе этого весьма подозрительнаго мѣста. Вода уже мутная. А валы не такіе, какъ въ морѣ, а съ яростными гребешками и вообще совсѣмъ какой то другой породы. И какъ найти этотъ баканъ?!..

Эта желто-бѣлая завируха надвинулась съ ужасающей быстротой. Было одно мгновеніе, когда казалось, что эти огромныя чудовища будутъ всѣ у насъ на головѣ. Тутъ творилось что то несуразное и какимъ образомъ Тодька отыскалъ баканъ — трудно понять.

— А это что?! Рыбалка называется! Говорилъ тебѣ, есть баканъ!...

Проскочили баканъ. Справа и слѣва отъ насъ воротило такія горы изъ желтой мути съ бѣлыми оторочками, что просто было страшно... И мы прошли... И черезъ нѣсколько

минутъ очутились въ совсѣмъ спокойной водѣ, — даже до непонятности.

* * *

Низкій берегъ, остатки какого то моста черезъ не то проливъ, не то устье рѣки, и маякъ.

Сбили парусъ и тихонько на веслахъ безъ всякихъ приключеній мирнымъ образомъ уткнулись въ песокъ.

Это была Румынія ...

Константинополь.

(Изъ дневника. 18/31 Декабря).

... Если стоять вечеромъ на мосту черезъ Золотой Рогъ, на знаменитомъ мосту между Галатой и Стамбуломъ, то вдругъ припоминается что то живо-знакомое.

Что? ...

Вотъ что ... такъ стоится на Троицкомъ или вѣрнѣе на Николаевскомъ мосту въ Петроградѣ. Золотой Рогъ — будто Нева. По одно сторону — какъ будто бы Петроградская сторона, тамъ — Набережныя. Не очень похоже, но есть что то общее.

Красиво ... Очень красива эта симфонія огней ...

Толпа непрерывно струится черезъ мостъ.

Тепло ...

Какъ въ теплый вечеръ въ началѣ октября въ Петроградѣ

Боже, гдѣ все это ...

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда ...“

* * *

Увидѣвъ впервые въ жизни этотъ неистовый, но такой красивый безпорядокъ, эту галиматью съ минаретами, именуемую Константинополемъ, я сказалъ своему спутнику по вагону:

— Боже мой! ... Теперь я только понялъ, что я давнымъ давно страстный, убѣжденный ... туркофилъ.

Я думаю, что это нѣсколько утрированное утвержденіе въ значительной мѣрѣ примѣнимо ко всѣмъ русскимъ, волей судьбы здѣсь очутившимся.

Въ лѣтописяхъ 1920 годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ мирнаго завоеванія Константинополя русскими.

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда . . .“

Щитъ этотъ во образѣ безчисленныхъ русскихъ вывѣсокъ, плакатовъ, афишъ, объявленій . . . Эти щиты — эмблема мирнаго завоеванія, проникли во всѣ переулки этого чудовищнаго хаоса, именуемаго столицей Турціи, и удивительно къ нему подошли.

Не даромъ:

„Земля наша велика и обильна . . .“

Тутъ тоже никакого порядку. Наоборотъ, этотъ городъ производитъ впечатлѣніе узаконеннаго, хроническаго, вѣкового безпорядка. Поэтому, вѣроятно, когда русскіе, голодные и нищіе, обрушились огромной массой на эту абракадабру, вмѣсто естественной ненависти, которую всегда во всѣхъ странахъ и вѣкахъ вызываютъ такія нашествія, — вдругъ на удивленіе „всей Европѣ“ къ небу взмылъ совершенно неожиданный возгласъ.

„Харошъ, урусъ, харошъ . . .“

Точно нашли другъ друга . . . Русскіе и турки сейчасъ словно переживаютъ медовый мѣсяцъ . . . Случаевъ удивительно добраго, сердечнаго отношенія,—не перечесть . . . Одного почтеннаго дѣятеля остановилъ на улицѣ старый турокъ и спросивъ „урусъ“? — далъ ему лиру. Русскому офицеру сосѣдъ по трамваю представился, какъ турецкій офицеръ, предложилъ быть друзьями, потащилъ къ себѣ и предложилъ ему половину комнаты за безцѣнокъ, лишь бы жить съ „урусомъ“. Третьяго хозяинъ кофейни угощалъ какъ дорогого гостя, и на отрѣзъ отказался взять плату. Все это часто очень наивно, но это есть . . . Русскимъ уступаютъ очередь, съ русскихъ меньше берутъ въ магазинахъ и парикмахерскихъ, выказываютъ всяческіе знаки вниманія и сочувствія и надъ всѣмъ этимъ, какъ пѣснь торжествующей любви, вмѣстѣ съ минаретами вьется къ небу гласъ народа — гласъ Божій.

— „Хорошъ, урусъ, хорошъ . . .“

Чѣмъ все это объясняется?

Объясненій много. Во первыхъ, объясненіе прозаическое русскіе, несмотря на всю свою бѣдность, по обычаю предковъ

не торгуются въ магазинахъ и не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы изъ послѣднихъ пятидесяти піастровъ десять бросить на чай.

„На послѣднюю пятерку ...“ И только русскіе щедры. Всѣ остальные, несмотря на свое богатство (сказочное въ сравненіе съ русскими) скупы, какъ и полагается культурной западной націи. А между тѣмъ турки сейчасъ такъ бѣдны, въ особенности чиновничество, которое Богъ знаетъ сколько времени не получало жалованія, что еще неизвѣстно, чье положеніе хуже: этой бездомной русской толпы, которая залила всѣ улицы и переулки гостепріимнаго города-галиматьи, или же самихъ хозяевъ, находящихся на краю голодной бездны.

Другое объясненіе — „Сытый голоднаго не разумѣетъ“. Значитъ — голодный разумѣетъ голоднаго. Обѣ націи — русскіе и турки, почти одинаково несчастны. Обѣ почти лишены отечества. Обѣ включены, втоптаны, въ разрядъ побѣжденныхъ „державами побѣдительницами“.

Я помню какъ профессоръ Петръ Михайловичъ (международникъ) во всю мощь своего великолѣпнаго баритона возмущался на улицахъ одного города этимъ терминомъ.

— „Державы побѣдительницы“! . . . Кажется, въ міровой исторіи не было случая, чтобы въ оффиціальныхъ договорахъ или трактатахъ употреблялась такая терминологія. Всегда всѣ державы обозначались по имени: Англія, Франція, Италія . . . Да вѣдь мирный договоръ потому и называется мирнымъ, что война кончилась . . . И нѣтъ уже войны — нѣтъ побѣдъ... Мирнымъ договоромъ возстанавливаются „дипломатическія отношенія“ со всѣмъ изысканнымъ ритуаломъ международной вѣжливости. И вдругъ — „державы — побѣдительницы . . .“ Дичь! Средневѣковье! . . .

И вотъ повидимому на фонѣ общей обиды разыгрывается эта русско-турецкая любовь . . .

„Chaque vilain trouve sa vilaine“, — скажутъ французы...

Ладно . . . „Униженные и оскорбленные“, скажемъ мы. И если турки еще болѣе унижены, то вѣдь мы еще болѣе оскорблены.

Да, мы оскорблены, прежде всего оскорблены . . . Эти Константинопольскіе русскіе, эти дѣти безконечныхъ эвакуацій,

живѣе всего чувствуютъ оскорбленіе... Ибо это тѣ, которые, несмотря ни на что, оставались вѣрными Антантѣ... Это тѣ, которые хранить союзный договоръ, заключенный Государемъ Императоромъ, почитали своей священной обязанностью... Это тѣ, которые если не были увѣрены въ помощи и благодарности, то все же были убѣждены, что ихъ будутъ уважать...

Вмѣсто уваженія...

Вотъ на Grand'Rue de Péra французскій „городовой" останавливаетъ русскихъ офицеровъ, провѣряя документы... Тонъ, манеры, это наглое хватанье за рукавъ, или, что еще хуже, похлопыванье по плечу, этотъ покровительственно-небрежный тонъ, жестъ, когда — полуграмотный — онъ наконецъ найдетъ на документѣ французское рукоприкладство: „Vu à l'arrivée" — все это заставляетъ стиснуть зубы...

На какомъ основаніи этотъ господинъ не обращается ко мнѣ такъ, какъ полагается солдату обращаться къ офицеру. Развѣ я не офицеръ?

Но вѣдь я выдержалъ всѣ офицерскіе экзамены... Я потерялъ все рѣшительно на свѣтѣ для родины, „кромѣ чести"...

„Sauf l'honneur"... такъ почему же меня оскорбляютъ, за что.?...

Ахъ, вѣдь они „Державы Побѣдительницы"...

Но, наконецъ, кого же они побѣдили?... Вѣдь Россія была съ ними и если она не дошла до бруствера, то потому что была тяжело ранена въ бою... Почему ее зачислили въ разрядъ побѣжденныхъ?..

Потому что...

Потому что французы и другіе не доросли еще до того, чтобы щадить „больную націю." Въ международныхъ отношеніяхъ царитъ средневѣковье — вѣкъ звѣриный.

Горе заболѣвшимъ...

И вотъ два „больныхъ человѣка" — Турція, — давно заболѣвшая и Россія — недавно тяжело занемогшая, — инстинктивно тянутся другъ къ другу... и къ нимъ одинаково жестоки... жестоки презрѣніемъ здоровыхъ къ больнымъ...

Но помимо этого есть, повидимому, какое то расположеніе расъ. Русскіе и турки какъ будто бы чувствуютъ ра-

совое влеченіе другъ въ другу. Явленіе противоположнаго свойства называется "haine de race". Не знаю, какъ перевести эту „расовую симпатію" . . . Вотъ, повидимому, нравятся просто русскіе и турки другъ другу. Только этимъ можно въ концѣ концовъ объяснить этотъ доминирующій надъ всѣмъ возгласъ:

— Харошъ руссъ, харошъ . . .

* * *

Не думаю, чтобы массы были посвящены въ тайны и интриги политики. Не думаю, чтобы здѣсь играли роль замыслы Кемаль-Паши . . .

Да и каковы эти замыслы — кто ихъ знаетъ . . . Хотятъ ли дѣйствительно, чтобы генералъ Врангель занялъ Константинополь? . . .

Во всякомъ случаѣ вчера торжественно и оффиціально опровергалось извѣстіе, пущенное турецкими газетами:

„Генералъ Врангель во главѣ 10 000 отряда и имѣя въ тылу 30,000 отборнаго войска занялъ Фракію. — Греческія войска бѣгутъ въ паникѣ". При этомъ былъ помѣщенъ портретъ генерала Врангеля.

Это характерно для того, въ какомъ направленіи работаетъ мысль. Эти газеты какъ будто толкаютъ: „Выйди изъ лагерей, займи Фракію, — греки побѣгутъ . . . И путь на Константинополь свободенъ . . ."

— Харошъ — урусъ, харошъ . . .

„Твой щитъ на вратахъ Царьграда . . ."

* * *

Съ непривычки, кипятокъ большого города какъ будто бы пьянитъ. Все куда то несется . . . Непрерывной струей бѣжитъ толпа . . трудно выдержать, столько лицъ . . . Тѣмъ болѣе, что половина изъ нихъ кажутся знакомыми, потому что они русскіе . . . Гдѣ я ихъ видѣлъ всѣхъ, когда? . . . Въ Петроградѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Одессѣ? . . . Одно время въ 1914 году, во время міровой войны, я ихъ видѣлъ всѣхъ въ Галиціи — во Львовѣ. Когда большевики захватили власть въ Петроградѣ и Москвѣ, я видѣлъ ихъ всѣхъ въ Кіевѣ, подъ высокою рукой гетмана Скоропадскаго . . . Потомъ ихъ можно

было видѣть въ Екатеринодарѣ... Позже они заливали улицы Ростова... Въ 1919 году они разбились между Ростовомъ, Кіевомъ и Харьковомъ, но въ началѣ 1920 года столпились въ Одессѣ и Новороссійскѣ... Наконецъ, послѣднее ихъ прибѣжище былъ Севастополь.

И вотъ теперь здѣсь...

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда“...

* * *

Все куда то несется... Люди, экипажи, неистово звенящіе трамваи, воющіе на всѣ голоса ада автомобили...

Все блеститъ, все сверкаетъ... уличные фонари, пьянящія голодный русскій духъ витрины, слѣпящіе глаза фары моторовъ.

Все кричитъ... все тревожитъ воздухъ нестройной смѣсью языковъ... но чаще всего слышенъ русскій...

Или мнѣ такъ только кажется?...

Нѣтъ, русскихъ дѣйствительно неистовое количество... А если зайти въ посольство или, упаси Боже, въ консульскій дворъ, — тутъ сплошная русская толпа... Все это движется, куда то спѣшитъ, что то дѣлаетъ, о чемъ то хлопочетъ, что то ищетъ...

Больше всего — „визы“ во всѣ страны свѣта...

Но, кажется, всѣ страны „закрылись“. Не хотятъ русскихъ... никто не хочетъ, и даже великодушные, вѣрные союзники...

И только тутъ, въ столицѣ народа, съ которымъ мы воевали вѣка, воевали и въ послѣднюю войну, въ столицѣ, на которую мы столько разъ и совершенно открыто претендовали, желая взять ее себѣ, только тутъ несется неумолчный крикъ:

— Харошъруссъ, харошъ...

Чудесны дѣла Твои, Господи...

* * *

Русская церковь въ посольствѣ...

Всякій знаетъ, какъ бываетъ у всенощной... Такъ и было...

Но эти слова, такія знакомыя, только теперь получили настоящую цѣну. Только мы, русскіе, разсѣянные по всему свѣту, вытерпѣвшіе все, можемъ ихъ понять до конца.

— О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, и о спасенія нхъ, миромъ Господу помолимся . . .

— Господи помилуй . . .

* * *

Помилуй, помилуй, помилуй Господи . . .

Что можно сказать больше . .

— О плавающихъ . . .

Это Димка — младшій . . . Онъ сейчасъ плаваетъ гдѣ то подъ Африкой, въ Бизертѣ. Оставленный мною въ Севастополѣ, онъ нанялся матросомъ на миноносецъ . . . Мальчику пятнадцать лѣтъ . . .

— О путешествующихъ . . .

Вотъ ужъ сколько я путешествую . . . это значитъ было послѣдній разъ, когда я видѣлъ Россію 29 сентября . . . Послѣднее, что я отъ нея видѣлъ, былъ этотъ двукольчатый маякъ . . . Прости, двукольчатый . . . И вотъ отчего всегда на немъ была какая то печальная и ироническая усмѣшка! . . Даже тогда, когда мы бѣжали изъ Одессы и ликующіе подходили къ нему . . . Онъ зналъ, что это не надолго . . . А гдѣ Вовка? . . Тоже „путешествующій . . .

— Недугующихъ . . .

Вотъ получилъ телеграмму, что Саша, братъ Эфема, гдѣ то валяется въ какомъ то госпиталѣ или на суднѣ въ очень тяжелой болѣзни . . . А гдѣ, — найти не могу . . .

— Страждущихъ . . .

Сколько ихъ, страждущихъ . . . но изъ всѣхъ нихъ одинъ конечно, ближе . . . мнѣ кажется, что онъ страждетъ больше другихъ, хотя я зная, что это не такъ . . . Онъ какъ и всѣ . . . Ляля . . . Если живъ, выстрадалъ весь походъ, всѣ бои, всѣ эвакуаціи и дострадываетъ въ лагеряхъ . . . Если живъ . . . А если и живъ, то можетъ быть искалѣченъ, израненъ. Такимъ именно онъ приснился мнѣ сегодня . . . На лбу, надъ лѣвой бровью страшный слѣдъ . . . Другая пуля прошла около ло-

патки . . . а еще одну, говоритъ, надо вынуть . . . Это знакомое, кажущееся мнѣ такимъ замѣчательнымъ лицо, съ глазами страдающей газели, какое то стало другое, себя не находящее . . .

— Плѣненныхъ . . .

Одного плѣненнаго ужъ нѣтъ . . . Несчастный Эфемъ погибъ . . . Разстрѣляли . . . Это я уже здѣсь узналъ . . .

И сколько ихъ всѣхъ . . .

Господи, Господи, помилуй . . .

* * *

Сегодня наступаетъ Новый Годъ . . . Для всего міра, кромѣ насъ.

Кто это мы? . . .

Мы — „вранжелисты“ . . .

* * *

Мы будемъ праздновать Новый Годъ по старому.

Мы одни въ цѣломъ мірѣ.

И все таки правы мы, а не они . . .

Ибо старое вернется . . .

Міровая реакція неизбѣжна.

* * *

— Вовка? ! ! !

Да, это былъ онъ.

Мы столкнулись на Grand'rue de Péra . . .

* * *

— Какъ же вы? Какъ это случилось? !

— Моя исторія кратка . . . То есть ее можно кратко разсказать, а было всего . . . Но словомъ 30 сентября (по старому) меня выбросило на Румынскій берегъ у Цареградскаго маяка . . . Два мѣсяца я пробылъ въ Румыніи . . . Румыны все никакъ не могли сначала опредѣлить, кто мы — большевики или „вранжелисты . . .“ А потомъ, когда убѣдились, что вранжелисты, просто тянулись всякія формальности . . . Обращались на этотъ разъ не дурно, не то, что тогда . . . А иногда даже были очень милы. Въ началѣ декабря я попалъ въ Болгарію . . . и затѣмъ вотъ вчера сюда . . . Ну разсказывай...

— Все разсказать это очень долго . . .

— Ну не все . . . самое важное . . .

— Самое важное . . . я старался выполнить все, что было мнѣ поручено. Вначалѣ все шло благополучно . . . Мы тогда пришли въ ту ночь на берегъ, какъ условились . . . Прождали... васъ не было . . . Рѣшили, что значитъ нельзя было выйти . . . мы такъ и поняли, что штормъ . . . Затѣмъ, — затѣмъ стало хуже.

— Что нибудь узналъ про Эфема?

— Узналъ. Ваше радіо было получено . . . и даже послѣ этого его сейчасъ же перевели изъ чрезвычайки въ тюрьму, улучшили пищу и стали иначе обращаться . . . Даже какъ то отъ него пришло какое то сообщеніе . . . онъ предупреждалъ, чтобы были осторожны, что они очень освѣдомлены . . . что онъ совсѣмъ было приготовился къ смерти и былъ спокоенъ и готовъ . . . Теперь у него появилась надежда . . . но что онъ не знаетъ: что хуже . . .

— Онъ погибъ? . . . навѣрное?

— Да . . . въ концѣ концовъ разстрѣляли . . . Это я уже здѣсь узналъ — изъ списковъ разстрѣлянныхъ . . .

— Но отчего? Какая окончательная причина?

— Нельзя понять . . . Когда нибудь можетъ быть узнаемъ..

* * *

— Я сдѣлалъ все, что надо, и торговалъ шлюпку . . . Въ это время это и случилось.

— Что „это? . . .“

— Вы говорили мнѣ записывать интересное . . . этотъ эпизодъ я записалъ . . .

— Ну хорошо . . . пойдемъ куда нибудь . . . Они празднуютъ Новый Годъ. Намъ нечего праздновать . . . все равно... за стаканомъ вина прочти мнѣ . . .

Разсказъ поручика Л.

Я жилъ тогда . . . ну, словомъ, вы знаете у кого . . . проснулся съ сознаніемъ, что еще очень рано. Проснулся отъ того, что кто то открылъ двери изъ передней и сказалъ за дверью:

— Это къ вамъ . . .

Я приподнялъ голову. Въ комнату быстро вошелъ человѣкъ. Разсмотрѣть его нельзя было, такъ какъ шторы были опущены. Человѣкъ быстро пошелъ къ окну.

— Кто это? . . .

Человѣкъ поднялъ штору и сказалъ громко:

— Изъ чрезвычайной комиссіи . . . Вставайте всѣ . . .

Въ эту же минуту въ комнату вошелъ другой человѣкъ.

Я не могу сказать, чтобы я испугался, — это было бы не совсѣмъ точно. Но я почувствововалъ во всемъ организмѣ какое то особое напряженіе . . . Какъ будто бы всѣ точки организма оказались связанными туго натянутыми нитями . . . Это совсѣмъ похоже на то, какъ бываетъ, когда услышишь свистъ первой пули, и начинается бой.

Я разсмотрѣлъ этихъ людей. Вошедшій первымъ былъ средняго роста, не брюнетъ и не блондинъ, полуеврейскаго, полувосточнаго типа. На немъ было рыжеватое пальто и фуражка военнаго образца безъ какого нибудь значка или кокарды. Другой — высокій, черный, моложе перваго, видимо русскій, въ черномъ пальто и кепи.

Одинъ изъ нихъ началъ опрашивать всѣхъ. А въ этой квартирѣ было много народа. Онъ спрашивалъ всѣхъ по очереди. Затѣмъ обратился ко мнѣ.

— А вы кто? . . .

Эти люди, жившіе къ этой квартирѣ, дали мнѣ пріютъ почти случайно. Они не знали, кто я. Имъ рекомендовали меня ихъ друзья, просили пріютить. Потому я отвѣтилъ спокойно:

— Я студентъ такого то университета, такой то. Три дня тому назадъ пріѣхалъ сюда . . . Меня пріютили здѣсь, потому что мнѣ некуда было дѣться.

— Это ваши знакомые?

— Да . . .

Одинъ изъ чекистовъ сталъ перебирать и просматривать бумаги на письменномъ столѣ. Меня это не очень безпокоило; врядъ ли онъ могъ тамъ что нибудь найти. Когда я одѣлся, рыжій протянулъ мнѣ какую то бумажку. Штампъ и печать одесской чрезвычайки. Я прочелъ:

„Товарищу такому то. Предлагается произвести обыскъ въ квартирѣ гражданки такой то, такой то адресъ, и арестовать ее и всѣхъ находящихся въ квартирѣ“.

Затѣмъ послѣдовалъ полусочувственный жестъ — ничего не подѣлаешь — и поясненіе:

— Прійдется сидѣть въ квартирѣ до вечера, ждать публику. А затѣмъ . . .

И краснорѣчивая пауза.

Оба представителя власти шарили довольно продолжительное время по ящикамъ стола, по угламъ, приподнимали тюфяки, открывали корзинки и картонки. Извлекли откуда то запыленный и заплеснѣвѣвшій номеръ „Единой Руси“, о присутствіи котораго въ квартирѣ никто раньше и не подозрѣвалъ. Впрочемъ, они сами кажется не придали этому обстоятельству значенія.

Самое скверное было то, что не было папиросъ. Попросили разрѣшенія послать купить папиросъ и хлѣба. Сначала они не согласились, потомъ позволили пойти четырнадцатилѣтнему гимназисту Женѣ. Съ мальчикомъ отправился и одинъ изъ чекистовъ. Когда онъ вернулся, то разсказалъ, что чекистъ все время шелъ за нимъ, и когда одна изъ дворовыхъ дѣвочекъ съ нимъ заговорила, отогналъ ее въ сторону.

Рыжій усѣлся на диванѣ въ столовой, черный въ передней. Они не обращали вниманія на передвиженіе публики изъ комнаты въ комнату. Разрѣшали выходить и въ коридоръ, и въ кухню. Предупредили, что заперли и парадную, и черную выходную дверь на ключъ, и что ключи у нихъ.

Я прошелъ въ спальню. Тамъ было нѣсколько молодыхъ женщинъ. Въ общемъ онѣ почти не проявляли испуганности. Больше всѣхъ была взволнована В. А. Въ глазахъ ея стояли слезы.

— Скажите же, ради Бога, откуда это несчастіе, зачѣмъ они пришли?

Рѣшить это было довольно затруднительно.

Если бы они искали меня, то они бы обращались со мной иначе. Очевидно я не внушилъ имъ особыхъ подозрѣній. Не больше чѣмъ всѣ другіе. Но если не я, то кто же . . . И хозяйка квартиры, и вся семья, и всѣ, кто случайно у нея ока-

зался, никакой политикой не занимались, жили изо дня въ день, думая только о хлѣбѣ насущномъ. Я чувствовалъ, что здѣсь какая то ошибка . . . Или быть можетъ выслѣдили, что здѣсь бываетъ кто нибудь, за кѣмъ охотятся. Населенію квартиры врядъ ли грозитъ серіозная опасность, и если ихъ арестуютъ, то въ концѣ концовъ, конечно выпустятъ, если бы не я... Меня могли узнать, и тогда дѣло для всей семьи могло бы повернуться серіозно Въ сущности было очень важно, чтобы я отсюда смылся . . .

Хорошо было бы еще поговорить съ представителями власти. . . Для этой цѣли была командирована въ переднюю В. А., какъ болѣе подходящая развѣдчица.

Мы остались вдвоемъ съ хозяйкой квартиры. Удивительно, что эта маленькая хрупкая женщина сохраняла все время великолѣпное самообладаніе.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала она. Мы ничѣмъ такимъ не занимались. . . очевидно дѣло не въ насъ. . . Очевидно они ловятъ кого то, кто у меня бываетъ. . . Я въ политику не хочу входить, но я не хотѣла бы, чтобы у меня въ квартирѣ кто нибудь погибъ. . .

Ея губы дрогнули въ первый разъ. . .

— Ахъ, Боже мой. . . за себя я не боюсь. . . Ни капельки — даже странно. . . Но вы всѣ. . .

Она помолчала минутку.

— А теперь уйдите, пожалуйста. . .

Она стала зажигать лампадку передъ иконой. Быть можетъ, хотѣла молиться. . .

Въ столовой я нашелъ альбомъ и углубился въ стихи.

Стукъ въ парадную дверь. Чекистъ, дремавшій на диванѣ, вскочилъ и бросился въ переднюю. Впустили бабу молочницу. Сдавъ молоко, забравъ свои фляги въ корзину, она намѣревалась уйти, но чекистъ заявилъ, что не выпуститъ ее. Баба подняла отчаянный вой.

— Якъ же такъ. . . ой лишеньки мини. . . Ратуйте, добри люды. . . Диты жъ мои дома зостались. . . Шожъ съ ними буде. . . Шожъ це таке за горе. . .

Плачъ и причитанья продолжались минутъ пятнадцать. Наконецъ, очевидно, нервы церберовъ не выдержали. Бабу

выпустили со строгимъ предупрежденіемъ, чтобы она не смѣла говорить, что дѣлается въ квартирѣ.

Инцидентъ съ молочницей имѣлъ слѣдующія послѣдствія. Минутъ черезъ десять послѣ ея ухода кто то началъ энергично стучать, а потомъ ломиться во входную дверь. Оба чекиста бросились со всѣхъ ногъ въ переднюю. Открыли дверь и впустили банду — человѣкъ пять-шесть милиціонеровъ ближайшаго раіона. Оказалось, что домовой комиссаръ узналъ либо отъ молочницы, либо отъ дворовыхъ дѣтей о томъ, что въ квартирѣ засѣли какія то личности, которыя всѣхъ задерживаютъ, допрашиваютъ и чего то ищутъ. Онъ предположилъ, что это могутъ быть налетчики и поспѣшилъ въ раіонъ, откуда немедленно былъ командированъ патруль. Охранная служба у большевиковъ несется отчетливо.

Милицейскіе съ шумомъ ворвались въ квартиру.

— Кто такіе? . . Сдавай оружіе. . .

— Осторожнѣй, товарищи. . . легче. . .

— Да кто вы такіе? чего разоряетесь, трамъ тарарамъ, сдавай оружіе. . .

— Мы — представители Чека. . . Вашъ ордеръ!

— А вашъ ордеръ, трамъ тарарамъ. . . Много такихъ представителей . . .

Произошелъ обмѣнъ ордерами.

— Такъ чего же вы, товарищи, не предупредили домового комиссара? Правило вѣдь знаете. . .

— Такъ какая же тогда будетъ засада, если его предупреждать, . . Если всѣ будутъ знать, такъ кто же въ эту квартиру пойдетъ. . .

— Да не всѣ. . . а домовому комиссару нужно. . . надо, чтобы по закону. . .

Милиціонеры ушли. . . Ушелъ и одинъ изъ чекистовъ. Насколько можно было судить по фразамъ, которыми они обмѣнялись, въ ордерѣ оказалась какая то формальная неисправность, которую нужно было исправить. А можетъ быть онъ пошелъ за инструкціями. А можетъ быть, по своимъ личнымъ дѣламъ.

Прошло нѣкоторое время. И вдругъ въ мозгу у меня мелькнула картинка, сохраненная зрительной памятью: когда

одинъ чекистъ уходилъ, другой его не провожалъ въ переднюю. Значитъ, выходную дверь онъ не могъ запереть на ключъ, — вѣдь не унесъ же ушедшій ключъ съ собой. . . Значитъ, дверь закрыта только на англійскій замокъ. Надо посмотрѣть, нельзя не посмотрѣть. . .

Стучатъ. . . Вотъ законный предлогъ: я пошелъ открывать. Тотъ чекистъ, что въ столовой, задремалъ — стука не слышитъ.

Такъ и есть. Поворачиваю англійскій замокъ, дверь открыта. Sacramento, — въ дверяхъ уходившій чекистъ. Не во время вернулся. . . Не судьба. . .

* * *

Е. А. произвела артистическую атаку на вернувшагося чекиста и затѣмъ сообщила результаты развѣдки. По словамъ представителей власти причиной ареста былъ доносъ. Кѣмъ сдѣланъ доносъ и каково его содержаніе — они сами не знаютъ . . . Это правдоподобно, ибо доносъ, вѣроятно, такъ же распространенъ въ Совдепіи, какъ въ свое время въ Венеціи. Второе, что она узнала, это то, что около трехъ часовъ въ квартиру должны явиться какіе то слѣдователи, которые произведутъ вторичный обыскъ и допросъ, и затѣмъ всѣхъ отправятъ въ Чека.

У насъ въ квартирѣ были дѣти. У этихъ дѣтей въ свою очередь было много пріятелей и пріятельницъ изъ другихъ квартиръ. Нѣсколько изъ нихъ пришли къ намъ въ гости. Когда они хотѣли уходить, чекисты ихъ не пустили. Тогда младенцы сомкнулись гурьбой и ворвались въ столовую съ воемъ. Представители власти сначала обозлились, потомъ разсмѣялись. Одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ кармана ключъ и сунулъ мальчику постарше:

— На, открой имъ дверь... Выпусти ихъ... къ черту...

Мальчикъ вышелъ въ переднюю, сопровождаемый всей ватагой. Затѣмъ вернулся и возвратилъ ключъ чекисту.

Спустя минутку онъ отозвалъ меня въ сторону.

— Вы можете уйти . . . Дверь не заперта.

Спасибо, мой маленькій герой. Но я не уйду. Если бы я ушелъ, было бы слишкомъ ясно, кто мнѣ помогъ. И Богъ

знаетъ, какую плату получилъ бы ты за свой героизмъ отъ палачей чрезвычайки.

Но было больше двухъ часовъ. Обѣщанные слѣдователи могли явиться каждую минуту.

Надо было дѣйствовать до ихъ прихода. Я чувствовалъ, что мнѣ надо во что бы то ни стало уйти, потому что я былъ, такъ сказать, единственный, кто могъ потопить остальныхъ, если бы меня узнали. Если мнѣ удастся уйти, ихъ хотя и арестуютъ, но выпустятъ, — противъ нихъ ничего нѣтъ. Они ничего не знаютъ, ни во что не замѣшаны.

Но какъ уйти . . . Я подошелъ къ окну. И вдругъ у меня мелькнула мысль: а нельзя ли изъ этого или другого окна по карнизу перебраться въ какую нибудь сосѣднюю квартиру?

Я спросилъ хозяйку дома, маленькую хрупкую женщину . . .

— Можетъ быть вамъ удастся . . . Ближе всего изъ кухни.— Въ сосѣдней квартирѣ какъ разъ никогда никого нѣтъ въ это время. Дверь на англійскомъ замкѣ . . .

Я колебался . . .

— Скажите мнѣ совершенно откровенно: лучше для другихъ, чтобы я ушелъ? . . .

Она посмотрѣла мнѣ въ глаза:

— Если вы чувствуете что нибудь за собой, — уходите... Намъ будетъ лучше . . .

Зналъ ли я что нибудь за собой . . . Я зналъ слишкомъ достаточно . . . И я рѣшилъ бѣжать . . .

Сдѣлали такъ. Прошли всѣ поодиночку черезъ столовую, гдѣ полудремали на диванѣ оба чекиста. Простились... Затѣмъ я прошелъ черезъ столовую обратно и вышелъ въ коридоръ. Въ моментъ моего драпа всѣ должны были находиться въ комнатахъ для полученія алиби.

Я высунулся въ окно и осмотрѣлъ карнизъ. Раньше я какъ то не подумалъ о томъ, что карнизы бываютъ разные.— не по каждому пролѣзешь . . . Это былъ не особенно удобный карнизъ, въ особенности для четвертаго этажа. Узенькій— ладони полторы шириной, и покатый. Попробовалъ стать на него ногой, держась за раму окна. Куда тамъ . . . на немъ

немыслимо удержаться ни одной секунды. А стѣна совершенно гладкая, безъ всякихъ выступовъ, держаться не за что.

Но вотъ что, — внизу на уровнѣ пола комнаты есть другой карнизъ. Такой же узенькій и такой же покатый, правда, но ставъ на него, можно держаться за загибъ того карниза, что идетъ на уровнѣ подоконника. Попробова́лъ. Да, можно удержаться, но только нѣсколько секундъ — всю тяжесть тѣла приходится держать на кончикахъ пальцевъ, ибо загибъ карниза не болѣе сантиметра. Острое желѣзо рѣжетъ руку . . . Вотъ въ чемъ дѣло — надо упереться въ нижній карнизъ колѣнями . . . Теперь верхній карнизъ приходится на уровнѣ плечъ . . . Такъ гораздо легче . . . Достигнуто правильное распредѣленіе тяжести тѣла между колѣнями и кончиками пальцевъ. Больно колѣнямъ, больно пальцамъ, но держаться можно. Теперь въ путь . . . До спасительнаго окна— сажени двѣ съ половиной — три . . . Техника движенія такая. Хватаюсь сначала правой, потомъ лѣвой рукой возможно дальше вправо, а затѣмъ такимъ же образомъ передвигаю колѣни. Въ головѣ ничего — все ушло въ мускульное напряженіе. Такъ проползъ почти половину дороги. Но что это... Дальше верхній карнизъ оборванъ — перерывъ аршина два. Какъ я раньше не замѣтилъ этого, не разсмотрѣлъ, — не понимаю . . . Но не возвращаться же назадъ. Цѣпляюсь изо всей силы самыми кончиками пальцевъ за уголъ верхняго карниза и передвигаюсь колѣнями сколько возможно вправо. Теперь самый рискованный моментъ. Нужно выпустить карнизъ изъ рукъ, сильно податься корпусомъ вправо, схватиться за кончикъ карниза тамъ, гдѣ онъ снова начинается... Это напомнило мнѣ поразившую меня въ дѣтствѣ фотографію въ „Нивѣ“. Велосипедистъ виситъ въ воздухѣ на большой высотѣ вверхъ ногами, — это мертвая петля съ прерванной наверху лентой.

Но это была лишь одна изъ тысячи мыслей, мелькнувшихъ у меня въ головѣ въ это мгновеніе; я теперь понимаю, что значитъ, когда говорятъ, что въ моментъ гибели разворачивается въ одну секунду и проходитъ передъ глазами вся жизнь.

Я удержался съ трудомъ. Одно колѣно сорвалось съ карниза, но въ ту же секунду я „возстановилъ положеніе“... Теперь я уже былъ почти увѣренъ, что доползу. До спасительнаго окна оставалось аршина полтора. Но вдругъ я почувствовалъ, что самый желѣзный карнизъ, за который я держусь, начинаетъ сползать съ выступа стѣны... Оказалось, что два послѣднихъ гвоздя, которыми онъ прикрѣпленъ къ выступу стѣны. — отсутствуютъ. Что дѣлать? Если бы на стѣнѣ была хоть какая нибудь точка опоры, и я могъ бы сдѣлать еще шагъ, чтобы схватиться за раму окна... Но ни опереться, ни схватиться рѣшительно не за что... Я продвинулся еще немножко по карнизу... Желѣзная полоска гнется и ходитъ у меня въ рукахъ. До окна только аршинъ. Но даже разстояніе въ сантиметръ человѣкъ перелетѣть не можетъ. Возвратиться обратно — немыслимо. Мускулы рукъ и ногъ страшно устали, и я знаю, что мѣсто, гдѣ карнизъ оборванъ, мнѣ уже никакъ не преодолѣть второй разъ. Оставалось одно.

Я повернулъ голову къ окну и тихо сказалъ:

— Дайте руку.

Молчаніе. Я повторилъ громче.

— Дайте руку...

Въ окнѣ показалась голова... ребенка. И онъ протянулъ мнѣ руку и, напрягши всѣ силенки, помогъ мнѣ.

* * *

Я не знаю, кто былъ этотъ мальчикъ и увижу ли я его когда нибудь... Я ушелъ какъ можно скорѣй. Спустился по лѣстницѣ чернаго хода, вышелъ во дворъ. У воротъ охраны не было. Я былъ свободенъ...

* * *

— А теперь все безъ подробностей... Я былъ свободенъ, но сколькихъ арестовали... Оказывается, большевики будто бы раскрыли какую то обширную русско-польскую организацію и хватали направо и налѣво... Я ничего не могъ сдѣлать больше, кромѣ того, чтобы затруднять другихъ укрывательствомъ своей особы. И поэтому я рѣшилъ бѣжать еще разъ моремъ... Удалось... Вы можете себѣ представить

вить мое состояніе, когда я узналъ, что вы ушли съ Тендры искать меня... и погибли... Тамъ всѣ были увѣрены въ вашей гибели... По обыкновенію существовало много версій на этотъ счетъ. Въ самымъ отвратительномъ состояніи я прибылъ въ Севастополь 26 октября... А черезъ четыре дня, какъ вы знаете, произошла всеобщая эвакуація... Я поспѣлъ какъ разъ во время...

Взглядъ и нѣчто.

Комната въ посольствѣ... Роскошный коверъ на всю комнату. Красивый столъ, мраморъ съ золотомъ... каминъ.

У камина насъ двое. Онъ бѣгаетъ по комнатѣ, я лежу въ креслѣ. Онъ говоритъ:

— Да... и съ этой точки зрѣнія... поймите меня... я хочу, чтобы вы меня поняли... что?

— Ничего... я васъ слушаю...

— Мнѣ показалось, что вы не согласны... Моя мысль до васъ не доходитъ... то, что вы говорите, не важно.. не интересно... А межъ тѣмъ именно вы были правы...

— Когда?

— Тогда... когда вы пріѣхали отъ большевиковъ... въ іюлѣ, въ Севастополь...

— Что я говорилъ?...

— Вы говорили... это очень трудно формулировать... вы указали... вы разсказали... что подъ этой... корой... этой оболочкой совѣтской власти... совершается процессъ... процессы стихійные... огромной важности... ничего не имѣющіе общаго... съ ней... съ корой... съ властью... съ большевизмомъ. Процессы, которые у насъ не поняли... къ которымъ мы даже... не присматривались...

— Конкретнѣе?

— Конкретнѣе?... конкретнѣе — я теперь знаю... Для меня не можетъ быть сомнѣній... У меня есть свидѣтельскія показанія...которымъ я не могу не вѣрить... Я знаю, что война съ Польшей вызвала движеніе, національное движеніе... подъемъ...

— Подъемъ—это слишкомъ сильно сказано. Расколъ въ душѣ многихъ — да... Брусиловское воззваніе произвело

нѣкоторое впечатлѣніе. Оно было написано старымъ языкомъ, и въ силу этого дѣйствовало на нервы... „За Русскую Землю". — это было уже такъ много.

— Нѣтъ... въ Москвѣ было больше... Былъ подъемъ... во всякомъ случаѣ было измѣненіе психологіи... Было... быть можетъ первое признаніе совпаденія путей... и мы... мы этого... недооцѣнили... что?.. вы согласны со мной?..

— Да... пожалуй... Но развѣ вы не замѣчали, что давно уже, — давно уже наши идеи перескочили черезъ фронтъ.

„Противъ воли моей...
Противъ воли твоей"...

Знаете этотъ романсъ или стихъ, ну что то въ этомъ родѣ: Онъ сказалъ ей: „Не надо, не нужно, не должно... Мы поставимъ препятствія и сдѣлаемъ все, чтобы этого не было. Но если — противъ воли моей, противъ воли твоей— это будетъ, значитъ, „такъ въ высшемъ рѣшено Совѣтѣ"... Я говорю вздоръ, но все таки это имѣетъ отношеніе къ дѣлу... „Противъ воли моей, противъ воли твоей" наши идеи перескочили черезъ фронтъ... И это такъ было. Прежде всего мы научили ихъ, какая должна быть армія. Когда ничтожная горсточка Корнилова, Алексѣева и Деникина била ихъ орды, — била потому, что она была организована на правильныхъ началахъ — безъ „комитетовъ", безъ „сознательной дисциплины", то есть организована „по бѣлому", — они поняли... Они поняли, что армія должна быть арміей... И они *возстановили армію*... Это первое... Конечно, они думаютъ, что они создали соціалистическую армію, которая дерется „во имя Интернаціонала", — но это вздоръ. Имъ только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ они возстановили русскую армію... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведовъ... Ленинъ могъ бы пить „здоровіе учителей", эти учителя — мы... И это первая наша великая заслуга... Злыя силы, разрушившія русскую армію въ 1917 г., мы заставили со всей энергіей, на которую они способны (а вѣдь они самая волевая накипь націи), мы заставили работать *по нашимъ* предначертаніямъ на возсозданіе *нашей* русской арміи... Мы учили ихъ не разсказомъ, а „показомъ"... Мы били ихъ до тѣхъ поръ, пока они не выучились драться... И къ

концу вообще всего революціоннаго процесса, Россія, потерявшая въ 1917 г. свою старую армію, будетъ имѣть новую, столь же могущественную . . . Дальше . . . Нашъ главный, нашъ дѣйственный лозунгъ — Единая Россія... Когда ушелъ Деникинъ, мы его не то, чтобы потеряли, но куда то на время спрятали . . . мы свернули знамя . . . А кто поднялъ его, кто развернулъ знамя? Какъ это ни дико, но это такъ... Знамя Единой Россіи фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорятъ . . . Конечно, Ленинъ и Троцкій продолжаютъ трубить Интернаціоналъ. И будто бы „коммунистическая" армія сражалась за насажденіе „совѣтскихъ республикъ." Но это только такъ сверху . . . На самомъ дѣлѣ ихъ армія била поляковъ, какъ поляковъ. И именно за то, что они отхватили чисто русскіе области. И даже если этого настроенія не было . . . Все равно . . . все равно. . . .

— Я съ вами совершенно согласенъ . . . это ясно . . . фактически Интернаціоналъ оказался орудіемъ . . . расширенія территоріи . . . для власти, сидящей въ Москвѣ . . . До границъ . . . до границъ, гдѣ начинается дѣйствительное сопротивленіе другихъ государственныхъ организмовъ, въ достаточной степени крѣпкихъ. Это и будутъ естественныя границы будущей . . . Россійской Державы.

— Ну конечно . . . Соціализмъ смоется, но границы останутся . . . Будутъ ли границы 1614 года или нѣсколько иные, — это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что русскій языкъ во славу Интернаціонала опять занялъ шестую часть суши. Сила событій сильнѣе самой сильной воли . . . Ленинъ предполагаетъ, а объективныя условія, созданыя Богомъ, какъ территорія и душевный укладъ народа, „располагаютъ" . . . И теперь очевидно стало, что, кто сидитъ въ Москвѣ, безразлично кто это, будетъ ли это Ульяновъ или Романовъ (простите это гнусное сопоставленіе), принужденъ, „муситъ", какъ говорятъ хохлы, дѣлать дѣло Іоанна Калиты. „Муситъ" собирать воедино русскія земли. „Противъ воли моей — противъ воли твоей" . . .

И это два . . . А третье, что они у насъ взяли — это принципъ единоличной власти. Они твердили о диктатурѣ пролетаріата на Большомъ Московскомъ Совѣщаніи въ авгу-

стѣ 1917 года. А мы говорили: „Вздоръ:... Управленіе выборнымъ коллективомъ въ условіяхъ войны и революціи — вздоръ“... И вышло по нашему... Обѣ половинки Россіи — Сѣверная и Южная — отвергли коллективъ, и перешли Южная — къ единоличной диктатурѣ генераловъ... а Сѣверная — къ „двуличной“ диктатурѣ двухъ дворянъ: одного симбирскаго, а другого іерусалимскаго... Чтобы не надоѣдать вамъ, я кончаю... Резюме. „Противъ воли моей — противъ воли твоей“ — большевики:

1) возстанавливаютъ военное могущество Россіи;

2) возстанавливаютъ границы Россійской Державы до ея естественныхъ предѣловъ;

3) подготовляютъ пришествіе Самодержца Всероссійскаго.

— Развѣ вы не конституціонный монархистъ?...

— Если хотите,—да... Десять лѣтъ Государственной Думы —меня испортили... Пожалуй, мнѣ хотѣлось бы, чтобы была конституціонная монархія. Но надо различать...желанное отъ возможнаго... Мнѣ кажется, что желанное не возможно... Послѣ всего, что произошло, конституціонная монархія врядъ ли мыслима... По крайней мѣрѣ, въ теченіе ряда лѣтъ, и главнымъ образовъ вслѣдствіе причинъ экономическихъ... Чтобы выйти изъ положенія, прійдется каждые полчаса подписывать героическія рѣшенія... А вѣдь вы знаете, что русскій парламентъ героическихъ... отвѣтственныхъ... безумно смѣлыхъ... рѣшеній принимать не можетъ... Вы знаете... Гдѣ соберутся три нѣмца, — тамъ они поютъ квартетъ... Но гдѣ соберутся четыре русскихъ, тамъ они основываютъ пять политическихъ партій... Поэтому и въ русской дѣйствительности героическія рѣшенія можетъ принимать только одинъ человѣкъ...

— Это будетъ Ленинъ?.. или Троцкій?..

— Нѣтъ... ибо онъ не будетъ ни психопатомъ, ни мошеникомъ, ни соціалистомъ... На этихъ господахъ висятъ несбрасываемыя гири... ихъ багажъ, ихъ вериги... — соціализмъ... они не могутъ отказаться отъ соціализма... они вѣдь при помощи соціализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этотъ мѣшокъ на спинѣ до конца... и онъ ихъ раздавитъ... Тогда прійдетъ Нѣкто, кто возь

метъ отъ нихъ ихъ „декретность“ ... Ихъ рѣшимость принимать на свою отвѣтственность, принимать невѣроятныя рѣшенія. Ихъ жестокость проведенія однажды рѣшеннаго. „Это нужно — значитъ это возможно“ — девизъ Троцкаго... Но онъ не возьметъ отъ нихъ ихъ мѣшка. Онъ будетъ истинно краснымъ по волевой силѣ и истинно бѣлымъ по задачамъ, имъ преслѣдуемымъ. Онъ будетъ большевикъ по энергіи и націоналистъ по убѣжденіямъ. У него нижняя челюсть одинокого вепря ... И „человѣческіе глаза“. И лобъ мыслителя ... Комбинація трудная — я знаю ... Я помню, Маклаковъ часто разсказывалъ про Ключевскаго, какъ онъ говорилъ: „Конечно, абсолютная монархія есть самая совершенная форма правленія ... если бы ... если бы не случайности рожденія“ ... Да, это такъ ... и все что сейчасъ происходитъ, весь этотъ ужасъ, который сейчасъ нависъ надъ Россіей — это только страшные, трудные, ужасно мучительные ...

— Что? ..

— Роды ...

— Роды?!

— Да, роды ... Роды Самодержца ... Легко ли родить истиннаго Самодержца и еще Всероссійскаго! ..

Новогодняя ночь.

Я уснулъ у трубы. У трубы тепло, неудобно немножко, но вѣдь тамъ всюду — не у трубы — такъ холодно. Вѣдь сегодня 31 декабря. Ночь на палубѣ не такъ пріятна въ это время года ... даже на Босфорѣ ...

Мы давно ужъ тутъ стоимъ, на якорѣ, въ сплошномъ туманѣ. Отъ времени до времени мы запускаемъ сирену и звонимъ во всѣ склянки. Туманъ иногда проясняется ... иногда нѣтъ. Кругомъ насъ, невидимые и потому таинственные, воютъ и звонятъ другіе суда.

Я давно ужъ тутъ сижу у трубы. То засыпаю, то снова просыпаюсь для того только, что бы убѣдиться, что туманъ сталъ еще непроницаемѣй. Черезъ него съ трудомъ пробиваются огни, образуя расплывчатыя пятна.

* * *

Въ полудремотѣ вспоминается эта послѣдняя недѣля ... мало радости она принесла мнѣ ...

* * *

Вотъ я ѣду въ Галлиполи. За бортомъ „Soglassie“ мягко-мягко слышна струя... лежу, зарывшись въ прессованное сѣно... Мерзну, но не до отчаянія. Надо мною небо, то звѣздное, то туманное... когда туманъ и ночь становится сѣро-мутной, дѣлается какъ то смутно на душѣ — плохое предчувствіе...

Ѣду въ Галлиполи. Буду искать тамъ сына — Лялю. Найду ли? Неужели можетъ быть такъ, что я никогда больше не увижу... не услышу, какъ онъ вдругъ... Это называлось plusquamperfectum... Неужели я видѣлъ его въ послѣдній разъ тогда, 1 Августа въ Севастополѣ, когда онъ уходилъ своей характерной, развинченной походкой, тянущей ноги...

Неужели конецъ...

* * *

Пріѣхалъ... Долго возились... Наконецъ на какомъ то парусномъ баркасѣ пошли на берегъ.

Разбитый городъ... Грязь... Среди грязи толчется и топчется толпа рыжихъ англійскихъ шинелей, отъ одного вида которыхъ щемитъ. Это наша армія...

Пробиваюсь сквозь нее. Одни бездѣльничаютъ, другіе таскаютъ дрова. Сквозь толпу движется рота сингалезцовъ: губы — „полфунта“, странные волосы, которые вьются „отвратно“... Черны соотвѣтственно.

Странно видѣть ихъ, этихъ черныхъ среди русской массы. Но чувствую ясно, кто здѣсь возьметъ психическій верхъ. Не устоятъ — черные. Огромный сингалезъ, на голову выше остальныхъ, командуетъ по своему, со звѣрскимъ выраженіемъ. Происходитъ смѣна караула. Исполняютъ какъ слѣдуетъ. Видно сильно боятся этого огромнаго высокаго.

Русская масса смотритъ на нихъ безъ злобы. Раздраженіе, которое чувствуется, направлено противъ кого то другого.

По грязи добираюсь къ русскому коменданту. Охраняютъ юнкера. На нихъ какъ всегда пріятно взглянуть. И здѣсь они твердая опора, какъ были во всю революцію.

Удивительно, почему та же самая русская молодежь, попадая въ университеты, превращала ихъ въ революціонные

кабаки, а воспитанная въ военныхъ училищахъ дала высшіе образцы дисциплины и патріотизма . . .

Узнаю у коменданта дорогу въ лагерь черезъ горы.

* * *

Иду по шоссе, потомъ по тропинкѣ . . . Путь указываютъ люди, въ англійскихъ шинеляхъ, мѣсящіе глину тропинки. Ихъ много, они безпрерызно идутъ туда и обратно. Иногда несутъ вѣтки можжевельника, очевидно вмѣсто елочекъ . . . Вѣдь сегодня сочельникъ . . .

Горы, пустыя, глинистыя. Грязно . . . Сѣро . . . Скучно... Тоскливо . . .

Шелъ нѣсколько верстъ, шесть или семь . . . Наконецъ — тамъ въ долинѣ . . . Бѣлые домики съ бѣлыми крышами... Нѣтъ — это не домики — это такія палатки.

— Гдѣ они? . . .

— Вотъ . . . тутъ направо Корниловцы . . . налѣво Марковцы . . . тамъ дальше Дроздовцы и Алексѣевцы . . .

* * *

Вотъ значитъ . . . Сейчасъ рѣшится — Господи помоги . . .

* * *

— Нѣтъ: въ спискѣ наличныхъ такого нѣтъ . . .

И готовъ я былъ къ этой минутѣ . . . Давно съ нимъ простился мысленно . . . И все же . . .

Но надежда еще теплится . . . надо разпрашивать, — можетъ быть гдѣ нибудь въ госпиталѣ.

Но какъ стало тяжело . . . пришибло . . . Думалось: а вдругъ здѣсь . . . вдругъ сейчасъ увижу . . .

— Въ числѣ наличныхъ нѣтъ . . .

* * *

Узналъ все про сына . . . нашелъ офицера, который былъ его начальникомъ.

Онъ разсказалъ мнѣ всю сцену. Все какъ было.

Могло быть и то и другое. И жизнь и смерть . . . Надежда есть. Если Господь захотѣлъ, — онъ живъ . . .

* * *

Отыскиваю генерала Е. Это еще за четыре версты въ горахъ. Маленькій домикъ... каменная хижина...

Есть-же сердечные, славные люди...

Приняли, какъ родного...

* * *

Сочельникъ... Елочка — можжевельникъ. Горятъ свѣчки...

Маленькая комната. Но уютно. Желѣзная крошечная печка. Бѣлымъ полотномъ убраны стѣны. Не то землянка, не то палатка. Со мной такъ ласковы. Стараются смягчить, чѣмъ можно, ударъ...

* * *

Я провелъ тамъ недѣлю, въ Галлиполійскомъ лагерѣ... Меня очень спрашивали:

— Что же будетъ теперь?

Они старались чѣмъ могли скрасить свое существованіе. Издавали журналъ рукописный на машинкѣ, въ одномъ или двухъ экземплярахъ. Текстъ сопровождался иллюстраціями карандашемъ и красками. Инициаторами этого дѣла были полковникъ Х. и ротмистръ Ч.

Я отвѣтилъ на то, что отъ меня хотѣли, статьей...

Эта статья появилась въ этомъ своеобразномъ журналѣ, который носилъ названіе: „Развѣй горе въ голомъ полѣ“...

* * *

Ѣду обратно въ Константинополь. Лежу гдѣ то въ трюмѣ на грязныхъ канатахъ. По французски — parfait, по русски — „наплевать“...

Откровенно говоря, я очень доволенъ, что наконецъ одинъ. „Самое большое лишеніе каторги, — говоритъ Достоевскій, — это отсутствіе одиночества“. Я такъ усталъ.... И вотъ теперь наслаждаюсь... валяюсь на канатахъ.

Я зашелъ къ французскому офицеру въ каюту, чтобы показать ему свой документъ, дававшій мнѣ право ѣхать въ Константинополь на этомъ русскомъ суднѣ.

Онъ встрѣтилъ меня фразой и жестомъ.

— Vous, vous restez sur le pont!

Я протянулъ ему бумагу, и сказалъ:

— Votre autorisation pour m'embarquer... Affaires de service...

Онъ посмотрѣлъ бумагу и сказалъ:

— Parfait...

Я повернулся и ушелъ, pour rester sur le pont... Но тутъ пришелъ русскій матросъ и сказалъ:

— Которые желающіе отдыхать — въ первый номеръ...

Вотъ это и есть „первый номеръ“ — въ трюмѣ на канатахъ.

Parfait... По русски, „наплевать“...

* * *

Всю ночь наслаждался въ трюмѣ на канатахъ. Когда очень замерзалъ, вставалъ и ходилъ, потомъ опять ложился. Одѣяла, конечно, у меня нѣтъ, какъ и у всѣхъ насъ, — и вообще никакихъ вещей. Хорошо не имѣть вешей. Но когда очень холодно, хорошо бы имѣть одѣяло.

Зато я изпользовалъ всю роскошь одиночества. Я попрежнему былъ одинъ.

Мнѣ спустили фонарь. На что мнѣ фонарь?.., Крысы его не боятся. Зато хорошо думается въ такомъ трюмѣ ночью. Бѣгаешь, чтобы согрѣться, отъ времени смотришь вверхъ въ отверстіе — не поблѣднѣли ли звѣзды къ разсвѣту... Нѣтъ. Горятъ яркія и холодныя. Еще долго...

И мысли бѣгутъ. Какія? Все тѣ же... Молишь Бога, чтобы онъ былъ милостивъ къ тѣмъ, кто еще живъ, и тоскуешь по тѣмъ, кого уже нѣтъ...

* * *

Настало утро. Утро 31 декабря. Я вылѣзъ изъ своей норы. Холодно, сыро, туманно... Еще противнѣе. Теперь непріятно быть одному.

* * *

Въ сплошномъ туманѣ, неистово запуская сирены и звоня во всѣ склянки, пришли куда то, стали на якорь. Кругомъ насъ выли и звонили другія суда. Все это не предвѣщало ничего хорошаго.

Въ одномъ изъ перырывовъ тумана стало ясно, что мы въ Босфорѣ. Подошелъ карантинный катеръ. Онъ немедленно взялъ всѣхъ французовъ и ушелъ. Русскихъ — нѣтъ... Они должны ожидать „контроля".

Я не ѣлъ уже сутки. Аппетитъ началъ ощущаться. На борту — ничего, и ничего не подвозятъ. Холодно и голодно...

Подошелъ еще катеръ. Поговорилъ о чемъ то съ капитаномъ. Капитанъ русскій — бѣгло говоритъ по французски, но стремится говорить совсѣмъ, какъ французъ. Это удается ему только на половину и потому противно.

Они кричатъ другу черезъ бортъ.

— D'ou venez vous?

— De Gallipoli.

— Qu'aves vous sur bord? Bagage?

— Caisses démolies... Par ordre Marine Française...

Онъ тянулъ „caise" чтобы выходило совсѣмъ по французски. Но не выходило и было немножко неловко.

— Passagers?

— Vingt trois personnes,.. militaires...

Онъ тянулъ „taires".

И этимъ все ограничилось. Катеръ отошелъ, заявивъ, что нужно ждать „контроля".

Затѣмъ пришелъ еще третій катеръ. Вышло два француза.

— Bagage?

— Caisses démolies...

Они пошли смотрѣть разбитые ящики, а потомъ вернулись на палубу, собираясь уѣзжать. Къ нимъ пристали. Они заявили, что нужно ждать „contrôle".

Но все же взяли съ собой генерала, потому что онъ генералъ, и одного полковника, которой имѣлъ находчивость сказать, что у него:

— Lettre urgente pour le général Vrangel.

— Et bien alors, qu'il vienne le colonel, mais lui seul...

Полковникъ пошелъ за вещами.

— Mais... qu'il se débrouille, le colonel, quoi!

Тонъ былъ соотвѣтственный. Но вѣдь они — Державы-Побѣдительницы...

* * *

Отошелъ и этотъ катеръ. Но вокругъ парохода стали сновать каюки, турецкіе ялики. Ихъ зовутъ „кардашъ“.

На „кардашъ“, опустившись по канатамъ, убѣжало тайкомъ нѣсколько человѣкъ. Мнѣ было противно спускаться по веревкѣ, потому что она въ маслѣ и углѣ. Оно и къ лучшему. Все таки неловко.

„Dura lex, sed lex“.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ „dura“ надо было бы понимать не въ латинскомъ, а въ русскомъ произношеніи этого слова. Кому нужно было, чтобы мы непремѣнно встрѣтили Новый Годъ въ такой обстановкѣ?

* * *

Туманъ сгущался. Становилось все холоднѣе и голоднѣе. Надежды совсѣмъ упали. Ясно стало, что контроль не пріѣдетъ сегодня.

Я усѣлся у трубы, тамъ теплѣе. Около меня сидѣлъ какой то простой человѣкъ. Онъ вдругъ обратился къ намъ то есть ко мнѣ и еще тремъ голодающимъ у трубы.

— Вы, господа, тоже навѣрное ничего не кушали?

— Да, какъ будто . . .

— Ну, такъ будемъ ѣсть . . . Вотъ у меня банка, консервная . . . Только безъ хлѣба . . .

Я не отказался и съ аппетитомъ проглотилъ то микроскопическое, что онъ могъ удѣлить. Все таки стало легче и отъ консервовъ, и отъ того, что онъ подѣлился послѣднимъ...

Стемнѣло. Я крѣпче прижался къ трубѣ. Туманъ падалъ хол дной росой . . .

* * *

Я заснулъ . . . Мнѣ приснился благовѣстъ . . . отъ этого я проснулся.

Что это такое.

* * *

Ахъ, это сирены . . . Туманъ еще сгустился . . . чуть-чуть только пробиваются ближайшіе огни, и то блѣдными пятнами... Поэтому сирены и звучатъ на всѣхъ судахъ Босфора.

* * *

Звучатъ не отдѣльными погудками, а непрерывными, упрямыми алармистскими набатными голосами, звучатъ одна передъ другой, какъ будто состязаясь на долгость и призывность, звучатъ каждая своимъ голосомъ, но всѣ вмѣстѣ выпѣвая одно слово, слово, которое дѣлается страшнымъ, и это слово:

— Туманъ . . . туманъ . . . туманъ . . .

* * *

Звучатъ протяжныя, глубоко-ревуче-пѣвучія, какъ будто бы какія то исполинскія существа голосятъ со страху . . .

— Туманъ . . . туманъ . . . туманъ . . .

* * *

Звучатъ разныя, — то двойными голосами въ стройномъ созвучіи, то въ случайно сцѣпившихся странныхъ соединеніяхъ, то въ нестерпимо невѣрныхъ сопряженіяхъ, отъ которыхъ рождаются тяжко-мучительныя перебойныя біенія . . . И слышится въ нихъ иногда благовѣстъ, чаще — набатъ, но болѣе всего страшное, тоскливо-ужасное, долго-внезапно-отчаянное:

— Туманъ . . . туманъ . . . туманъ . . .

* * *

Вдругъ выстрѣлъ . . . Одинъ, другой, третій . . . Что это?... Здѣсь, тамъ, справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ. Что это?... Вотъ затихло . . . вотъ опять разгорѣлось . . . охватываетъ кругомъ . . . что это? . . . Трескъ винтовокъ становится сплошнымъ и заглушаетъ долгій стонъ сиренъ.

Что это?

* * *

Это мы, русскіе, завороженные сплошнымъ туманомъ, среди набатнаго реза въ смертельномъ страхѣ тоскующихъ чудовищъ, въ тяжкихъ мучительныхъ судорогахъ перебойнобьющихъ біеній, — празднуемъ свой русскій Новый Годъ . . .

* * *

Празднуемъ...Ну и слава Богу...если есть силы праздновать...

* * *

Привѣтъ тебѣ, тысяча девятьсотъ двадцать первый . . .

В. Шульгинъ.

Н. С. Гумилеву.

... Справа по три! Не плачь!
Маршъ могильный играй, штабъ-трубачъ!

А. Фетъ.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислитъ въ рать свою.

А. Ахматова (изъ Н. Гумилева).

Сводъ небесный будетъ раздвинутъ
Предъ душою, и душу ту
Бѣлоснѣжные кони ринутъ
Въ ослѣпительную высоту.

Н. Гумилевъ.

Я принялъ вѣсть о гибели твоей
Не горькими безсильными слезами,
Но твой завѣтъ торжественный храня,
Ее я принялъ крѣпкимъ сердцемъ мужа —
Я знаю — такъ довольнѣй будешь Ты.

И вотъ, замкнувшись въ четырехъ стѣнахъ,
Я вѣрю, что бесѣдую съ Тобой.
Услышь мой голосъ, тотъ же, что всегда!
Съ Тобою говорю, какъ въ Петербургѣ
За чаемъ иль за дружескимъ виномъ.

Для тѣхъ, кто жилъ порывомъ дальнихъ странствій,
Кто звономъ битвъ былъ съ дѣтства опьяненъ,
Въ комъ рогъ охотничій рождалъ безумье,
Для тѣхъ, кому блаженны паруса,
Несущіе въ невѣдомыя воды,
Не знаю я, Валгалла или Рай,
Но есть, но есть высокая обитель!

Я знаю — отдыхаешь Ты сейчасъ,
Ты не снималъ ни разу въ жизни латы,
А мнѣ скучнѣй и тяжелѣй сейчасъ.
Я вижу легкою броней небесной
Одѣлся Ты и въ свѣтлыя крыла,
И огневымъ мечемъ Ты опоясанъ.

На новыя и бранныя дѣла
Неутомимый Ты вооружился.
На небесахъ — испытанная рать
Такихъ, какъ ты, отъ рукъ врага погибшихъ.
Тебѣ ль поэтъ не быть ея пѣвцомъ,
Не стать въ ряды водителей ея!

Иль можетъ быть слова мои земныя
Тебѣ уже чужды и незнакомы.
Прости тогда, что я Тебя тревожу.
Но большаго сказать я не умѣю
Моимъ земнымъ невнятнымъ языкомъ.

Михаилъ Струве.

In memoriam.

Блокъ — Гумилевъ.

Я хорошо помню Блока, я слышу его голосъ, его образъ стоитъ передо мной и вновь подымаетъ во мнѣ мысли, которыя возбуждались когда-то и встрѣчами съ этимъ человѣкомъ и чтеніемъ его произведеній.

И въ то же время мы очень рѣдко встрѣчались и почти никогда не обмѣнивались мыслями. Я знаю изъ словъ и намековъ общихъ знакомыхъ, изъ формы писемъ, что я какъ-то и чѣмъ-то былъ милъ Блоку, что я для него не былъ просто „общественный дѣятель", „профессоръ" и „редакторъ" такой-то. И я чувствовалъ въ свою очередь, что Блокъ милъ мнѣ, милъ лично, и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ (хотя съ его общественно-философскими взглядами я вовсе не былъ согласенъ, и не всѣ его произведенія мнѣ нравились). Но мы этого другъ другу такъ никогда и не сказали. Что то въ этомъ родѣ мелькнуло, помнится, въ томъ письмѣ его ко мнѣ, далекомъ по формѣ отъ всякой интимности и нѣжности, съ которымъ онъ посылалъ въ „Русскую Мысль" „Возмездіе", и въ моемъ отвѣтѣ ему.

И вотъ онъ умеръ.

Блокъ былъ мечтатель въ общемъ и глубокомъ смыслѣ особаго человѣческаго типа.

Но мечтатель *страстный* и не только страстный, но всегда куда то гонимый страстью. И въ то же время мечтатель *бездѣйственный*. Есть вѣдь и мечтатели дѣйственные; вѣчно стремящіеся что то выразить вовнѣ, мечтатели-воины, мечтатели-охотники, даже мечтатели-преступники. Не таковъ былъ Блокъ, бездѣйственно-страстный мечтатель. Нельзя считать дѣйствіемъ, въ томъ психологическомъ смыслѣ, о которомъ я говорю, его поэзію и вообще его литературное творчество. Ибо для него — и это существенная черта Блока!

— поэзія была гораздо болѣе внутреннимъ актомъ, чѣмъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Онъ пѣлъ, и потому онъ такъ *напѣвенъ*, но онъ пѣлъ для себя, ни о комъ вовнѣ не думая, и потому такъ трудно „произносить" Блока въ его собственномъ духѣ. Въ страстной мечтательности Блока было что то германское (по отцу онъ былъ шведскаго произхожденія), угловатое и непрактичное, та самая стихія, которую въ нѣмецкой индивидуальной культурѣ выразилъ такъ болѣзненно-ярко Гейнрихъ ф. Клейстъ. По характеру же литературнаго дарованія они совсѣмъ непохожи; у Блока, какъ *у творца*, гораздо больше внутренней близости съ пѣвцомъ „голубого цвѣтка" Новалисомъ.

Я никогда лично не зналъ отца Блока, но читалъ почти все, что написалъ этотъ малоизвѣствый, не удавшійся профессоръ-государственникъ. Онъ былъ тоже мечтатель, искавшій въ государственной наукѣ исхода своимъ политическимъ страстямъ, и такъ же бездѣйственно-страстный, какъ и сынъ. Блокъ-отецъ былъ славянофилъ въ государственномъ правѣ, вѣрившій въ Россію и не вѣрившій въ Западъ. Онъ былъ безпорядочнымъ и тяжелымъ въ общежитіи человѣкомъ и плохимъ семьяниномъ. На его произведеніяхъ, забытыхъ и не оказавшихъ почти никакого вліянія на русскую науку, но любопытныхъ и индивидуальныхъ, лежитъ печать тѣхъ же чертъ, которыми отмѣчена личность Блока: мечтательности и страстности, неспособной къ дѣйствіямъ. И даже А. А. Блокъ взялъ кое что отъ отца изъ его идейнаго содержанія: туманное и тяжеловѣсное, не просвѣтленное, а, наоборотъ, *мрачное народничество*. То народничество, которое какъ то входитъ въ составъ и большевизма, какъ исторической стихіи.

Мать Блока вышла изъ богато одаренной семьи (она была дочерью ботаника Андрея Николаевича Бекетова). Одна изъ ея сестеръ, по мужу Краснова, была талантливой поэтессой, другая сестра тоже писала. Я ихъ зналъ. Это были хрупкія, нѣжныя существа. Съ этой стороны Блоку передалась та женственность и нѣжность, которая составляетъ неизъяснимую прелесть нѣкоторыхъ его произведеній и которая такъ очаровывала въ его личности, именно въ удивительномъ сочетаніи съ мужественной страстностью. Если бы Блоку было

суждено дольше прожить, если бы ему удалось дожить до воскресенія Россіи, обѣ стихіи его творчества, женственная и мужественная, можетъ быть, слились бы въ единую мощную струю. Такъ онъ ушелъ отъ насъ, не сказавъ своего окончательнаго слова, безмолвно унося въ тотъ міръ какую-то свою послѣднюю думу. О, я не сомнѣваюсь въ томъ, она была о Россіи, которую онъ любилъ со всею нѣжностью и со всей силой своей женственно-мужественнной души!

Но всетаки „*Двѣнадцать*" — величайшее достиженіе Блока. Въ немъ онъ мощно преодолѣлъ романтизмъ и лиризмъ, въ совершенно новой, *своей* формѣ сравнялся съ Бальзакомъ и Достоевскимъ. Съ Бальзакомъ — въ объективномъ, достигающемъ грандіозности, изображеніи мерзости и порока; съ Достоевскимъ кромѣ того — въ духовномъ, пророческомъ видѣніи, что въ здѣшнемъ мірѣ порокъ и мерзость смежны со святостью и чистотой въ томъ смыслѣ, что не внѣшняя человѣческая стѣна, а только какая то чудесная, незримая, внутренняя черта ихъ раздѣляетъ въ живой человѣческой душѣ, за которую, въ *земномъ*, неизбывно борются Богъ и Дьяволъ, Мадонна и Содомъ*).

*

Съ Гумилевымъ я тоже рѣдко встрѣчался. Передо мною, какъ редакторомъ большого журнала, конечно, прошли почти всѣ болѣе или менѣе крупные русскіе поэты новѣйшаго времени. Но я былъ страшно занятъ, и личное общеніе съ сотрудниками было для меня, къ великой моей скорби, почти недоступной роскошью. Однажды, я помню, Л. Я. Гуревичъ собрала многихъ изъ молодыхъ поэтовъ въ редакціи „Русской Мысли". Въ числѣ ихъ были Гумилевъ и Ахматова, тогда его жена. Не только въ личной жизни, но и въ исторіи русской поэзіи эти два имени останутся связанными. И прежде и потомъ я еще нѣсколько разъ видѣлся съ Гумилевымъ.

Онъ былъ тоже мечтателемъ, но другого, чѣмъ Блокъ, — *дѣйственнаго* типа. Онъ былъ воинъ по натурѣ и при-

*) Въ „Двѣнадцати" есть неясности, на которыя я указалъ въ первой книжкѣ „Русской Мысли" зарубежнаго изданія но они не устраняютъ художественно-объективной значительности этого произведенія

званію, жившій всѣмъ своимъ существомъ на войнѣ и на охотѣ. До великой войны онъ ѣздилъ въ Африку — охотиться. Въ войнѣ онъ принималъ участіе, какъ боевой кавалерійскій офицеръ.

Онъ жадно воспринималъ внѣшнія впечатлѣнія, яркія экзотическія краски, внѣшне-драматическія положенія борьбы человѣка съ звѣремъ и состязанія человѣка съ человѣкомъ. Въ изображеніи моряковъ, водителей кораблей, искателей приключеній за морями, онъ достигаетъ классической силы и простоты. Эти его стихи войдутъ во всѣ хрестоматіи русской поэзіи. Вообще Гумилевъ былъ, какъ мнѣ кажется, по преимуществу эпическій поэтъ, способный мастерски *изображать* то, что онъ любилъ, что было мило и родственно его существу воина и охотника.

Съ душою воина онъ соединялъ крѣпкія политическія убѣжденія и пламенную любовь къ родинѣ-матери. Какъ человѣческій и культурный типъ, поэтъ Гумилевъ входитъ въ длинную и славную галлерею русскихъ поэтовъ-воиновъ, и онъ займетъ въ ней по поэтической значительности далеко не послѣднее мѣсто. Его трагическая гибель, въ одномъ смыслѣ случайная, какъ все, что происходитъ въ безсмысленномъ мірѣ низости и глупости, въ другомъ смыслѣ роковая, неотмѣнимой кровавой связью соединитъ для исторіи литературы съ его поэтической дѣятельностью — *память о самыхъ ужасныхъ дняхъ паденія и мукъ Россіи.* То, что его казнили *палачи Росіи*, не случайно. Эго полно для насъ глубокаго и пророческаго смысла, который мы должны любовно и мужественно вобрать въ наши души и въ нихъ лелѣять.

Сентябрь 1921 г.

Петръ Струве.

Маленькіе разсказы о современности.

Ужасная пора,
О ней свѣжо воспоминанье.

А. Пушкинъ.

Посвящается Н. Г. Львовой.

I.

Балъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы.

А. Пушкинъ.

Огромная афиша обѣщала грандіозный балъ моряковъ и безпрерывные танцы.

На эстраду выходили скрипачъ съ тонкимъ профилемъ, красивая пѣвица въ открытомъ платьѣ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, а послѣ нихъ акомпаніаторъ поднималъ крышку рояля, и бурные звуки, смѣшавшись съ еще нерастаявшими въ воздухѣ скрипичнымъ напѣвомъ и тихими, трепетными, какъ лепестки неувядшихъ розъ, мелодіями романсовъ, царили надъ этимъ гуломъ, гомономъ и выкриками рвущейся къ танцамъ аудиторіи.

Пронесся одобрительный гулъ, и взоры и любопытство всѣхъ протянулись въ одну точку туда, гдѣ высоко надъ публикой вдругъ возникла знакомая фигура полнаго обрюзгшаго моряка съ бритымъ лицомъ и тусклыми глазами. Сиплый сильный голосъ декламировалъ новую басню „моряка Андринга“ . . .

Когда мы банды черныхъ разобьемъ,
Гуляй тогда по новымъ тротуарамъ,
По скверамъ и базарамъ . . .

И вдругъ тутъ же чей то женскій голосъ по французски: c'est très amusant, tu es fou, tu es tout á fait fou. Ecoute, écoute, c'est intéressant. C'est très gentil!...

— Слушай, слушай, какъ это интересно... Это очень мило, очень забавно. Ты сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій.

О борьбѣ съ бандами черныхъ и бѣлыхъ вѣщали всѣ громадные красные плакаты, *растянутые по стѣнамъ* и спускавшіеся между колоннами съ хоръ.

— „Царству рабочихъ и крестьянъ не будетъ конца."

Скромное классическое „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь" стыдливо терялось среди всѣхъ этихъ призывовъ о смерти и убійствѣ враговъ. Громадными буквами бѣлѣла императивная истина: „Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ", а на новомъ шелковомъ знамени, расправивъ его складки, можно было прочесть золотую надпись: „Моряки и рабочіе! За ножъ въ спину соотвѣтствующій ударъ!"

Въ громадномъ залѣ мелькало круженіе паръ, и гудѣлъ щелкъ матросскихъ каблуковъ и подошвъ въ тактъ съ гремящей музыкой.

Тра-та-та, Тра-та-та, Тра-та-та...

Они плясали...

Океанъ, Свобода, Петропавловскъ, Олегъ, 2-й Балтійскій экипажъ, Рюрикъ, Леонардъ, Азаръ, Амурецъ, Туръ, Меридіанъ и т. д. — всѣхъ не перечесть и не счесть, — они всѣ собрались сюда на грандіозный балъ моряковъ.

Вотъ и онъ, высокій, бѣлобрысый и огромный, морякъ съ гордо посаженной на плечи головой, на первый взглядъ чуть ли не съ осанкой изваяннаго эллинскаго героя, съ голубымъ насмѣшливымъ взоромъ и съ большими сильными кулаками. И какъ всегда, рядомъ съ нимъ, вцѣпившаяся за его рукавъ, ея прижатая хрупкая фигура въ свѣтломъ бальномъ нарядѣ.

— Tu es fou, je te dis — tu es fou...

Мнѣ казалось, что всѣ, проходя мимо нихъ, становились серьезными и старались свести свой разговоръ до шепота. Мнѣ все вспоминались слова „безумнаго Эдгара":

— „И даже для тѣхъ безвозвратно потерянныхъ, кому жизнь и смерть равно представляются шуткой, есть вещи, которыми шутить нельзя."

— Tu es fou, я говорю, tu es fou...

Не собственная красота поднимала его выше этой толпы; безъ нея, своей подруги, онъ затерялся бы, какъ и всѣ другіе, въ сутолокѣ...

Ты сумасшедшій, сумасшедшій...

А кругомъ все плясало и кружилось, и обрывки безъ конца рвущихся разговоровъ носились въ воздухѣ.

Смолкала музыка и зычный голосъ политическаго комиссара заканчивалъ рѣчь:

— Во имя торжества III Краснаго Интернаціонала безжалостно карайте враговъ прогрессирующаго человѣчества...

... Когда я вошелъ въ залъ, я быстро отыскалъ ихъ обоихъ, — его большого и неуклюже красиваго и ее, словно экзотическое растеніе, прильнувшую къ нему.

Въ эту ночь мнѣ сразу же бросилась въ глаза ея растерянная улыбка. Она улыбалась часто и свободно. Но что-то недоброе чудилось мнѣ всегда въ этой насмѣшливо-гордой, но порою жалкой и растерянной улыбкѣ на красивомъ лицѣ.

Всѣ знали, что она безумна. Всѣ знали, что онъ берегъ ее, какъ ребенка...

Tu es fou, tu es fou, mon fidel...

А одинъ безъ нея онъ былъ веселымъ и самымъ безшабашнымъ матросомъ, мастеромъ на всякія выдумки, не пугавшимся ради потѣхи пустить въ ходъ свой браунингъ и не блѣднѣвшимъ передъ случайно или нарочно сорвавшимся убійствомъ человѣка. Въ наивные дни свободы онъ былъ впереди другихъ и какъ въ февральскіе дни не щадилъ своей жизни въ порывѣ къ сверженію стараго, такъ и въ пьяную осень онъ не щадилъ чужой жизни подвернувшихся ему подъ руку враговъ его „партіи“.

Но теперь, подойдя близко къ нему, за маской, вы легко распознали бы черты простодушнаго парня, и что-то трогательное свѣтилось въ его глазахъ, когда онъ чувствовалъ ея дѣтскую руку и узнавалъ себя ея опорой.

Regarde, regarde comme c'est intéressaut, comme c'est nouveau...

Но откуда она, никто не зналъ этого. Всѣ знали, что она безумна и что онъ привезъ ее въ одну изъ своихъ поѣздокъ на фронтъ.

Tu es fou, tu es fou... Mais comme tout ça est affreux...

Но какъ все это ужасно...

Балъ гремѣлъ, пары танцующихъ кружились и кружились...

И въ моемъ сознаніи отъ воспоминанія объ этой единственной парѣ неустанно кружился все одинъ и тотъ же вопросъ: кто, кто она и какъ она попала сюда? Что пришлось пережить ей наканунѣ своего сумасшествія? Предсмертный крикъ убиваемаго близкаго человѣка или погромъ помѣщичьей усадьбы? пылающій пожаръ построекъ, гибель дѣдовскихъ библіотекъ или смерть ребенка, которому революція не дала жить? Или она безумна уже давно, и вотъ теперь послѣ катастрофы осталась брошенной на произволъ судьбы, безпомощной въ своемъ безумьи и подобранной ватагой матросовъ?

О развѣ исчерпать всѣ возможности, которыя даетъ наша современность! и не досужее ли занятіе отгадывать судьбу сумасшедшей, встрѣченной въ сутолокѣ революціоннаго матросскаго бала...

— Tu es fou, tu es fou, tu es fou...

— Во имя торжества III Интернаціонала безъ пощады карайте враговъ прогрессирующаго человѣчества...

II.

Онъ убитъ за спасенье Россіи.

„Ты знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: твой братъ... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убитъ за спасенье Россіи..."

А. Пушкинъ.

... Ты помнишь его молодой порывъ, когда такъ внезапно для насъ онъ принялъ рѣшеніе бросить университетъ и итти на фронтъ? Мы всѣ уговаривали его не дѣлать этого и прибѣгали къ всевозможнымъ доводамъ, чтобы только какъ нибудь удержать его отъ этого шага. Но онъ въ отвѣтъ

только улыбался и твердилъ свое... И только напоминанія о тебѣ и о твоихъ волненіяхъ заставляли его горячиться и выходить изъ себя, доказывая, что отъ этихъ волненій и безпокойствъ всегда мужественная душа твоя станетъ лишь еще прекраснѣе. И вѣдь онъ былъ правъ... Скажи, развѣ теперь страданія твои за него не искупаются гордостью сознанія, что онъ, твой сынъ, дѣйствительно герой, и развѣ въ твоихъ теперешнихъ слезахъ по немъ нѣтъ драгоцѣнныхъ слезъ умиленія предъ тѣмъ, что свѣтлый духъ его отца нашелъ въ немъ свое новое воплощеніе?

Намъ для общаго дружнаго натиска на него не нужно было сговариваться —намъ всѣмъ было ясно одно: его неминуемая гибель. Его гибель намъ казалась неизбѣжной, такъ какъ мы знали, что и въ самомъ опасномъ мѣстѣ онъ будетъ всегда впереди другихъ. Ты помнишь всегда особенное любопытство его въ моменты опасности и всегдашнюю его жажду риска. Его чуть ли не дѣтскій возрастъ и наша общая любовь побуждали насъ употребить все свое вліяніе, чтобы только какъ-нибудь удержать его въ стѣнахъ университета. А его необыкновенное сходство съ отцомъ дѣлало особенно острой нашу тревогу за него... Увы, теперь, оплакивая его, мы словно еще разъ заново переживаемъ и кончину нашего отца. Тотъ ослѣпъ задолго до его рожденія, а между тѣмъ въ глазахъ нашего Алеши свѣтился именно тотъ самый отцовскій огонекъ — совсѣмъ особенный! — добродушія и какой то особенной ясности, котораго ты, конечно, никогда не забудешь и котораго не забылъ и я, хотя отецъ потерялъ свое зрѣніе въ 189... году, т. е. когда мнѣ было всего 8 лѣтъ.

Теперь этотъ отцовскій огонекъ погасъ для насъ уже навсегда!..

Прости родная, если я бережу твои раны этимъ напоминаніемъ о старомъ горѣ.

Ирина при встрѣчѣ съ тобой разскажетъ все, что извѣстно намъ объ Алешѣ со дня поступленія его въ полкъ. Но я долженъ написать и отъ себя о томъ же. Только мой разсказъ будетъ не такъ подробенъ, и все, что покажется тебѣ неяснымъ въ немъ, тебѣ разскажетъ сестра. Та обста-

новка, въ которой я пишу теперь, заставляетъ меня очень торопиться.

Мы много бесѣдовали съ нимъ, когда онъ, раненый, былъ переведенъ въ М. Помню, я такъ радовался, когда съ каждымъ днемъ къ нему прибавлялись силы и снова возвращалась къ нему та закаленная свѣжесть, которую онъ получилъ на фронтѣ въ своей походной жизни. Энергія его духа, такъ хорошо выражавшаяся въ улыбкѣ на лицѣ, создавала полную иллюзію его выздоровленія даже тогда, когда онъ былъ еще совсѣмъ плохъ. Свои интимныя задушевныя мысли онъ, какъ всегда, хранилъ въ одиночествѣ. Но на этотъ разъ онъ со мною былъ болѣе открытъ, чѣмъ когда либо. Эта скромная застѣнчивость . . . мать, вѣдь это опять его черта — черта отца, о которой ты всегда вспоминала, когда мы жили съ тобой у тебя „заграницей" на твоемъ побережьѣ, гдѣ Алеша бѣгалъ еще въ коротенькихъ панталонахъ и въ дѣтскомъ головномъ уборѣ . . .

Всѣмъ, кто близко зналъ его, нисколько не было удивительно, какъ несмотря на его аристократизмъ породы, съ нимъ быстро свыкались тѣ сѣрые солдаты, съ которыми онъ, такой же рядовой изъ команды пѣшихъ развѣдчиковъ Перновскаго Гренадерскаго полка, шелъ въ развѣдку или проводилъ свои досуги. Эти сѣрые люди любили его и прямо таки засыпали своими письмами, когда онъ лежалъ въ госпиталѣ. И онъ самъ любилъ вспоминать о жизни этихъ своихъ новыхъ друзей, — и всѣ особенности своихъ новыхъ пріятелей онъ запомнилъ такъ же хорошо, какъ подробности какой либо опасной развѣдки, чуть было не стоившей ему жизни, когда въ темнотѣ подъ дождемъ онъ лежалъ подъ проволокой и рѣзалъ ее своими ножницами или послѣ чувствовалъ себя въ клѣткѣ непріятельскаго кольца. Послѣ мы встрѣтились съ нимъ вновь, когда на груди его заблестѣлъ послѣдній Георгій . . . Послѣ революціи онъ скоро замѣтно загрустилъ, но въ своихъ письмахъ сталъ болѣе разговорчивъ. Правда, вопросовъ и тогда у него было неизмѣримо больше, чѣмъ отвѣтовъ. Онъ скоро затревожился судьбой фронта . . . позднѣе сталъ тяготиться создавшимся положеніемъ и какъ будто бы даже вернулся къ своимъ до-военнымъ настрое-

III.

Неудавшійся разсказъ.

А что было у насъ на землѣ
Чѣмъ вознесся орелъ нашъ двуглавый
Въ темныхъ лаврахъ гигантъ на скалѣ
Завтра станетъ ребячьей забавой.

И. Анненскій.

Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце...

Изъ письма Петра Великаго.

— Ты спрашиваешь, почему всѣ мои разсказы теперь унылы и горестны, какъ похоронный звонъ, почему всѣ они овѣяны призракомъ смерти. Не только на каждой страницѣ и при этомъ не одинъ разъ читается это слово: смерть, но и самые герои неизмѣнно должны умирать?...

Что дѣлать?.. Въ своихъ воспоминаніяхъ о недавно минувшемъ я не въ силахъ отдѣлаться отъ присутствія этой непрошенной гостьи...

Но вотъ послушай о другой пригрезившейся мнѣ были... Этотъ разсказъ долженъ быть веселымъ. Онъ будетъ о неумирающемъ всадникѣ и о безсмертьи на этотъ разъ не только духовномъ, но и матеріальномъ...

Петръ Великій.

„А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?..
„Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ"?

А. Пушкинъ.

Стукъ деревянныхъ подошвъ гулко раздавался въ ночной пустынѣ. Онъ подошелъ къ Фальконетовскому памятнику, и насмѣшливая улыбка заиграла на его царственныхъ губахъ.

— „Дань признательности отъ иностранки, взгромодившейся на моемъ тронѣ..."

Но опомнился и въ раздумьи добавилъ:

— „А все же она не испортила моего дѣла“, — и медленно прошепталъ — „Екатерининскіе орлы . . .“

— „Что говорить! А прецедентъ подлинно настоящій... этотъ Емелька, и орлы чуть не ощипаны . . . Бѣглый каторжникъ въ союзѣ съ Густавомъ, вотъ и Брестскій миръ! Жаловалъ крестомъ и бородой, и потянулись за нимъ“. — Усмѣхнулся опять . . .

— „По ихъ ли росту Ништадтъ!“ . . . И нервно вздернувъ головой, пошелъ прочь отъ Невы къ Исаакію, вспомнилъ, что день празднованія памяти далматскаго святаго совпалъ со днемъ его рожденія, задумался о своемъ 237-милѣтнемъ существованіи . . .

На темномъ фонѣ мрачнаго мрамора забѣлѣла тѣнь, и навстрѣчу Петру по ступенькамъ медленно спустился пригнутый тяжестью вѣковъ сѣдой старичокъ, въ одѣяніи странника, съ котомкой и палкой — Никола многомилостивый Чудотворецъ.

Петръ старался быть почтительнымъ, но это плохо выходило у него, и скоро онъ уже забылъ про стариковскую походку своего спутника, и опять замѣрилъ версты своими длинными ногами.

Чудотворецъ, запыхавшись и отдуваясь, съ улыбкой дернулъ его за рукавъ и ласково молвилъ:

— „Постой, погоди, милый . . . Ишь, скорый . . . Старику и не угнаться за нимъ.

По панели прошли Сенатскую арку и уперлись о гранитный парапетъ надъ мчащей свой потокъ Невой.

Позади въ отблескахъ бѣлой ночи чернѣла простертая рука бронзоваго Петра. Тихо, тихо, по стариковски, шамкая и по страннически нараспѣвъ, говорилъ Никола, а Петръ неуклюже нагибалъ свою голову и откидывалъ отъ уха свисавшую прядь своего парика.

— Вѣрно, вѣрно, что наблудилъ народъ . . . сбился съ путей своихъ и пошелъ за горланами этими, Емельками . . . все вѣрно, что говоришь. Самъ въ петлю полѣзъ, да вотъ и повисъ, а хлопотъ теперь сколько! Какъ ребятъ чуть оставишь, такъ и нагадятъ . . . Но вѣдь и ты, Петруша, хорошъ.

III.

Неудавшійся разсказъ.

А что было у насъ на землѣ
Чѣмъ вознесся орелъ нашъ двуглавый
Въ темныхъ лаврахъ гигантъ на скалѣ
Завтра станетъ ребячьей забавой.

И. Анненскій.

Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце...

Изъ письма Петра Великаго.

— Ты спрашиваешь, почему всѣ мои разсказы теперь унылы и горестны, какъ похоронный звонъ, почему всѣ они овѣяны призракомъ смерти. Не только на каждой страницѣ и при этомъ не одинъ разъ читается это слово: смерть, но и самые герои неизмѣнно должны умирать?...

Что дѣлать?.. Въ своихъ воспоминаніяхъ о недавно минувшемъ я не въ силахъ отдѣлаться отъ присутствія этой непрошенной гостьи...

Но вотъ послушай о другой пригрезившейся мнѣ были... Этотъ разсказъ долженъ быть веселымъ. Онъ будетъ о неумирающемъ всадникѣ и о безсмертьи на этотъ разъ не только духовномъ, но и матеріальномъ...

Петръ Великій.

„А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?..
„Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ"?

А. Пушкинъ.

Стукъ деревянныхъ подошвъ гулко раздавался въ ночной пустынѣ. Онъ подошелъ къ Фальконетовскому памятнику, и насмѣшливая улыбка заиграла на его царственныхъ губахъ.

— „Дань признательности отъ иностранки, взгромодившейся на моемъ тронѣ..."

Но опомнился и въ раздумьи добавилъ:

— „А все же она не испортила моего дѣла“, — и медленно прошепталъ — „Екатерининскіе орлы ...“

— „Что говорить! А прецедентъ подлинно настоящій... этотъ Емелька, и орлы чуть не ощипаны ... Бѣглый каторжникъ въ союзѣ съ Густавомъ, вотъ и Брестскій миръ! Жаловалъ крестомъ и бородой, и потянулись за нимъ“. — Усмѣхнулся опять ...

— „По ихъ ли росту Ништадтъ!“ ... И нервно вздернувъ головой, пошелъ прочь отъ Невы къ Исаакію, вспомнилъ, что день празднованія памяти далматскаго святаго совпалъ со днемъ его рожденія, задумался о своемъ 237-милѣтнемъ существованіи ...

На темномъ фонѣ мрачнаго мрамора забѣлѣла тѣнь, и навстрѣчу Петру по ступенькамъ медленно спустился пригнутый тяжестью вѣковъ сѣдой старичокъ, въ одѣяніи странника, съ котомкой и палкой — Никола многомилостивый Чудотворецъ.

Петръ старался быть почтительнымъ, но это плохо выходило у него, и скоро онъ уже забылъ про стариковскую походку своего спутника, и опять замѣрилъ версты своими длинными ногами.

Чудотворецъ, запыхавшись и отдуваясь, съ улыбкой дернулъ его за рукавъ и ласково молвилъ:

— „Постой, погоди, милый ... Ишь, скорый ... Старику и не угнаться за нимъ.

По панели прошли Сенатскую арку и уперлись о гранитный парапетъ надъ мчащей свой потокъ Невой.

Позади въ отблескахъ бѣлой ночи чернѣла простертая рука бронзоваго Петра. Тихо, тихо, по стариковски, шамкая и по страннически нараспѣвъ, говорилъ Никола, а Петръ неуклюже нагибалъ свою голову и откидывалъ отъ уха свисавшую прядь своего парика.

— Вѣрно, вѣрно, что наблудилъ народъ ... сбился съ путей своихъ и пошелъ за горланами этими, Емельками ... все вѣрно, что говоришь. Самъ въ петлю полѣзъ, да вотъ и повисъ, а хлопотъ теперь сколько! Какъ ребятъ чуть оставишь, такъ и нагадятъ ... Но вѣдь и ты, Петруша, хорошъ.

Помнишь, сколько чудилъ?.. Вспомни-ка лучше, сынъ то Ляксѣй Петровичъ, не мучилъ ли тебя по ночамъ послѣ, мертвый, и не кряхтѣлъ ли отъ безсонницы ты?.. Помнишь безъ языка то, какъ помиралъ, свое „*отдайте все...*“, а кому отдать и самъ запутался... Вотъ они тебѣ и навертѣли такое, что за голову хватался, да волосы рвалъ, не бойсь. Былъ грѣхъ, да, Богъ милостивъ, вывернулась Рассея... А бороды эти помнишь?.. все о бородахъ шумѣлъ, да рѣзалъ... А борода то эта и спасала... И теперь, Богъ дастъ, Петръ Ляксѣичъ, народъ голову свою сбережетъ, какъ тогда, что Москва горѣла да Бонапартъ замерзалъ...

— Постой, постой... А я-то при чемъ? Меня то въ чемъ винишь? Этотъ Алешка... такъ вѣдь самъ знаешь, каковъ былъ и все разстроилъ бы мое пуще другихъ... Да что грѣхи мои! они со мной, какъ были, такъ и остались. На колѣняхъ выстоялъ за нихъ, да лбомъ отстучалъ... Чай, *послѣ меня* орлы то въ Парижъ летали, да къ Царьграду дорогу Имперія себѣ проложила...

— Эхъ, Лексѣичъ, Лексѣичъ... что въ орлахъ то этихъ, да въ дорогахъ во всякихъ, когда народъ то въ дырахъ и лохмотьяхъ?.. Нѣтъ, ты постой, да послушай... Какъ аукнулось, такъ и откликнулось... Вотъ она храмина то и разсыпалась. Поди, собери теперь. Вонъ стали у коня твоего со змѣей и что-то говорятъ... Подойдемъ, насъ не увидятъ...

Дѣйствительно, у памятника стояли два гражданина и о чемъ то оживленно бесѣдовали.

— Такъ что же вы думаете, что ихъ скоро не будетъ?

— Конечно, да...

— Но какъ, какъ это произойдетъ? И кто?

— Не знаю: кто. Но кто-то долженъ быть...

— Подумайте, пудъ муки тысячи стоитъ.

— Да, такъ жить нельзя. Недаромъ всюду недовольство и волненія.

— Но они не унываютъ. Вотъ и завтра намѣрены отпраздновать день рожденія Петра Великаго. Придутъ съ знаменами и музыкой свергать памятникъ. Говорятъ, что все же Императоръ и деспотъ былъ. Только гранитъ оставятъ. Хотятъ свой памятникъ поставить.

— Вотъ вамъ и Фальконетъ... Накинутъ петлю на шею и поволокутъ въ Неву....

Петру стало невыносимо тошно, и онъ болѣзненно ощутилъ на своей шеѣ толстую петлю, будто тащить будутъ не металлическое изображеніе, а его самого...

— Фу, дьяволъ ихъ возьми, — вырвалось у него — и на меня руку подняли... Кончилась чара Мѣднаго Всадника... — и опомнившись спохватился. — Дѣдушка, пожалуй, прости, что дьявола при тебѣ помянулъ. Пойдемъ отъ нихъ, отъ грѣха подалѣ...

Скоро Петръ Великій остался одинъ.

Горестныя сѣтованія и попреки Николы все никакъ не хотѣли разстаться съ нимъ и точно стая вспугнутыхъ птицъ, носились вокругъ. Камни давили душу, какъ тогда при молодомъ горѣ, когда хоронилъ онъ свою родную мать. Но тогда горестная мука находила разрѣшеніе въ неизсякаемомъ запасѣ молодой энергіи, а теперь... что теперь, когда онъ уже обреченъ только на бездѣйственное созерцаніе и вѣчное раздуміе... въ гробу.

Умирала мать, а теперь умираетъ Россія, — и онъ, карабельный мастеръ Петръ Михайловъ, кавалеръ Св. Андрея, и первый Императоръ Всероссійскій, сегодня, вставъ изъ гроба, обреченъ видѣть умираніе своего Парадиза—Санктпитербурха.

Вотъ и фортеція Петра и Павла со своими больверками. О, какъ она мрачна теперь, двѣсти съ лишкомъ лѣтъ спустя!

Со стороны Петропавловской крѣпости тишину пустынной ночи вспугнулъ вдругъ жуткій и леденящій душу ружейный залпъ.

Чья то жизнь насильно оборвалась...

Гулко стучатъ деревянныя подошвы. Въ воздухѣ проносится нервическая походка гигантскаго Петра.

Вотъ здѣсь антагонистъ — пигмей, сумасшедшій, сидѣлъ верхомъ на этомъ львѣ „съ подъятой лапой“ и въ безсильной злобѣ вздумалъ было грозить за разрушенное мѣщанское счастье. Выкрикнулъ глупую угрозу и самъ кувыркомъ полетѣлъ въ бездну. А Мѣдный всадникъ стоитъ по старому незыблемо, и даже теперь, когда „все позволено“, современнымъ

пигмеямъ никогда не поднять на него своихъ рукъ. Но вокругъ него, гиганта „въ темныхъ лаврахъ“ на скалѣ, все поникло, все умираетъ и слышится одинъ горестный Петровскій вздохъ.

— Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю . .

. . . .

. . . Нѣтъ, я не въ силахъ разорвать этого заколдованнаго круга . . . Милый другъ, прости меня . . . Бодрящій эпиграфъ изъ Пушкинскаго Каменнаго гостя останется неоправданнымъ. Все равно, ничья рука не поднимется кощунственно на „гиганта въ лаврахъ“, а самому „гиганту на скалѣ“ совсѣмъ не до торжества теперь надъ святотатцами, и въ моемъ разсказѣ желѣзная десница Петра никого не увлечетъ въ бездну. На душѣ слишкомъ много слезъ, чтобы торжествовать или шутить или обливать кого-либо ядомъ.

Да, Богъ съ нимъ, и съ другимъ замысломъ о кошмарѣ, въ которомъ на мѣстѣ истерзаннаго Ивана Федоровича сидѣлъ бы первый изъ нихъ, святотатцевъ, а вмѣсто зубоскалящаго и подзуживающаго черта Достоевскаго мрачно молчалъ бы самъ великій грузный Петръ въ темномъ тяжеломъ камзолѣ съ пыльнымъ запахомъ стараго, залежавшагося въ прапрадѣдовскомъ крѣпко сколоченномъ сундукѣ. Богъ съ нимъ, съ „первой фигурой“ современной Россіи! Развѣ существуютъ для нихъ какія-нибудь сомнѣнія и тревоги? Что для нихъ Россія, и что для нихъ ея полевые цвѣты и запахъ спѣлой ржи въ ея поляхъ?

Одинъ глухо звучитъ теперь тяжелый вздохъ о бѣдѣ и послѣдней печали . . .

Я слышу одинъ глухой вздохъ Петра . . .

IV.

Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ.

М. Лермонтовъ.

Чтобы туча надъ темной Россіей
Стала облакомъ въ славѣ лучей

Анна Ахматова.

Передъ иконой Богоматери ярко пылали восковыя свѣчи, столпившіяся и сжавшіяся въ кучу, словно встревоженное стадо овецъ. А позади царилъ полумракъ церкви — старинной деревенской церкви съ бѣлой колокольней, высоко вздымающейся надъ радостями и бѣдами села.

Радости теперь такіе рѣдкіе гости! Бѣды такъ неразлучно дружны съ людьми въ этотъ годъ...

И не радость согнала теперь это стадо пылающихъ молитвенными огнями свѣчей. Ихъ бережно несли мужицкія заскорузлыя и корявыя руки простыхъ деревенскихъ людей.

Жмутся эти свѣчи, какъ овцы подъ грозой. Какъ слезы капаетъ горячій воскъ.

— „О, всемилостивая Госпожа, Владычица Богородице, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя, и избави насъ отъ глада, губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча, отъ нахожденія иноплеменниковъ и междоусобныя брани, и отъ напрасныя смерти, и отъ нападенія вражія, и отъ тлетворныхъ вѣтръ, и отъ смертоносныя язвы, и отъ всякаго зла“...

Сердца припадающихъ въ молитвѣ къ землѣ были смущены и запуганы налетѣвшимъ горемъ.

На иконѣ не было ни серебра, ни позолоты, ни изумрудовъ, ни сапфировъ, ни бирюзы, ни жемчуговъ. Это былъ потемнѣвшій отъ времени и строгій ликъ Богоматери съ высокоподнятой къ небесамъ головой, съ воздѣтыми въ мольбѣ за людей руками, — старинный рѣдкій византійскій образъ Богородицы „надежды отчаявшихся“...

Въ деревенской церкви передъ иконой жарко пылали темножелтыя восковыя свѣчи и мольбы принесшихъ ихъ людей

сливались въ тихій хоръ, творившій одну молитву. Одной молитвой были исполнены въ этотъ день сердца пугливо прибѣгающихъ къ защитѣ Богородицы.

— „О, пріятное молитвы кадило, всего міра очищенье, къ смертнымъ благоволенье, смертныхъ къ Богу дерзновенье, Невѣсто неневѣстная . . .

Тихій хоръ свѣчей возсылалъ моленія: „вся бо можеши, яко Мати царя Всемогущаго . . .“

Какъ случилось и съ чего началось?

Просто не выдержала душа. Есть же предѣлъ терпѣнію, и старики давно качали головами и твердили сынамъ . . .

Согнали съ деревень ихъ, молодежь, да внезапно какъ то случилось, точно сорвалось, что заголосили и зашумѣли всѣ разомъ . . .

Не пойдемъ . . . Зачѣмъ согнали? отвоевали и опять за войну? Съ кѣмъ драться то? со своими жъ? и кого защищать? . . . хлѣбъ послѣдній берутъ, по міру пускаютъ . . . Слышно, въ городахъ то люди съ голоду мрутъ, да изъ деревень безхлѣбныхъ голодные вотъ нищими тянутся, съ протянутой рукой по міру ходятъ . . .

Ну, и не пошли, загудѣли, загудѣли и разбѣжались . . . А послѣ и пошло, и пошло . . .

Поднялись, деревня за деревней и волость за волостью . . .

Помнишь, колоколъ то церковный звалъ не къ молитвѣ, поднималъ міръ къ ополченію, всѣхъ къ сплоченію другъ съ другомъ, чтобы всѣ вставали разомъ, откапывали бы ружья и шли противъ нихъ, что довели всѣхъ до такого горя и голода, до послѣдняго отчаянія . . .

И развѣ испугался кто? Всѣ знали, что ждетъ, да шли...

Не выдержала душа и сорвалось все, что наболѣло и накопилось въ ней за этотъ годъ, какъ новое это начальство явилось, всѣ эти бѣдноты, да коммисары, да новые судьи — Енгалаевъ, что жену свою убилъ да тестя, воръ всему міру извѣстный Тюлюлюевъ, что пьянствовалъ и дрался, а ставъ судьей, самъ себя съ женою своею развелъ, да къ попу вѣнчаться другую привелъ, — всѣ эти парни, да мальчишки, что новыя шинелишки на плечи напялили и ружьями

днемъ ночью народъ пугаютъ, хлѣбъ отбираютъ, пьянствуютъ да грабятъ . . .

Всѣ поднялись, село за селомъ, волость за волостью. Знали, что даромъ съ рукъ не сойдетъ, а поднялись . . .

— О, покрове міру, ширше облака . . . О, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози . . . О, церкве непоколебимый столпе, царствія нерушимая стѣно . . .

Всѣ поднялись . . . поднялись и мы, пачелмовцы. Къ вечеру ударили въ набатъ и пошли въ совѣтъ. Отца Алексѣя всѣмъ міромъ звали молебенъ служить. Молились, чтобъ сподобилъ Господь на избавленіе.

А на базарѣ совѣтъ и помостъ-то уже состроилъ, — празднество свое справлять хотѣлъ, кулака, да попа, да царя, „старый режимъ“ уничтожать. Мало имъ, что живого царя гдѣ то въ углу прикончили . . . нѣтъ, еще куколъ понадѣлали и жечь ихъ хотѣли . . . Для того и столбы висѣличные на площади подняли. Ребята голы, и бабы до дыръ поизносились, а они одного кумачу на знамена эти да красные флаги что извели . . . да не вышло ихъ празднество.

Отецъ Алексѣй молебенъ отпѣлъ. Помолились, да и пошли ихъ къ отвѣту звать, а ихъ и слѣдъ простылъ, по лѣсамъ разбѣжались кто куда . . .

А дальше, дальше . . .

Очи Богородицы, гнѣвны, строго смотрятъ и словно жгутъ своимъ небеснымъ огнемъ. Въ нихъ осужденіе и укоръ и суровый упрекъ за убійство, что свершили они, помолясь Богу, и которымъ осквернили Благословеніе Господне.

— Ну, что жъ что убили . . . А они то, они то что людей поубивали . . . и развѣ великъ грѣхъ, что убійцу всѣмъ извѣстнаго прикончили. А они то, они то развѣ не приканчивали . . .

Пламя свѣчей въ тревогѣ и недоумѣніи колеблется и крупными каплями стекаетъ темно желтый воскъ.

Богородица гнѣвается и никакими оправданіями не смирить ея сердце . . .

Что надъ церковью глумились да иконы вонъ грозились выносить, да въ избахъ на иконы руки поднимали! . . .

О, маловѣрные, забыли ея Пречистыя слова чудному Евангелисту художнику о благодати, неразлучной съ этой иконой . . .

Пусть же простерли-бъ гоненіе свое и на нее, на Ея пречистый образъ, писанный Лукою. И развѣ погибла бы вѣра христіанская? . .

Зачѣмъ, зачѣмъ убили его, Богомъ засуженнаго судью... нашли испуганнаго и понявшаго свою судьбу и за волосы потащили къ порогу и на порогѣ голову топоромъ отрубили. А онъ кричалъ о пощадѣ и каялся въ своемъ грѣхѣ передъ всѣмъ міромъ и вопилъ, что заслужитъ ваше прощеніе . . .

Пламя желтыхъ свѣчей трепещетъ и хоръ молитвъ пылаетъ . . .

— Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ тебе Пречистая Дѣва . . .

А Богоматерь сурово смотритъ ввысь, но руки молитвенно воздѣты за нихъ, грѣшныхъ и несчастныхъ.

— Убили . . .

И празднество, что затѣяно было совѣтомъ, разстроилось, и красные кумачи въ воздухѣ не трепыхались, и стараго режима на кострѣ не жгли . . . Разбѣжались всѣ эти бѣдноты да коммссары и, словно не было ихъ, жизнь своя потекла. Свои красноармейцы не шли противъ, ружья бросали, какъ гнали ихъ на нихъ, на своего же брата.

Да не долгъ покой былъ.

Пришли эти латыши, — ну, и не устояли противъ ихъ артиллеріи. Бились, пока силы были, рельсы на путяхъ разбирали . . . а не выдержала сила и рухнула.

Горе! горе! Что избъ то выжжено. Что мужей да сыновъ поубито да разстрѣляно. Что стариковъ — отцовъ въ тюрьмахъ понасажено.

Не выдержала сила.

Горе! Горе! Воскъ горячими слезами стекаетъ съ мужицкихъ свѣчей, и въ ихъ смятенныхъ пыланіяхъ слышны стоны и вопль вновь овдовѣвшихъ бабъ да испуганный визгъ ребятъ, задавленный шепотъ мужиковъ и беззубыя причитанія стариковъ . . . беззубыя причитанія за содѣянный грѣхъ . . .

Да . . . громили господскую усадьбу и жгли старый барскій домъ съ пѣснями и съ гармоникой, разсѣвшись передъ горящимъ балкономъ на вытащенныхъ изъ комнатъ доро-

тыхъ стульяхъ и расшитыхъ креслахъ... Беззубыя причитанія стариковъ за прежній содѣянный грѣхъ передъ бариномъ.

Горе! Горе!

Воскъ горячими слезами стекаетъ съ свѣчей... и полны слезами моленія передъ Ней, передъ Пречистой — молитва о своемъ горѣ, о сожженной деревнѣ и о сожженной большой деревнѣ, что зовется „Державой Россійской..."

— „Не отврати лица Твоего отъ прибѣгающихъ къ Тебѣ, умоли, милосердная Мати, Сына Твоего... да сохранитъ мирну страну нашу, да утвердитъ державу Россійскую...

Слушайте...

... „Дѣва днесь предстоитъ въ церкви и съ лики святыхъ невидимо за насъ молится Богу..."

Кто это стоитъ въ темномъ углу и увѣренно шепчетъ?...

Лицо Божьей Матери обращено къ небу, и пречистыя руки воздѣты въ высь и во взорѣ свѣтится молитва за державу Россійскую и за ея грѣшныхъ мужиковъ.

Слышали ли вы глухой разсказъ о томъ, какъ на краю „Россійской Державы", въ старину, сама икона Божьей Матери двинулась на стѣну осажденнаго непріятелемъ Новгорода и спасла городъ?.. Помните ли вы записанное въ Четьяхъ-Минеяхъ чудо, какъ въ Царьградскомъ храмѣ Божія Матерь сняла съ себя темно-лиловое покрывало и держа его своими пречистыми руками, разпростерла надъ народомъ?..

Горе! Горе!

Въ этотъ день, когда темно-желтыя свѣчи, какъ стадо испуганныхъ овецъ, толпились предъ Пречистой и тихій хоръ ихъ пылающихъ огней возносилъ къ ней свой моленія, въ этотъ день Покрова деревенская церковь впервые за свою долгую жизнь стояла безъ церковнаго пѣнія и праздникъ Богородицы въ первый разъ на селѣ не былъ прославленъ церковной службой.

Вчера латыши убили отца Алексѣя...

V.

Передъ Новымъ Годомъ.

И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ родится Новый годъ
Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ..

Ѳ. Тютчевъ

— Мы все таки во что бы не стало ждемъ отъ васъ традиціоннаго новогодняго разсказа.

— Но, право...

— Нѣтъ, нѣтъ, безъ всякаго „но...“

— Ну, что же я могу подѣлать съ вами. Слушайте. Не посѣтуйте только, если мой разсказъ вдругъ окажется не занимательнымъ. Впрочемъ, всякое увлеченіе теперь опасно... Чего добраго, увлекшись, мы рискуемъ здѣсь замерзнуть, хотя сегодня и трещитъ еще каминъ. Но знайте, — моему разсказу жить недолго. За три минуты до звона часовъ я кончаю, гдѣ бы часовая стрѣлка ни остановила меня. Моя послѣдняя бутылка должна зашипѣть во время...

— Безъ предисловія! Безъ предисловія!

— Ну, такъ слушайте. Вотъ мой разсказъ...

... На занесенномъ снѣгомъ льду стояли три фигуры пожилыхъ постарѣвшихъ мужчинъ, пригнутыхъ къ низу тяжестью пережитаго. По краямъ вдоль береговъ чернѣли остовы кораблей. Совсѣмъ близко вздымался высокій бѣлый корпусъ трехтрубнаго „Океана“. Впереди на мосту было пусто. На берегахъ та же пустыня рисовала воображенію картину замершаго города-гиганта.

Изъ троихъ одинъ былъ безъ руки, другой — слѣпой, третій держалъ конецъ перекинутой черезъ плечо веревки, привязанной къ низкимъ санямъ съ грузомъ. Всѣ трое были уже старыми, но все еще никакъ не могли постарѣть настолько, чтобы умереть, и казались крѣпкими и сильными.

Одинъ былъ слѣпой, *другой* — безъ руки.

Онъ ослѣпъ изъ-за вины другихъ. Тѣ люди, къ которымъ онъ пришелъ, обманули его ожиданія и его пророчества. Сѣя вѣтеръ, эти люди пожали бурю, раздувшую под-

жогъ злоумышленника во все-выжигающій пожаръ. Этотъ пожаръ выжегъ и его глаза.

Другой былъ безъ руки. Люди, къ которымъ пришелъ онъ, обманули его вѣру и не пошли на его призывъ. Поднятый мечъ гражданской войны отсѣкъ его руку въ тотъ часъ, когда навсегда замерло мужественное сердце неустрашимѣйшаго среди людей.

А третій . . . третій, казалось, былъ только смертельно усталымъ и, остановившись, тяжело вздыхалъ, усталый отъ только что довезеннаго груза, лежавшаго на саняхъ.

Но лица всѣхъ троихъ, по братски схожія другъ съ другомъ, носили одну и ту же печать: лица всѣхъ троихъ были искажены одной и той же гримасой разочарованія и хмурости.

Третій тяжело вздыхалъ, а первые двое, понуря головы, съ участіемъ смотрѣли на него.

— Дотянулъ свою лямку? . . Довезъ свое? . .

— Да дотянулъ . . .

— А что же Онъ? Все по старому: ни живой, ни мертвый? . .

— Да, ни живой, ни мертвый . . .

Они стояли надъ санями и говорили, обратившись въ ихъ сторону.

На саняхъ въ гробу лежалъ *кто-то* . . .

Склонились надъ грузомъ, а мѣсяцъ, разорвавши завѣсу облаковѣ, озарилъ ихъ чёткія фигуры на бѣломъ снѣгу и фигуру *того четвертаго*, который лежалъ на саняхъ. *Онъ* лежалъ, какъ трупъ, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и со всѣми знаками отличія стараго придворнаго званія.

— Ни живой, ни мертвый . . .

— Такъ вотъ и таскаемъ его изъ года въ годъ вотъ уже три года подъ рядъ, этотъ постылый грузъ, — и не знаемъ, — живетъ онъ или умеръ. А умри онъ, и мы, подобно нашимъ предтечамъ, одряхлѣли бы сразу до состоянія старческаго покоя и блаженнаго небытія.

— Такъ живъ *онъ* или нѣтъ?

— Да эта загадка и на этотъ разъ остается нерѣшенной, но, можетъ быть, нашъ наслѣдникъ будетъ болѣе сча-

стливъ, чѣмъ ты, и осчастливитъ и насъ, даровавъ намъ свободу отъ земного бытія.

Онъ умеръ и не умеръ.

Трое собесѣдниковъ были русскіе. Это были живыя олицетворенія трехъ страшныхъ послѣднихъ лѣтъ Россіи... Слѣпой — 17-ый, безрукій — 18-ый, усталый — 19-ый, а въ саняхъ въ гробу въ золотомъ мундирѣ лежалъ все еще непогребенный — 1916-ый годъ.

И вотъ въ желѣзной колыбели
Въ громахъ родится Новый годъ...

— Но онъ, нашъ наслѣдникъ, неужели и онъ будетъ такъ же „ужасно строгъ", какъ мы, неужели и у него „кровь на рукахъ и на челѣ"?

Трое вели между собой унылый разговоръ, а четвертый, ихъ предтеча, загадочно былъ нѣмъ; ни живой, ни мертвый...

— Да, онъ зналъ блескъ золотыхъ придворныхъ мундировъ, слышалъ гордую музыку союзныхъ гимновъ, въ своихъ рукахъ держалъ крѣпко и непоколебимо трехцвѣтное знамя и радовался героизму сыновъ Россіи. Онъ уходилъ въ надеждѣ, что его наслѣдникъ будетъ побѣдителемъ, но ушелъ съ судорогой на лицѣ въ внезапномъ предчувствіи о грядущемъ пораженіи.

Живъ онъ или умеръ, — вотъ загадка...

Ему, старорежимному, суждено ли еще ожить, или золото мундировъ, три цвѣта флага и царственный гимнъ, — навсегда отошли?...

— Его предтечи подъ звонъ бокаловъ уходили въ вѣчность, не оставляя послѣ себя такихъ мучительныхъ проблемъ. А онъ и ушелъ и не ушелъ... и позади себя намъ, несчастнымъ наслѣдникамъ, оставилъ тягостную повинность жить, жить и жить... и какъ жить... въ лохмотьяхъ нищеты .. подъ кровавымъ знаменемъ.

— Да... въ теплыхъ шлафрокахъ и въ стариковскихъ ермолкахъ прежде засыпали съ спокойными улыбками, уступая мѣсто рвущейся жить юности... А мы?..

— Нѣтъ, живи, живи и таскай за собой этотъ грузъ въ видѣ трупа или летаргіей пораженнаго несчастливца...

Онъ ли несчастливецъ?.. Не несчастнѣе ли мы?

Мѣсяцъ озарилъ мертвенно блѣдное лицо лежавшаго въ саняхъ, и лицо озарилось игновенной улыбкой . . .

— Онъ ли несчастливецъ? . .

Но опять набѣжала облачная тѣнь, и лицо исказилось судорожной гримасой . . . Не несчастнѣе ли мы? . . .

— Кровь на рукахъ и на челѣ . . .

— Сколько крови, сколько крови! . . .

— Я ослѣпъ, а въ воспоминаніи передъ глазами кровь кровь и кровь . . .

— Я безъ руки уже давно, а ощущеніе такое, будто всѣ пальцы моей несчастной руки въ крови . . . Я потерялъ ее въ то солнечное южное утро, когда замерло безстрашное сердце его, „вождя несчастливаго“ . . . Онъ ушелъ спасать Россію въ ея просторы и съ кучкой безстрашныхъ героевъ погибалъ, истекая кровью . . .

— Вѣчная память! Вѣчная память!

— А наши проводы? . . . Насъ провожали съ тяжелымъ вздохомъ, а нѣкоторые ожесточенные и замученные — съ проклятіемъ. Вотъ и теперь проклинаютъ. Слышите этотъ ропотъ? . .

— Ему, 19-му, тяжелѣе насъ: на немъ лежитъ и проклятіе за насъ . . .

— Кругомъ стонъ . . . Слышите, стонутъ несчастные . . .

— Всѣ обманулись, всѣ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ . . .

— Мѣсяцъ снова пробилъ себѣ путь сквозь облачную завѣсу и ярко освѣтилъ рослую фигуру того, что звали 19-мъ

На распахнутой груди его въ петлицѣ блеснулъ болтающійся боевой орденъ — терзающій душу знакъ отличія — орденъ Краснаго Знамени.

— Я заслужилъ Георгія, а ухожу съ Краснымъ Знаменемъ. Я долженъ былъ слышать звонъ бокаловъ, а слышу похоронный перезвонъ колоколовъ. Я долженъ былъ принести покой, а теперь самъ обреченъ скитаться неприкаянной тѣнью и таскать за собой этотъ грузъ . . .

— На высокомъ мосту одиноко возникла фигура прохожаго.

— Смотрите, это онъ . . . Опять одинъ, печальный символъ разлуки . . .

— Да когда-то они встрѣчали меня вмѣстѣ, и онъ и она... и съ боемъ часовъ они успѣли переглянуться съ привѣтливой улыбкой, не предвидя неумолимаго и неизбѣжнаго...

— Неумолимую, неизбѣжную разлику принесъ имъ я, а за мною и *ты*... И сегодня онъ стоитъ одинъ на мосту и все вспоминаетъ, ея послѣднее письмо, въ которомъ тревоги было больше, чѣмъ успокоенія... Теперь оборвалась и эта нить, и почтовый голубь уже не летаетъ и не приноситъ больше писемъ. А знаетъ ли *она*, что онъ еще живъ и со вздохомъ смотритъ на засохшіе цвѣты? Онъ еще цѣпляется за жизнь, не зная вѣрно, есть ли еще смыслъ въ этой жизни и, недоумѣвая, къ чему еще бьется его сердце, если...

Прохожій одиноко стоялъ на мосту и смотрѣлъ на далекое небо и въ морскую даль съ замершими парусами...

— Почему еще бьется его сердце, если...

— Сжигающее сердце пламя въ эти два года жгло и жгло безъ удаляющаго муку твоего взгляда и твоей улыбки...

Но дальше, дальше... Время торопитъ часовую стрѣлку и скоро на смѣну придетъ новый годъ —. 1920-ый...

Въ темномъ ауто съ потухшими фонарями мчится онъ Новый Годъ, стоя во весь рость, распахнувшись, и молодой и сулящій...

... Вотъ онъ мчится на лыжахъ...

... Мѣсяцъ въ послѣдній разъ разорвалъ туманную завѣсу облаковъ и впервые озарилъ его лицо. И сразу его неумирающіе предтечи 17, 18, и 19 годы ясно разглядѣли на его лицѣ.

. . . .

Но *что* можно было разглядѣть на лицѣ новаго пришельца разсказчикъ не досказалъ, оборвавъ разсказъ и не договоривъ фразы.

— Однако, пора шипѣть моему Crémant de Rosé, а то мы запоздаемъ и часы пробьютъ...

Хлопнула пробка, зазвенѣли бокалы и часы мѣрно и неизбѣжно начали бой своихъ послѣднихъ 12-ти разъ...

Лоллій Львовъ.

Воспоминанія князя Евгенія Николаевича Трубецкого.

(Окончаніе.)

ЧАСТЬ II.

ГОДЫ УЧЕБНОЙ И УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

I. Начало преподавательской дѣятельности. Демидовскій Лицей.

Моя преподавательская дѣятельность по окончаніи курса Университета началась гораздо раньше, чѣмъ я считалъ это возможнымъ. Въ маѣ 1885 года я выдержалъ послѣдній университетскій экзаменъ, а въ апрѣлѣ 1886 года я уже получилъ званіе приватъ-доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ.

Это оказалось возможнымъ благодаря своеобразной особенности устава Демидовскаго Лицея. Въ Университетѣ можно пріобрѣсти званіе приватъ-доцента не ранѣе, какъ черезъ три года по окончаніи курса; между тѣмъ въ лицеѣ можно получить это званіе когда угодно — при условіи защиты небольшой диссертаціи pro venia legendi и прочтенія двухъ пробныхъ лекцій.

Узнавъ объ этомъ отъ моего дяди — Бориса Алексѣевича Лопухина, который былъ въ то время Предсѣдателемъ Ярославскаго Окружнаго Суда, я уже зимою поспѣшилъ въ Ярославль и подалъ прошеніе о допущеніи къ защитѣ диссертаціи. — Въ качествѣ диссертаціи послужила мнѣ упомянутая уже

*
*   *

Сегодня мой, доселѣ смутный, взоръ
Увидѣлъ въ бѣломъ утреннемъ туманѣ
Холодныя серебрянныя сани,
Сбѣгающія съ дальнихъ свѣтлыхъ горъ.

Онѣ катились такъ легко и зыбко,
И правилъ ими старецъ, весь сѣдой,
Съ бровями хмурыми и съ длинной бородой,
И дѣтская запомнилась улыбка.

И долго я смотрѣлъ ему во-слѣдъ . . .
И понялъ вдругъ, кто, улыбаясь, правилъ,
Кто проложилъ и предо мной оставилъ
Вдаль уходящій, вдаль зовущій слѣдъ.

Онъ, неширокій, былъ глубокъ и чистъ,
Потайный знакъ для тѣхъ, кто нищъ и свѣтелъ,
Кто ужъ давно предчувствовалъ, и встрѣтилъ,
И услыхалъ саней прозрачный свистъ . . .

Борисъ Божневъ.

брошюра „О рабствѣ въ древней Греціи“, — моя кандидатская работа. Совѣтъ Лицея постановилъ къ защитѣ меня допустить, а самую работу — напечатать во „Временникѣ“ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Въ случаѣ успѣшной защиты предполагалось поручить мнѣ преподаваніе „Исторіи Философіи Права“, которая какъ разъ въ то время никѣмъ не преподавалась.

Профессоровъ, компетентныхъ въ той области, къ которой относилась моя работа, въ то время въ Лицеѣ не было, но я — двадцати-двухъ-лѣтній молодой человѣкъ — не отдавалъ себѣ отчета въ степени неподготовленности моихъ оппонентовъ и потому готовился къ диспуту съ большимъ волненіемъ. — Наканунѣ самаго диспута я провелъ ночь почти безъ сна.

Самъ по себѣ диспутъ на право приватъ-доцентуры — не Богъ вѣсть что. Но въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, при отсутствіи иныхъ ученыхъ диспутовъ (Лицей ученыхъ степеней не давалъ), — онъ разросся въ цѣлое общественное событіе. — Съѣхался меня слушать весь городъ, — и губернаторъ и генералъ — Начальникъ дивизіи и иныя высокопоставленныя лица. Актовый залъ лицея былъ биткомъ набитъ. Когда я, подъѣзжая къ лицею, увидѣлъ вереницу каретъ, волненіе мое удвоилось; когда же передо мною предсталъ въ треуголкѣ и съ булавой швейцаръ, коего я доселѣ обыкновенно видалъ въ заштопанномъ и засаленномъ мундирѣ, я ощутилъ испугъ и даже минуту раскаянія. — Вотъ какая помпа ради меня, вотъ сколько народу съѣхалось меня слушать и вдругъ среди этой торжественной обстановки я провалюсь. Зачѣмъ я это все затѣялъ!

Когда я началъ вступительную рѣчь, я былъ успокоенъ твердымъ звукомъ моего голоса. Потомъ я былъ подбодренъ тѣми возраженіями, которыя мнѣ дѣлались. — Главный оппонентъ — профессоръ Полицейскаго Права — Иванъ Трофимовичъ Тарасовъ — между прочимъ спрашивалъ меня, какъ это я рѣ-

шаюсь говорить о стихійномъ элементѣ, какъ изначальномъ моментѣ греческой религіи, между тѣмъ какъ „можно доказать, что стихійный моментъ былъ внесенъ въ греческую религію уже *послѣ Гомера*". Я ему указалъ, какъ у Гомера Зевесъ мечетъ молніи, а Посейдонъ приводитъ въ движеніе волны морскія, и онъ умолкъ: послѣ этого и нѣсколькихъ другихъ возраженій въ этомъ родѣ я почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ диспута: мнѣ стало ясно, что я могу дѣлать съ моими оппонентами все, что хочу. — Второй оппонентъ — Владимиръ Егоровичъ Щегловъ могъ поставить на ноги лишь одно общее возраженіе, которое онъ примѣнялъ ко всякой исторической работѣ, о чемъ бы она не трактовала: „авторъ не въ достаточной мѣрѣ примѣнилъ рекомендованный Огюстомъ Контомъ сравнительно-историческій методъ".

Я до того успокоился, что сталъ съ интересомъ и вниманіемъ разглядывать отдѣльныя фигуры въ публикѣ. — Особенно развлекали меня въ первомъ ряду губернаторъ и генералъ, сидѣвшіе рядомъ. Оба, видимо, дремали и сидѣли, свѣсивши головы въ противоположныя стороны; меня забавляла мысль, что они оба вмѣстѣ образуютъ двуглаваго орла. Генералъ, впрочемъ, высказывалъ потомъ свои размышленія.

„Знаете что, Евгеній Ивановичъ", — говорилъ онъ Е. И. Якушкину — извѣстному изслѣдователю обычнаго права и весьма авторитетному въ Ярославлѣ человѣку, — „вотъ что я думаю по поводу диспутовъ. Рабство всегда будетъ, потому что всегда будутъ на свѣтѣ сильные и слабые, и слабые будутъ рабами сильныхъ". — „А что, Ваше Превосходительство, есть ли въ Вашей дивизіи люди сильнѣе Васъ", замѣтилъ тотъ. — „Это — другое дѣло", отвѣтилъ генералъ, — „я ихъ начальникъ".

Въ общемъ мой диспутъ и обѣ мои пробныя лекціи произвели на „совѣтъ лицея" весьма благопріятное впечатлѣніе, и искомое званіе было мнѣ дано, что преисполнило душу мою большою радостью.

Нельзя сказать, однако, чтобы мои будущіе коллеги произвели *на меня* благопріятное впечатлѣніе. Наоборотъ: провинціальная академическая среда захолустнаго города оставила во мнѣ весьма безотрадное воспоминаніе. Не могу сказать даже, чтобы впечатлѣніе было сѣрое. Наоборотъ, въ числѣ моихъ новыхъ товарищей были и весьма яркіе типы, съ которыми мнѣ приходилось переживать черезвычайно яркія страницы академической жизни, но, увы, — „яркіе" не то въ гоголевскомъ, не то въ щедринскомъ, не то въ чеховскомъ смыслѣ слова.

Ярославль былъ по преимуществу городомъ *начинающихъ* молодыхъ профессоровъ. Въ немъ начали, напримѣръ, свое академическое поприще такіе выдающіеся ученые, какъ Владимирскій Будановъ, Дювернуа, Посниковъ, Дитятинъ, Сергіевскій. — Но люди одаренные и знающіе обыкновенно тотчасъ по написаніи перваго же ученаго труда получали приглашеніе на кафедру въ какой нибудь университетъ. Стремленіе въ болѣе крупный университетскій центръ составляло общую мечту всего преподавательскаго персонала. Естественно, что „засиживались" въ Ярославлѣ наименѣе одаренные или же люди мало привлекательные по своимъ душевнымъ качествамъ. За мое шестилѣтнее пребываніе въ Ярославлѣ я помню лишь одного дѣйствительно талантливаго ученаго — Александра Евгеньевича Назимова, коего талантъ, впрочемъ, исчерпался всего только одной небольшой работой, послѣ которой онъ получилъ немедленно назначеніе въ Одессу. Былъ въ лицеѣ ученый экономистъ и весьма продуктивный по своему предмету писатель — А. А. Исаевъ; его многіе *считали* талантливымъ, въ особенности въ виду присущаго ему дара слова, — я же относительно его таланта остаюсь при особомъ мнѣніи. Былъ одинъ, котораго я не хочу называть, такъ какъ онъ, можетъ быть, еще живъ, — человѣкъ очень умный и одаренный, но растратившій и прожегшій смолоду всѣ свои духовные дары, ненаписавшій

ни одной ученой работы. Совершенное исключеніе представлялъ собою профессоръ каноническаго права И. С. Суворовъ, — человѣкъ, хотя и не талантливый, но дѣльный и солидный ученый. Наконецъ, былъ еще Ш. — Директоръ Лицея, о которомъ нельзя говорить ни какъ о талантливомъ, ни какъ о бездарномъ профессорѣ, потому что о немъ *какъ професоръ и человѣкъ* вообще серьезно говорить нельзя. — Всѣ прочіе были либо посредственны, либо совершенно бездарны.

Впрочемъ, наиболѣе удручающее впечатлѣніе производили не способности преподавателей, а ихъ отношеніе къ наукѣ и преподаванію, — у однихъ откровенно ремесленнное и коммерческое, а у другихъ — циничное. Люди, любившіе науку ради нея самой, встрѣчались лишь въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія. Помню, напримѣръ, характерный для духовной атмосферы Лицея разговоръ. — Вскорѣ послѣ моей женитьбы я усердно принялся за работу надъ магистерской диссертаціей. Узнавъ объ этомъ одна профессорша — хорошая, но совершенно не развитая женщина, съ удивленіемъ и почти съ негодованіемъ спрашивала мою жену. — „Зачѣмъ же это Евгеній Николаевичъ диссертацію пишетъ. Чѣмъ бы ему сидѣть съ молодой женой, а онъ за занятія. Нехорошо. Я понимаю, *моему* мужу нужно писать диссертацію. У насъ куча дѣтей и средствъ — никакихъ. А вамъ на что, — вѣдь вы люди состоятельные“. Для нея диссертація и ученая степень были интересны лишь какъ средства — получать увеличенный окладъ содержанія.

Въ профессорскомъ быту не рѣдкость — мужья, которые усваиваютъ эту точку зрѣнія отъ женъ. Впрочемъ, они и сами по себѣ къ ней предрасположены. — Съ первыхъ же дней моего поступленія я слышалъ отъ директора Лицея Ш. ходячую, какъ оказалось, остроту относительно докторскаго и магистерскаго знака. — „На магистерскомъ стоитъ буква *М*: это значитъ *„мало“*, а на докторскомъ — *Д.* — *„довольно“*. Это вѣрная характеристика средняго про-

фессора: получивъ обѣ нужныя для ученой карьеры степени, профессоръ въ большинствѣ случаевъ на этомъ успокаивается и уже не издаетъ какихъ либо иныхъ ученыхъ трудовъ, кромѣ *курсовъ*, которые на юридическомъ факультетѣ составляютъ хорошую статью дохода. Помню, какъ тотъ же директоръ Лицея убѣждалъ меня, чтобы я бросилъ философію права и вмѣсто нея занялся правомъ гражданскимъ. — „Что Вамъ стоитъ перейти на другую кафедру", увѣщевалъ онъ, „вѣдь цивилисты же гораздо нужнѣе философовъ". — Когда я ему объяснилъ, что къ философіи я съ юныхъ лѣтъ испытываю влеченіе, онъ меня просто не понялъ. „Ну такъ что жъ такое", возразилъ онъ, — „вотъ Вы и удовлетворили Ваше влеченіе, а теперь почему же не заняться другимъ". Онъ недоумѣвалъ, какъ я могу отказываться отъ предложенія столь выгоднаго. Цивилистовъ въ то время былъ въ самомъ дѣлѣ большой недостатокъ, и въ университетахъ при дѣйствіи устава 1884 года они начали зашибать огромные гонорары.

Былъ въ особенности одинъ вопросъ, въ которомъ ярко проявлялся этотъ житейскій матеріализмъ профессорской коллегіи. Преподаваніе по вакантнымъ кафедрамъ распредѣлялось между наличными профессорами при добавочной платѣ по двѣсти рублей за часъ по предмету другой кафедры. Понятно, что профессора, наиболѣе нуждавшіеся, стремились набрать возможно большее количество добавочныхъ часовъ. Часы эти распредѣлялись сплошь да рядомъ по соображеніямъ совершенно чуждымъ пользамъ преподаванія. — Одному давались часы, потому что онъ „многосемейный, и ему нечѣмъ обуть дѣтей". Другому — въ вознагражденіе за услуги или въ счетъ будущихъ товарищескихъ услугъ по принципу — do ut des: я буду голосовать за твои добавочные часы, съ тѣмъ, чтобы ты голосовалъ за мои. Отсюда часто происходили въ Лицеѣ совершенно не нужныя для преподаванія промедленія въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ.

Вакантная кафедра была доходной статьей, съ которой было не особенно пріятно разставаться.

Черезъ годъ послѣ моего вступленія въ Лицей случился эпизодъ, который необычайно ярко охарактеризовалъ настроеніе профессуры и въ особенности —ея взглядъ на преподаваніе.—Обыкновенно остатки отъ штатныхъ суммъ перечислялись по ходатайству Совѣта на пріобрѣтеніе книгъ для библіотеки Лицея. —Такъ какъ кафедры пустовали въ множествѣ, бюджетъ библіотеки выражался въ очень внушительныхъ цифрахъ, и юридическая наша библіотека была несомнѣнно одной изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Однако, какъ ни велики были библіотечныя суммы, профессора привыкли выписывать книги безъ счета, выписывали часто даже такія книги, которыя были нужны собственно не для Лицея, а для ихъ частныхъ надобностей; таковы были, напримѣръ, медицинскія книги о леченіи тѣхъ болѣзней, коими они страдали и т. п.

Вслѣдствіи такого неосмотрительнаго расходованія въ одинъ прекрасный день Лицей вышелъ изъ смѣты и задолжалъ лейпцигскому книгопродавцу — Бэру небольшую сумму — всего нѣсколько тысячъ рублей. Профессоръ А. А. И-въ — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ профессоровъ, воспользовался этимъ, чтобы устроить на законной почвѣ одну изъ тѣхъ пакостей товарищамъ, на которыя онъ былъ большой художникъ и любитель. Зная стихійный страхъ директора передъ начальствомъ, онъ сталъ его систематически запугивать: „плохо, плохо наше дѣло", говорилъ онъ, — „нагоритъ намъ за этотъ долгъ изъ Петербурга". Въ концѣ концовъ И—въ придумалъ художественную комбинацію — сократить жалованіе приватъ-доцентамъ до двѣсти рублей каждому и *уменьшить количество часовъ преподаванія по незанятымъ кафедрамъ*, а вызванную этими сокращеніями экономію употребить на покрытіе библіотечнаго долга. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ велась компанія, чтобы подобрать нужное для проведенія этихъ мѣръ боль-

шинство Совѣта. Это оказалось нетруднымъ: въ Совѣтѣ въ то время было всего восемь голосовъ; изъ нихъ священникъ — профессоръ богословія — всегда голосовалъ съ директоромъ: при его участіи получилось за предложеніе И—ва большинство пяти противъ трехъ.

Засѣданія Совѣта, долженствовавшія рѣшить вопросъ сопровождались бурными сценами. Меньшинство ясно доказывало неслыханное безобразіе такой мѣры, какъ сокращеніе преподаванія въ „цѣляхъ экономіи". Профессоръ И—въ отвѣчалъ глумленіемъ, которое вызвало рѣзкую выходку со стороны профессора Тарасова. — Слова послѣдняго были занесены въ протоколъ. Произошла сцена совершенно невообразимая. Профессоръ И-въ заявилъ, что онъ „такъ и быть даритъ господамъ протестантамъ прощеніе и согласенъ вычеркнуть изъ протокола слова профессора Тарасова". Тотъ вскочилъ съ крикомъ: — „какъ Вы смѣете; если директоръ не умѣетъ Васъ сдержать, я самъ научу Васъ приличію". И уронивъ кресло, онъ весь дрожащій съ крикомъ направился къ выходу. На бѣду путь къ выходу лежалъ мимо кресла И—ва, вслѣдствіе чего движенія уходящаго И. Т. Тарасова были поняты какъ угроза. Директоръ, въ свою очередь взволнованный, вскочилъ и крикнулъ громовымъ голосомъ: „Господинъ ординарный профессоръ Тарасовъ, прошу Васъ выйти вонъ". — „Нѣтъ, я самъ ушелъ", отвѣчалъ тотъ. — „Нѣтъ я Васъ выгналъ", — „Нѣтъ, я самъ ушелъ". —

Когда онъ вышелъ, послышался общій вздохъ облегченія. — „А я вѣдь не ожидалъ, что такъ благополучно кончится", произнесъ успокоеннымъ голосомъ директоръ. „Мнѣ казалось, что онъ" . . . И директоръ сдѣлалъ выразительный жестъ надъ лысиной И-ва. — „Всетаки этого такъ, господа, оставить нельзя, — мы должны составить особый протоколъ о случившемся". И директоръ началъ диктовать протоколъ о томъ, „какъ профессоръ Тарасовъ закри-

чалъ, а директоръ, возвысивъ голосъ, сказалъ" и т. д. Кончилось тѣмъ, что И. Т. Тарасовъ извинился передъ выгнавшимъ его изъ Совѣта директоромъ. По этому поводу нѣсколькими днями позже директоръ велъ со мною благодушную бесѣду.

— А знаете ли, сказалъ онъ, вѣдь у насъ здѣсь въ Лицеѣ благодать Божія: покричали, побурлили и успокоились. То ли дѣло въ Казани: тамъ, бывало, м . . . ками ругались. — А ужъ какъ они другъ друга ненавидятъ. По моему имъ нужно отвести душу — подраться какъ слѣдуетъ. Сколько разъ я имъ предлагалъ: хотите, я вамъ для этого у себя въ саду мѣсто отведу: садъ, знаете, у меня большой, пускай они тамъ себѣ въ волосы вцѣпятся. У И—ва хоть волосъ нѣтъ, но зато борода большушая, а у Ивана Трофимовича и волосенки есть".

Кончился весь этотъ эпизодъ величайшимъ срамомъ для Лицея. Попечитель учебнаго округа — графъ Капнистъ — не только не утвердилъ нашего Совѣтскаго постановленія, но въ слѣдующую осень пріѣхалъ въ Ярославль, и на засѣданіи Совѣта разъяснилъ, что забота о полнотѣ преподаванія для насъ является главной, вслѣдствіе чего сокращеніе часовъ въ цѣляхъ экономіи безусловно недопустимо. Послѣ этого начальственнаго разъясненія директоръ и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ стали признавать, что они „ошиблись".

По городу быстро разнеслась слава о нашихъ знаменитыхъ засѣданіяхъ. Знакомые дразнили при встрѣчѣ: „Вы, молъ, можете къ себѣ на засѣданія публику за деньги пускать." И точно. За всю мою долгую академическую дѣятельность я потомъ не видалъ засѣданій съ потрясеніемъ стульевъ въ воздухѣ и не присутствовалъ при изгнаніи профессора изъ Совѣта. Только въ томъ же Демидовскомъ Лицеѣ нѣсколькими годами позже мнѣ пришлось присутствовать при сценахъ менѣе бурныхъ, но почти столь же постыдныхъ.

Это былъ періодъ, когда въ Совѣтѣ было всего *пять* голосовъ, изъ коихъ одинъ принадлежалъ *психически больному* Л., страдавшему прогресивнымъ параличемъ. Особенность страданій этого несчастнаго заключалась въ томъ, что его на что угодно можно было подговорить: онъ слушался послѣдняго, который отъ него что-либо потребуетъ. — Но этой почвѣ въ одинъ прекрасный день приключилось слѣдующее.

Профессоръ уголовнаго права Б.-К. — человѣкъ совершенно исключительный по бездарности и къ тому же одинъ изъ глупѣйшихъ людей, какихъ мнѣ вообще приходилось встрѣчать, — потребовалъ себѣ дополнительныхъ часовъ по кафедрѣ гражданскаго права; въ частныхъ разговорахъ, онъ откровенно мотивировалъ это требованіе рожденіемъ ребенка и соотвѣтственнымъ увеличеніемъ расходовъ. — Для насъ было совершенно ясно, что поручать такому человѣку чтеніе по важнѣйшему предмету, вдобавокъ совершенно ему незнакомому, — прямо преступно . . . Ему, однако, удалось подѣйствовать на двухъ своихъ товарищей усердными просьбами. — Такъ какъ въ нашемъ лагерѣ имѣлось тоже два голоса, *рѣшать* вопросъ долженъ былъ голосъ психически больнаго. — Я считалъ его *своимъ*; поэтому, придя въ Лицей на засѣданіе Совѣта, я былъ чрезвычайно удивленъ, увидавъ, что Л. уходитъ. Я пытался его удержать, но онъ только махнулъ рукой и поспѣшно убѣжалъ домой. „Что Вы сдѣлали, какъ Вы могли упустить Л.“, сказалъ я Назимову. „Да нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, вѣдь я жъ его и услалъ: онъ обѣщалъ на засѣданіи голосовать за назначеніе часовъ по гражданскому праву этому дураку. Когда я ему объяснилъ, что онъ надѣлалъ, онъ согласился, что самое лучшее для него — вовсе не быть на засѣданіи“. — Получилось равенство голосовъ за и противъ прошенія Б. Такимъ образомъ часовъ по гражданскому праву онъ къ счастью для Лицея не получилъ, но только потому, что Назимову удалось во время удалить изъ засѣ-

данія психически больного, отъ голоса коего зависѣло рѣшеніе важнѣйшаго вопроса преподаванія.

Можно себѣ представить, какъ отзывались эти нравы и обычаи профессорской коллегіи на ея авторитетѣ. Въ маленькомъ городишкѣ, какъ Ярославль, не существуетъ тайнъ. Сказанное между четырехъ стѣнъ становится на другой день извѣстнымъ всему городу. Поэтому студенты, о ужасъ, знали все, рѣшительно все, что происходило въ Совѣтѣ и вообще въ профессорской комнатѣ. Этому способствовало то обстоятельство, что наша „профессорская" находилась въ центрѣ библіотеки. Въ сосѣднемъ отдѣленіи, отгороженномъ отъ профессорской только книжными шкафами, помѣщался большой столъ, на которомъ были разложены вновь полученные русскіе и иностранные журналы. — Къ столу для просмотра журнала допускались студенты. Естественно, что они могли слышать все то, что говорилось въ профессорской. — И они этимъ пользовались. Однажды въ день годичнаго лицейскаго праздника студенты захотѣли посчитаться съ однимъ изъ профессоровъ, который безъ милосердія рѣзалъ ихъ на экзаменѣ. Въ театрѣ во время спектакля они вызвали его въ ресторанъ. Онъ пошелъ, думая, что дѣло сведется къ обычному въ этотъ день тосту и привѣтствію. Вмѣсто того студенты начали ему припоминать все то, чѣмъ были недовольны. — „До такого то года", заявили они, „Вы были строги, но справедливы; а съ такого то времени Вы стали и строги и несправедливы". — „Изъ чего же это видно", спросилъ онъ. „А вотъ изъ чего", брякнулъ подгыпившій студентъ: „Сами же Вы въ такой то день, входя въ профессорскую, провозгласили: я, молъ, сейчасъ, двухъ хорошихъ винтеровъ срѣзалъ, — они, должно быть, недурно играютъ въ винтъ; — я это слышалъ собственными ушами." — „Въ такомъ случаѣ, извините, отвѣтилъ профессоръ, — Вы не слышали, а подслушали; вѣдь я это сказалъ въ профессорской, гдѣ Васъ не было." —

Студентъ, дѣйствительно, подслушалъ этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты.

Студенты прекрасно знали, что профессора ихъ — въ подавляющемъ большинствѣ ремесленники посредственные, а то и вовсе плохіе. — Поэтому они большей частью профессоровъ ни въ грошъ не ставили и необыкновенно слабо посѣщали лекціи. Иныя лекціи могли состояться лишь съ помощью инспектора, къ которому профессоръ обращался, когда находилъ аудиторію пустою. Студенты являлись, и профессоръ потомъ спрашивалъ инспектора, какъ среди нихъ могли очутиться слушатели *прошлогодніе*, уже прослушавшіе данный предметъ и даже выдержавшіе изъ него экзаменъ?

„Что же тутъ удивительнаго", отвѣчалъ инспекторъ, „я ихъ призанялъ изъ интерната, а тамъ есть всѣхъ возрастовъ. Да они къ этому привычны: *я ихъ приглашаю ко всѣмъ профессорамъ, у которыхъ не оказывается слушателей.*"

Легко представить себѣ педагогическую цѣнность такой лекціи со слушателями „по наряду". Бывали случаи, когда на экзаменѣ обнаруживалось необыкновенно низкое мнѣніе студенческой массы о томъ или другомъ профессорѣ. По правиламъ всѣ экзамены должны были происходить „въ комиссіи", состоявщей изъ всѣхъ преподавателей даннаго курса. Фактически же всѣ профессора экзаменовали одновременно у отдѣльныхъ столиковъ, и стало быть, по меньшей мѣрѣ девяносто девять сотыхъ студентовъ экзаменовались безъ комиссіи. Но студентъ, не довольный своей отмѣткой, имѣлъ право требовать, чтобы его тутъ же проэкзаменовали въ комиссіи, которая въ такомъ случаѣ его экзаменовала непремѣнно въ тотъ же день.

Мнѣ однажды пришлось участвовать въ такой комиссіи, которая собралась по жалобѣ студента на преподавателя Римскаго Права, — классически бездарнаго доцента Лицея. Къ ужасу моему экзаменъ происходилъ публично: всѣ студенты, бывшіе въ то время

въ Лицеѣ, собрались слушать. — Съ первыхъ же словъ мнѣ стало ясно, что студентъ знаетъ по меньшей мѣрѣ на четыре или на пять и что доцентъ, поставившій ему два, совершилъ явную несправедливость. Но не менѣе очевидна была для меня и исключительная дерзость тона студента, который держалъ себя вызывающе. Предсѣдательствовавшій въ нашей комиссіи директоръ велъ себя возмутительно: вмѣсто того, чтобы призвать къ порядку студента, онъ его успокаивалъ. Студента это только подбодряло къ дальнѣйшимъ выходкамъ: „Вы требуете, профессоръ, точной характеристики римскихъ юристовъ. Но какую же характеристику можно почерпнуть изъ такого курса, какъ Вашъ. Что онъ можетъ дать слушателю?“ По аудиторіи пронесся злорадный смѣхъ. — Конецъ экзамена ознаменовался безпредѣльной безтактностью со стороны директора. Вмѣсто того, чтобы удалиться въ другую комнату для сужденій объ экзаменѣ, онъ началъ тутъ же при *студентахъ* спрашивать насъ относительно балла, какимъ мы оцѣнивали знанія студента. Опросъ начался съ меня, какъ младшаго. Я былъ вынужденъ сказать, что оцѣниваю это знаніе отмѣткою *четыре.* Къ моему мнѣнію присоединились всѣ прочіе, кромѣ самого доцента, на котораго была подана жалоба. Раздался оглушительный аплодисментъ. — Доцентъ былъ блѣденъ, а директоръ — чрезвычайно доволенъ. „Знаете что, Сергѣй Михайловичъ, посадите его въ карцеръ,“ сказалъ я ему потомъ наединѣ. „Какъ, за что?“ — „Да развѣ Вы не замѣтили необычайную грубость его поведенія?“ Директоръ спохватился и испугался, сообразивъ, что онъ сдѣлалъ упущеніе, за которое ему можетъ „влетѣть отъ начальства.“ — „Знаете что“, сказалъ онъ мнѣ потомъ, „я уговорилъ студента сѣсть въ карцеръ; онъ согласился“, — „А какъ же Вы его уговорили?“ „Да очень просто, я ему объяснилъ, что по жалобѣ профессора на непристойность его поведенія ему грозитъ судъ и исключеніе. А студенты, кстати, послѣ экзамена теперь

всѣ разъѣзжаются. Шумѣть то некому. — *Вотъ онъ и согласился сѣсть въ карцеръ.*"

Студентъ оказался милостивъ къ начальству и директоръ былъ этимъ обрадованъ. — Такова была у насъ въ Лицеѣ школьная дисциплина.

Когда среди нашего студенчества встрѣчались люди съ умственными запросами и жаждою знанія, отношеніе ихъ къ *такимъ* профессорамъ могло быть только безпощадно жестокимъ. Если на самомъ дѣлѣ оно было въ общемъ добродушнымъ, это объясняется, увы, — совершенно просто: большинство студенчества относились къ наукѣ и высшему образованію еще болѣе грубо утилитарно, чѣмъ большинство профессоровъ.

Шкурники, которые ищутъ въ высшемъ учебномъ заведеніи только диплома, имѣются вездѣ въ достаточномъ количествѣ. Мнѣ приходилось ихъ встрѣчать потомъ во множествѣ въ университетахъ, гдѣ я преподавалъ. — Но нигдѣ они не находились въ такомъ подавляющемъ изобиліи, какъ въ Ярославлѣ.

Оно и понятно. Что могло привлечь молодого человѣка въ захолустный губернскій городъ, находящійся въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ Москвы съ ея университетомъ? Конечно не наука. — Руководствовавшіеся соображеніями научными, — шли въ московскій университетъ. Въ Демидовскій юридическій Лицей шли по соображеніямъ иного порядка. Когда я въ 1886 году началъ чтеніе лекцій, тамъ было всего восемьдесятъ студентовъ. — Тогда поступали къ намъ преимущественно мѣстные люди, для которыхъ жизнь въ столицѣ *отдѣльно отъ семьи* была не по средствамъ. Лицей хирѣлъ; самое существованіе его въ непосредственной близости отъ московскаго юридическаго факультета казалось безсмыслицей. И вдругъ, съ 1887 г. начался неожиданно большой притокъ слушателей. — Къ намъ хлынули всѣ потерпѣвшіе отъ новаго университетскаго законодательства или испугавшіеся государственнаго экзамена, который не

распространялся на Лицей. — Лицей воспользовался тѣмъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія о немъ забыло.

Возобновивъ лекціи осенью 1887 года, я былъ пораженъ тѣмъ, что вмѣсто *двадцати* слушателей у меня на первомъ курсѣ было цѣлыхъ полтораста, — въ огромномъ большинствѣ *евреевъ*. Это былъ результатъ министерскаго циркуляра, который ввелъ процентную норму для студентовъ — евреевъ въ университетѣ и въ то же время не упоминалъ о Лицеѣ. Когда стали поступать еврейскія прошенія, директоръ, не имѣя никакихъ распоряженій отъ начальства, сначала всѣхъ принималъ. Когда же были принято около сотни и прошенія продолжали прибывать, онъ, видя, что Лицей превращается въ еврейское учебное заведеніе, испугался, обратился съ запросомъ въ министерство и получилъ предписаніе — немедленно прекратить пріемъ. Всего еврейскихъ прошеній было подано около трехсотъ. — Одинъ еврей, который запросилъ Лицей еще лѣтомъ о возможности быть принятымъ и получилъ отвѣтъ „о неимѣніи препятствій", пріѣхалъ на этомъ основаніи въ Ярославль изъ Восточной Сибири; когда, на основаніи новаго распоряженія министерства, ему отказали въ пріемѣ, онъ заявилъ, что будетъ искать съ Лицея путевыя издержки.

Мнѣ пришлось читать цѣлый годъ слушателямъ курчавымъ, черноглазымъ и съ кривыми носами. — — Алфавитный списокъ студентовъ перваго курса въ тотъ годъ волей-неволею вызывалъ ветхозавѣтныя воспоминанія, такъ какъ онъ пестрилъ библейскими именами: Ааронъ, Самсонъ, Соломонъ, Самуилъ, Моисей и т. п. Впрочемъ русскихъ оставался довольно порядочный процентъ — около трети курса. Въ ихъ числѣ было много перешедшихъ изъ университета, чего раньше не замѣчалось.

Это были въ большинствѣ убоявшіеся государственнаго экзамена. Когда со введеніемъ этого экзамена въ университетахъ прекратились экзамены кур-

совые, среди студентовъ началась паника. Въ послѣдствіи рядомъ министерскихъ распоряженій курсовые экзамены были возстановлены, но въ началѣ дѣйствія устава 1884 года государственный экзаменъ былъ единственнымъ въ университетѣ; и студенчество было испугано грозной перспективою — держать экзаменъ изо всѣхъ предметовъ разомъ. Въ то же время въ Лицеѣ была сохранена въ полной неприкосновенности старая система курсовыхъ испытаній, съ одной существенной по сравненію со старымъ университетскимъ уставомъ льготою. Студентъ Лицея имѣлъ право, буде онъ пожелаетъ, выдержать всѣ экзамены въ *три года* вмѣсто четырехъ. Этими приманками былъ вызванъ притокъ студентовъ, который продолжался и въ слѣдующіе годы. Въ числѣ желавшихъ воспользоваться этими льготами было особенно много такъ называемой „золотой молодежи". Молодые люди, весело проводившіе первые университетскіе годы въ Москвѣ, убѣдившись, что тамъ имъ курса не окончить, — бѣжали въ Ярославль не только отъ государственнаго экзамена, но отчасти и отъ цыганъ и отъ всѣхъ прочихъ столичныхъ развлеченій. — Въ Ярославлѣ они, разумѣется, не посѣщали лекцій, а запирались въ своихъ номерахъ для приготовленія къ экзаменамъ въ льготный срокъ по литографированнымъ запискамъ. — Въ общемъ приливъ новыхъ элементовъ не поднялъ уровень слушателей Лицея, а наоборотъ, подчеркнулъ и усилилъ узко-утилитарное отношеніе студенческой массы къ академическимъ занятіямъ. Лицей цѣнился молодежью, какъ фабрика, ускореннымъ темпомъ вырабатывавшая дипломы. — Можно ли строго осуждать за это молодежь? Вспоминая о томъ, какъ было поставлено у насъ преподаваніе, я на это не рѣшаюсь. Характерна не такая подробность, какъ чтеніе въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ лекцій по международному праву прогрессивнымъ паралитикомъ. Гораздо характернѣе то, что этотъ несчастный, который не могъ связать двухъ словъ въ разговорѣ, потому что связь его

мыслей ежесекундно обрывалась, *читалъ лекціи не хуже многихъ другихъ*. Мыслей связывать онъ не могъ, но на чтеніе старыхъ записокъ по просаленнымъ тетрадкамъ его хватало. Чѣмъ же онъ былъ хуже многихъ другихъ, его товарищей, продѣлывавшихъ изъ года въ годъ то же самое? Скандалъ для преподаванія заключался не въ томъ, что читалъ психически больной, а въ томъ, что онъ съ успѣхомъ могъ замѣнять здороваго. Студенчество это прекрасно знало. Во имя чего же можно было требовать отъ него посѣщенія лекцій?

Въ бытность мою въ Лицеѣ я наблюдалъ иной случай умственнаго паденія, которое привело къ тому же результату, — къ полному угасанію мысли преподавателя и ученаго. — Трагизмъ этого случая усиливался тѣмъ, что психической болѣзни тутъ не было: наоборотъ, преподаватель остался въ полномъ обладаніи своимъ недюжиннымъ острымъ умомъ. Но результатъ его преподаванія былъ практически тотъ же, какъ и въ только что описанномъ случаѣ съ паралитикомъ. Происходило это отъ того, что онъ былъ психически надломленъ.

Началось это паденіе съ бурно проведенной молодости. Потомъ несчастный искалъ въ женитьбѣ спасенія отъ угнетавшей его атмосферы нездоровой страсти. — Женитьба оказалась неудачною. Онъ изнывалъ въ неврастеніи и изводилъ жену, а она — вульгарная и неразвитая женщина — отъ времени до времени приходила въ ярость и била его сапогами по лицу. — Послѣ такой сцены онъ весь блѣдный и дрожащій приходилъ къ своему товарищу — искать крова и пріюта: „до чего дошло", говаривалъ онъ, — „сегодня спрашиваю горничную, зачѣмъ она мнѣ приготовила ванну съ сосновымъ экстрактомъ; а она мнѣ въ отвѣтъ. — Вѣдь я же знаю, баринъ, что Вы всякій разъ, когда бываетъ у Васъ грѣхъ съ барыней, купаетесь. — Грѣхомъ она называла побои". — „Что тутъ дѣлать съ женой, сказалъ онъ однажды, вѣдь

жить мы должны вмѣстѣ изъ за дочери; остается одно — выработать точныя условія совмѣстной жизни". И онъ показалъ мнѣ текстъ этихъ условій, — самый невѣроятный документъ, который мнѣ приходилось читать въ жизни. — Помню оттуда отдѣльные параграфы: — 1) воспитаніе дочери умственное и нравственное принадлежитъ всецѣло отцу. *Примѣчаніе.* Въ *религіозное* воспитаніе дочери отецъ не вмѣшивается, — таковое предоставляется всецѣло матери. 2) Гости мужа къ женѣ не относятся, во время ихъ пребыванія въ домѣ жена въ комнату мужа не входитъ. 3) Къ ужину должно подаваться исключительно холодное или подогрѣтое, оставшееся отъ обѣда. — Такими параграфами онъ надѣялся предотвратить поводы къ ссорамъ и дракамъ, *а она* согласилась ихъ подписать. О какой могла быть рѣчь наукѣ въ подобной духовной атмосферѣ? Неврастенія съѣла всѣ умственные дары несчастнаго. — Страсти, удручавшія его въ молодости, не исчезли, а переродились въ отталкивающую скупость и жадность къ деньгамъ. — Единственные интересы, коими онъ жилъ, были гнетущій неврастеническій страхъ за жизнь и здоровье, да изысканіе способовъ нажить деньги. Это былъ рѣдкій циникъ. — Помню, какъ онъ остроумно доказывалъ, что всѣ бѣдствія человѣка происходятъ отъ глупаго идеализма, въ особенности же, отъ этой несчастной попытки „ходить на двухъ ногахъ и организовать общество. Вѣдь ясно же, что отъ этого происходятъ всѣ наши неврастеніи, да пороки сердца. То ли дѣло на четверенькахъ. И здорово и удобно". Въ концѣ концовъ этотъ цинизмъ не ограничивался одними шутками. Въ послѣдствіи, уже послѣ моего отъѣзда изъ Ярославля, тотъ же доцентъ прославился, какъ составитель реакціонныхъ записокъ по заказу высокопоставленныхъ лицъ. Это не могло быть дѣломъ убѣжденія, потому что убѣжденій у него не было никакихъ. Это былъ его опытъ хожденія на четверенькахъ.

У этого несчастнаго умственное вырожденіе было послѣдствіемъ паденія. — Былъ въ Лицеѣ другой типъ, которому и падать то было собственно нечего за невозможностью предположить, чтобы онъ когда либо раньше стоялъ на какой либо высотѣ. Это былъ къ сожалѣнію самъ директоръ Ш. — въ своемъ родѣ знаменитость, потому что онъ обогатилъ скандальную хронику всѣхъ тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ ему приходилось бывать. Не было того увеселительнаго дома или сада, гдѣ бы студенты не встрѣчали этого почтеннаго старца, которому было въ ту пору за шестьдесятъ. Къ преподаванію и наукѣ онъ относился болѣе, чѣмъ либерально. Онъ ровно ничего не дѣлалъ самъ, завелъ въ Лицеѣ обычай читать лекцію *полчаса* вмѣсто сорока пяти минутъ; а его собственная лекція зачастую начиналась за пять минуть до звонка.

Въ числѣ моихъ товарищей въ Демидовскомъ Лицеѣ была группа людей несомнѣнно хорошихъ, какъ, напримѣръ, покойный Назимовъ, экономистъ В. Ф. Левицкій (впослѣдствіи харьковскій профессоръ), В. Г. Щегловъ и нѣкоторые другіе. Но въ общемъ нравственная атмосфера Демидовскаго Лицея была удручающая, и я заднимъ числомъ даже радъ, что не сразу ее какъ слѣдуетъ разглядѣлъ.

Мнѣ было всего двадцать два года, когда я началъ тамъ мое академическое поприще. Я съ энтузіазмомъ приступилъ къ составленію курса по древней философіи и въ первый годъ читалъ съ величайшимъ увлеченіемъ. Въ этотъ первый годъ я цѣликомъ былъ погруженъ въ преподаваніе. — Хотя мнѣ приходилось читать всего два часа времени, нужно было столько передумать, чтобы приготовиться къ этимъ двумъ часамъ, что на это уходили тогда всѣ мои силы. Это всегда бываетъ такъ, когда курсъ не носитъ характера компилятивнаго и лекторъ стремится обработать его отъ начала до конца самостоятельно. — Занятіе это меня удовлетворяло; — я былъ самъ захваченъ, поэтому мнѣ смолоду казалось, что и мои слушатели

должны быть захвачены моимъ чтеніемъ. Потомъ только я убѣдился, сколько преувеличеній въ этихъ надеждахъ молодого увлекающагося профессора на слушателей. Увы, типъ человѣка, которому буквально все равно, преобладаетъ на всѣхъ ступеняхъ ученой и учебной іерархіи. Есть и среди студентовъ и среди профессоровъ много такихъ, которыхъ рѣшительно ничѣмъ не прошибешь. Профессоръ долженъ быть счастливъ, если среди множества безъ толку его слушающихъ и шумно ему хлопающихъ найдется хоть небольшой кружокъ настоящихъ цѣнителей. Если такой кружокъ есть, то, какъ бы онъ ни былъ малъ, работа профессора этимъ оправдывается. Но и въ этомъ случаѣ онъ всегда долженъ имѣть въ виду, что центръ тяжести не въ лекціяхъ, а въ такихъ занятіяхъ, гдѣ студентъ играетъ *активную* роль. Лекціи же при этомъ приносятъ лишь весьма *относительную* пользу.

Когда мнѣ пришлось читать курсъ во второй, третій, четвертый и т. д. разъ, я убѣдился, насколько неисполнимо требованіе, чтобы курсъ всегда обновлялся. — Его можно сколько угодно совершенствовать, но вѣдь коренныя измѣненія воззрѣній у профессора не такъ часты. Мнѣ приходилось многократно излагать и освѣщать студентамъ Платона и Аристотеля; но какъ бы я ни совершенствовалъ это изложеніе, разъ философы оставались тѣ же, нужно было многое повторять изъ года въ годъ. — Словесныя измѣненія въ способѣ изложенія, разумѣется, не могутъ устранить неизбѣжности повторенія *по существу* однихъ и тѣхъ же мыслей, однихъ и тѣхъ же оцѣнокъ, разъ они удовлетворяютъ профессора. — Поэтому, разъ основныя мысли неизбѣжно входятъ въ литографированный и печатный курсъ профессора, его устное изложеніе можетъ быть въ лучшемъ случаѣ *дополненіемъ и поясненіемъ* къ тому, что студентъ можетъ прочесть въ его запискахъ. Въ общемъ чтеніе лекцій, какъ бы хорошо оно ни было, представляетъ собой неблагодарный трудъ, которымъ очень немного

достигается. — Ни переполненныя аудиторіи, ни частые и уже потому ничего не стоящіе аплодисменты не должны вводить въ заблужденіе на этотъ счетъ.

Въ общемъ, впрочемъ, я на свою аудиторію пожаловаться не могу, — и это не потому, что я пользовался въ ней успѣхомъ, а потому что въ ней, какъ мнѣ казалось, всегда имѣлся хоть небольшой контингентъ лицъ, которымъ мои лекціи и бесѣды со мной по ихъ поводу могутъ быть дѣйствительно полезны, и однако въ Лицеѣ онъ былъ значительно меньше, чѣмъ въ послѣдствіи въ университетѣ.

II. Ярославскіе храмы.

О самомъ городѣ Ярославлѣ и его обитателяхъ у меня осталось куда лучшее воспоминаніе, чѣмъ о Демидовскомъ Лицеѣ. — Прежде всего это одинъ изъ самыхъ красивыхъ русскихъ городовъ, какіе я знаю, съ дивной высокой набережной на холмѣ надъ Волгой. Лицей — нарядное бѣлое зданіе, съ тѣхъ поръ, увы, разгромленное въ 1918 году большевистской артиллеріей, былъ расположенъ въ самомъ центрѣ этихъ красотъ на стрѣлкѣ, что возвышается при сліяніи Которости съ Волгой. При этомъ Ярославль — типичный старый русскій городъ. Церквей въ немъ пропорціонально не меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Какъ то разъ я былъ въ особенности пораженъ ихъ количествомъ, глядя на Ярославль съ противоположнаго берега Волги, — насчиталъ ихъ свыше сорока трехъ и бросилъ считать, такъ какъ въ томъ мѣстѣ далеко не всѣ церкви были видны. На городъ, въ которомъ въ то время было не болѣе шестидесяти тысячъ жителей. это, конечно, — очень большая цифра

Но дѣло не въ количествѣ — Ярославскія церкви принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ въ Россіи. — Есть между ними знаменитыя, которыя составляютъ весьма значительную страницу въ исторіи русскаго искусства. — Я говорю не о нихъ однихъ. Красотой

отличались тамъ многія церкви, далеко не самыя старыя и совершенно неизвѣстныя за предѣлами Ярославля. — Повидимому, благородный вкусъ въ Ярославлѣ вошелъ въ преданія церковнаго строительства. —

Но самыя прекрасныя—несомнѣнно тѣ, которыя пользуются громкою всероссійскою извѣстностью, — Илья Пророкъ, Николай Мокрый, и въ особенности — Іоаннъ Предтеча, что за Которостью. — Всѣ эти церкви принадлежатъ къ XVII вѣку и олицетворяютъ собою одну и ту же эпоху русской религіозной живописи. Ото всѣхъ эпохъ болѣе раннихъ эта „Ярославская живопись" отличается очень яркими чертами.

Она давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ, когда я жилъ въ Ярославлѣ, она вызывала къ себѣ большое восхищеніе. Позднѣе, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда благодаря изумительной чисткѣ иконъ были открыты безсмертные памятники иконописи *новгородской*, цѣнители иконы охладѣли къ ярославской живописи. Мнѣ часто приходилось слышать о ней чрезвычайно рѣзкіе отзывы, какъ о живописи „упадочной", декадентской и вдобавокъ не русской. Разумѣется, сравненіе для ярославской живописи не можетъ быть выгоднымъ. Но оно едва ли умѣстно въ виду величайшей *разнородности* сравниваемыхъ величинъ. Живопись новгородская представляетъ собой искусство *глубоко религіозное*: въ этомъ — вся его сущность; наоборотъ, живопись ярославская — искусство *преимущественно декоративное*. Сравнивать эти два искусства почти также невозможно, какъ сопоставлять безсмертныя видѣнія Фра Беато и пышныя венеціанскія религіозныя декораціи какого либо Тинторетто, либо Паоло Веронезе.

Весь духъ великаго Новгорода и Ярославля совершенно различенъ. — Новгородъ стремится къ религіозному проникновенію, Ярославль — къ великолѣпію. Разумѣется съ чисто религіозной точки зрѣнія это — *живопись упадочная*; въ ней нѣтъ той высоты религіознаго переживанія, того безграничнаго благо-

говѣнія, которое чувствуется въ каждомъ штрихѣ новгородскаго иконописца XV вѣка. — Вмѣсто того въ ней — изумительная роскошь и парадъ, которыми, впрочемъ, еще можно очень наслаждаться съ точки зрѣнія чисто *эстетической*. — Есть одна фреска, которая сразу изобличаетъ контрастъ двухъ настроеній. Это — фреска „Ильи Пророка“, изображающая искушеніе Іосифа женой Пентефрія. — Даже современный взглядъ смущается невѣроятнымъ, дѣйствительно соблазнительнымъ реализмомъ. — Что бы сказали люди XV вѣка, что сказалъ бы въ томъ же XVII вѣкѣ какой-нибудь протопопъ Аввакумъ при видѣ столь явнаго нарушенія благоговѣнія къ храму?! Воспоминаются знаменитыя слова протопопа о вторженіи западныхъ реалистическихъ вліяній въ иконопись. — Такъ оно и было въ данномъ случаѣ. Въ исторіи русскаго искусства Грабаря ясно показано, что какъ разъ фреска, о которой идетъ рѣчь въ числѣ многихъ другихъ воспроизведена съ голландской иллюстрированной библіи *Поскатора*.

Въ ярославскихъ фрескахъ вообще чувствуется настроеніе богатой мірской культуры. Въ частности голландскія вліянія въ ярославской живописи — не случайность, такъ какъ именно въ XVII вѣкѣ Ярославль стоялъ на большомъ торговомъ пути между Россіей и Европой черезъ Бѣлое Море. Онъ былъ полонъ иностранными торговыми факторіями; въ особенности голландскими и англійскими. Въ Ярославскихъ храмахъ слѣды этого соприкосновенія съ Западомъ встрѣчаются на каждомъ шагу. — Глазъ, привыкшій къ старинно-русскимъ и византійскимъ архитектурнымъ линіямъ, при взглядѣ на Ярославскія фрески сразу поражается совершенно новою, необычайно остроконечной архитектурой. Вы видите узенькіе трехъ-этажные домики въ два-три окна по фасаду. — Домики эти образуютъ городки съ зубчатыми стѣнами, несомнѣнно голландско-нѣмецкаго типа.

Не менѣе убѣдительно, чѣмъ архитектура, говоритъ костюмъ. — Вы видите, напримѣръ, аллегорическую фреску — „Корабль вѣры и корабль нечестія". На кораблѣ вѣры сидятъ святые съ широкими русскими лицами и успокоительными окладистыми бородами. На кораблѣ нечестія все — остроконечныя стриженныя бороды, — люди прическою и одеждой напоминающіе не то Шекспира, не то старинные голландскіе портреты; это — типы, знакомые Ярославлю по торговымъ сношеніямъ — голландцы либо англичане.

Еще больше поражаетъ при сравненіи съ новгородскими иконами XV и XVI вѣка общее *омірщвленіе* всей живописи. Символика въ ярославскихъ иконахъ богата, сложна и запутана. Въ ней много чрезвычайно замысловатыхъ и мудреныхъ аллегорій. — Но Вы почти всегда чувствуете, что тутъ говоритъ не религіозное чувство, а исканіе внѣшняго эффекта. Отсюда — то воспоминаніе объ оперномъ апофеозѣ, которое вызывается иногда этими фресками, напримѣръ фрескою, изображающей апокалиптическое видѣніе „Новаго Іерусалима". Все это красиво, нарядно, но *не религіозно*

Два лучшихъ ярославскихъ храма — Илья Пророкъ и Іоаннъ Предтеча — расписаны необыкновенно ярко и пестро въ самыхъ жизнерадостныхъ тонахъ. Но это — совсѣмъ не та духовная радость, которая чувствуется въ красочныхъ произведеніяхъ новгородской живописи. Это — *просто праздникъ для глаза*, въ которомъ самый религіозный смыслъ отступаетъ на второй планъ. — Рѣдко попадается тутъ среди человѣческихъ фигуръ носительница этого смысла. — Фигурамъ принадлежитъ въ этихъ фрескахъ не столько смысловое, сколько декоративное значеніе. — Цѣль живописца — не поднять Васъ на высоту религіознаго созерцанія, а дать Вамъ блестящее зрѣлище. — При отсутствіи какого бы то ни было другого сходства между венеціанской и ярославской религіозной живописью — та и другая сближаются въ пониманіи, точнѣе,

— въ извращеніи самыхъ *задачъ* религіознаго искусства.

Въ новгородской живописи XIV, XV, и XVI вѣковъ царитъ то настроеніе, которое было создано поколѣніемъ великихъ русскихъ святыхъ — Сергія Радонежскаго, Алексія Митрополита, Кирилла Бѣлозерскаго, Макарія Желтоводскаго, Сильвестра Обнорскаго. — Святые, какъ, напримѣръ, Андрей Рублевъ имѣлись въ числѣ самихъ иконописцевъ. Наоборотъ, ярославская живопись характерна для умонастроенія той никоновской эпохи, когда люди спорили о буквѣ, потому что имъ чуждо было пониманіе духа. — Какъ бы эта живопись ни была красива, она не на высотѣ своего религіознаго сюжета, ибо этотъ сюжетъ для нея — нѣчто постороннее.

Всѣ эпохи церковнаго строительства въ Россіи были эпохами національнаго подъема. Такъ было во дни Кіевской Руси, когда русскіе города украшались храмами св. Софіи, такъ было при Іоаннѣ III въ вѣкъ созданія московскихъ соборовъ; такъ же было и во дни созданія ярославскихъ храмовъ. Ими ярославское именитое купечество ознаменовало въ XVII столѣтіи окончательное преодолѣніе смуты и упроченіе Россійской государственности съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — ростомъ богатства. — Изъ сохранившихся счетовъ по постройкѣ храмовъ, а еще болѣе изъ самихъ храмовъ видно, что купечество не пожалѣло средствъ — возблагодарить Господа Бога за явленную къ Русской Землѣ милость. — Но религіозное чувство, выразившееся въ этомъ подъемѣ, было лишено той глубины, которая была присуща старинѣ. Только въ религіозной архитектурѣ ярославскихъ церквей сохранились еще нѣкоторые слѣды этой глубины и силы. — Но, однако и здѣсь отсутствуетъ древняя *чистота* религіознаго стиля,

Сравните, напримѣръ, дивный ярославскій храмъ Іоанна Предтечи, что за Которостью, съ московскими соборами, и Вы увидите въ чемъ дѣло. — Характер-

ная черта подлиннаго *чистаго* религіознаго стиля заключается въ отсутствіи *лишнихъ* подробностей и чисто внѣшнихъ украшеній. — Въ соборѣ Благовѣщенскомъ подъ каждой главой есть маленькій соборикъ. Въ соборѣ Успенскомъ нѣтъ главъ, подъ которыми внутри храма не было бы купола — неба. — Не то въ церкви св. Іоанна Предтечи: тамъ уже есть *фальшивыя главки*, прилѣпленныя къ крышѣ снаружи, въ видѣ *внѣшняго* украшенія: явное доказательство, что *внѣшній* эстетизмъ здѣсь успѣлъ проникнуть и въ самую религіозную архитектуру.

Въ итогѣ въ ярославскомъ религіозномъ искусствѣ уже несомнѣнно чувствуется *атмосфера мірского* плѣна, плѣнившаго церковь. — Для церковной живописи, какъ и для самой церкви это — начало вырожденія. Ярославскіе храмы — послѣднія значительныя созданія русскаго религіознаго искусства. Его дальнѣйшій путь есть путь паденія.

Какъ бы то ни было, о ярославскихъ храмахъ я сохранилъ благодарное воспоминаніе. — Въ моихъ духовныхъ переживаніяхъ конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ они занимаютъ совершенно особое и при томъ значительное мѣсто. При всѣхъ ихъ недостаткахъ, которыя я разсмотрѣлъ лишь очень постепенно съ годами, — они дали мнѣ много хорошихъ минутъ душевнаго отдыха. — Чѣмъ скуднѣе и бѣднѣе была та духовная атмосфера, которую я наблюдалъ въ Лицеѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, потребность уйти отъ этой отталкивающей современности въ ту сочную, красочную и яркую старину. — Не скажу, чтобы ярославское религіозное искусство давало богатую пищу моимъ религіознымъ переживаніямъ, но такъ или иначе оно увлекало, волновало и уносило . . . если не въ другой планъ существованія, то въ другую, очень интересную историческую эпоху.

III. Ярославское общество. Е. И. Якушкинъ.

Было кое что интересное въ Ярославлѣ и помимо старины. — Сопоставляя его съ другимъ, столь хорошо знакомымъ мнѣ съ дѣтства губернскимъ городомъ — Калугою, я пораженъ отсутствіемъ сходства того и другого. Въ Калугѣ все было полно остатками и воспоминаніями старо-дворянскаго быта. Наоборотъ, Ярославль былъ по преимуществу городомъ именитаго волжскаго купечества. Помню въ особенности одного промышленника, коего состояніе оцѣнивалось нѣсколькими десятками милліоновъ рублей. Многомилліонныхъ тузовъ въ мое время числилось тамъ довольно много. Отсюда — парадоксальный видъ ярославскихъ улицъ.

Меня всегда поражало въ Ярославлѣ съ одной стороны обиліе великолѣпныхъ, многоэтажныхъ, съ перваго взгляда, какъ будто *пустыхъ* домовъ, а съ другой стороны трудность, почти невозможность найти большую квартиру. Наемныя квартиры въ восемь комнатъ и больше были тамъ на перечетъ. А рядомъ съ этимъ цѣлые дворцы пустовали, но не сдавались въ наемъ. Владѣльцы жили по долгу въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но сохраняли за собою свои роскошныя ярославскія квартиры, чтобы имѣть возможность пріѣзжать и принимать на праздникахъ. Мнѣ не приходилось бывать на такихъ пріемахъ; но съ улицы, въ окнахъ была видна золоченая, серебреная, вообще демонстративно богатая мебель.

Были въ Ярославлѣ въ небольшомъ количествѣ обѣднѣвшія дворянскія семьи — очень симпатичныя. Онѣ почти всѣ ютились по небольшой „Дворянской“ улицѣ, оправдывавшей свое наименованіе. На Дворянской же жилъ въ моментъ моего пріѣзда въ Ярославль самый интересный и самый значительный изъ моихъ тогдашнихъ ярославскихъ знакомыхъ—Евгеній Ивановичъ Якушкинъ, къ которому я сохранилъ на всю жизнь благодарное чувство за пріятно прове-

денные у него часы и за его величайшую сердечность въ отношеніи ко мнѣ.

Это былъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный. — Трудно передать тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался. Это былъ оракулъ, что то въ родѣ архіерея отъ разума. Большинство его знакомыхъ безгранично вѣрило въ его умъ. Иные подчинялись ему какъ старцу. Одна очень милая знакомая барышня доказывала мнѣ какъ то разъ, что я напрасно зачитываюсь философами. — Стоитъ ихъ читать такъ усердно, — говорила она, — Евгеній Ивановичъ навѣрное умнѣе всѣхъ Вашихъ философовъ, вмѣстѣ взятыхъ. — Несомнѣнно, Евгеній Ивановичъ былъ умный и образованный человѣкъ, но самая замѣчательная черта въ немъ была его *нравственная сила,* большая цѣльность характера. — Это былъ человѣкъ, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ. И именно этимъ онъ импонировалъ.

Сынъ извѣстнаго декабриста, народолюбецъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ помѣщиковъ, освободившихъ задолго до 19 февраля своихъ крестьянъ *съ землею.* Въ немъ было то исключительное безкорыстіе, котрое внушало уваженіе рѣшительно всѣмъ, даже людямъ совершенно противоположнаго ему лагеря. По своимъ либеральнымъ, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *радикальнымъ* убѣжденіямъ онъ не могъ служить, а тѣмъ не менѣе всѣ власти къ нему ѣздили. У него можно было встрѣтить и губернатора, и генерала, и предсѣдателя суда, и предводителя дворянства, не говоря уже о земцахъ. Всѣ эти господа не только у него бывали, но считались съ его прямыми сужденіями, побаивались его, какъ ярославской „княгини Марьи Алексѣвны“. Онъ всегда говорилъ имъ правду въ лицо; и благодаря его нравственному авторитету эта правда во многихъ случаяхъ дѣйствовала. Оно и не мудрено; расцѣнка, которую Евгеній Ивановичъ давалъ человѣку или поступкамъ, потомъ такъ за нимъ и оставалась. — А сказанное имъ нев-

значай острое словцо потомъ иногда повторялось годами.

Помню какъ то разъ одинъ изъ профессоровъ Демидовскаго Лицея — человѣкъ съ даромъ слова, но съ весьма легкимъ умственнымъ багажемъ, какъ то подвыпивъ сталъ разсказывать, что у него была шляпа-цилиндръ съ вентиляторомъ. Евгеній Ивановичъ, тоже слегка выпившій подошелъ вплотную къ профессору и уставился въ него глазами: „позвольте разсмотрѣть, *вентиляторъ-то — не сквозной ли*“? Такъ потомъ того и ославили *человѣкомъ съ вентиляторомъ въ головѣ*, что было совершенно вѣрно.

Занимался Евгеній Ивановичъ почти исключительно ученымъ трудомъ — составленіемъ своего многотомнаго сборника Русскаго Обычнаго Права. Это было собственно не ученое изслѣдованіе, а собираніе сырого матеріала, правда, очень интереснаго и цѣннаго. — — Отличался онъ большою начитанностью. — Въ его скромномъ бюджетѣ покупка книгъ на всѣхъ языкахъ составляла единственную большую статью расхода. Помню его кабинетъ съ полками, уставленными книгами до верха — до потолка. Указывая на тонкія деревянныя стѣны своего дома, онъ утверждалъ, что книги его грѣютъ.

Онѣ и въ самомъ дѣлѣ его грѣли — физически, Но теплота душевная, благодаря которой и другимъ становилось тепло у его домашняго очага, исходила отъ него самаго.

Странное дѣло, — въ умственномъ отношеніи мы были совершенно чужды. Онъ былъ сторонникъ того типичнаго позитивизма Милле-Контовскаго толка, съ которымъ я окончательно свелъ счеты уже въ гимназіи. Ничего новаго въ области философіи я отъ него услышать не могъ; наоборотъ, все то, что онъ говорилъ о вопросахъ міросозерцанія, было мною давнымъ давно покончено. И, однако, меня влекло къ этому человѣку. Когда, бывало, долго не видишь добраго взгляда его умныхъ глазъ изъ подъ очковъ, всегда,

бывало, стоскуешься и пойдешь посидѣть часокъ-другой у Евгенія Ивановича, Онъ, я чувствую, — тоже меня любилъ и даже прямо это высказывалъ, а онъ былъ не изъ тѣхъ, у кого слово расходится съ мыслью или чувствомъ.

Въ умственномъ отношеніи мы были антиподы. Мое христіанство волновало и порою раздражало его, какъ непонятная для него загадка. Онъ заводилъ на эту тему разговоры съ цѣлью разъяснить это загадку: „это можетъ быть и для меня полезно", говаривалъ онъ. Но эти разговоры не шли дальше поверхности, онъ отрицалъ чудеса, исторически и вообще „научно" опровергалъ Библію и т. п. Споры на эту тему чаще всего вызывали безплодное раздраженіе; если ему случалось увлечься полемическимъ задоромъ и кощунствовать, онъ потомъ извинялся. Но дать ему понять — *въ чемъ для меня суть* — было для меня невозможно, и я за это часто и горько себя упрекалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ внутренно глубоко увѣренъ, что этотъ атеистъ будетъ однимъ изъ первыхъ въ Царствѣ Божіемъ. Оттого меня и влекло къ нему.

Я часто спрашивалъ себя: *во имя чего* Евгеній Ивановичъ обнаружилъ въ жизни столько *дѣятельной* доброты? Ради чего, напримѣръ онъ, очень небогатый человѣкъ, вдругъ обрѣзалъ себя во всѣхъ своихъ нуждахъ и выкроилъ изъ своей земли большой земельный надѣлъ освобожденнымъ имъ крестьянамъ? Однихъ „демократическихъ убѣжденій" для этого по меньшей мѣрѣ недостаточно. — Такъ поступаетъ не „демократъ вообще", а человѣкъ, у котораго есть *святыня въ душѣ.*

Алтарь невѣдомому Богу, вотъ что чувствовалось въ этой душѣ; это и было то, что такъ неотразимо привлекало къ Евгенію Ивановичу; оттого то онъ былъ и для другихъ источникомъ живительной теплоты. — Я часто спрашивалъ себя, во что онъ вѣритъ? И я видѣлъ, что, вопреки его уму, сердце его не только *вѣритъ въ добро,* оно всѣмъ на свѣтѣ по-

жертвуетъ ради того, во что оно вѣритъ. — Часто, о немъ думая, я вспоминалъ евангельскую притчу о двухъ сынахъ. Онъ былъ какъ разъ типомъ того сын , который сказалъ отцу *„не пойду“* и пошелъ. — Хожденія путями Христовыми въ его жизни было несомнѣнно больше, чѣмъ въ жизни большей части людей, исповѣдующихъ христіанство. Онъ былъ не холоденъ, не тепелъ, а горячъ сердцемъ. Въ этомъ было главное его достоинство!

Я встрѣчалъ въ Ярославлѣ людей неглупыхъ и образованныхъ, которые поражались несоотвѣтствіемъ между умственною силою Евгенія Ивановича и его вліяніемъ. — Это объясняется все той же причиной. Евгеній Ивановичъ былъ человѣкъ не глупый и способный, но я не могу назвать его человѣкомъ *выдающагося* ума или таланта. Сила его была, какъ сказано, вовсе не въ умственныхъ качествахъ, а въ чемъ-то другомъ, большемъ и высшемъ, чѣмъ умъ. Онъ, мыслью отрицавшій духовное начало, всѣмъ своимъ существомъ доказывалъ его значеніе и силу. Среди моихъ ярославскихъ знакомыхъ онъ былъ едва ли не самымъ *духовнымъ человѣкомъ*. Этотъ контрастъ между міровоззрѣніемъ и обликомъ былъ несомнѣнно самою парадоксальною чертою его существа.

Характеристика Евгенія Ивановича была бы не полна, если бы я не вспомнилъ о двухъ праздникахъ, которые у него были. Это были „Татьянинъ день“ — 12 Января и 19 е Февраля, — праздникъ просвѣщенія и праздникъ освобожденія. Эти дни помимо своего общаго значенія считались въ Ярославлѣ спеціальными праздниками Евгенія Ивановича. Какъ то всѣми было признано, что онъ имѣетъ на нихъ какое то особое, преимущественное право: въ названныя даты его приходили поздравлять какъ именинника. А онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя именинникомъ и въ эти два исключительные дня въ году, бывало, любилъ кутнуть съ друзьями, всегда скромно, но очень весело. — Мнѣ приходилось иногда ужинать съ нимъ

въ его праздники: онъ какъ то всегда былъ въ ударѣ въ этихъ случаяхъ, и его праздничное настроеніе невольно сообщалось другимъ. — Среди сѣрой провинціальной жизни этотъ обычай Е. И. Якушкина имѣлъ несомнѣнно и педагогическое значеніе: благодаря ему приличія ради благоговѣли передъ великими историческими днями даже такіе люди, которые иначе о нихъ бы и не вспомнили. — „Хмурымъ людямъ" нужно напоминать, что въ жизни есть нѣчто, передъ чѣмъ слѣдуетъ благоговѣть: иначе они совсѣмъ опустятся. Нужно, чтобы отъ времени до времени во что бы то ни стало нарушалось однообразіе ихъ будней, посвященныхъ пересудамъ, профессіональнымъ сплетнямъ и въ особенности — *винту*.

Въ Ярославлѣ, какъ и во всей тогдашней русской провинціи неизбѣжность винта, преферанса и вообще карточнаго столика производила гнетущее впечатлѣніе. — Всѣмъ хочется отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, всякій ищетъ вечеромъ общества себѣ подобныхъ: но это общество при встрѣчѣ подавляетъ отсутствіемъ интересовъ, а потому и отсутствіемъ разговоровъ. — Разговоръ людей, коимъ говорить не о чемъ, можетъ направляться лишь въ сторону злословія. При этихъ условіяхъ карты — изъ двухъ золъ меньшее. — Это — остроумный способъ — убить время и дать людямъ возможность забыть о пустотѣ ихъ существованія. — Безъ картъ они просто заболѣли бы отъ тоски и скуки.

Когда началась моя самостоятельная жизнь въ Ярославлѣ, я не игралъ ни въ какую карточную игру. И вотъ, приходя вечеромъ въ тотъ или другой знакомый домъ, я чувствовалъ, что внушаю безпокойство хозяевамъ: ихъ смущалъ видъ человѣка, ни къ чему не пристроеннаго. — „Вы играете въ винтъ"? — спрашивали меня. Я отнѣкивался, переходилъ отъ столика къ столику и, чувствуя себя лишнимъ, въ концѣ концовъ уходилъ. — „Вамъ бы слѣдовало научиться въ винтъ или въ преферансъ", — участливо говорилъ

мнѣ Евгеній Ивановичъ. И въ концѣ концовъ я выучился только для того, чтобы не быть вынужденнымъ уходить домой въ тѣ вечера, когда я испытывалъ потребность хоть немного отдохнуть отъ моихъ ученыхъ занятій.

Потребность эта, впрочемъ, не была ни частой, ни жгучей. — А для занятій у меня была въ Ярославлѣ исключительно благопріятная обстановка, потому что, при отсутствіи развлеченій, присущемъ провинціальной жизни вообще, я могъ пользоваться здѣсь богатыми рессурсами библіотеки Демидовскаго Лицея, для которой я могъ выписывать всѣ нужныя мнѣ книги безо всякаго ограниченія.

Чтобы покончить съ Ярославской моей жиззнью остается сообщить нѣкоторыя черты тогдашней бытовой обстановки. Я жилъ тогда на мое приватдоцентское жалованіе — тысячу рублей въ годъ и могъ себѣ доставить за эту скромную сумму удобства, которыя теперь послѣ революціи доступны лишь очень богатымъ людямъ. У меня была квартира въ четыре большихъ комнаты (не считая кухни), за которую я платилъ 15 рублей; — топить ее было нетрудно при цѣнѣ три съ полтиной — четыре рубля за сажень березоваго швырка. Я могъ ѣсть кромѣ супа и пирожковъ вволю ежедневно два мясныхъ блюда, а въ лѣтніе мѣсяцы, живя въ деревнѣ у родителей, я накапливалъ еще нужную сумму для того, чтобы сшить себѣ платье. — Когда уменя, поселился въ квартирѣ сожитель — двоюродный братъ, участвовавшій въ расходахъ, я могъ жить совершенно безбѣдно, получая отъ родителей лишь небольшой ремонтъ бѣлья.

V. Москва въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ. Лопатинскій кружокъ.

Скудость умственныхъ рессурсовъ въ Ярославлѣ не особенно сильно чувствовалась между прочимъ благодаря близости Москвы, куда можно было-

доѣхать въ единственномъ въ то время почтовомъ поѣздѣ въ одну ночь. — Въ 1887 году въ Москву переселились мои родители. Такъ какъ я читалъ въ Ярославлѣ лекціи только два часа по понедѣльникамъ, я при желаніи могъ пріѣзжать въ Москву на цѣлыхъ шесть дней, не нарушая расписанія моихъ чтеній. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда было нужно, я зачитывалъ въ одну недѣлю за двѣ и выкраивалъ себѣ такимъ образомъ двухнедѣльный отпускъ. Это было для меня очень важно, потому что какъ разъ въ началѣ моей академической карьеры я пріобрѣлъ въ Москвѣ два новыхъ, въ высшей степени цѣнныхъ для меня знакомства. Едва окончивъ курсъ университета, я познакомился съ молодымъ, тогда только что дебютировавшимъ Московскимъ философомъ — Львомъ Михайловичемъ Лопатинымъ. У него же я черезъ годъ познакомился съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ.

Въ Москвѣ въ то время не было дома, который бы столь ярко олицетворялъ духовную атмосферу московскаго культурнаго общества, какъ домъ Лопатиныхъ. Старикъ Лопатинъ — Михаилъ Николаевичъ — отецъ философа устраивалъ съ осени до весны по средамъ еженедѣльные вечера съ ужиномъ, гдѣ собирались и засиживались до двухъ-трехъ часовъ утра наиболѣе интересные изъ представителей умственной жизни Москвы. Это было общество весьма разнообразное. Самъ Михаилъ Николаевичъ, — видный судебный дѣятель эпохи великихъ реформъ — товарищъ предсѣдателя Судебной Палаты, собиралъ въ своемъ домѣ прежде всего товарищей по службѣ. Все, что было выдающагося въ московскомъ судебномъ мірѣ, бывало по средамъ у него. У него же можно было встрѣтить выдающихся профессоровъ Московскаго университета — В. И. Герье, Василія Осиповича Ключевскаго, М. С. Корелина, литераторовъ, въ особенности изъ Русской Мысли, — В. А. Гольцева и старика Юрьева. — Благодаря Льву Михайловичу по тѣмъ же средамъ собирались всѣ мос-

ковскіе философы различныхъ метафизическихъ направленій: В. С. Соловьевъ, Н. Я. Гротъ по переселеніи послѣдняго въ Москву, Н. А. Иванцовъ, мой братъ Сергѣй. — Изъ звѣздъ педагогическаго міра бывалъ извѣстный Л. И. Поливановъ, въ гимназіи коего всѣ Лопатины кончили курсъ, а Левъ Михайловичъ, будучи уже профессоромъ, преподавалъ исторію. — Кромѣ того, благодаря незауряднымъ драматическимъ талантамъ Льва и въ особенности Владимира Михайловича Лопатина, по средамъ у Лопатиныхъ можно было иногда встрѣтить и представителей московскаго драматическаго міра.

Въ теченіи всей моей жизни я не помню въ Москвѣ кружка, столь богатаго умственными силами. А при этомъ благодаря удивительной простотѣ, радушію и истинно московскому хлѣбосольству хозяевъ, домъ Лопатиныхъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Москвѣ. Центромъ „умныхъ разговоровъ" былъ крошечный облицованный бѣлымъ мраморомъ кабинетъ empire Михаила Николаевича, всегда переполненный до послѣднихъ предѣловъ вмѣстимости и покрытый густыми облаками табачнаго дыма. Тамъ иногда, при общемъ хохотѣ, Соловьевъ декламировалъ какое-нибудь свое юмористическое стихотвореніе, ораторствовалъ Ключевскій, или Поливановъ смаковалъ послѣднюю новинку, только что вышедшую изъ подъ пера Льва Толстого; помню какъ онъ яростно защищалъ противъ меня „Власть Тьмы" послѣдняго, не признавая въ ней даже мелкихъ недостатковъ. Когда въ кабинетѣ раздавался хохотъ, крикливыя верхнія ноты и взвизгиванія Соловьева покрывали всѣ голоса. А иногда въ отсутствіи Соловьева читалась только что присланная изъ Петербурга рукопись какой нибудь его новой статьи для журнала „Вопросы философіи и психологіи". — Помню, напримѣръ, какъ однажды читалось такимъ образомъ открытое письмо Соловьева Николаю Яковлевичу Гроту, причемъ читалъ самъ Николай Яковлевичъ.

Иногда, когда собраніе было особенно многолюдно, оно дѣлилось на двѣ, а то и на три части. Дамы и барышни, подруги Екатерины Михайловны Лопатиной, собирались въ гостинной съ сѣрыми мраморными колоннами, гдѣ предсѣдателствовала старушка Екатерина Львовна Лопатина. Тамъ было, конечно, не такъ интересно, какъ въ кабинетѣ, а потому далеко не такъ полно. Наконецъ, философы иногда устраивали еще третье отдѣльное засѣданіе наверху въ мезонинѣ въ крошечной комнатѣ Льва Михаиловича, гдѣ я свободно могъ коснуться пальцемъ потолка. Это случалось рѣдко, когда нужно было устроить какое нибудь философское a parte. Такъ, напримѣръ, въ этой комнаткѣ мы уединились втроемъ съ Соловьевымъ и Лопатинымъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ Соловьевымъ, когда нужно было выговориться до дна по основнымъ философскимъ и религіознымъ вопросамъ. Потомъ, по окончаніи всѣхъ a parte, все общество соединялось за ужиномъ въ столовой, гдѣ за стаканомъ краснаго вина разговоръ затягивался до утра. — Эта послѣдняя часть вечера бывала обыкновенно менѣе серьезна. Ужинъ становился особенно оживленъ и веселъ, когда бывалъ въ ударѣ В. О. Ключевскій или Соловьевъ. Иногда же вечеръ кончался страшными разсказами Льва Михайловича Лопатина, на которые онъ былъ великій мастеръ.

Интересы Лопатинскаго кружка были такъ же разнообразны, какъ и его участники. Кружокъ въ общемъ не былъ политическимъ. Но онъ очень чутко отзывался на всѣ политическіе вопросы дня. При этомъ общее настроеніе было умѣренно либеральное. Помню, какъ политическіе разговоры тамъ вдругъ оживились въ 1891 году во время голода, который вызвалъ страшное недовольство правительствомъ и далъ сильный толчокъ конституціоннымъ мечтаніямъ. — Такое же политическое оживленіе чувствовалось и въ первые мѣсяцы царствованія Николая II — до знаменитой январской рѣчи царя о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“.

Живо помню общее подавленное настроеніе въ среду у Лопатиныхъ непосредственно *послѣ* этой рѣчи. Это была, увы, послѣдняя среда, на которой мнѣ довелось присутствовать. Послѣ этого среды прекратились вслѣдствіе долгой и тяжкой болѣзни старшаго сына Михаила Николаевича — Николая Михайловича — и больше не возобновлялись.

Одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ кружка былъ мой другъ Левъ Михайловичъ, въ моментъ моего знакомства съ нимъ совсѣмъ молодой, тридцати-двухълѣтній философъ, человѣкъ совершенно единственный въ своемъ родѣ, — чудакъ и оригиналъ, какихъ свѣтъ не производилъ. — Въ особенности поражало въ немъ сочетаніе тонкаго, яснаго ума и почти дѣтской безпомощности. Упомянутая уже выше крошечная комната Льва Михайловича въ мезонинѣ Лопатинскаго дома носила названіе „дѣтской" (что, впрочемъ, онъ всегда упорно отрицалъ), потому что онъ жилъ въ ней съ дѣтства. Изъ этой „дѣтской" Левъ Михайловичъ не переѣзжалъ никогда и никуда. Умерли отецъ и мать, сестра Льва Михайловича продала самый домъ, гдѣ онъ жилъ. А онъ все таки не переѣхалъ и выхлопоталъ у новыхъ хозяевъ — общины сестеръ милосердія — разрѣшеніе оставаться въ „дѣтской", не представляя себѣ, какъ и куда можно изъ нея переѣхать. И разрѣшеніе было дано. Когда я уѣхалъ, въ Москвѣ заканчивался уже годъ владычества большевиковъ, но Левъ Михайловичъ продолжалъ упорно оставаться какъ покинутый птенецъ въ родномъ гнѣздѣ; увы, гнѣздо давно уже утратило свою теплоту.

Его и въ самомъ дѣлѣ нельзя себѣ представить отдѣльно отъ этого гнѣзда, которое органически съ нимъ срослось. — Гагаринскій переулокъ, гдѣ живетъ философъ, — одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ уголковъ старой Москвы, которые долѣе всего противились разрушающему и обезличивающему дѣйствію времени. Къ сожалѣнію, и въ этой богоспасаемой московской глуши стали рости огромные, безвкусные не-

боскребы. И вдругъ среди нихъ — живое напоминаніе о первой половинѣ прошлаго столѣтія, — маленькій, уютный барскій особнякъ съ изящными колоннами empire, съ мраморной облицовкой внутри и съ благородными бронзовыми украшеніями empire на каминѣ.

Трудно себѣ представить болѣе яркое, чѣмъ этотъ домъ, олицетвореніе духовнаго склада самого Льва Михайловича. Онъ — такъ же, какъ и эта изящная постройка, представляетъ собой явленіе другого столѣтія среди безвкусной современности.

Картина современной философіи во многомъ напоминаетъ безотрадный видъ современнаго большого города. Тутъ рушится индивидуальность домовъ, а тамъ — индивидуальность философскихъ системъ. Господствующія философскія направленія чрезвычайно похожи на огромные небоскребы съ великимъ множествомъ квартиръ и обитателей. Вотъ, напримѣръ, „неокантіанство“, — многоэтажное, казенное зданіе, гдѣ помѣщается неисчислимое количество почтенныхъ, скучныхъ и ненавидящихъ другъ друга нѣмцевъ. — Вотъ съ другой стороны, эмпиріокритицизмъ, — тоже казарменнообразное зданіе, гдѣ живутъ подъ однимъ кровомъ, но въ разныхъ квартирахъ, Авенаріусъ, Махъ, Оствальдъ и многіе другіе, тоже не особенно другъ друга долюбливающіе сожители. Было не мало попытокъ завести эти нѣмецкія казармы въ Москвѣ. — И вдругъ среди всѣхъ этихъ авенаріанцевъ, когеніанцевъ, риккертіанцевъ—своеобразный философскій стиль барскаго особняка, міросозерцаніе, упорно отстаивающее свою индивидуальность и всѣми своими корнями принадлежащее къ другому, давно минувшему столѣтію.

Многое можно возразить противъ философскихъ сочиненій Л. М. Лопатина, но есть у нихъ одно свойство, которое невольно заставляетъ отдыхать читателя. Ни къ какому современному небоскребу нельзя причислить эту своеобразную и изящную архитектуру. Въ ней чувствуется *упругость индивидуальности*, которая не даетъ себя поглотить и упорно отстаиваетъ

себя, совершенно не считаясь ни съ духомъ, ни даже съ запросами времени.

Читая книги Л. М. Лопатина, поражаешься тѣмъ, до какой степени всѣми положительными своими мыслями онъ стоитъ внѣ своего времени.

Правда, онъ, другъ и сверстникъ Владиміра Соловьева, принадлежитъ къ поколѣнію русскихъ философовъ — метафизиковъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Но и съ этимъ поколѣніемъ его сближаетъ только общее отрицаніе, а отнюдь не общее утвержденіе. Вмѣстѣ съ Соловьевымъ преодолѣлъ онъ матеріализмъ и англо-французскій позитивизмъ. Относящіяся сюда страницы его первой диссертаціи „Положительныя задачи философіи", несомнѣнно, принадлежатъ къ числу лучшихъ имъ написанныхъ. — Но въ дальнѣйшемъ онъ не пошелъ ни за Соловьевымъ, ни за кѣмъ либо другимъ и остался совершенно самъ по себѣ. — Съ церковной мистикой у него никогда не было и нѣтъ ничего общаго. Противъ Соловьева, который реабилитировалъ матерію и въ связи съ ученіемъ о всеобщемъ воскресеніи высоко ставилъ „духовный матеріализмъ", — онъ отстаивалъ спиритуализмъ въ чистомъ видѣ.

Не оказала вліянія на Л. М. Лопатина и родовая типическая черта, общая большинству современныхъ метафизическихъ ученій. Онъ остался совершенно внѣ всякаго вліянія философской мысли Канта. Въ наше время это — едва ли не единственный философъ-раціоналистъ, который рѣшительно и безъ остатка отбросилъ цѣликомъ все кантовское. Въ XIX и XX столѣтіи онъ сохранилъ почти въ полной неприкосновенности философскій стиль эпохи Лейбница. Раціоналистическія доказательства бытія Божія и безсмертія души, философскій плюрализмъ динамическихъ субстацій и „спиритуализмъ", — все это черты, живо переносящія въ духовную атмосферу нѣмецкой докантовской философіи. — Это оригинальная русская попытка воскресить монодалогію. Не могу сказать, чтобы она откры-

вала новые горизонты и пробивала новые пути. Но она была стильна, изящна; а, главное, — въ ней чувствовалась своеобразная прелесть того небольшого, но уютнаго домика въ Гагаринскомъ переулкѣ. Левъ Михайловичъ Лопатинъ вообще — исключительно *уютный* философъ.

Есть своеобразная дерзость въ этомъ отрицаніи современности, изъ за нея Льву Михайловичу, конечно, приходилось платиться. Съ тѣхъ поръ, какъ я его помню, его упрекаютъ „въ философской отсталости", въ особенности за его отношеніе къ Канту. Не могу сказать, чтобы этотъ упрекъ былъ вполнѣ лишенъ основанія. — Сколько бы ни было отрицательнаго и темнаго во вліяніи Канта и его школы, нельзя просто проходить мимо кантіанства и замѣнять Канта историческаго Кантомъ, выдуманнымъ Шопенгауеромъ, какъ это дѣлалъ Левъ Михайловичъ.

Но, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, обѣ стороны были и правы и неправы во взаимномъ отрицаніи. Лопатинъ былъ неправъ въ томъ, что проглядѣлъ огромную важность проблемъ, поставленныхъ частью Кантомъ, частью новѣйшимъ кантіанствомъ. (Объ этихъ проблемахъ подробно говоритъ моя книга: „Метафизическія предположенія познанія".) — Однако въ его возмущеніи узостью современнаго кантіанства было много справедливаго. — И *та вѣра* въ духъ, которую Лопатинъ вслѣдъ за Лейбницемъ противополагалъ этимъ современнымъ отрицателямъ метафизики, философски болѣе значительна, чѣмъ хитросплетенія и тонкости современной кантіанской схоластики. Тутъ уже не онъ, а *они проглядѣли.*

Тутъ было полное взаимное непониманіе и взаимная несправедливость. Проникнувшись отвращеніемъ къ современной философіи, онъ потерялъ къ ней всякій интересъ и слишкомъ рано пересталъ за ней слѣдить: все въ ней казалось ему „темнымъ", „не яснымъ, не понятнымъ". Этими выраженіями клеймилъ онъ почти все ему современное. А современность, не находя въ немъ ничего своего, равнодушно пожимала

плечами и проходила мимо. Съ его стороны въ отношенiи къ современности было много благодушной русской лѣни. Онъ не дѣлалъ усилiй, чтобы принудить себя понять все, что въ какомъ-нибудь Когенѣ или Риккертѣ было труднымъ и скучнымъ, потому что былъ заранѣе убѣжденъ, что трудъ не окупится. Но съ другой стороны, Лопатину платили сторицею и равнодушiемъ и, въ особенности, — непониманiемъ.

А вѣдь есть же нѣкоторая непонятая современниками жизнь въ философской монадологiи Лопатинскаго спиритуализма. *Чувство индивидуальности духа,* стремленiе во что бы то ни стало отстоять ее, — вотъ *пафосъ* этой монадологiи. Чтобы со мной на свѣтѣ не случилось, хотя бы моя тѣлесная жизнь была унесена потокомъ времени, хотя бы время унесло и всѣ мои мысли и чувства, — все таки *моя неистребимая индивидуальность есть,* — она существуетъ вѣчно. — Таково коренное, жизненное убѣжденiе Лопатина, какъ философа. — Можно находить сколько угодно ошибокъ въ способѣ обоснованiя этого его философскаго credo; въ моей полемикѣ по вопросу о „динамическихъ субстанцiяхъ" по поводу моего сочиненiя о Соловьевѣ я на нихъ указывалъ. — Но, несмотря на эти ошибки, нельзя не сказать, что самая попытка Лопатина *утвердить индивидуальность въ мiрѣ духовномъ* интересна и своеобразна. Слабѣйшее тутъ, разумѣется, — старыя, докритическiя доказателства рацiоналистической психологiи. Они сыграли нѣкоторымъ образомъ роль „дѣтской", изъ которой философу не хотѣлось выѣхать, потому что она была ему привычна, удобна и уютна. Важна тутъ поставленная Лопатинымъ *проблема индивидуальности духа,* хотя способы ея разрѣшенiя и были неудовлетворительны. Убѣжденiе Лопатина, горячее и непоколебимое, въ неистребимой индивидуальности человѣческаго духа много важнѣе и интереснѣе, чѣмъ способы его обоснованiя.

Это убѣжденiе Лопатина, неотдѣлимое и характерное свойство его облика, есть именно то, что со-

общаетъ этой личности ея значеніе и ея своеобразное очарованіе. Есть много любителей и, въ особенности, любительницъ „страшныхъ разсказовъ“ Льва Михайловича, которые относятся къ этимъ разсказамъ, какъ къ чему то только забавному, хотя и талантливому. — Такое отношеніе къ нимъ глубоко несправедливо. — Прелесть этихъ разсказовъ и въ особенности — ихъ несравненная яркость обусловливается какъ разъ ихъ связью съ его пафосомъ, съ его кореннымъ убѣжденіемъ. Смерть не уноситъ индивидуальности: личность живетъ за гробомъ, а *при случаѣ пошаливаетъ*, если она не нашла себѣ упокоенія. — Вотъ основная тема лопатинскихъ разсказовъ. И, если нѣкоторые изъ нихъ облечены въ игривую, юмористическую форму, это не исключаетъ ихъ серьозной сущности. Вѣдь духи бываютъ всякіе; есть между ними и штукари, но и тѣ — *индивидуальны*.

Всѣ слышавшіе эти разсказы помнятъ, конечно, что ихъ художественное достоинство и сила ихъ дѣйствія обусловливается тѣмъ неотразимымъ убѣжденіемъ въ ихъ *реальности*, которое сообщается отъ разсказчика слушателю. Левъ Михайловичъ не только вѣрилъ, — онъ слушателей заставлялъ вѣрить въ свой разсказъ и именно этимъ наводилъ на нихъ таинственную жуть. Пусть даже слушатели потомъ находили слышанное „забавнымъ“, — въ самый моментъ разсказа они волновались именно потому, что были захвачены реальностью происшествія. — Это ощущеніе реальности достигается художественной простотой пріемовъ разсказа. Вотъ, напримѣръ, передъ Вами проходитъ страшная кошка, которая „упорно зло на Васъ смотритъ и *ничего не говоритъ*“; аудиторія уже волнуется этимъ зловѣщимъ молчаніемъ, — ей хочется вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами погладитъ, умилостивить страшную кошку. „Кисанька, К-и-и-сынька“, тянетъ разсказчикъ и вдругъ не своимъ, совсѣмъ не здѣшнимъ голосомъ отвѣчаетъ за кошку: *„к-ы-ы-сс-сынька, к-ы-ы-сс-ы-нька“*. Или вотъ, напримѣръ, разсказъ о явле-

ніи духа дѣвушки въ старомъ деревенскомъ домѣ. Каждый день въ двѣнадцать часовъ ночи она являлась и жалобно манила рукой въ садъ, наводя ужасъ. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока одинъ смѣльчакъ не рѣшился послѣдовать за видѣніемъ въ садъ; дѣвушка указала ему подножіе большой сосны и скрылась. „Потомъ-то оказалось очень просто", заканчивалъ Левъ Михайловичъ, — „подъ деревомъ скелетъ нашли, отпѣли, похоронили, и всѣ видѣнія кончились". Вся суть разсказа заключается въ томъ, что для него „все это очень просто". Онъ умѣетъ сообщать слушателямъ *живую интуицію духа*; происходитъ это, конечно, оттого, что интуиція въ немъ живетъ.

Разумѣется, въ этихъ разсказахъ непередаваемо самое главное, что составляетъ ихъ очарованіе: это — эманація личности самого разсказчика. „Интуиція духа" вызывалась въ слушателяхъ самой его наружностью, въ особенности, его огромными свѣтлыми глазами въ маленькомъ тщедушномъ тѣлѣ, съ тоненькими, слабыми руками, въ которыхъ чувствовалась какая то цыплячья безпомощность. Глаза эти, ярко свѣтящіеся сквозь неизмѣнно окружающее философа густое облако табачнаго дыма, обладаютъ силой какого то добраго и ласковаго гипноза.

Источникъ силы Льва Михайловича есть вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ его слабости. Самоутверждающаяся индивидуальность человѣческаго духа у него превращалась въ *абсолютную душевную субстанцію.* — Индивидуальность въ его пониманіи становилась какой-то въ себѣ замкнутой, самодовлѣющей монадой. Съ этимъ связывались свойственныя ему преувеличенія въ самочувствіи, преувеличенный индивидуализмъ стараго холостяка. — Помнится, его какъ то разъ спросили, отчего онъ не женится. — „Да какъ же я женюсь", отвѣчалъ онъ, — „вдругъ у меня ребенокъ заболѣетъ, — что же я тогда буду дѣлать". — Онъ не представлялъ себѣ, какъ это онъ вдругъ вступитъ въ сочетаніе съ какой либо другой человѣ-

ческой индивидуальностью и могъ себя вообразить не иначе, какъ замкнутымъ въ себѣ, обособленнымъ духомъ. Отъ этого Льва Михайловича совершенно невозможно сочетать съ какой бы то ни было общественностью. Для общественнаго дѣла онъ слишкомъ индивидуаленъ въ своихъ привычкахъ.

Я почти не помню того засѣданія, на которое бы онъ явился во время. — Что бы на свѣтѣ не происходило, онъ жилъ *по своему*, вставалъ приблизительно около часу дня, ложился днемъ около пяти и вновь вставалъ около одиннадцати, когда многіе другіе ложились. Какъ же при этихъ условіяхъ участвовать въ тѣхъ общественныхъ собраніяхъ, которыя происходятъ по вечерамъ. — Помню наше общее съ нимъ служеніе въ Московскомъ университетѣ, гдѣ мы были членами одной и то же „Совѣтской Комиссіи", рѣшавшей важнѣйшія университетскія дѣла. — Бывало, по окончаніи всѣхъ дѣлъ во время предсѣдательскаго резюме, появляется послѣ одиннадцати часовъ Левъ Михайловичъ. Его встрѣчаютъ добродушнымъ смѣхомъ, а иногда и ироническимъ апплодисментомъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался на Комиссію, которая „захватила всѣ дѣла въ университетѣ и самодержавно имъ распоряжается".

Тутъ было много наивнаго эгоцентризма, который прощался Льву Михайловичу, потому что онъ отливался въ самыя добродушныя и чудаческія формы. — Въ концѣ концовъ, подъ старость, на этой почвѣ создалось глубокая трагедія духовнаго одиночества. Послѣ моего отъѣзда изъ Москвы Левъ Михайловичъ — одинъ изъ тѣхъ оставшихся, о которыхъ я не могу помыслить безъ щемящаго чувства боли въ сердцѣ. Что онъ дѣлаетъ теперь въ тѣ безконечные вечера, когда ему такъ необходимо человѣческое общество. Прежде бывало, онъ бралъ извощика и ѣхалъ въ клубъ или на вечеръ къ знакомымъ. Послѣ революціи онъ, состарившійся, больной, почти лишился возможности выходить по вечерамъ, а выѣзжать ему

стало не по средствамъ. *Заниматься* вечеромъ онъ уже давно не могъ; читать новѣйшую философскую литературу, безусловно ему чуждую по духу, было уже поздно, а потому безполезно; а его собственное философское творчество пресѣклось и остановилось еще въ концѣ прошлаго столѣтія.—Представить себѣ его теперь, одного, въ опустошенной „дѣтской", безъ близкихъ людей, которые могли бы о немъ позаботиться, среди голодающей и мерзнущей Москвы, — какъ то жутко и страшно. Хотѣлось бы знать его до конца жизни окруженнымъ тѣмъ уютомъ и тепломъ, котораго было когда то такъ много въ его родительскомъ домѣ. Увы, гдѣ онъ теперь, этотъ уютъ московской жизни? — Возродится ли онъ когда нибудь изъ пепла? Дай Богъ. То высшее, духовное, что было въ этой старой Москвѣ, конечно, не сгорѣло.

V. Знакомство съ Соловьевымъ.

Зимою 1886—1887 года въ среду у Лопатиныхъ произошла моя первая встрѣча съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ. Въ свое время я описалъ эту встрѣчу и весь происходившій между нами разговоръ въ письмѣ къ брату Сергѣю, тогда жившему въ Калугѣ. Извлеченіе изъ письма, помнится, было мною дано С. М. Лукьянову, который, вѣроятно, помѣстилъ его въ своемъ собраніи біографическихъ матерьяловъ о Соловьевѣ. Поэтому воспроизводить этихъ разговоровъ, которые въ моментъ написанія письма были гораздо свѣжѣе у меня въ памяти, мнѣ теперь незачѣмъ. Скажу лишь о томъ общемъ впечатлѣніи, которое произвело на меня это знакомство.

Въ то время, когда оно произошло, съ Соловьевымъ была связана вся моя умственная жизнь. Все мое философское и религіозное міросозерцаніе было полно соловьевскимъ содержаніемъ и выражалось въ формулахъ, очень близкихъ къ Соловьеву. — Было между нами только одно крупное расхожденіе. — Со-

ловьевъ какъ разъ незадолго до нашей первой встрѣчи порвалъ съ И. С. Аксаковымъ и вообще съ тѣмъ лагеремъ старыхъ славянофиловъ, къ которому мои симпатіи все еще продолжали тяготѣть. Отношеніе Соловьева къ папству, — вотъ что было для меня безусловно непріемлемо. Его пониманіе соединенія церквей, какъ простого акта подчиненія восточной церкви апостольскому престолу, вызывало съ моей стороны горячій протестъ. Разсуждать такимъ образомъ по моему значило — отрицать самую религіозную особенность православія; выходило такъ, что его отдѣленіе отъ латинства было простымъ актомъ неповиновенія, не вызваннымъ никакими религіозными мотивами.

Неудивительно, что первый же нашъ разговоръ начался съ бурнаго и страстнаго спора. Съ первыхъ же словъ мы уже кричали другъ на друга. Но, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — именно этотъ крикъ насъ сблизилъ. Точнѣе говоря, онъ заставилъ насъ почувствовать ту близость, которая уже была раньше. — Мы сходились въ основномъ — самомъ дорогомъ для насъ обоихъ — въ признаніи Богочеловѣчества, какъ начала соборной жизни церкви, содержанія и цѣли всемірной исторіи. — Горячность и страстность нашего спора происходили именно отъ того, что сходясь въ основномъ началѣ жизнепониманія, мы расходились въ первостепенномъ вопросѣ о его практическомъ примѣненіи. Чѣмъ ближе между собою люди, тѣмъ существенное между ними расхожденіе ощущается болѣзненнѣе.

Крикъ словно освободилъ насъ отъ какой то тяжести и снялъ большое препятствіе къ нашему духовному общенію. Разговоръ происходилъ, какъ сказано, въ лопатинской „дѣтской“. Кричать намъ никто не мѣшалъ. Накричавшись вволю, мы вдругъ почувствовали какую-то легкость духа и нѣжность другъ къ другу. — Въ концѣ вечера мы уже весело шу-

тили и хохотали какъ старые друзья, каковыми мы и остались навсегда.

Съ тѣхъ поръ часто повторялись у меня съ Соловьевымъ эти горячія схватки съ крикомъ и раздраженіемъ — все по тому же поводу, всегда по вопросу объ отношеніи православія къ католицизму и папству. А за раздраженіемъ всегда слѣдовало быстрое и глубокое примиреніе.

Въ нашихъ разговорахъ было все время это сочетаніе притяженія и отталкиванія. Это были очень дружескія, но въ то же время — очень сложныя отношенія, потому что Соловьевъ былъ мнѣ сроденъ не только въ томъ, что я отъ него принималъ, но и во многихъ его положеніяхъ, которыя я отрицалъ.

Я жилъ въ атмосферѣ славянофильской мессіанической мечты объ осуществленіи Царствія Божія на землѣ черезъ Россію. — Но именно ученіе Соловьева о всемірной теократіи и доводило эту мечту до конца. Соединеніе церквей примиряло и объединяло подъ верховнымъ водительствомъ Россіи двѣ враждующія между собой половины славянства. Оно наносило смертельный ударъ Австріи и создавало духовныя основы для будущей Россійской Всемірной Имперіи. — Ученіе Соловьева о Россіи, какъ теократическомъ „царскомъ народѣ", — было чрезвычайно сродно той славянофильской имперіалистической мечтѣ, которую я лелѣялъ съ дѣтства. Но съ другой стороны это ученіе было логически и жизненно связано съ непріемлемой для меня мыслью о папской власти, какъ вершинѣ всемірной теократіи. Иными словами, мы оба стояли на почвѣ одной и той утопической и въ существѣ своемъ *славянофильской* мечты о мессіанической задачѣ русскаго народа и русскаго государства. Но только изъ насъ двухъ онъ былъ послѣдовательнѣе. Отъ этого внутренняго противорѣчія въ отношеніи къ Соловьеву я освободился значительно позднѣе, когда рухнула его и въ то же время — моя мессіаническая утопія.

Я не стану повторять здѣсь той пространной характеристики Соловьева по личнымъ воспоминаніямъ, которую я далъ въ моемъ двухтомномъ трудѣ о Соловьевѣ. Въ дополненіе къ ней скажу только, что впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня было единственнымъ по духовности и силѣ. Ни до, ни послѣ мнѣ не случалось встрѣчать человѣка, который бы такъ непосредственно, какъ онъ, заставлялъ ощущать соприкосновеніе съ другимъ міромъ. Сколько разъ съ глазу на глазъ съ нимъ я ощущалъ мистическій трепетъ, доводившій до сердцебіенія, когда по виду его измѣнившагося и поблѣднѣвшаго лица мнѣ становилось яснымъ, что *Соловьевъ что то видитъ*, — что именно, — этого я не рѣшался спросить. Когда вдругъ, ни съ того, ни съ сего на лицѣ его изображался мистическій ужасъ, становилось невообразимо страшно. Это было совсѣмъ не то ощущеніе, какое вызывалось лопатинскими благодушными разсказами о покойникахъ или, точнѣе говоря, о „безпокойникахъ". Нѣтъ, Вы тутъ чувствовали себя непосредственно передъ бездной и испытывали ощущеніе какой-то страшной медіумической силы. — А иногда мистическій ужасъ вызывался въ немъ разсказами о происшествіяхъ, которые всѣмъ прочимъ людямъ казались совершенно обыкновенными, естественными.

Помню, напримѣръ, какъ въ голодный 1891 годъ я разсказывалъ ему со словъ одного сельскаго хозяина про посѣвъ озимаго въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній. Хозяинъ былъ пораженъ тѣмъ, что всѣ брошенныя на землю зерна тотчасъ приходили въ движеніе и словно куда то шли. Нагнувшись, онъ понялъ, что это — стая голодныхъ муравьевъ уноситъ зерна въ свои норки. — Дойдя до этого мѣста разсказа я былъ совершенно потрясенъ видомъ Соловьева — его большими, остановившимися отъ ужаса глазами и искривленными губами. — „Что съ тобой", спросилъ я испуганно. Отвѣта не послѣдовало, но я тутъ самъ вдругъ понялъ, что видъ дви-

жущагося и какъ бы куда то идущаго поля, о которомъ я разсказывалъ такъ просто, дѣйствительно граничитъ съ чудеснымъ и наводитъ мистическій трепетъ. — Выраженіе лица Соловьева было мнѣ вполнѣ понятно. Онъ видѣлъ въ голодѣ 1891 года своего рода казнь египетскую, ниспосланную свыше за грѣхи Россіи. Никто другой не могъ такъ, какъ онъ, по самому неожиданному поводу заставить ощутить непосредственную близость чудеснаго. Болѣе того, въ общеніи съ нимъ всегда, бывало, чувствуешь, что самая граница чудеснаго и естественнаго снята. — То Вы испытывали благоговѣйный трепетъ передъ чудеснымъ явленіемъ Божіей правды и суда, то наоборотъ, — жуткое ощущеніе вторженія темныхъ, сатаникскихъ силъ въ человѣческую жизнь.

То „ощущеніе духа", которое вызывалось обликомъ Соловьева, — совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, которое заставлялъ переживать Лопатинъ. Во впечатлѣніи личности Соловьева сказывалась одному ему присущая мощь. И самое отношеніе къ духу у него было иное: весь его пафосъ былъ совершенно другой, чѣмъ у Лопатина. Ему былъ органически чуждъ лопатинскій индивидуализмъ самодовлѣющей душевной субстанціи. Человѣческій индивидъ интересовалъ его не самъ по себѣ, не въ его отдѣльности, а какъ часть соборнаго цѣлаго, какъ членъ *Богочеловѣческаго организма* Христова. Лишь во вселенскомъ цѣломъ этого организма признавалъ онъ субстанціональное, существенное содержаніе, а не въ изолированномъ человѣческомъ индивидѣ. — Онъ живо чувствовалъ то преувеличеніе и извращеніе истины, которое заключалось въ крайностяхъ лопатинскаго индивидуализма. И это расхожденіе вызывало частые споры между друзьями, споры со стороны Соловьева иногда и шуточные по формѣ,но всегда серьезные по существу.

Кн. Евг. Н. Трубецкой.

СТРАНА ОТЦОВЪ.

РОДНАЯ.

Они твой подвигъ развѣнчали
И, какъ стрѣла, къ сынамъ твой зовъ.
Но гдѣ же край твоей печали?
Скажи, гдѣ дымъ ея лѣсовъ?

Мой посохъ гнется, шагъ усталый,
Въ глазахъ туманы зимнихъ слезъ,
А въ сердцѣ тухнетъ уголь алый
И гаснетъ смирна синихъ грезъ.

Встрѣчая стонъ, впивая взоръ твой
Всегда на разныхъ берегахъ,
Я прижимаюсь къ трости мертвой,
Зову, но вѣтеръ гонитъ прахъ.

И рѣетъ на поляхъ разлуки,
Какъ птица смерти, твой отвѣтъ,
Пока протянутыя руки
Еще колеблютъ лунный свѣтъ.

СВИДАНІЕ.

Пусть будетъ шопотъ твой невнятенъ
И будетъ голосъ мой угрюмъ:
Слеза не смоетъ прошлыхъ пятенъ
И не угонитъ стаю думъ.

Но не уйти намъ другъ отъ друга
Ни въ тишину лѣсовъ, ни въ степь
Изъ околдованнаго круга,
Гдѣ насъ, какъ прежде, вяжетъ цѣпь.

И если холодъ возмущенья,
Какъ смерть, коснется нашихъ рукъ,
Мы, вмѣсто поздняго прощенья,
Раздѣлимъ жребій раннихъ мукъ.

И, молча затаивъ измѣну,
Въ часы прилива къ берегамъ
Я брошу бѣлый плащъ, какъ пѣну,
Къ твоимъ подкошеннымъ ногамъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Несу я бѣлыя розы
    Изъ царства былой весны.
Кругомъ ледяныя угрозы
    И вихрей снѣжные сны.

Не знаю, предъ кѣмъ отвѣчу,
    Если умрутъ цвѣты.
Но снится мнѣ, что навстрѣчу
    Выходишь изъ терема ты.

И машешь рукою гибкой:
    На платьѣ цвѣтистый узоръ.
Знакомой сердцу улыбкой
    Зоветъ свѣтящійся взоръ.

Не даромъ въ старинномъ храмѣ,
    Молясь у твоихъ огней,
Я видѣлъ, какъ въ темной рамѣ
    Твой ликъ становился блѣднѣй

Къ тебѣ иду безвозвратно:
    У сердца дрожитъ рука
И странно такъ, непонятно
    Вверху бѣгутъ облака.

Кругомъ летятъ серафимы,
    Повсюду въ звѣздахъ кусты,
И въ лиліяхъ бѣлой схимы
    Меня ожидаешь ты.

С. Никровъ.

Голубой Платочекъ.

Эту жуткую и странную повѣсть о голубомъ платочкѣ мнѣ разсказалъ нѣсколько лѣтъ назадъ казакъ изъ нашего отряда, когда мы ѣхали съ нимъ рядомъ, старымъ буковымъ лѣсомъ, на Балтійскомъ побережьи, въ самой глубинѣ Восточной Пруссіи.

Былъ часъ вечерней тишины, и слабый стукъ копытъ, заглушаемый травою заросшей неширокой дороги, таялъ незамѣтно въ лѣсномъ безмолвіи. Подъ лиственнымъ сводомъ уже густѣла тѣнь, но вершины, въ уборѣ изъ осеннихъ червонцевъ, еще пламенѣли на закатѣ.

Я слушалъ, не прерывая, неторопливую рѣчь казака, и сквозь слова его передо мною вставали степные просторы, благоухающіе подъ луной, и хуторъ съ темными хатами и стройными тополями, бѣлыми, какъ серебро.

Вотъ отъ плетня отдѣлилась тѣнь, и неслышными шагами кто-то высокій, миновавъ сады, вышелъ въ степь и идетъ по росистой травѣ.

Это молодой казакъ Марко, первый красавецъ, пѣсенникъ и плясунъ во всей округѣ.

Не одна чернобровая казачка вскидывала на него ярко вспыхнувшія свои очи, когда она шла въ праздникъ изъ церкви, позванивая монистомъ, а онъ, заломивъ молодецки фуражку, стоялъ у паперти, озирая выходящій народъ и поглаживая свой лихо закрученный усъ. И не одинъ степенный домовитый казакъ клялся переломать ему ноги, если встрѣтитъ ночью у своего сада

Марко шелъ прямо степью, туда, гдѣ виднѣлась вдали, выступая подъ луною, темная роща, кладбище съ одинокимъ погостомъ.

Въ сторонѣ отъ людского жилья пріютилось оно, тихое царство мертвыхъ, и человѣческій шумъ ни днемъ, ни ночью не нарушалъ его покоя.

„Ахъ, дѣвка! Ну и бѣсъ дѣвка! А какъ откажешь?" — промолвилъ про себя Марко сквозь зубы, остановившись, чтобъ набить трубку.

Тамъ, на погостѣ, ждала его Христя, дочка стараго богатаго бочара изъ сосѣдней станицы, что раскинулась у рѣчки версты три за погостомъ.

„Какъ откажешь! — продолжалъ размышлять казакъ. — Засмѣетъ! Будетъ вездѣ скалить зубы. Не казакъ, скажетъ, Марко, а баба".

Вчера вечеромъ, когда былъ онъ съ пріятелями въ станицѣ на праздникѣ, разъ пять шепталъ онъ Христѣ: приходи, да приходи повидаться.

А она будто и не слышитъ. Только поведетъ огненнымъ взоромъ своимъ, да улыбнется, будто невзначай. Да такъ улыбнется, что сердце изъ груди выпрыгнуть хочетъ.

А потомъ вдругъ сама сказала тихонько: „Завтра, какъ луна взойдетъ, приходи на погостъ, коль не боишься"

И еще, уходя, обронила: „не пожалѣешь".

Не пожалѣешь!.. Марко зажмурился и вздохнулъ. Къ черту въ пекло пойдешь изъ за этакой дѣвки.

Трубка разожглась, и онъ пошелъ дальше.

Смутно стало на душѣ у казака. Нынче іюль, а только въ маѣ, въ такую лунную ночь, шелъ онъ степью, обнявшись съ тихой бѣлокурой Катериной. Степь дышала молодыми цвѣтами и травами, и такъ покорно глядѣла ему милая въ очи, вся приникнувъ къ его плечу. И когда, тамъ, на балкѣ, подъ бѣлой черемухой, онъ обнялъ ее и жадно притянулъ къ себѣ, не спорила она, не вырывалась, а только вся дрожала, какъ подстрѣленная птица, и чуть слышно шептала: „не покинешь?"

Богомъ клялся онъ не покинуть.

А вотъ покинулъ, и много разъ ждала она понапрасну подъ той же черемухой, и только звѣзды да ночь видѣли ея слезы.

Потомъ захирѣла, истаяла, словно свѣчка, и вотъ лежитъ теперь на погостѣ, подъ зеленой травой, съ прощальнымъ вѣнчикомъ на лбу вмѣсто свадебнаго вѣнца.

„Эхъ! Что тамъ думать! Много дѣвокъ на свѣтѣ, обо всѣхъ не наплачешься". Марко отмахнулся отъ докучливыхъ мыслей и скорѣе зашагалъ дальше.

Словно зачарованныя, спятъ высокія деревья кладбища. Лунный свѣтъ струится сквозь листву, и серебряныя пятна лежатъ у подножія стволовъ.

Еще обманетъ! — мелькнуло у Марко.

Не обманула. Бѣлая, стройная шла она навстрѣчу изъ чащи, то скрываясь въ тѣни, то утопая въ лунномъ потокѣ.

Христя! Люба моя! — бросился къ ней Марко. — Пришла, моя ненаглядная.

Въ отвѣтъ только смѣхъ, какъ жемчугъ, разсыпался.

Не подпустила близко насмѣшница. Легкой тѣнью, какъ горная лань, скользнула въ сторону по узкой тропинкѣ. Только рукой взмахнула шаловливо: лови!

Кинулся за ней Марко, кровь загорѣлась у казака.

Ужли не поймаю!

Да не такъ-то легко. Она убѣгала, то скрываясь между деревьями въ тѣнистомъ полумракѣ, то вновь появляясь на лунныхъ полянахъ. Вотъ вотъ совсѣмъ близко, еле увернулась, даже платочекъ обронила, подхватилъ его Марко на бѣгу.

Сейчасъ догонитъ, а смотришь, опять далеко. Совсѣмъ запыхался Марко, кружась между могилами, рябь въ глазахъ пошла.

Глядь и вовсе пропала, какъ сквозь землю.

Остановился казакъ, лобъ рукавомъ вытеръ, плюнулъ съ досады.

— Ну и дѣвка! Замотала, окаянная!

Легкій налетѣлъ вѣтерокъ, зашелестѣла листва, задрожало на бѣлыхъ крестахъ зыбкое лунное марево.

— А ну ее къ Богу! Довольно поводила, — рѣшилъ Марко и быстрыми шагами направился съ кладбища.

Обидно было казаку. Такъ бы и закорилъ ее, засыпалъ бы горькими словами.

— Не пойду я домой, — рѣшилъ Марко и круто повернулъ отъ погоста по дорожкѣ, что вела въ станицу.

Тамъ, что ни вечеръ, у старой казачки Метелицы, въ крайней хатѣ на выгонѣ собирается молодежь. Поютъ, весе-

лятся, пляшутъ до зари. Тамъ, небось и Христя сыщется, некуда ей больше дѣваться.

Народу было полнымъ полно, когда Марко входилъ въ Метелицыну хату, гудятъ, какъ шмели. А Христя ужъ тутъ, впереди всѣхъ.

— Что, Марко, поздно пожаловалъ? Аль съ хуторскими загулялся?

А сама посмѣивается лукаво, и въ глазахъ черти прыгаютъ.

— Кому-кому, а не тебѣ надо мной подшучивать. Съ меня будетъ! Зря на погостъ прогоняла, да тамъ за носъ водила, добрый часъ за тобой гонялся. А теперь на хуторскихъ нечего кивать.

— Какой еще погостъ? Въ умѣ ли ты, Марко? Ты никакъ и вправду вздумалъ, что я ночью по кладбищамъ бѣгать стала?

Говоритъ, а сама усмѣхается.

— Значитъ, стала, коль я самъ видѣлъ, — выговорилъ угрюмо Марко.

— Можетъ, и видѣлъ, да не меня. Я, какъ коровъ загнали, сюда сразу пришла. Вотъ и дѣвушки скажутъ.

— Ты мнѣ очковъ не втирай, все равно не повѣрю, — разсердился Марко. — Вотъ и платочекъ твой, что ты на погостѣ обронила, какъ отъ меня бѣжала. Скажешь, и онъ не твой?

Онъ вынулъ и бросилъ на столъ шитый кружевомъ голубой платочекъ.

Подхватили его съ хохотомъ казачки, стали разглядывать.

— Дѣвушки! Господи помилуй! Да это жъ тотъ самый платочекъ, съ которымъ мы Катерину въ гробъ клали.

Настало молчаніе. Жутко стало на душѣ у Марко. Всѣ смотрятъ на столъ, никто не шелохнется. Словно потемнѣло въ хатѣ, и лампа горитъ тускло.

Стукъ, стукъ, стукъ . . .

Три раза постучали въ окно, увѣренно и рѣзко. Вздрогнули всѣ, зашевелились.

— Ну кто тамъ еще!

Парень, что сидѣлъ на лавкѣ у окна, потянулся и отдернулъ занавѣску.

За окномъ, видная во весь ростъ до малѣйшей черты своей, ярко залитая луннымъ сіяніемъ, съ руками сложенными на груди, стояла покойница Катерина.

И отчетливо, точно была она рядомъ, дошелъ ея ровный, глухой голосъ.

— Отдай мнѣ мой платочекъ, Марко, а то сама за нимъ приду.

Кто то торопливо задернулъ занавѣску. Какъ будто вѣтеръ всколыхнулъ всѣхъ въ хатѣ.

— Отдай платочекъ, отдай! — кричали кругомъ. — Выбрось ей, отдай отъ грѣха!

Дѣвки плакали и жались въ уголъ, какъ испуганныя овцы, и громко причитала, поминая всѣхъ святителей, закрывъ передникомъ лицо, не помня себя отъ страха, Метелица.

Марко стоялъ, какъ онѣмѣлый.

— Скорѣй, скорѣй! — грубо толкали его. Онъ схватилъ платочекъ и бросился въ сѣни. Пріоткрывъ дверь, запертую на засовъ, Марко швырнулъ платочекъ наружу, снова захлопнулъ дверь и вбѣжалъ назадъ въ хату.

Онъ опустился на лавку, весь блѣдный, съ трудомъ переводя духъ.

Отодвинувшись прочь, всѣ молча смотрѣли на него. Только тихо всхлипывали дѣвушки, да слышно было, какъ стучали со страху зубы у старой вдовы Метелицы.

Стукъ, стукъ, стукъ...

Опять голосъ за окномъ, глухой, неторопливый и грозящій.

— Нѣтъ, ты выйди, да самъ подай мнѣ платочекъ, а то сама за тобой приду.

Страхъ и злоба охватили всѣхъ.

— Уходи, проклятый! Подай ей платочекъ! — загудѣли голоса.

Нѣсколько здоровыхъ казаковъ бросились къ Марко и схватили его за плечи.

Марко упалъ на колѣни

— Братцы! Родные! Помилуйте, не выдавайте, Христомъ Богомъ молю!

— Что жъ намъ всѣмъ изъ-за тебя пропадать. Чего тамъ глядѣть! Волоки его, ребята!

Марко бился и упирался, но нѣсколько паръ дюжихъ рукъ вытащили его въ сѣни.

Разомъ пріоткрыли дверь и Марко вытолкнули наружу. Тучи закрыли луну и за дверью было темно, какъ въ могилѣ.

Съ лязгомъ захлопнулся засовъ. Парни бросились назадъ въ хату. Всѣ насторожились и чутко слушали.

Сперва тишина. Потомъ нечеловѣческій вопль, такой пронзительный и ужасный, что у каждаго захолонуло сердце.

И опять все тихо.

Не смѣя двинуться съ мѣста, не смѣя подать голоса, сидѣли всѣ до утра, пока не стало свѣтать и не запѣли пѣтухи. Тогда рѣшились выглянуть на улицу.

На улицѣ было пусто.

Марко нашли черезъ день на кладбищѣ. онъ былъ уже холодный.

Онъ лежалъ навзничь на могилѣ Катерины. Было страшно его искаженное лицо, и мертвая рука крѣпко сжимала голубенькій платочекъ.

Съ нимъ его и схоронили, за оградой, безъ креста и безъ церковнаго пѣнія.

Казакъ кончилъ разсказъ. Мы ѣхали молча. Буковый лѣсъ рѣдѣлъ. Темнѣло. Дорога клонилась внизъ, и ясно былъ слышенъ впереди шумъ морского прибоя.

Гдѣ-то далеко влѣво постукивали отдѣльные ружейные выстрѣлы.

Первыя звѣзды загорались въ небѣ

Сергѣй Кречетовъ

ОТЧАЯНЬЕ.

Темный садъ простеръ нѣмыя длани —
Вспоминаетъ сказки прежнихъ дней.
Городъ гулкій въ мертвенномъ туманѣ,
Тусклы блики блѣдныхъ фонарей.

Я опять брожу по тѣмъ же плитамъ,
Неувѣренъ стукъ моихъ шаговъ.
Въ сердцѣ, кровью алою облитомъ.
Безотвѣтенъ, безотвѣтенъ зовъ.

Какъ безумный я твержу все то-же:
Все, что было, поглотилъ туманъ.
Непосильна моя ноша, Боже,
Кровь сочится изъ открытыхъ ранъ.

Посмотри на страждущаго сына —
Онъ любовь пытался удержать.
Глубока страданія стремнина . . .
Невозможно горе передать.

Въ душу мнѣ отчаянье прокралось . . .
— Все, что было, поглотилъ туманъ. —
Только грусть безмѣрная осталась,
Только кровь изъ нанесенныхъ ранъ.

ВЪ ГЕНУѢ.

Я въ Генуѣ, на родинѣ Колумба.
И вечеромъ, когда закатъ багрянъ,
Мнѣ чудится: безсмертный капитанъ
Командуетъ: на-право, на два румба
Плывутъ на западъ бѣлыя суда,
На горизонтѣ ярко пламенѣя.
Я думаю, мечту свою лелѣя: —
Уплыть бы съ ними въ дали, навсегда.
Уплыть. Забыть страданья и невзгоды,
Забыть себя, несчастный свой народъ,
И жить лишь днемъ, который Онъ даетъ,
Не вѣруя въ опасность непогоды.
Такъ думаю, но жизнь моя не та,
Не тѣ мнѣ Рокъ судилъ переживанья.
Иду по улицѣ, гнетутъ воспоминанья . .
Закрылись мной открытыя врата.
Покрыла ночь нѣмыя очертанья
Прямыхъ колоннъ гранитнаго дворца.
Всплыли черты любимаго лица . . .
И лишь маякъ кудеситъ волхованья.

СТИХИ О ЛОНДОНѢ.

I. ЧАСЫ.

Какъ грандіознаго пожара
Пылаетъ зарево зари.
Вокругъ колонны Трафальгара
Сіяютъ яро фонари.

И вознесенъ въ огнѣ заката,
Парламентъ высится живой.
Часовъ огромныхъ циферблата
Мнѣ виденъ кругъ сторожевой.

И темнымъ страхомъ дышутъ стрѣлы,
Когда надъ городомъ глухимъ
Часовъ раздастся звонъ несмѣлый,
Нѣмымъ предчувствіемъ томимъ.

II. ВЕЧЕРЪ НА ВАЙТХОЛЛѢ.

Сегодня вечеромъ такой весенній воздухъ,
Онъ упоенъ дыханьемъ прошлыхъ лѣтъ.
Я чувствую, какъ на далекихъ звѣздахъ
Мнѣ кто-то шлетъ свой жалобный привѣтъ.

Свѣтъ фонарей мѣшался съ тѣмъ закатомъ,
Который пламенемъ надъ Лондономъ горѣлъ.
Прощальный лучъ ласкался къ блесткимъ латамъ.
И замеревъ, восторженно алѣлъ.

Зажглась луна. И тихо вечеръ хмурый
Смѣнилъ зари блестящій хороводъ.
А въ жесткихъ латахъ конныя фигуры
Нѣмѣли въ нишахъ каменныхъ воротъ.

III. НАДЪ ТЕМЗОЙ.

Вѣтеръ пронзительный и ярый
Мнѣ бьетъ въ лицо своей струей.
И сфинксовъ каменныхъ тіары,
Какъ тѣ, далеко надъ Невой.

Я вспоминаю смѣхъ во взглядѣ,
И этотъ дивный свѣтлый день,
Но, какъ въ далекомъ Петроградѣ,
Передо мной все та-же тѣнь.

И эта тѣнь несбытой сказки
Меня ревнуетъ каждый разъ.
И я не знаю чьей же ласки
Я жажду въ этотъ странный часъ.

Леонидъ Чацкій.

Военный максимализмъ и демократія.

Въ развалинахъ Европа — раздавленная, обезсиленная, униженная. Что говорить о побѣжденныхъ, что говорить о тѣхъ, кто сами себя раздавили, — но еле дышатъ и побѣдители; и еле дыша, въ надрывномъ торжествѣ наваливаются всей тяжестью своихъ искромсанныхъ тѣлъ на поверженныхъ враговъ, и давятъ ихъ и выжимаютъ изъ нихъ, что могутъ, и силятся снять съ нихъ послѣднюю рубашку, чтобы самимъ не остаться голыми.

Исполнились судьбы — раздавлена Европа. Есть побѣдители и есть побѣжденные; въ общемъ несчастіи есть измывающіеся и униженные, въ общей подавленности есть угнетатели и угнетенные; но разбиты всѣ. Тамъ, за океанами, воздымаются новыя, могучія, культурно-государственныя образованія; тамъ господствуетъ Америка, своими милостями отогрѣвая отмирающіе члены стараго міра; къ ней прибѣгаютъ за помощью, за разрѣшеніемъ трудностей, за признаніемъ; прибѣгали за милостью, за справедливостью, за правомъ и за силой; прибѣгали, какъ къ старшему, какъ къ сильному и мудрому, — точно не только почувствовала себя Европа уничтоженной, но и ничтожной, не только безпомощной, но и безтолково неумѣющей себѣ помочь. Тамъ за материками и морями растетъ въ тишинѣ восточная мощь, и наливается нашими расплесканными силами, нашимъ развѣяннымъ добромъ. Европа сброшена и раздавлена.

Гдѣ предвкушенія, обольщенія, обѣтованія побѣды, всѣхъ ея несказанныхъ благъ, ея предѣльныхъ завершеній — уничтоженіе милитаризма, установленіе царства права и справедливости, мира и благоденствія? Они на дѣлѣ оказались тѣмъ самымъ, чѣмъ и всегда представлялись неподкупной мысли, — безподобной ложью, гигантской сѣтью для простофиль, сплетенной ловкачами изъ нитей растяжимой словесности. Позволительно ли удивляться тому, что раздробленіе государственныхъ образованій, созидавшихся вѣковой исторіей, и перекраиваніе ихъ — даетъ не разрѣшеніе европейскихъ вопросовъ, а невылазную путаницу? Можно ли было не предвидѣть, что величайшее бореніе величайшихъ державъ, сочетавшее всенародность первобытныхъ временъ съ высокой культурностью позднѣйшихъ, — приведетъ съ ея первобытному разгрому; что нашъ обнищавшій, обезкровленный материкъ будетъ сброшенъ съ былой міровой высоты, съ вершинъ великодержавности и высококультурности; что другіе станутъ водителями и образцами человѣчества?

И все же предвидѣнное и естественное, свершившись, стоитъ передъ потрясенной душой неотступнымъ вопросомъ. Познанія и направленія ищетъ душа европейская и сквозь удушающую печаль. Другіе въ скорбь погружаются, дѣлаютъ ее содержаніемъ своей жизни; другіе, чтобы поддерживать жизнь, подавляютъ или отворачиваются отъ ея скорбей. Европеецъ не боится напряженности своихъ чувствъ, плакать для него не значитъ отказаться отъ пониманія. Онъ ищетъ понять неизбѣжность происходящаго и утвердить возможности будущаго; онъ ищетъ путей дѣйствія. И онъ пойдетъ по этимъ путямъ, унося съ собой неутолимую скорбь о бывшемъ и несбывшемся, щемящую любовь и — если надо — безпощадную ненависть.

Но еще рано укутывать прошлое неутѣшною памятью; ибо не свершилися судьбы, — онѣ еще свершаются, не завершился разгромъ, — онъ еще производится; не погасла еще міровая эпоха, она только погасаетъ.

I.

Обращаясь къ существеннѣйшимъ духовнымъ основамъ несравнимаго европейскаго разгрома приходится выдѣлить максимализмъ военныхъ цѣлей, коему его въ первую голову приходится вмѣнить.

Разнаго типа задачи ставились войнамъ въ разныя времена; говорю не о подлинно преслѣдуемыхъ и достигаемыхъ войнами цѣляхъ, а о духовной оболочкѣ таковыхъ, подчасъ являющейся и психически двигающей силой. Бывали задачи конкретныя, ограниченныя, заключенныя въ предѣлахъ возможной реальности, и задачи безконечныя, несоразмѣренныя съ наличными силами и возможностями, запредѣльныя; съ одной точки зрѣнія могущія быть признанными фантастическими, съ другой — идеальными. Къ идеально-фантастическимъ задачамъ относятся идеи установленія царствія Божія на землѣ, побѣды креста надъ полумѣсяцемъ и полумѣсяца надъ крестомъ. Къ нимъ относятся и цѣли, приписанныя великой европейской войнѣ ея руководителями.

Вѣчный миръ — таковъ былъ военный лозунгъ Антанты. Война — величайшее бѣдствіе, преступленіе и грѣхъ; Германія, единственная милитаристическая и имперіалистическая держава среди мирныхъ демократическихъ государствъ міра, вызвала ее, слѣд., виновная въ величайшемъ преступленіи передъ человѣчествомъ, должна понести за нее исчерпывающую кару. Не какъ врагъ, не какъ опасный противникъ, не какъ конкуррентъ подлежитъ Германія разгрому; не во имя выгодъ или благъ другой стороны, а во имя священной идеи, верховной объективной цѣнности, самодовлѣющаго императива. Разгромъ Германіи — не дѣло политической; исторической цѣлесообразности или необходимости, а — задача внѣисторическая, абсолютная.

Заодно тотъ же взглядъ былъ распространенъ и на другія страны германской коалиціи. И Австрія подлежитъ уничтоженію какъ виновница войны (ультиматумъ Сербіи), но еще въ большей степени

въ качествѣ нарушителя другого священнаго принципа — принципа самоопредѣленія національностей, по этому случаю возведеннаго въ святыню, равную идеѣ вѣчнаго всечеловѣческаго мира; нарушители обоихъ одинаково подлежатъ разгрому во имя равнозначныхъ вѣчныхъ началъ. Къ Турціи, можетъ быть, и не стоило, но во всякомъ случаѣ не трудно было примѣнить подобныя же мѣрила; Болгарія была преступна уже тѣмъ, что шла съ такими преступниками.

Насколько правдива была такая постановка вопроса — было и въ то время внѣ спора для всякаго, кто хотѣлъ и могъ оставаться зрячимъ, т. е. — говоря то же самое въ моральной транспонировкѣ — честнымъ. Однако, при массовомъ ослѣпленіи это въ то время могло еще требовать выясненія. Теперь было бы просто смѣхотворно обсуждать единственность германскаго милитаризма, когда всѣ страны-побѣдительницы взапуски стремятся возможно шире продвинуть свои „имперіалистическія“ вожделѣнія; и было бы до зазорности наивно оспаривать святость принципа самоопредѣленія, когда съ одной стороны онъ походя нарушается тѣми, кому оказывается неудобнымъ и кто въ силахъ его нарушить, а съ другой стороны — по скольку кладется въ основу государственныхъ оформленій — нерѣдко приводитъ къ взаимному поѣданію и общему пониженію постигнутыхъ имъ народовъ. Пусть не говорятъ, что разочаровались въ государственныхъ дѣятеляхъ, разувѣрились въ обѣщаніяхъ и пр. Подобному разочарованію цѣна не бо́льшая, чѣмъ былому очарованію. Въ нихъ обоихъ — одинаково мало совѣстливаго мышленія; въ нихъ обоихъ одно стремленіе мыслить не съ отвѣтственной отчетливостью, а согласно житейскому удобству, пользуясь самодовлѣющими идеями, какъ обстановкой жизненнаго уюта или какъ средствами дѣлового успѣха, — проникаясь вѣрой въ святые идеалы, когда это удобно для текущихъ выгодъ, и разочаровываясь въ ихъ осуществимости, когда исчезаетъ надобность ихъ провозглашать.

Какъ бы то ни было, священныя цѣли войны противъ Германіи были провозглашены Антантой, и пропаганда ихъ велась съ ни съ чѣмъ не сравнимой настойчивостью. Побѣда надъ германской коалиціей не строилась въ мѣру жизненной потребности ея враговъ, а обосновывалась всечеловѣческой, категорической, ничѣмъ не ограниченной значительностью и святостью самой задачи. Война велась не противъ Германіи, а противъ сосредоточившихся и воплотившихся въ Германіи предпосылокъ всякой возможной войны, притѣсненій, насилій и несправедливости; она и должна положить конецъ войнамъ и угнетеніямъ и навѣки установить пацифизмъ и благоволеніе въ человѣчествѣ. Тѣмъ самымъ произволилась вербовка въ сторонники войны на сторонѣ Антанты всѣхъ принципіальныхъ и эмоціональныхъ противниковъ войны, всѣхъ добросердечно скорбѣвшихъ объ ея жертвахъ, всѣхъ мечтателей о благоденствіи, всѣхъ болящихъ чужими ранами и чужимъ горемъ. Въ этомъ заключалась практическая выгода для Антанты подобнаго пацифистическаго обоснованія войны;

оно не только вдохновляло и ободряло бойцовъ; оно главнымъ образомъ привлекало сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ небойцовъ въ своихъ и чужихъ государствахъ, дѣлая ихъ косвенными участниками войны, самихъ нейтральныхъ — дѣлая стороной, претворяя внѣбоевыя, противовоенныя чувства и настроенія въ факторы борьбы, дѣлая военнымъ орудіемъ — самый пацифизмъ. Въ претвореніи самодовлѣющихъ святынь въ орудія войны — проявилось блестящее тактическое умѣніе и тактическій успѣхъ вождей Антанты. Другой вопросъ — къ какимъ болѣе отдаленнымъ послѣдствіямъ должно было привести использованіе идей и чувствъ, какъ средствъ достиженія противоположныхъ имъ результатовъ.

Какъ бы то ни было, пацифизмъ, выставленный цѣлью войны, сталъ союзникомъ Антанты; благоденствіе человѣчества — ожидаемымъ плодомъ побѣды. Разъ уже — по винѣ Германіи — неизбѣжными стали безграничные ужасы, такъ пусть ужъ по крайней мѣрѣ— по заслугѣ Антанты — они производятся во имя цѣли окончательной, которая, осуществленная, ихъ окупитъ, покроетъ всѣ бѣды величіемъ тѣхъ благъ, которыя она съ собой принесетъ. Остановиться посреди пути — значило бы оставить всѣ жертвы напрасными (милліоны разъ повторялось это разсужденіе), значитъ задаромъ выбросить шакаламъ исторіи безчисленные трупы, расплескать попусту потоки жертвенной крови. Послѣ всѣхъ бѣдъ и ужасовъ — вернуться къ старому міру, это значитъ совершить непрощаемый грѣхъ передъ величайшими жертвами, обрекши ихъ на безплодіе. Лучше еще принести жертвы, и еще; лучше одинъ разъ до тла опустошить себя и противника, чтобы за то ужъ навсегда цѣликомъ достичь искомой вѣковѣчной цѣли. Безпредѣльность цѣли имманентно вела къ безпредѣльнымъ жертвамъ и напряженіямъ, къ войнѣ „до конца". До конца, до исчерпанія всѣхъ средствъ, до полнаго низверженія противника было бы безсмысленно вести войну во имя конкретныхъ ограниченныхъ цѣлей, — ибо ограниченныя цѣли самой своей ограничиваемостью ограничиваютъ и средства, которыя стоитъ на нихъ затратить, и слѣд. само собой предустанавливаютъ войнѣ опредѣленный предѣлъ; соотвѣтственно приближенію къ этому предѣлу онѣ предопредѣляютъ и компромиссный миръ. Но воевать во имя конкретныхъ историческихъ цѣлей значило бы санкціонировать войну, какъ допустимую историческую категорію. Пацифисты не могли стать на эту позицію, — ибо вѣдь воевать никоимъ образомъ недопустимо. А потому ужъ если воевать, то свыше всякой мѣры; за цѣли, передъ величіемъ которыхъ неразличаемымъ становится немного больше или меньше жертвъ, потерь и страданій. Пусть будутъ и еще ужасы, лишь бы не напрасно (а все напрасно, что не идеалъ), — чтобы больше уже никогда не было ни жертвъ, ни ужасовъ. Такъ создался пацифистическій максимализмъ, какъ обоснованіе войны до конца.

Трудно учесть то зло, которое онъ принесъ человѣчеству даже въ своемъ чистомъ, искренномъ, убѣжденномъ воплощеніи, — оста-

вляя въ сторонѣ тотъ безмѣрный грѣхъ лицемѣрія и лжи, какой онъ внесъ въ жизнь, служа и прикрытіемъ и орудіемъ своекорыстныхъ задачъ; и оставалось бы отчаяться въ совѣсти и мыслительной способности человѣчества, еслибы, прійдя въ себя, оно не заклеймило его, не растоптало, не возненавидѣло, и не запечатлѣло своей ненависти навѣки въ непреходящихъ оцѣнкахъ. Именно, этотъ военно-пацифистическій максимализмъ, внѣдривъ мысль о законности ставить протекающей войнѣ предѣльныя цѣли, о возможности ихъ добиться, — послужилъ подпочвой для максимализма націоналистическаго и для максимализма соціальнаго (въ большевизмѣ)[1]; если можно сразу осуществить вѣчный миръ между государствами и народами, то почему не осуществить несравненно болѣе доступную задачу „полнаго" удовлетворенія національныхъ стремленій, — и всѣ національныя стремленія были развернуты сразу во всю полноту и во всей своей несовмѣстимости; почему не сдѣлать опыта осуществить и всю завѣтную соціальную программу. Тотъ же военно-пацифистскій максимализмъ послужилъ превосходной ширмой для максимализма государственно захватническаго (уже столько жертвъ принесено, такъ ужь по крайней мѣрѣ удовлетворимъ сразу всѣ историческіе запросы и всякія возможныя цѣли за счетъ побѣжденныхъ).

Итакъ, во имя предѣльной цѣли, т. е. нѣкоего представленія, пожеланія, предположенія, формулы, слова, — вообще во имя чего то лишь мыслимаго — пацифизмъ вовлекалъ въ реальныя жертвы, подлинную гибель, уничтоженіе, разрушеніе, смерть. Разрушеніе происходило, гибель совершалась, смерть наступала, а цѣль — лишь предносилась. Смерть ширилась, невозмѣстимое уничтожалось, невозвратное исчезало — а цѣль все предносилась. Что же если эта цѣль была недостижимой или будетъ недостигнутой? Вотъ же ихъ идеалъ не осуществился, — какъ они оправдаютъ погубленныхъ во имя его? Но могъ ли онъ осуществиться въ эту войну? лежалъ ли онъ въ предѣлахъ возможности? Они должны были быть увѣрены въ этомъ, чтобы хотя бы одну лишнюю жертву допустить во имя его. Въ какой же преступный азартъ надо было впасть, чтобы на карту предносившейся — но во всякомъ случаѣ необезпеченной возможности лить потоки человѣческой крови, громоздить бѣдствія и развалины; да вѣдь и азартный игрокъ рискуетъ непосредственно лишь своимъ благосостояніемъ и жизнью, а эти люди рисковали жизнью народовъ и достояніемъ культуръ. А между тѣмъ не могло же не быть яснымъ, что уничтоженіемъ двухъ государствъ и культуры нельзя измѣнить въ два-три года и природу человѣка, природу народовъ, природу государствъ, природу общества, природу производства и распредѣленія; что самый способъ установленія пацифизма путемъ войны и побѣды есть вызовъ человѣческому разуму, что войной и уничтоженіемъ не устраняются причины, создающія то,

[1]) ср. мою статью: „Наслѣдіе войны въ смутѣ", въ „Вѣстн. Культуры и Политики", №10, 1918 г. Пбг

что якобы подлежало устраненію, что приписываемое Германіи облыжно приписывается ей одной, что задача поставлена лживо и цѣль внѣреальна. Какъ не предпочесть этимъ недоумкамъ идеализма тѣхъ ловкихъ и беззастѣнчивыхъ политиковъ, въ рукахъ которыхъ они были лишь покорными маріонетками, и которые сознательно пользовались ихъ идеями мира, какъ смертоносными орудіями войны. И совершалось дѣло безповоротной смерти во имя марева предполагаемой благой жизни. И теперь, когда все кончено, и побѣда привела къ гибели, они готовы отыграться на разочарованіи или на какихъ либо новыхъ фантазіяхъ, кого то въ чемъ то обвинять, только не свой грѣхъ и не свое преступленіе.

* * *

Оставимъ этихъ зловѣщихъ недоумокъ. Пусть до максимума доведенныя цѣли, ставимыя войнѣ, не выходятъ за предѣлы реальности, обращены на количественно наибольшее осуществленіе задачъ, неизмѣнно въ дѣйствительности преслѣдуемыхъ: навсегда обезопасить родину, убрать съ ея пути сразу всѣхъ опасныхъ конкуррентовъ, осуществить разомъ всѣ ея запросы. Изъ за временнаго, преходящаго — воевать не стоитъ; ужь если воевать, такъ изъ за рѣшающаго, предопредѣляющаго все будушее.

Но и здѣсь — хотя бы это вѣчное и максимальное было взято въ разрѣзѣ историческомъ, земномъ — и здѣсь остается то же роковое обольщеніе. И здѣсь реальныя жертвы, смерть, гибель въ настоящемъ сопоставляется не съ чѣмъ то въ современности-же имѣющимъ осуществиться, а съ предполагаемымъ въ будущемъ. И здѣсь уже сейчасъ приносятся жертвы во имя не того, что сейчасъ же и должно быть получено, а во имя послѣдствій, которыя должны только со временемъ сказаться, которыя, слѣдовательно, должны явиться результатомъ не однихъ этихъ жертвъ, но и многихъ другихъ причинныхъ линій, многихъ другихъ послѣдованій событій. Быть увѣреннымъ въ этихъ событіяхъ нельзя, расчитать ихъ немыслимо. Конечно, можно стремиться ихъ предугадать, можно и слѣдуетъ руководиться тѣми или иными о нихъ предположеніями; мало того — нельзя ими не руководиться; и тотъ именно государственный человѣкъ, кто, взоромъ проникая вдаль, видитъ, предвидитъ и учитываетъ будущее. Но дѣйствовать можно лишь въ настоящемъ, примѣнительно къ настоящему: Твердо и дѣйственно для будущаго и плодотворно лишь то, что сдѣлано примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, когда сдѣлано; выгодно лишь то, что выгодно въ настоящихъ обстоятельствахъ, укрѣпляетъ страну лишь то, что ее укрѣпляетъ въ данную эпоху, что ее обезпечиваетъ отъ враговъ и конкуррентовъ сегодняшняго дня, дѣйственны лишь тѣ орудія, которыя могутъ сейчасъ (въ историческомъ смыслѣ этого слова) быть пущены въ ходъ. Обезпечить себя на будущее можно только утверждая себя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Мощь

и безопасность не копятся про запасъ; добытое сверхъ нужнаго сейчасъ есть не дополнительный выигрышъ, а только обуза. Безпочвенна надежда и безумна гордыня — снять съ будущихъ поколѣній хоть какую нибудь долю ихъ трудовъ, опасностей, заботъ. Забота о грядущихъ можетъ лишь въ томъ заключаться, чтобы ихъ сдѣлать способными и сильными заботиться о себѣ.

Неисповѣдимо будущее; откуда возникнутъ слабости и опасности завтрашняго дня — намъ сегодня знать не дано; и тѣмъ самымъ не дано ихъ предотвратить или парализовать. И каждая лишняя капля крови, пролитая не для задачъ историческаго дня и живыхъ поколѣній, есть даромъ — т. е. преступно — пролитая кровь. Ибо неосмысленно жертвами настоящаго добиваться благопріятныхъ послѣдствій въ неопредѣленномъ будущемъ, когда это будущее, предопредѣляемое множествомъ различныхъ и независимыхъ, частью въ настоящемъ еще и незрѣлыхъ и неподлежащихъ воздѣйствію, причинныхъ цѣпей можетъ быть и такимъ, при которомъ добытое сейчасъ окажется ненужнымъ или даже и вреднымъ.

Но и помимо того, что жертвы настоящимъ ради задачи неопредѣленнаго будущаго являются жертвами необоснованными и неоправданными, — даже еслибы этого и не было, еслибы можно было обезпечить въ будущемъ ожидаемый благотворный эффектъ, правомѣрно и законно ли возлагать на современныя поколѣнія, на современное государство, на современный хозяйственный аппаратъ — тяготы, связанныя съ поколѣніями, съ государствомъ, съ хозяйственнымъ аппаратомъ будущаго? Брать лично на себя ношу непосильную во имя интересовъ будущаго — это и будучи нецѣлесообразнымъ, можетъ оставаться благодарнымъ и морально возвышеннымъ. Но подобныя жертвы возлагать на другихъ, вовлекать въ нихъ государство, ставить подъ ударъ современную культуру — это не только нецѣлесообразно, губительно, это и морально непозволительно, это и соціально неоправдываемо. Почему современнымъ поколѣніямъ сверхъ мѣры своихъ жизненныхъ задачъ взваливать на себя и бремя будущаго, къ тому же неизбѣжно проблематическаго; и какъ можетъ выдержать современная государственность, еле справляющаяся со своими собственными задачами, — въ сущности вовсе даже и не справляющаяся, — какъ можетъ она вдобавокъ справиться еще и съ дополнительными задачами, задачами будущаго? Современное поколѣніе подъ бременемъ тяготъ будущаго падетъ изнеможенное, современное государство подъ бременемъ задачъ будущаго расшатается въ своихъ устояхъ, и задачи будущаго будутъ не облегчены для будущихъ поколѣній, а затруднены, и государство будущаго будетъ не укрѣплено чрезмѣрными напряженіями настоящаго, а подорвано. Во имя безпредметныхъ цѣлей исковеркано будетъ настоящее, а тѣмъ самымъ надломленно и будущее.

Но развѣ могутъ быть признаны обезпеченными въ своей достижимости какія бы то ни было военныя цѣли, хотя бы и далеко не

максимальныя? А если нѣтъ, то приносимыя на войнѣ жертвы не являются ли недопустимой азартной ставкой, какая бы съ ихъ помощью задача ни подлежала осуществленію?

Въ нѣкоторой степени это такъ и есть. Но если каждая война, представляя великій моральный рискъ, возлагаетъ величайшую отвѣтственность за ея необоснованность, сверхсильность, за возможную историческую неоправдываемость, — то въ какой мѣрѣ возрастаетъ эта отвѣтственность по мѣрѣ увеличенія, преувеличенія, максимализаціи цѣлей войны; и не ясно ли, что она возрастаетъ настолько, что должна бы подавить, задавить всякую живую человѣческую совѣсть. И если люди, гнавшіе общественное сознаніе къ максимальнымъ государственнымъ, а въ особенности вѣчнымъ міровымъ и мировымъ цѣлямъ, до сихъ поръ еще не раздавлены собственной совѣстью или мнѣніемъ окружающихъ, если они до сихъ поръ — послѣ того, что произошло, все еще гарцуютъ на поверхности общественной жизни, куда то ведутъ, чѣмъ то руководятъ, что-то проповѣдуютъ и истолковываютъ, если они до сихъ поръ не изъяли себя изъ общественной жизни, то поистинѣ приходится признать: толстокожа человѣческая совѣсть и растяжима, невзыскательно человѣческое долготерпѣніе и забывчиво.

Именно потому, что каждая война возлагаетъ величайшую отвѣтственность, она можетъ быть оправдываема лишь въ мѣру крайней необходимости ея веденія, неизбывности для ведущаго ея государства, поколѣнія, культуры — ея цѣлей и задачъ; посколько безъ примѣненія этого крайняго средства нарушается самая основа общественнаго и культурнаго бытія. Война оправдана въ жизни народа, посколько жизнь народа безъ нея подрывается, посколько за насущное, за необходимое, за то, безъ чего нельзя существовать, за самую основу своего существованія ставитъ народъ на карту свою и чужую жизнь.

Пусть на это не дѣлаютъ возраженій конкретной казуистики: гдѣ, молъ, кончается необходимое и начинается то, безъ чего можно обойтись; въ чемъ насущный интересъ и въ чемъ интересъ уже не насущный, гдѣ граница той мѣры, которая обосновываетъ войну, и за предѣлами которой война становится неоправдываемой. Разумѣется, этихъ предѣловъ съ точностью указать нельзя, и легко субъективно относительно нихъ ошибаться. Но только еще безъ мѣры наивный или сверхъ мѣры лукавый возражатель можетъ подобными отводами удовлетвориться. Подъ формулы общаго порядка никогда безъ остатка неподводима живая плоть бытія, но это отнюдь не значитъ, чтобы слѣдовало отказываться отъ общихъ мыслей въ обсужденіи конкретнаго. Это только означаетъ, что формула не какую нибудь точную мѣру предназначена установить, а намѣчаетъ лишь направленіе, въ какомъ слѣдуетъ искать искомыхъ рѣшеній. Это не значитъ, что оправданію подлежитъ война, которая ведется только за такія то опредѣленныя цѣли, это значитъ, что оправдываема война,

цѣли которой подлежатъ съуженію къ наименьшимъ, сведенію на необходимѣйшія, насущнѣйшія. Это — въ общемъ итогѣ — значитъ, что въ дѣлѣ войны *оправданнымъ можетъ быть не максимализмъ цѣлей, а ихъ минимализмъ*, что священна не та война, которая ведется, или посколько ведется за величайшія задачи человѣчества, а лишь та, которая ведется за наиболѣе узкія, неотъемлемыя, необходимѣйшія условія народной жизни. *Войну оправдываютъ не предѣльныя задачи, а лишь предѣльная необходимость.* И поистинѣ поразительно, какъ столь простое положеніе не было въ нашу эпоху признано безспорнымъ, какъ могла произойти та роковая аберрація великой войны, при которой, разгоняя ее къ наиболѣе тягостнымъ напряженіямъ, кичились мнимой святостью ея облыжныхъ задачъ, какъ въ оправданіе войны выставляли то самое, что именно и должно было служить ея безпощадному осужденію.

II

Съ полной ясностью сказались намѣченныя отношенія на великой войнѣ. Война должна быть доведена до конца — во имя максимально поставленныхъ задачъ; не въ устремленіи къ минимально-неизбѣжному самообезпеченію, что въ разныхъ стадіяхъ войны могло склонить къ заключенію на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ мира соглаcительнаго; нѣтъ — до полной конечной побѣды. Конечно, еслибы внѣ войны оставались сильныя державы, слѣд., если бы использованіе войны подлежало ограниченію съ ихъ стороны, то тѣмъ самымъ этотъ лозунгъ потерялъ бы значительную долю своей цѣнности. Но этого не было и побѣдившая сторона могла разсчитывать на реализацію побѣды въ полную свою волю, могла разсчитывать переложить на противника всѣ бѣдствія и потери, — не отдавая себѣ отчета въ обманчивости самой задачи. Прекратить войну на какомъ нибудь согласительномъ мирѣ — значило бы даже для той стороны, которая оставалась сравнительно въ наиболѣе благопріятномъ положеніи, взять на себя, на свой народъ, на свое будущее — часть великихъ потерь, неоплаченными врагомъ. А между тѣмъ цѣной дальнѣйшихъ напряженій, цѣной дальнѣйшихъ потерь можно, достигнувъ наибольшихъ результатовъ, и самыя эти потери возложить на поверженнаго врага.

И вотъ потери, бѣдствія, уничтоженіе людей, цѣнностей, культуры возрастали и возрастали какъ у стороны побѣдившей, такъ и у противной стороны. Съ обѣхъ сторонъ уничтожались цѣнности, люди, культура; такимъ образомъ одновременно столь же непримиримо возросталъ и счетъ побѣдителей, сколь умалялась способность возмѣщенія у побѣжденныхъ. Дѣло неизбѣжно шло къ тому, что — выражаясь для наглядности упрощенно арифметически — должна была настать минута, когда погубленное превысило бы сохраненное;

и тогда сколько ни побѣждай до конца — возмѣщеніе исключалось самой объективностью. И ясно, что задолго до этого момента уже наступалъ — если еще не уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ — разгромъ обѣихъ сторонъ. На болѣе слабой государственности — на Россіи — упадокъ сказался всего ранѣе. Другіе держались; и именно благодаря культурно-государственной мощи и стойкости обреченной стороны — къ упадку общему дѣло шло и должно было прійти.

Максимализмъ все заслонялъ вызванными имъ аффектами, страстями и самообманомъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что не всѣ государства въ міровой коалиціи (въ отличіе отъ коалиціи европейской) были въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ отношеніи, не всѣ государства несли одинаковыя потери, и слѣд. не для всѣхъ дѣйствовала эта непререкаемая арифметика. Внѣевропейскія государства всецѣло были внѣ ея желѣзной діалектики. Полуевропейское государство — Англія — точно такъ же лишь отчасти было ей подвержено. Естественно, что тѣмъ самымъ они были въ этомъ отношеніи свободны въ преслѣдованіи максимальныхъ военныхъ цѣлей. Въ первую голову подлежала ей европейская коалиція (германская) и европейская часть коалиціи міровой (Франція, Италія), — т. е. Европа. На нихъ она и сказалась.

Въ средѣ побѣдителей въ первую голову падала эта уничтожающая діалектика максимализма, войны до конца — на Францію. Въ общей экономіи народныхъ силъ и возможностей война безъ „до-конечной" побѣды, но и безъ безпредѣльныхъ и потому невознаградимыхъ потерь,—была бы исторически государственно несравненно менѣе зловредна. Можно считать человѣчески естественнымъ, что именно Франція не могла итти на согласительный миръ, — Франція, которая была поприщемъ войны, непосредственнымъ предметомъ нападенія. Естественно, что идея побѣды до конца оказалась здѣсь продуктомъ непреоборимой эмоціональной реакціи (какъ въ Англіи она была продуктомъ спокойнаго расчета наполовину внѣевропейской страны, свою выгоду искавшей главнымъ образомъ внѣ Европы); что непреклонность руководившаго Франціей Клемансо оказалась выраженіемъ всенароднаго порыва; и что люди, глубже и яснѣе понимавшіе положеніе, оказались отстраненными или даже — подъ рискомъ прослыть измѣнниками — самоустранившимися отъ руководства ея судьбой. Франціи, всего больше пострадавшей въ составѣ міровой коалиціи, было предупредительно предоставлено компенсировать себя за счетъ европейской коалиціи, — разоренному побѣдителю за счетъ обнищавшаго врага, обезкровленному побѣдителю за счетъ обезкровленнаго побѣжденнаго.

Такъ, вызванный максимализмомъ разгромъ Европы, продолжается въ ея разгромѣ мирномъ. Всѣ тѣ, кто въ разные моменты войны отказывались итти навстрѣчу согласительному миру, будь то Антанта или нѣмцы, въ эпоху ихъ торжества, — виновны въ этомъ результатѣ; виновны въ немъ всѣ, кто ставили войнѣ максимальныя цѣли.

Но все же не слѣдуетъ забывать, что вредоноснѣйшій (ибо наиболѣе безпочвенный) гуманитарно-идеалистическій максимализмъ, безчеловѣчно-гуманитарный, иллюзорно-идеалистическій и военно-пацифистскій, — былъ Антантою задуманъ, провозглашенъ, освященъ и внѣдренъ въ сознаніе современности во имя своихъ интересовъ и своей побѣды.

* * *

Былъ ли военный максимализмъ случайностью или онъ былъ основанъ въ существѣ современнаго міра и слѣд. вытекалъ изъ него, какъ его неотъемлемое послѣдствіе; было ли случайностью то, что не война 70 г. напр., а именно послѣдняя величайшая война вызвала эту идеологію и ея мотивировку?

Есть, дѣйствительно, въ новоевропейской культурѣ, своей высшей точки достигшей въ послѣднія передъ войной десятилѣтія, свойства, вызвавшія, или во всякомъ случаѣ облегчившія максималистическую горячку; это то чувство увѣренности въ себѣ, въ человѣческомъ могуществѣ, во всепреодолѣвающей мощи человѣческаго творчества, которое такъ характерно для повышеннаго общественнаго самочувствія и побѣдоноснаго культурнаго созиданія начала вѣка. Все преодолѣваетъ человѣческое творчество, всего оно способно достичь, всякій свой замыселъ довести до осуществленія, — таково чувство, воспитывавшееся достиженіями этихъ десятилѣтій. Пространство преодолѣвается, — и вотъ уже рѣчь человѣческая передается мгновенно въ далекіе края; материки разсѣкаются, чтобы дать проходъ левіафанамъ морского плаванія. Строеніе вещества раскрывается чудесно вооруженному взору и, казалось бы, отрѣшенному отъ всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностью мышленію; человѣческій организмъ постепенно выявляетъ свои тайны. Тьма преодолѣвается потоками свѣта; невоспринимаемыя явленія природы претворяются въ сказочныя по мощи и послушныя человѣку силы. Не только опираясь на природу стали превозмогать величайшія ея сопротивленія, — превозмогается и самая безопорность въ природѣ; и тамъ, гдѣ еще недавно человѣчество проваливалось въ пустоту, оно живетъ и работаетъ увѣренно и спокойно. Поставивъ подъ вопросъ самыя предпосылки своего мышленія, какъ бы въ рѣшимости обойтись безъ нихъ, — человѣкъ поставилъ себѣ задачей самому построить и опору и основу своего бытія и дѣйствія. Полеты становятся дѣломъ повседневной сутолоки; вознесшись подъ небеса, человѣкъ на землю низвелъ вѣковѣчные мифы. Приподымаются завѣсы надъ канувшимъ въ вѣчность, — и къ созидаемому настоящимъ днемъ пріобщаются непредвидѣнныя богатства человѣческаго прошлаго на разныхъ материкахъ. Не было въ исторіи эпохи большаго богатства и размаха. Съ восторгомъ и благоговѣніемъ будутъ будущія поколѣнія вчитываться въ лѣтописи совершавшагося въ наши дни, и проникновенныя души будутъ затрачи-

вать драгоцѣнныя жизни на то, чтобы въ себѣ возсоздать и передать другимъ — духовное состояніе поколѣнія, дерзнувшаго въ безопорной средѣ опереться на себя — одинаково и въ духовномъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Героическая эпоха новаго самоутвержденія не въ отрицаніи, не въ бунтарствѣ противъ Бога и природы, а въ строительствѣ; когда дерзновенные замыслы творятъ уже не безплотные образы и мысли, а дѣйствія и жизнь; когда все предданное оказывается низведеннымъ до безразличнаго матеріала для творимаго согласно свободно ставимымъ человѣкомъ заданіямъ.

Въ этомъ самоощущеніи, когда все кажется возможнымъ и достижимымъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя въ уровень со всякой задачей, когда поставить проблему для него уже значитъ — и разрѣшить ее, — хотя бы и не сейчасъ, не сразу, а только рядомъ послѣдовательныхъ приближеній, въ этомъ ощущеніи уже и заложена тяга къ максимализму передовыхъ по культурѣ народовъ и людей. Эту тягу — по отношенію къ максимализму военному — добавочно питали тѣ попутныя достиженія военнаго времени, въ подводномъ и надводномъ плаваніи, въ артиллеріи и фортификаціи, въ снабженіи и транспортѣ, въ организаціи хозяйственной и военной, благодаря которымъ война только и могла быть ведомой, и которыя были плотью отъ плоти мирной культуры современности.

Я не хочу сказать, чтобы такой переносъ культурнаго самоощущенія эпохи на задачи войны, или, иначе говоря, переносъ самоощущенія, выработаннаго на духовно-предметномъ строительствѣ, на строительство соціальное — было неизбѣжно, неотвратимо. Я только хочу отмѣтить зарождающуюся въ первомъ тягу къ максимализму и въ области второго. Неизбѣжно ли было движеніе въ этомъ направленіи; была ли исключена возможность найти силы и разумъ для самообузданія, нащупать въ своей душѣ и въ своемъ окружающемъ то своеобразіе, которымъ соціальная среда отличается отъ космической, и въ этомъ своеобразіи обрѣсти опору для необходимаго самопознанія и самоограниченія? Отъ культурныхъ народовъ, отъ тѣхъ, именно, кто великія достиженія современности осуществлялъ, — законно было ожидать и этого достиженія — различенія, самопознанія и самоограниченія. Законность такого ожиданія всецѣло вѣдь подтверждается самообузданіемъ европейскихъ народовъ въ области максимализма соціальнаго. Почему же оно не оправдалось въ идеологіи военной?

* * *

Не сама по себѣ опасна гордыня неограниченныхъ преодолѣній, и не сама по себѣ ведетъ она къ разрушительному максимализму. Героическое сознаніе своей готовности осуществить всякую поставленную цѣль подымаетъ духъ, окрыляетъ эту способность у тѣхъ людей, круговъ, народовъ, — которые ею обладаютъ. Да и въ самомъ умѣніи преодолѣвать заключена уже и поправка на чрезмѣрность при-

тязаній, ибо это умѣніе предполагаетъ прежде всего даръ проникнуть въ суть препятствія, духовно овладѣть имъ, чтобы преодолѣть его и на дѣлѣ. Великія преодолѣнія немыслимы безъ глубокаго реализма, — иначе они и не были бы осуществлены; и потому чѣмъ выше успѣшный захватъ, тѣмъ больше гарантій, что онъ, превосходя всѣ видимыя возможности, все же не перейдетъ за черту — или будетъ къ ней возвращенъ — достижимаго объективно. Опасность возникаетъ, когда гордыня неограниченныхъ преодолѣній переходитъ отъ тѣхъ, кто ихъ осуществляетъ, къ тѣмъ, кто ихъ созерцаетъ, отъ творцовъ и героевъ къ дестинаторамъ и спутникамъ. Ибо если у героя сверхмѣрная увѣренность въ своихъ возможностяхъ выростаетъ благодаря ощущенію мощи, то у толпы она выростаетъ благодаря неощущенію препятствій. Одинъ — потому что знаетъ задачу, другой — потому что ея не знаетъ. Одинъ — потому что умѣетъ плавать, другой — потому что ему море по колѣно. Отсюда — грозная опасность гордыни преодолѣній, — при переходѣ ея отъ героевъ и творцовъ къ спутникамъ, къ публикѣ, къ толпѣ, при переходѣ отъ высококультурныхъ и испытанныхъ круговъ — къ безкультурнымъ и безопытнымъ. Въ области предметнаго и духовнаго творчества такого перехода собственно и не бываетъ, ибо тамъ зритель, спутникъ, человѣкъ безъ компетенціи, непосредственно и не участвуетъ въ дерзновеннѣйшихъ устремленіяхъ. Неспособный на полярное изслѣдованіе, прорытіе материка или построеніе теоріи квантъ за эти дѣла и не возьмется, — только и всего. Но тѣмъ легче происходитъ зараженіе гордыней дерзновенія въ области соціальной, гдѣ всѣ являются участниками дѣяній, гдѣ дерзость незамѣчающихъ препятствій легко перерастаетъ дерзновеніе сознающихъ свою силу ихъ преодолѣть, гдѣ къ тому же интересы и алканія подстегиваютъ и ослѣпляютъ въ бѣгѣ къ желанному. Вотъ почему именно здѣсь вѣра во вседостижимость, приводящая къ максимализму, становится столь убѣдительной.

Но и здѣсь еще возможны внутреннія противодѣйствія. Тѣ самые люди или слои, которые, располагая способностью къ соціальному творчеству, вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ препятствіе, и понимаютъ свойства подлежащаго претворенію матеріала, тѣмъ самымъ — оказываются способными не только себя удержать на роковой чертѣ, но и оказать противодѣйствіе тому, чтобы ее преступили другіе. Горе, когда нѣтъ внутренняго противодѣйствія. Его можетъ не быть, когда нѣтъ достаточно культурныхъ и творческихъ, а потому сознающихъ реальность, слоевъ, — такой случай мы имѣли въ Россіи, и видѣли, къ чему привелъ почти повальный максимализмъ при отсутствіи сопротивленія со стороны соціально-руководящихъ группъ. Этого сопротивленія можетъ не быть не только въ силу неумѣнія, но и благодаря нежеланію руководящихъ группъ оказывать обуздывающее вліяніе. Такой случай мы имѣли въ странахъ Антанты примѣнительно къ максимализму военному. Руководящіе, духовно-господствующіе круги не только не хотѣли воздѣйствовать въ смыслѣ его обузданія,

но, наоборотъ, въ стремленіи разжечь въ массахъ, въ народѣ пафосъ войны, страсть къ окончательной побѣдѣ, — подерживали и всячески разъяряли максималистическую духовность. На нихъ и падаетъ главная отвѣтственность за послѣдствія охватившаго массы максимализма. Силу же свою онъ получилъ благодаря тѣмъ массамъ, которыя охватилъ, благодаря ихъ вліянію въ современной государственности, другими словами — благодаря ея демократичекому строю.

III.

Много недоразумѣній происходитъ съ понятіемъ демократіи; естественно, что въ странахъ, недавно только пріобщившихся къ европейской культурѣ вниманіе сосредоточивается преимущественно или даже исключительно на наиболѣе наглядной, внѣшней сторонѣ демократической государственности, на политической оболочкѣ народнаго самоуправленія, на системѣ всеобщаго избирательнаго права, парламентаризма, республиканскаго или республикански-подобнаго строя. Впрочемъ, во время войны и со стороны Антанты значительная доля идеологіи, пропаганды самовосхваленія и полемики была построена на томъ же пониманіи демократіи; страны Антанты противопоставляла себя, въ качествѣ государствъ демократическихъ — государствамъ средне-европейской коалиціи, какъ государствамъ недемократическимъ, антидемократическимъ, отсталымъ, реакціоннымъ.

Не трудно вскрыть недоразумѣнія, заложенныя въ подобномъ взглядѣ. Не стоитъ останавливаться на томъ, что и въ Германіи имѣли примѣненіе иныя изъ упомянутыхъ учрежденій (какъ то всеобщее избирательное право въ парламентъ); что другія учрежденія, точно также находящіяся въ глубокомъ соотвѣтствіи съ идеей политическаго демократизма, являются въ Германіи — такъ сказать — туземными въ силу своеобразно сложившейся ея исторіи (какъ то федералистическій строй или исконная культура вольныхъ городовъ). Важнѣе отмѣтить, что и вообще въ томъ демократизмѣ, который характеризуетъ современную культурную государственность, — существенную роль играетъ какъ наличность опредѣленнаго культурнаго уровня и распространенность культурнаго творчества, безъ которыхъ не можетъ быть и народнаго самоуправленія обширныхъ государствъ при сложныхъ условіяхъ современности, такъ и высокая степень культурной свободы, свободы духовной работы, совѣсти, убѣжденій, каковыми Германія обладала никакъ не въ меньшей степени, нежели ея враги. Но даже и этими — формально правовой и духовно-культурной — сторонами не исчерпывается строеніе современной демократіи; быть можетъ, болѣе глубокая ея сторона заключается въ томъ, что можно бы назвать демократизмомъ соціальнымъ, трудовымъ; въ томъ, что совокупная государственная, хозяйственная, культурная жизнь страны опредѣляется самостоятельной работой, инціативнымъ строительствомъ всевозм-

ныхъ, многоразличныхъ, всяческихъ ея составныхъ частей, лицъ и группъ. Иниціатива и даже руководство отдѣльными составными процессами, совокупно составляющими народную жизнь, исходятъ не только отъ государственно и соціально руководящихъ круговъ, а изъ разныхъ угловъ народнаго цѣлаго: народъ является не подневольнымъ, въ своей цѣльности—пассивнымъ исполнителемъ, а самостоятельнымъ строителемъ; строителемъ отнюдь не въ однихъ только формахъ избирательнаго процесса, создающаго руководителей, а строителемъ самой жизненной ткани,—самихъ учрежденій, самихъ цѣнностей, самого культурнаго, хозяйственнаго, соціальнаго содержанія; — разумѣется, является строителемъ не въ полномъ своемъ составѣ, а въ разныхъ областяхъ и въ различныхъ, но не предустановленныхъ своихъ частяхъ. И еще другая черта современнаго демократизма — его индивидуалистическій моментъ: все большая общность для всѣхъ, или во всякомъ случаѣ для все большихъ круговъ, отдѣльныхъ правъ или обязанностей, впечатлѣній или дѣятельностей, возможностей или неизбѣжностей. Это относится отнюдь не къ одному избирательному праву, или ко всеобщей обязанности присяжнаго засѣдателя, или къ равенству передъ закономъ, но относится и ко всеобщему обученію, всеобщей воинской повинности; это относится въ болѣе тонкомъ и менѣе отчетливо-опредѣленномъ смыслѣ — къ всеобщему охвату уличной жизни міровыхъ городовъ, къ трамваю, не различающему классовъ и состояній, къ музею, кинематографу или парку, открытому для всѣхъ, если и не всѣми посѣщаемому и пр. и пр. Въ безчисленныхъ сплетеніяхъ проявляется и созидается демократическій строй — не только политическій, формально-правовой, но и культурно-духовный, соціальный, хозяйственный. Онъ и до сихъ поръ далеко не доосуществился даже и въ странахъ абсолютно-всеобщаго избирательнаго права; и вмѣстѣ съ тѣмъ давно уже въ различныхъ своихъ разновидностяхъ пробивался къ осуществленію въ различнѣйшихъ странахъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ исторіей, соціальными условіями и традиціями — то болѣе по однимъ, то по другимъ путямъ. Въ сущности этотъ демократизмъ совпадаетъ—или доводитъ до наибольшаго выявленія то, что называется буржуазнымъ строемъ, гражданско-государственнымъ объединеніемъ самоцѣнныхъ, свободно-подвижныхъ въ народномъ организмѣ лицъ. Безспорно, эта разновидность человѣческаго общежитія имѣетъ имманентную тягу и къ внѣшнему оформленію въ демократію политическую въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но не въ ней онъ заключается и уже во всякомъ случаѣ не ею ограничивается; и потому глубоко неосновательно измѣрять демократизмъ народа одною лишь его политической оболочкой. О большемъ и меньшемъ говорить не приходится, когда рѣчь идетъ не о количествахъ, а о категоріяхъ; но въ смыслѣ полноты и глубины осуществленія демократизма, т. е. всенароднаго отвѣтственнаго и лично-активнаго строительства жизни, строительства жизни отовсюду, а не съ ·ого властнаго верха, — можетъ подлежать серьезному вопросу, гдѣ

его было „больше" — въ странахъ Антанты или въ Германіи. И именно эта всераспространенность въ современномъ мірѣ большаго или меньшаго демократизма и была однимъ изъ основаній объема и глубины военныхъ бѣдствій и разгрома, захватившихъ болѣе широкіе слои, болѣе глубоко задѣвшихъ народную жизнь, чѣмъ это могло бы имѣть мѣсто въ какую либо иную эпоху; всеобщее участіе въ борьбѣ усилило ее и углубило всеобщую задѣтость страданіями.

Но при всемъ томъ безспорно, что чисто политическія формы демократіи и непосредственно съ ними связанныя общественныя явленія (какъ то — вліяніе общественнаго мнѣнія и т. п.) значительно полнѣе и шире развиты были въ странахъ Антанты, чѣмъ у ея враговъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ эти именно формы имѣютъ и особо важное значеніе въ томъ максималистическомъ опьяненіи, о которомъ выше была рѣчь.

* * *

Слабая сторона политической демократіи — и грозная для нея опасность — заключается въ томъ, что въ ней единство цѣлаго является функціей отъ безчисленнаго множества самодовлѣющихъ и формально независимыхъ индивидуальныхъ воль. Каждая личность влечется по *своимъ* (конечно, для большихъ множествъ болѣе или менѣе схожимъ) путямъ; и изъ этого множества самодовлѣющихъ движеній, изъ этого, такъ сказать, принципіальнаго хаоса — должно получиться единое движеніе цѣлаго, непрерывное и послѣдовательное. Этихъ опасностей нѣтъ въ тѣхъ обществахъ, чье единство и непрерывность существованія связаны съ какой либо соціальной единственностью — личной, групповой, идейной; въ непрерывности этой непрерывающейся частной, *именованной* воли, интереса, идеи — обосновано уже и непрерывное единство цѣлаго. Иныя части цѣлаго могутъ отъ этого страдать, угнетаемыя той конкретно-частной волей, которая служитъ непрерывною опорою цѣлаго, но самое цѣлое получаетъ въ ней твердость и устойчивость, а слѣд. и всѣ его части, поскольку основою ихъ существованія, даже и ущербленнаго, служитъ цѣлое. Въ политической демократіи цѣлое всегда находится подъ угрозой распада на многочисленныя самодовлѣющія индивидуальныя или частно-групповыя воли, изъ которыхъ оно строится. Поэтому для сохраненія своей устойчивости демократія неизбѣжно требуетъ сильной активной власти — чрезвычайно сильной власти. Слабой можетъ быть безъ чрезмѣрнаго ущерба для государства, для общества власть въ абсолютной монархіи, въ сословномъ государствѣ, въ теократическомъ обществѣ. Свѣтская политическая демократія погибла бы въ анархіи, въ распадѣ тамъ, гдѣ слабая власть недемократическая могла бы болѣе или менѣе спокойно справиться съ положеніемъ.

Поправками на эту структурную слабость политической демократіи могутъ явиться двѣ соціальныя и психологическія особенности. Съ одной стороны, фактическая общность интересовъ, рѣшающихъ для

обширныхъ слоевъ, даетъ опору для собиранія формально самодовлѣющихъ лицъ въ фактически объединенныя группы, однако, еще далеко не предопредѣляя ихъ устойчивости; съ другой стороны, психическая тяга демократіи къ сильной власти, точнѣе — готовность ей подчиниться, за нею слѣдовать, когда она имѣется и проявляетъ себя таковой, вытекаетъ изъ глубинныхъ основъ психологіи массоваго общенія и взаимодѣйствія.

Наивное мышленіе политически некультурнаго общества (каковымъ напр. являлось значительная часть русской, преимущественно соціалистической, интеллигенціи) думаетъ, что демократія — это такой приблизительно строй, при которомъ каждый можетъ, а въ качествѣ гражданина и обязанъ, во все вмѣшиваться. На самомъ дѣлѣ подобный строй былъ бы хаотическимъ анархизмомъ и въ него вырождается лишь подорванный въ своей жизненности народъ. Въ здоровомъ обществѣ людямъ и неохота и недосугъ во все вмѣшиваться; каждый занятъ своимъ дѣломъ, мыслью, интересомъ, развлеченіемъ, заботой, и требуетъ, чтобы съ политическими задачами справлялись, кому они эту работу довѣрили, — за собой оставляя право провѣрять, смѣщать, вмѣшиваться въ рѣшающія минуты. Интересъ гражданина въ демократіи заключается въ томъ, чтобы политическіе вожди умѣло вели государственное дѣло въ общемъ соотвѣтствіи съ его, гражданина, пожеланіями. Онъ требуетъ самостоятельной власти, согласованной съ его интересомъ. Но мало того, — чѣмъ самостоятельнѣе и сильнѣе власть, тѣмъ легче ему за ней идти и тѣмъ охотнѣе онъ это дѣлаетъ. Легче — потому что сильная власть снимаетъ съ него заботы, самостоятельно подготавливаетъ и ведетъ государственное дѣло, предоставляя ему его опредѣлять и устанавливать въ узловыхъ точкахъ, заранѣе подготовленныхъ для яснаго и простого рѣшенія (и соотвѣтственно выбирать вождей для проведенія въ жизнь принятыхъ рѣшеній). Охотно — потому что ясность воли, опредѣленность дѣйствія и въ особенности успѣхъ, внушая довѣріе и спокойствіе, подчиняютъ себѣ массы. Чѣмъ меньше загвоздокъ, поводовъ для недоумѣній, сомнѣній, колебаній и остановокъ, чѣмъ больше уже оправданнаго довѣрія у вождя, подтвердившагося умѣнія, тѣмъ спокойнѣе и охотнѣе за нимъ пойдутъ массы. Онѣ побѣгутъ за нимъ, когда онъ имъ импонируетъ рѣшимостью брать на себя отвѣтственность и умѣніемъ справляться съ нею. Наивная демагогія побуждаетъ предоставлять и рѣшеніе и отвѣтственность (точнѣе сказать — видимость рѣшенія и отвѣтственности) массамъ, — какъ, молъ, вы постановите, такъ и сдѣлаемъ. Но массы только и ждутъ, чтобы вожди за своей отвѣтственностью предложили имъ опредѣленное рѣшеніе. Демократія и то и другое предоставляетъ руководителямъ, за собой сохраняя въ основномъ — власть предоставленія и лишенія власти. Въ сильной демократіи ведутъ государственное дѣло сильные вожди, рукополагаемые на власть народомъ, ему подъотчетные. Только при этомъ условіи можетъ демократія быть сильной; но это условіе и за-

ставляетъ вождей, ведя самостоятельно государственное дѣло, непрерывно заботиться о массовомъ къ нимъ сочувствіи, о массовой санкціи. Масса не осуществляетъ государственныхъ задачъ, но она санкціонируетъ ихъ осуществленіе вождями; вожди борятся за государственное дѣло и за сочувствіе массъ. Отсюда — умѣніе снискать сочувствіе людей, способность увлекать ихъ становится одной ихъ существенныхъ особенностей демократическаго вождя; отсюда неизбѣжный склонъ и опасность демагогіи.

Политическая некультурность, усматривающая прежде всего и главнымъ образомъ внѣшнее, — во всей демократіи видитъ только ея политическую форму, а въ этой политической формѣ видитъ лишь демагогію, и ее то и примѣняетъ, думая, что тѣмъ осуществляетъ демократію. Въ этомъ, конечно, сказывается только политическое варварство; но вѣрно, что и подлинная политическая демократія непрерывно обнаруживаетъ опасность демагогіи, коренящуюся въ необходимости потребность государственнаго цѣлаго размѣнять на желанія множества входящихъ въ его составъ индивидуальностей. Въ мирное, нормально протекающее время, — въ этомъ можетъ еще и не заключаться сугубыхъ трудностей. Государственная задача можетъ временно приблизительно совпадать съ интересами, симпатіями, убѣжденіями опредѣленныхъ круговъ, на которые власть и можетъ опираться; во всякомъ случаѣ трудности могутъ здѣсь проявляться не слишкомъ наглядно. Въ особо напряженныя времена, напр. въ эпоху великой войны, обостряется и самая трудность и во всякомъ случаѣ проявляется какъ въ увеличительномъ стеклѣ.

Государственная необходимость идетъ въ разрѣзъ съ личнымъ интересомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше лицъ ввергается въ непосредственныя опасности и бѣдствія войны. Поэтому всенародный характеръ послѣдней войны особенно рѣзко противопоставилъ государственную необходимость и личный интересъ. Между тѣмъ осуществляется государственная задача совокупностью частныхъ воль. Частью, конечно, этому содѣйствуетъ уже одно выявленіе этой задачи передъ цѣнящими ее и готовыми на жертвы ради нея людьми; но только частью, — ибо сознаніе коллективнаго запроса подлежитъ истолкованію и перетолковыванію, возгорается и блекнетъ, — личная же заинтересованность и переживаніе есть фактъ непрерывно дѣйствующій, элементарный, неустранимо навязчивый, — стихійный. И потому необходимымъ становится путемъ транспонировки коллективнаго интереса въ личный — вызвать въ личности на поддержку интереса коллектива тоже силы стихійныя, но индивидуальныя, — первичные аффекты, массово-повторную индивидуальную стихію, какъ пружину для осуществленія общегосударственнаго единаго движенія. Отсюда — разжиганіе страстей, ненависти, презрѣнія къ врагу, взвинчиваніе непримиримо враждебныхъ чувствъ, направленныхъ на его уничтоженіе, разъяреніе атавистическихъ инстинктовъ; отсюда задача ослѣпить и сбить съ толку неумѣющія самостоятельно мыслить толпы, взвинтить

упоеніе собою, собственной правотой, святостью преслѣдуемой задачи, непогрѣшимостью избираемыхъ путей; обольстить величіемъ подлежащихъ достиженію цѣлей, ихъ запредѣльностью, ихъ завершающей выгодностью и неотмѣнимой благостью, — отсюда, словомъ, культура обольщенія и лжи военной эпохи. Я не хочу сказать, чтобы господство политической демократіи приводило къ ней; я только утверждаю, что задача вести народъ въ формахъ политической демократіи, — т. е. обосновывая единую коллективную цѣль множествомъ индивидуальныхъ воль, — къ осуществленію государственной цѣли, рѣзко нарушающей индивидуальные интересы, создаетъ тягу и соблазнъ къ подобной культурѣ лжи и обольщенія, которая бы облегчала эти массово-повторныя индивидуальныя воли сдѣлать орудіемъ единой государственной задачи. Ловкіе и умѣлые вожди и осуществили дѣло всенародной духовной отравы, чтобы въ потокѣ безчисленныхъ индивидуальныхъ устремленій найти дѣйственную силу для желательной имъ работы государственнаго механизма.

Отсюда проистекаютъ двоякаго рода послѣдствія. Воздѣйствіе на одну волю или на небольшое ихъ число можно дозировать; ее можно опредѣлять по содержанію, и качественно и количественно, можно въ опредѣленную минуту удержать или отклонить на новый путь сообразно новымъ необходимостямъ, — по крайней мѣрѣ пытаться это сдѣлать. Съ множествомъ воль, съ десятками тысячъ ихъ, съ милліонами — этого сдѣлать нельзя; съ ними нельзя столковываться объ опредѣленныхъ предѣлахъ, ихъ можно только общимъ образомъ толкать, разогнать по желанному пути. И когда волѣ поставлена столь тяжелая задача, приходится разгонять безъ предѣла, безъ оговорокъ, безъ ограниченій — разгонять во всю къ искомой цѣли. Движеніе цѣлаго проводится массовымъ движеніемъ единицъ; но массовое движеніе единицъ обезпечено лишь когда стало движеніемъ стихійнымъ, — такъ, массовая стихія становится двигателемъ организованнаго цѣлаго.

Стихію надо разогнать, чтобы привести въ движеніе; но разогнавъ, немыслимо остановить или управлять ею по желанію. Ибо стихію можно вызвать, мыслимо даже дать ей направленіе, но немыслимо ею руководить. И потому, когда задача государственнаго цѣлаго потребуетъ пріостановки или поворота, соглашенія или перестройки, — разогнанная стихія будетъ продолжать свое давленіе по прежнему пути. Вожди государства, можетъ быть, и захотѣли бы и могли найти средства заблаговременнаго заключенія мира, или — по заключеніи мира — цѣлесообразнаго, согласительнаго его оформленія; но это уже стало невозможно при томъ стихійномъ давленіи, которое они сами вызвали и которое было необходимой для нихъ опорой и орудіемъ ихъ государственнаго водительства. Развязанную стихію только исподволь возможно обуздать, а пока что она продолжаетъ производить свое разрушительное дѣйствіе, для котораго и была создана, — тѣмъ опредѣляя разрушительность и послѣ-военной политики.

По содержанію — разогнать стихію возможно было лишь путемъ обольщенія, искаженія, ослѣпленія, т. е. помощью такой культуры лжи, какой міръ, кажется, никогда не видывалъ; и безспорно важнѣйшей задачей современности является очищеніе духовной атмосферы отъ напущеннаго въ военное время смрада. Цѣль эмоціональнаго разгона требуетъ, чтобы ставимыя обществу задачи были представлены въ наиболѣе привлекательномъ, наиболѣе соблазнительномъ, возвеличенномъ видѣ. Разгоняя массу въ опредѣленномъ направленіи только и можно, что намѣчать направленіе, а не имѣющую быть достигнутой точку пути; направленіе же обозначается всего нагляднѣе и опредѣленнѣе нѣкоторой предѣльной свѣтящейся точкой, — поставленіемъ отдаленнаго маяка, который бы манилъ къ себѣ, недостижимо и неподвижно. Достигнуть его невозможно, излишне или даже и зловредно; но путь онъ непрерывно указываетъ, потому что неподвиженъ, и разгону содѣйствуетъ, потому что недостижимъ. И другое: крайняя точка должна быть мысленно изукрашена всѣми соблазнами обѣщаній и обольщеній, сверхъ мѣры оплачивающихъ въ воображеніи тяжкія жертвы дѣйствительнаго пути. И вотъ разрисовывается въ завершеніе побѣдоносной войны — и вѣчный миръ, и оплата врагомъ всѣхъ убытковъ и проторей, и воцареніе справедливости, и закрѣпленіе могущества и торжество надъ поверженнымъ врагомъ. Въ стихійномъ разгонѣ эмоціональнаго вовлеченія, — какъ эмоція нагнетается до наивысшаго напряженія, такъ и содержаніе — до наибольшаго соблазна.

Максимализація цѣлей опредѣляется самымъ механизмомъ осуществленія единой государственной задачи силою массоваго множества индивидуальныхъ воль. Такъ велась въ послѣдніе полъ вѣка агитація соціализма, такъ же велась и агитація великой войны.

Вдобавокъ надо уяснить себѣ, что всякой массовой агитаціи на потребителя неотъемлемо присуща черта упрощенной приблизительности. Въ процессѣ массоваго духовнаго потребленія нѣтъ мѣста для точно взвѣшенныхъ обѣщаній и четко очерченныхъ понятій. Здѣсь приходится удовлетворяться увлекательными, но мало расчлененными представленіями, раскрывать заманчивыя, но туманныя перспективы. Въ подобной туманной нерасчлененности и происходитъ массовый разбѣгъ къ далекой, смутно маячащей соблазнительной цѣли. Замѣчательнымъ и полнымъ воплощеніемъ подобной вульгарной максимализаціи была проповѣдь Вильсона; и въ этомъ и заключался существенный элементъ ея мірового успѣха. Полная неопредѣленность по содержанію, вдобавокъ еще уложенная въ рядъ пунктовъ, придававшихъ ему видимость черезвычайной дѣловитости, и заманчивость всеразрѣшающихъ обѣщаній — въ такой же мѣрѣ обезпечила за нимъ мгновенную славу, какъ и окончательный провалъ. На путь вульгаризаціи здѣсь сталъ (не нарочно, а потому что это и былъ его путь) вождь и руководитель народа, ученый государствовѣдъ. Ясно, куда ведетъ этотъ склонъ, когда — подъ прикрытіемъ государственныхъ

людей и профессоровъ — на него вступаетъ вся профессіональная *толпа руководителей* современнаго общества, политиковъ, журналистовъ, агитаторовъ, проповѣдниковъ, малограмотныхъ писателей, невѣжественныхъ популяризаторовъ, необученныхъ учителей. Въ томъ неизбѣжномъ для демократическаго общества явленіи, что сами руководители составляютъ толпу, что и пастухи являются стадомъ, — лежитъ уже сама по себѣ великая опасность оплощенія; она усугубляется въ тѣ моменты, когда съ данной проповѣдью связываются могущественные государственные интересы и народныя страсти; она грозитъ стать роковой, когда безсознательно злостнымъ или убѣжденно-ослѣпленнымъ пустословіемъ оно ростить пустомысліе, ширитъ ослѣпленіе. Подобный пароксизмъ бываетъ не часто; горе поколѣнію, его переживающему. Война дала намъ незабываемый примѣръ.

Неизбѣжная особенность строенія современнаго общества еще закрѣпляетъ вульгаризированный максимализмъ массовой проповѣди. Во всѣхъ обществахъ различные слои одновременно находятся на разныхъ ступеняхъ культурнаго роста; но благодаря непреодолимой силѣ напряженнаго взаимнаго общенія современности — путемъ безчисленныхъ соціальныхъ передвиженій и соприкосновеній — образуется своеобразная смѣшанно-культурная, полу-культурная среда; отъ непосредственности превзойденныхъ міросозерцаній здѣсь осталась одна наивность, отъ сознательности міросозерцаній позднихъ, духовными усиліями вырабатываемыхъ, пріобрѣтена лишь разсудочность. Это точка зрѣнія разсудочной наивности. Стоитъ, молъ, понять, захотѣть и рѣшить, чтобы и исполнить задуманное. Героическое ощущеніе всепреодолѣваемости высшихъ культурныхъ слоевъ находитъ подкрѣпленіе и завершеніе въ наивной разсудочности культурно низшихъ. Когда то въ ирраціональномъ представленіи божественнаго промысла, неисповѣдимости господнихъ путей — заложено было въ иносказаніи пониманіе самобытийнаго существа, неподчиняемости разсудочному рѣшенію общественно-человѣческой жизни. Позже тотъ же выводъ о несводимости къ сознательнымъ подсчетамъ и рѣшеніямъ будетъ сдѣланъ познающимъ разумомъ, для котораго прозрачнымъ станетъ самодовлѣніе и самобытийность духовно-общественнаго матеріала. Но для вульгарнаго пониманія, уже извѣрившагося въ неисповѣдимость божественнаго промысла, и еще не проникшаго въ объективно-сущія сцѣпленія человѣческой жизненности, совершенно непобѣдимой представляется мысль о легкости устроенія сообразно сознательному желанію; если жизнь такъ еще не устроена, то только потому, что мы не догадались, и кто то мѣшаетъ — самодержецъ, буржуазія, имперіализмъ, Германія. Вульгарная идеологія военнаго времени въ этомъ смыслѣ имѣетъ полную параллель въ вульгарной идеологіи соціализма, какъ она отражается въ полукультурныхъ, полуинтеллигентскихъ слояхъ. Упрощенная формула и гласитъ: устранить („долой") и устроить („да здравствуетъ"). Устранить врага — буржуазію, Германію; устроить — обѣтованное: всеобщее матеріальное благополучіе, вѣчный

миръ. Орудіемъ ожидаемой всеисчерпывающей благости становится всепожирающая ненависть; всѣ силы зла направляются на препятствіе, чтобы съ его устраненіемъ тѣмъ самымъ оказалось достигнутымъ предѣльное благоденствіе. Такъ, высшее благо своей непосредственной достижимостью оправдываетъ въ вульгарномъ сознаніи примѣненіе злѣйшаго зла.

Мы видѣли — и до сихъ поръ еще видимъ — продолжающееся осуществленіе этой діалектики въ безподобной разрушительности военнаго максимализма; мы ее видѣли и въ соціальномъ максимализмѣ русскаго саморазгрома. Отчасти одинаковое дѣйствіе проявилось въ этихъ разныхъ областяхъ благодаря одинаковости дѣйствовавшихъ въ нихъ пружинъ. Но отчасти разгромъ, произведенный вторымъ максимализмомъ, былъ пріуготовленъ первымъ.

Слишкомъ легко подготовленная военной идеологіей и проповѣдью психологія ни передъ чѣмъ не останавливающагося разгрома во имя немедленно достижимыхъ обѣтованій была перенесена на соціальную сферу; не найдя въ Россіи, въ силу ея своеобразныхъ условій, ни сопротивленія, ни устойчивости, она и дала разительные всходы. Конечно, рѣшающими здѣсь были условія мѣстныя, предпосылки, заложенныя въ народно-государственной средѣ, въ историческомъ сплетеніи обстоятельствъ. Но не малое значеніе среди нихъ имѣло и всенародное воспитаніе къ максимализму, произведенное военной идеологіей въ условіяхъ политическаго демократизма; военный максимализмъ, вскормившій максимализмъ національный (помощью идеи самоопредѣленія), существенно посодѣйствовалъ и максимализму соціальному. Пацифизмъ выростилъ большевизмъ. Вильсонъ былъ предтечей Ленина.

Будемъ думать, что Европа преодолѣетъ свое глубокое паденіе, будемъ содѣйствовать этому осознаніемъ и тѣмъ самымъ обезвреживаніемъ отравившаго ее яда. Больше всякаго другого строя нуждается демократія въ сильной власти, какъ поправкѣ къ своей организаціонной шаткости; больше всѣхъ другихъ нуждается она также и въ непреклонно-правдивомъ, отвѣтственно честномъ мышленіи, какъ поправкѣ на вѣчно подстрекающую ее демагогію.

Григорій Ландау.

„Внутренняя пѣснь“ души.

(Изъ области мистики)

Посвящается моей женѣ.

I.

Мистики часто говорятъ о „молчанiи души“. То, что ощущается, что переживается въ минуту просвѣтлѣнiя и подъема, неизъяснимо, оно превосходитъ самую силу воспрiятiя, оно не передаваемо ни въ образахъ, ни въ словахъ, ни въ мысляхъ. „О, какъ бѣдно мое слово и какъ слабо оно сравнительно съ образомъ, который въ моей душѣ! и какъ самый этотъ образъ, въ сравненiи съ тѣмъ, что я видѣлъ, таковъ, что недостаточно назвать его ничтожнымъ!“ — такъ восклицаетъ, напр., Данте, вспоминая то Неизъяснимое, что онъ созерцалъ и пережилъ.[1])

Ибо То безмѣрно, несравнимо, и душѣ, прикоснувшейся къ сему, погрузившейся въ эту безмѣрность, остается только въ смятенiи и трепетѣ изумляться вмѣстѣ съ Екатериной Генуэзской: „О дивная вещь, о которой не повѣдаешь ни словами, ни знаками, ни образами, ни вздохами, ни криками, ни какимъ либо инымъ путемъ! Поэтому скажу лишь, что мнѣ представляется, будто я заключена въ темницѣ и осаждена со всѣхъ сторонъ, и не могу вымолвить даже ни малѣйшей частички! О бѣдный языкъ, что не находишь словъ; о, бѣдный разумъ, ты побѣжденъ; о воля, какъ ты успокоилась, ужъ ничего другого ты не хочешь, ибо ты погружена въ полноту удовлетворенiя; о память, переполненная, безъ занятiй и безъ вниманiя! Всѣ чувства совершенно уже потеряли свою обычную дѣятельность, и остаются заключенными и подавленными (affocati) въ этомъ пламени божественной любви, съ такимъ преизбыткомъ и внутренней радостью, что кажется, что они уже сдѣлались блаженными и уже достигли желанной цѣли!“...[2])

Предъ лицомъ этой Невыразимости замираютъ всѣ человѣческiя чувства и мысли, смолкаетъ всякое слово. Душа погружается въ радостное безмолвiе, въ напряженное молчаливое созерцанiе, въ со-

---

[1]) Dante. Paradiso, XXXIII, 121-123.

[2]) Vita mirabile e dottrina santa della *B. Caterina da Genova*, Fiesca Adorna. (Genova. 1681) c. XXI-4.

средоточенное ощущеніе своего единства, своего объединенія съ Тѣмъ, Преизбыточествующимъ, Исконнымъ и Конечнымъ. Объ этомъ знаетъ уже Плотинъ: не слѣдуетъ душѣ суетиться и хлопотать, но „пребывать въ спокойствіи“ (ἡσυχῇ μένειν), покуда не возсіяетъ тотъ внутренній Свѣтъ.[1]) О томъ, что она пережила, она говоритъ лишь позднѣе, и „говоритъ молча“ (ὕστερον λέγει, καὶ σιωπῶσα δὲ λέγει)[2]). И древній христіанскій мистикъ Діадохъ, епископъ Фотики (5-го в.) пишетъ: „Гдѣ избытокъ, тамъ не слѣдуетъ говорить. Тогда душа, опьяненная божественною любовію, стремится въ молчаніи наслаждаться славою Господа“.[3]) О молчаніи души, объ „умной“ безмолвной молитвѣ много учили древніе отцы и подвижники, безмолвники Востока, особенно же такъ называемые исихасты. „О, безмолвіе и молчаніе!“ — восторженно восклицаетъ одна изъ такихъ подвижницъ, блаж. Θеодора[4]). Индусскій мистикъ и поэтъ 15—16 в. Кабиръ такъ говоритъ о высшей цѣли устремленія души: „Познавая Сіе, невѣжда становится мудрымъ, а мудрецъ становится молчаливымъ и безмолвнымъ . . .“[5]) У Таулера читаемъ о внутреннемъ духовномъ рожденіи Слова въ душѣ человѣка: „Посему ты долженъ молчать — тогда Слово сможетъ въ тебѣ говорить и быть въ тебѣ услышаннымъ; но поистинѣ, ежели ты хочешь говорить, то Онъ долженъ молчать. Нельзя лучше служить Слову, какъ молчаніемъ и вниманіемъ Ему“...[6]) И еще: душа должна „содѣлать въ себѣ мѣсто отдохновенія и тишины, и замкнуться въ себѣ, и спрятаться, и сокрыться въ духѣ отъ всякой чувственности... и содѣлать въ себѣ молчаніе и внутренній покой. Если Богъ долженъ говорить, то ты долженъ молчать; если Богъ долженъ взойти внутрь, то всѣ вещи должны выйти“.[7]) „Среди ночи, когда молчали всѣ вещи, въ глубокой тишинѣ было сказано мнѣ сокровенное слово“, говоритъ и Мейстеръ Экхартъ. „Оно пришло, крадучись, какъ воръ . . .“ Оно рождается „въ самой основѣ“ души,

---

[1] Enn. V. l. 5, c. 8.

[2]) Enn. VI, l. VII, c. 34. Дальнѣйшія мѣста приведены у *Odo Casel,* De philosophorum graecorum silentio mystico, 1919, стр 115—116.

[3]) Ὅπου πλοῦτος, οὐ συγχωρεῖ τὸ λέγειν. Μεθύουσα γὰρ τότε ψυχὴ τῇ ἀγάπῃ τοῦ θεοῦ σιγώσῃ φωνῇ θέλει κατὰ τρυφᾶν τῆς δόξης τοῦ κυρίου (Ed. Weis — Liebersdorf 1912 p. 10; *Migne* — Patrologia graeca, t. 65, col. 1169 D.).

[4]) См. об. этомъ „Митерикъ“ монаха Исаіи, 10-го вѣка — выдержки у *еп. Порфирія Успенскаго.* Востокъ христіанскій. Исторія Аθона. Часть III. Аθонъ монашескій. Кіевъ 1877, стр. 139—140. Объ экстатическомъ „молчаніи“ духа у Исаака Сирина и у Максима Исповѣдника, см. напр. *П, Мининъ.* Главныя направленія древне-церковной мистики. 1916, стр. 76—77, 82—3. Срв. напр. и другого древняго отца, *Іоанна Кассіана* (Coll. IX. 25— *Migne,* Patrol. graeca t. 49, 801), и вообще многочисленные примѣры въ *„Добротолюбіи“* (русск. перев. еп. Θеофана).

[5]) One hundred poems of *Kabir,* translated by Rabindranath Tagore... 1915, стр. 22.

[6]) Die Predigten *Taulers,* hrsggb. von Ferd. Vetter (Deutsche Texte des Mittelalters, Bd. XI, 1910) I, стр. 10.

[7]) Ibid. стр. 11.

гдѣ — „глубокое молчаніе, ибо туда не проникаетъ ни одна тварь или образъ, ни одно дѣйствіе или познаніе не достигаетъ тамъ души . . . Только здѣсь, въ глубокомъ молчаніи — покой и обитель для сего рожденія, для того, чтобы Богъ Отецъ изрекъ здѣсь свое Слово“ [1]). „Здѣсь умолкаютъ чувства и всѣ силы, и они бываютъ насыщены и успокоены“, восклицаетъ Рэйсбрукъ: „Ибо родникъ божественной благости и изобилія все затопилъ . . .“ [2]) Раймундъ Люллій повѣствуетъ о долгомъ томленіи Друга, т. е. человѣческой души, по Возлюбленномъ, о долгихъ и мучительныхъ путяхъ исканія; наконецъ, встрѣтились они другъ съ другомъ — Любящій и Возлюбленный . . . и Любящій въ присутствіи Возлюбленнаго своего лишился рѣчи — „et Amicus in conspectu Amati passus est loquelae defectum“ [3]). Такъ для французской созерцательницы 17-го вѣка M-me Chantal молитва есть „безмолвное дыханіе любви въ непосредственномъ присутствіи Бога“, и этотъ образъ въ безчисленныхъ повтореніяхъ встрѣчаемъ все снова и снова въ квіэтистической мистикѣ 16-го и 17-го вв.[4]). Для M-me Guyon душа, напоněmая благодатью, подобна грудному младенцу, что безмолвно припалъ къ груди матери [5]).

„О, молчаливая любовь, которая не хочетъ говорить, чтобы не быть узнанной!“ (O amore muto — che non voi parlare — che non sie conosciuto) — поетъ въ концѣ 13-го вѣка Якопоне да Тоди [6]) Вмѣсто „не *хочетъ* говорить“ можно было бы сказать: „не *можетъ* говорить“, ибо душа совершенно подавлена, затоплена величіемъ, избыткомъ того, что ей открылось; „Онъ сдѣлалъ нѣмымъ меня, который былъ передъ тѣмъ говорливымъ — *въ столь великую бездну погру-*

---

[1]) *Мейстеръ Экхартъ.* „О вѣчномъ рожденіи“ (цитирую въ русск. перев. М. В. Сабашниковой).

[2]) *Ruysbroeck.* Livre des sept clôtures.

[3]) *Raimundus Lullius.* Blanquernae Aphorismi 365 de Amico et Amato, aph. CXXI. Срв. aph. XXVIII. „Obviaverunt sibi invicem Amatus et Amicus: dixitque Amatus: Non est opus ut mihi loqueris . . .“ (цитирую по амстердамскому изданію 1711 г.).

[4]) см. *Heiler.* Das Gebet, 1918 стр. 240; *Heppe. H.* Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche, 1875, стр. 47; *François de Sales.* Traité de l'amour de Dieu, VI-1, цитировано у Heiler'а.

Вообще идея „безмолвной молитвы“ и представленіе о высокомъ религіозномъ и культовомъ значеніи молчанія встрѣчается весьма часто въ различныхъ религіяхъ, такъ уже въ древнемъ Египтѣ и древней Греціи. См. объ этомъ напр. Heiler, l. c. стр. 239, 240, 411 (тамъ же и рядъ ссылокъ) R. Otto, Das Heilige, 1917, стр. 71—72, *G. Schmidt.* Veteres philosophi quo modo iudicaverint de precibus, 1908, стр. 66 сл. *I. Kroll.* Die Lehren des Hermes Trismegistos, 1914, 329—330, 334—338, 355; *Odo Casel.* De philosophorum graecorum silentio mystico. 1919.

[5]) *Mme de la Mothe Guyon.* Moyen court et très-facile de faire oraison, ch. XII; срв. ch. XIV и XXIV (Opuscules spirituels, Paris 1790. Tome. I, стр. 35 — 36, 38 сл. 71)

[6]) *Jacopone da Todi.* Lauda LXXVII: „De l'amor muto“ (по изданію J. d T. въ серіи Scrittori d'Jtalia, 1915.)

зилось мое сердце, что я не нахожу себѣ слушателя, съ которымъ я могъ бы о томъ говорить!“[1])

Неудивительно: ибо человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы уничтоженнымъ (l'omo è anichilato)[2]), онъ „погрузился въ безмѣрную бездну“ — во всепревосходящую бездну Божества, и само Божество ощущается какъ великое Молчаніе,[3]) безбрежный покой, въ которомъ успокоилось мятущееся сердце. „Душѣ кажется, пишетъ Екатерина Генуэзская, „что *она погружена въ море глубочайшаго мира*, („essere sommersa in un mare di altissima pace“), изъ котораго она уже не выходитъ, что бы съ ней ни случилось въ этой жизни“.[4]) „Блаженна душа, которой удалось чрезъ мятущійся океанъ“ — такъ слышится голосъ Божій Екатеринѣ Сіенской, — „достичь Меня, Тихаго, *Безбурнаго моря*“, („trapassare dal Mare tempestoso a Me, Mare pacifico“) и наполнить въ немъ сосудъ своего сердца“[5]). Mare di altissima pace, Mare pacifico! „Это есть то темное Молчаніе, въ которомъ всѣ любящіе потерялись“.[6])

II.

Но для христіанскихъ мистиковъ это не есть мертвенный покой на лонѣ холоднаго безразличія, и эта Реальность не есть безстрастно-молчаливая абстракція, Сверхъ-бытіе неоплатонической системы или великое безразличное и безличное Все индусскихъ Упанишадъ. Она ощущается какъ Жизнь, какъ избытокъ Жизни, какъ безмѣрная Любовь, будящая и нашу любовь и устремленіе. Великій Покой есть вмѣстѣ съ тѣмъ и великая Жизнь. И въ связи съ этимъ — несмотря на то, что самый актъ мистическаго прикосновенія происходитъ въ глубокомъ „безмолвіи“, и несмотря на безсиліе словъ и понятій даже потомъ, позднѣе передать хоть часть того, что пережито душою, — по той странной антиноміи, которая управляетъ жизнью духа, любовь, охватившая душу, становится иногда столь безмѣрной, столь преизбыточествующей, что душа уже не можетъ оставаться только пассивной, только воспринимающей, не можетъ оставаться „безмолвной“. Она чувствуетъ себя охваченной, приподнятой этимъ подъемомъ, затопленной набѣгающими волнами Жизни, и она не можетъ не отвѣчать имъ, и начинаетъ внутренно пѣть и ликовать; впрочемъ, вѣрнѣе

---

[1]) *Jacopone da Todi*. Lauda. LXXV-4.

[2]) Lauda LXXIII, срв. XCI.

[3]) Такъ уже въ древней Индіи (напр. Chândogya — Upanishad III, $14_{2,4}$. *Deussen*. Geheimlehre des Veda, 1919, стр. 75; срв. далѣе *Oldenberg* Die Lehre der Upanishaden und die Anfänge des Buddismus, 1915, стр. 133), у гностиковъ (βύθος, σιγή у Валентина — Iren. adv, haer. I, 11, 5), у *Діонисія Ареопагита* („сверхсіяющій мракъ божественнаго молчанія“ — ὑπέρφωθον γνόφον σιγῆς. De mystica theologia c. I; срв. c. 3) и т. д.

[4]) *Caterina da Genova*, Vitta e dottrina, XVIII-5.

[5]) *Caterina da Sienna*, Dialogo, c. 89.

[6]) *Ruysbroeck*. L'Ornement des noces spirituelles, l. III, ch. 6.

поетъ не она, а поетъ въ ней та же любовь, всецѣло захватившая ее, поютъ въ ней эти волны вѣчной Жизни, Жизни любви, которыя залили ее до основанія. Такъ рисуютъ намъ мистики это состояніе. Это то, что они называютъ „внутренней пѣсней души“, безъ словъ, безъ образовъ, безъ звуковъ, „la musica callada“ — безмолвная музыка, по выраженію Juan'a de la Cruz[1]), прибой внутреннихъ волнъ,[2]) *пѣснь Бога въ душѣ*,[3]) согласно Мехтильдѣ Магдебургской. „Пѣсней я называю“, говоритъ Rich. Rolle, англійскій мистикъ 14 в., „когда избыточествующей душой воспринимается пламенѣющая сладость вѣчной любви, и мысль претворяется въ пѣсню, и весь умъ измѣненъ въ сладчайшіе звуки“.[4]) Rolle такъ описываетъ нѣкоторыя высшія переживанія душъ, истинно любящихъ Іисуса: „они внутренно пламенѣютъ, и всѣ внутреннія части ихъ духа ликуютъ въ радостномъ блистаніи, залитыя свѣтомъ. И они чувствуютъ себя охваченными радостью торжествующей любви, чувствуютъ, какъ сердце ихъ растопляется въ пѣсенномъ веселіи... Но благодать эта не всегда и не всѣмъ дается, а лишь наиболѣе святымъ изъ святыхъ душъ, въ которыхъ сіяетъ совершенство любви и зарождаются, вдохновленныя Христомъ, пѣсни любви и восторга; такимъ образомъ, словно превращенныя въ свирѣль или флейту, на которыхъ играетъ любовь, эти души радостно и неизъяснимо прекрасно звучатъ предъ лицомъ Бога“ ...[5]). „Сердце и сила желанія“, такъ пишетъ Рэйсбрукъ, „возносятся къ свѣту“, который Богъ открываетъ душѣ, „и во встрѣчѣ съ нимъ радость и услада такова, что сердце не можетъ ихъ вынести, но разрѣшается въ крикахъ счастья, и это называется *ликовать* или *ликованіемъ*, и это — радость, которую нельзя объяснить словами. И невозможно удержаться, если захочешь, съ сердцемъ вознесеннымъ и широко открытымъ пойти навстрѣчу этому свѣту; необходимо, чтобы голосъ сопутствовалъ, пока продолжается это движеніе и свѣтъ“ [6]). „О оставьте меня сидѣть въ одиночествѣ — безмолвной для міра и для себя самой, чтобы я могла выучиться этой пѣснѣ Любви!“ восклицаетъ Гертруда Муръ (англійская созерцательница 17-го вѣка.[7]) И индусскій мистикъ Кабиръ знаетъ объ этой внутренней музыкѣ: „внутри этого земного сосуда звучитъ музыка Вѣчнаго, и расцвѣтаетъ весна“ ...[8]) „Никто не умѣетъ мнѣ сказать про ту птичку, что поетъ

---

[1]) Cantico espiritual („Духовной пѣсни“) — *Juan de la Cruz*. Obros. Toledo 1912, II 245.

[2]) Offenbarungen der Schwester *Mechthild von Magdeburg* oder das fliessende Licht der Gottheit... (hrsg. von P. Gall Morel, 1869) кн. VII, гл. 45.

[3]) ibid. кн. II гл. 6.

[4]) *Richard Rolle* „The fire of Love“ 1896, изд. Early English Text Society bk. I, ch. XV.

[5]) Ibid. bk. II ch. VII.

[6]) *Рэйсбрукъ*. Одѣяніе духовнаго брака, кн. II гл. 24; срв. его же „Книга двѣнадцати бегинокъ“, гл. 12 и „Книга семи ступеней любви“ (послѣдняя цитата у *E. Underhill* Ruysbroeck, 1914, стр. 84).

[7]) „Spiritual Exercises“, стр. 30 (приведено у E. Underhill, Mysticism, 1914 г., стр. 92).

[8]) One Hundred poems of *Kabir*... VIII.

внутри меня... Она сидитъ подъ сѣнью любви, она пребываетъ въ Недосягаемомъ, Безконечномъ и Вѣчномъ, и никто не знаетъ, когда она приходитъ и когда уходитъ“.[1])

Иногда это „внутреннее пѣніе“ до извѣстной степени объективируется, принимаетъ болѣе ощутительное выраженіе. Иногда мистикамъ кажется, что внутри нхъ звучитъ нѣкая опредѣленная пѣсня, опредѣленная мелодія, необычайной сладости и силы. Такъ сестрѣ Heilwig средневѣковаго нѣмецкаго монастыря Kirchberg (около Sulz въ Южной Германіи) „Богъ даровалъ благодать, что она часто слышала, какъ изъ ея сердца звучала сладчайшая пѣсня, какую только когда либо слыхали, и иногда эта пѣсня звучала такъ громко, что она была въ большомъ безпокойствѣ, какъ бы не услыхали это тѣ, что были вокругъ нея“.[2]) Ричардъ Ролль такъ разсказываетъ о своемъ переходѣ отъ перваго состоянія „горящей любви“ (burning love) ко второму состоянію — „пѣсенной любви“ (songful love): „къ ночи, передъ ужиномъ, когда я пѣлъ мои псалмы, то мнѣ почудился вокругъ меня звукъ какъ бы отъ читающихъ или поющихъ. И далѣе въ то время, какъ я со всей силою своего устремленія молился къ небу, внезапно — какимъ образомъ я не знаю — ощутилъ я въ себѣ звукъ пѣсни... Поистинѣ, моя мысль постепенно претворялась въ радость пѣсни“...[3]) Но эта духовная, внутренняя мелодія — sweet ghostly song — мало имѣетъ общаго съ внѣшней, земной музыкой, „какая употребляется въ церквахъ и въ иныхъ мѣстахъ“. Она непередаваема другимъ. „Мірскіе любовники (worldly lovers) поистинѣ могутъ знать слова и выраженія нашей пѣсни, ибо слова они читаютъ: но мелодію и сладость этой пѣсни они ощутить не могутъ“.[4])

Это переживаніе души — ощущеніе внутренней мелодіи, которое описываетъ англійскій мистикъ, особенную роль играло въ духовной жизни великаго германскаго мистика и поэта (также 14 вѣка) Heinrich'a Seuse. Въ своей автобіографіи онъ очень много говоритъ объ этомъ внутреннемъ пѣніи. „Однажды рано утромъ сидѣлъ онъ (Seuse разсказываетъ про себя въ третьемъ лицѣ) въ тишинѣ и покоѣ, тутъ услыхалъ онъ, какъ что то внутри его звучало столь сердечно-сладостно, что все сердце его всколыхнулось (do hort er neiswaz in siner innewendekeit als herzklich erklingen, daz alles sin herz bewegt war), и этотъ голосъ пѣлъ съ прозрачнымъ и сладостнымъ звучаніемъ, въ то время, какъ всходила утреняя звѣзда, и пѣлъ онъ слѣдующія слова: „Stella Maria maris hodie processit ad ortum — звѣзда моря Марія грядетъ сегодня къ восходу“. Это пѣніе звучало въ немъ съ такой сверхестественной сладостью, что всѣ чувства его вышли изъ

---

1) Ibid. XXX.

2) Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg bei Sulz... hrsg. von F. W. E. Roth, *Alemannia*, XXI (Bonn, 1893), стр. 131

3) *Rich. Rolle* l. c, bk. I c. 16.

4) Ibid. bk. II caps. III, XII.

себя и вмѣстѣ съ нимъ радостно пѣли . . . Тутъ онъ испыталъ неизреченное объятіе (do ward im ein unsaglicher umbvang), и было ему въ немъ сказано слѣдующее: „чѣмъ любовнѣе ты обнимаешь Меня (so du mich ie minneklicher umbvahest) и чѣмъ безплотнѣе цѣлуешь, тѣмъ любовнѣе и сладостнѣе будешь ты обнятъ Мною въ Моей вѣчной свѣтлости“. И тутъ открылись у него глаза, слезы полились у него по лицу, и онъ привѣтствовалъ восходящую утреннюю звѣзду согласно своему обыкновенію“ [1]).

Иногда—у Seuse это особенно часто — эта внутренняя мелодія души объективируется еще больше, такъ сказать выносится, проецируется во внѣ — въ ощущеніи ангельской, небесной музыки. Такъ въ другой разъ, — разсказываетъ про себя Seuse, — „въ ночь на чистый понедѣльникъ принялся онъ за свое молитвословіе въ ожиданіи, пока ночной сторожъ не протрубитъ приближеніе разсвѣта. И подумалъ онъ про себя: „посиди немного прежде, чѣмъ встрѣтишь свѣтлую утреннюю звѣзду“. И какъ только чувства его пришли немного въ успокоеніе,—вдругъ небесные юноши запѣли громкимъ голосомъ этотъ чудный антифонъ: „Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме!“ и это такъ безмѣрно сладостно звучало въ его душѣ. Едва они пропѣли немного, какъ душа до такой степени переполнилась небесныхъ звуковъ, что больное тѣло его не смогло выдержать, и глаза его открылись, и сердце его излилось отъ избытка чувства и полились горячія слезы“ [2]). И еще: „Въ ночь св. Ангеловъ было ему, словно онъ слышитъ ангельское пѣніе и сладостные небесные звуки. Отъ этого стало ему такъ хорошо, что онъ забылъ о своемъ страданіи. И одинъ изъ нихъ сказалъ къ нему: „смотри, съ такой же радостью, съ какой ты слышишь отъ насъ пѣсню вѣчности, съ такой же радостью и мы слышимъ отъ тебя пѣснь о Вѣчной Премудрости . . .“ И въ другой разъ ангелы посѣщаютъ его и поютъ ему небесныя пѣсни и увлекаютъ съ собой въ небесный хороводъ, и сладостное имя Іисуса, которое звучитъ въ ихъ пѣснѣ, исцѣляетъ всѣ его муки [3]).

Эта небесная пѣснь, „пѣснь ангеловъ“, вообще весьма часто встрѣчается въ мистическихъ переживаніяхъ средневѣковой Германіи — такъ обширный матеріалъ даютъ намъ записи, рисующія внутреннюю жизнь нѣкоторыхъ южно-германскихъ женскихъ монастырей въ 14-мъ и 15-мъ вв.: монастырей Kirchberg, Töss, Engeltal, Unterlinden [4]). Интересно напр., какъ сестра Adelheid von Hiltegarthausen, будучи восхищена въ видѣніи, слышала „музыку неба“, небесной сферы — das firmamenten Klanck. „Она была приведена къ мѣсту вращенія неба, и оттуда исходилъ такой сладостный звонъ и звучанье, что это превосходило всѣ чувства . . .“ [5]).

---

[1]) *Seuses* Leben, Kap. V (Deutsche Schriften, hrsg. von Bihlmeyer, 1907).
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) См. *H. Wilms.* Das Beten der Mystikerinnen, dargestellt nach den Chroniken der Dominikanerinnen-Klöster . . . 1916, стр. 149—151.
[5]) Aufzeichnungen über das mystiche Leben der Nonnen von *Kirchberg.* (Alemannia XXI) . . . стр. 131.

И внутренняя мелодія, охватившая душу Франциска Ассизскаго, нашла свой отзвукъ въ подобныхъ же разсказахъ легенды — разсказахъ о небесной музыкѣ. Такъ однажды во время своего предсмертнаго уединенія на Альвернской горѣ, Францискъ, мучаясь и скорбя по поводу судьбы своего ордена, долго не могъ уснуть. Наконецъ, онъ забылся сномъ и увидѣлъ ангела, стоящаго у ложа его со смычкомъ и скрипкой. „Я покажу тебѣ", говоритъ ему ангелъ, „немного той музыки, которую мы играемъ тамъ наверху — въ небесномъ царствѣ, предъ престоломъ Божіимъ". И съ этими словами онъ только разъ провелъ смычкомъ по струнамъ: и тутъ Франциска охватила такая безмѣрная радость, душа его исполнилась сладости столь дивной, что поистинѣ ему казалось, что у него нѣтъ больше тѣла, и что онъ не знаетъ никакихъ страданій. „И если бы ангелъ хотя бы только одинъ еще разъ коснулся до струнъ смычкомъ — разсказывалъ Францискъ своимъ братьямъ на слѣдующее утро, — то, конечно, моя душа отдѣлилась бы отъ тѣла въ избыткѣ блаженства!" Такъ разсказываютъ намъ „Цвѣточки" [1]). Другой разсказъ сохраненъ намъ у древняго біографа Франциска Ѳомы изъ Челано. Во время своего пребыванія въ Ріэти для лѣченія глазъ — также незадолго уже до смерти — Франциску весьма хотѣлось послушать игры на лютнѣ во славу Господню; онъ попросилъ одного брата, игравшаго прежде въ міру, раздобыть гдѣ-нибудь на время лютню и игрой на ней „доставить нѣкоторое облегченіе брату тѣлу, жестоко страдающему". Но пришлось Франциску отъ этого желанія отказаться, ибо братъ смущался играть, боясь ввести въ соблазнъ окружающихъ. „На слѣдующую ночь, когда святой бодрствовалъ и размышлялъ о Богѣ, онъ вдругъ услышалъ звуки лютни удивительной гармоніи и сладчайшей гармоніи. Никого не было видно, но звуки то приближались, то удалялись. Святой отецъ, устремивъ душу къ Богу, испытывалъ такую усладу отъ прелести пѣсни, что ему казалось, что онъ уносится въ иной міръ". То была игра ангеловъ [2]).

Сходныя переживанія этой „небесной" — внутренней музыки приписываетъ легенда напр. и двумъ великимъ ученикамъ Франциска. Про Бернарда de Quintavalle разсказывается: однажды онъ въ теченіе восьми дней не ощущалъ божественныхъ утѣшеній и, исполненный глубокой скорби, онъ въ горячей молитвѣ взывалъ къ Господу. „И вотъ внезапно явилась ему въ воздухѣ нѣкая рука, держащая скрипку, которая, одинъ разъ проведя смычкомъ по направленію къ землѣ, исполнила его чрезъ свою музыку такимъ утѣшеніемъ духовнымъ, что, если бы она въ другой разъ провела смычкомъ — но по направленію къ небу, онъ — такъ былъ онъ увѣренъ — испустилъ бы духъ" [3]). А въ

[1]) *Fioretti*: Delle Istimati.

[2]) *Celano*. Vita Secunda. c. LXXXIX.

[3]) Vita fratris Bernardi de Quintavalle — см. *Analecta franciscana*, tomus III, 1897, Quaracchi, стр. 44.

житіи брата Іоанна изъ Альверны читаемъ: „Однажды, въ праздникъ св. Михаила, выйдя изъ церкви послѣ утрени, онъ встрѣтилъ по дорогѣ ангела, въ образѣ прекраснѣйшаго юноши, что держалъ въ рукахъ струнный инструментъ, на которомъ онъ, идя впереди брата Іоанна, всю дорогу, вплоть до самой его кельи, игралъ съ упоительной сладостью. А братъ Іоаннъ вошелъ въ свою келью, и тамъ, когда ангелъ исчезъ, былъ онъ восхищенъ духомъ"[1]).

Далѣе, сродственные отголоски мистическихъ переживаній имѣемъ повидимому, въ замѣчательномъ произведеніи, вышедшемъ изъ той же францисканской среды — въ провансальскомъ трактатѣ XIV вѣка „Scala divini amoris": здѣсь читаемъ про мелодію божественной пѣсни — melodia de cant, которую душа, восходящая горѣ—къ „Чертогу любви", слышитъ во всѣхъ стихіяхъ и во всѣхъ тваряхъ. И „одно изъ величайшихъ чудесъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ — въ томъ, что моя душа не умираетъ и не выходитъ изъ себя, когда слышитъ, какъ небеса и земля оглашаются пѣснью и тѣми звуками, что крылья ангеловъ производятъ въ раю". Богъ и міръ какъ бы охвачены одной чередующейся пѣснью: „Итакъ Богъ начинаетъ свою balada и говоритъ: „Amors!" (Любовь). „И всѣ твари отвѣчаютъ: „Ты сотворилъ насъ". И про эту doussa balada говоритъ mosenher San Johan Evangelista, что онъ слышалъ, какъ ее пѣли всѣ твари на землѣ, и на небѣ, и на водѣ: „Любовь, ты создала насъ, чтобы любить!"[2])

И великій индусскій мистикъ Кабиръ ощутилъ эту таинственную музыку Универса, „самозвучащую музыку" (Unstruck Music) Вѣчности[3])—„аккорды любви", „арфу радости", „звонъ незримыхъ колокольчиковъ"[4]) — заполоняющую весь міръ, звучащую во всемъ мірѣ.

III.

Въ неясныхъ и робкихъ намекахъ, сквозь призму легендарныхъ разсказовъ, встало передъ нами мистическое пѣніе души, безъ словъ и безъ звуковъ, полное неуловимаго ритма и торжествующей гармоніи! Оно доступно лишь избраннымъ, оно непереводимо, хотя бы лишь отчасти соотвѣтствующимъ образомъ, на земные слова и звуки. Объ этомъ говорилъ, какъ мы видимъ, Rich. Rolle. Мехтильда Магдебургская пишетъ въ своихъ „Откровеніяхъ": „Таковы слова изъ пѣсни

---

¹) Vita fratris Johannis de Alverna — ibid. стр. 446. Вообще разсказы о небесной музыкѣ весьма распространены въ агіографіи среднихъ вѣковъ. Укажу для примѣра еще лишь на одну легенду изъ среды учениковъ Бернарда Клервосскаго („Exordium magnum ordinis cisterciensis", Dist. III. c. 16— *Migne* Series latina, t. 185, col. 1074) и на рядъ сходныхъ мотивовъ изъ области германской мистики (см. напр. *Preger*, Geschichte der deutschen Mystik, I. 58, II 259, *L. Zoepf*. Die Mystikerin Marg. Ebner. 1914, 90—92).

²) *Scala divini amoris* — hrsg. von De la Motte, 1902.

³) One hundred poems of *Kabir*... напр. XV, XVII, XXII, L, LIX, LXXVI, XCVII.

⁴) ibid. XXXII, LIV, XVII.

любви, но сладостное звучаніе сердца нельзя было передать — ибо никакая земная рука написать его не можетъ“. (Das sind die Worte des Sanges der Minnestimme; aber der süsse Herzensklang musste wegbleiben, denn den vermag keine irdische Hand zu schreiben[1]).

И вмѣстѣ съ тѣмъ: иногда такъ силенъ этотъ внутренній прибой, эти волны радости и подъема наростаютъ иногда такъ мощно, что прорываются и наружу, требуютъ себѣ и внѣшняго проявленія — во вздохахъ, слезахъ и пѣснопѣніяхъ, прерывистыхъ и безсвязныхъ восклицаніяхъ, которыя, впрочемъ, являются лишь обрывками, лишь неадэкватными, часто случайными, безконечно бѣдными и незначащими выраженіями той ликующей, непреодолимой пѣсни, что внутри охватила душу.

„Tanto repletus est gaudio“ — пишетъ про Франциска Ассизскаго древній его біографъ, — „quod non se capiens pro laetitia etiam nolens ad aures hominum aliquid eructabat“. („Онъ былъ исполненъ такого ликованья, что, не въ состояніи сдержать себя отъ радости, онъ иногда даже противъ воли давалъ ей прорываться до слуха людей“).[2])

Послѣ разрыва съ прошлымъ и безостаточнаго, безраздѣльнаго отданія себя на служеніе Богу онъ уже не въ силахъ сдерживать волны охватившей его радости. „Началъ онъ по площадямъ и улицамъ города славить Господа, какъ бы опьяненный духомъ“.[3]) Даже „въ лѣсу воспѣваетъ онъ по-французски громкимъ голосомъ хвалы Господу“.[4]) „Praeco sum magni Regis!“ — „Я — глашатай великаго Царя“ —такъ объявляетъ онъ во всеуслышанье.[5]) „Иногда,—разсказываетъ его біографъ Ѳома изъ Челано, — когда сладостные звуки рождались въ его пламенной душѣ, онъ начиналъ пѣть по-галльски: чуткимъ ухомъ прислушивался онъ къ нѣжной музыкѣ въ душѣ своей, пока она не выливалась въ славословіе. Своими глазами мы видѣли, какъ онъ подымалъ съ земли кусокъ дерева и, держа его въ лѣвой рукѣ, на подобіе скрипки, правой рукой водилъ тоненькой палочкой точно смычкомъ и, дѣлая соотвѣтствующія движенія, пѣлъ по-галльски о Богѣ. Это веселіе заканчивалось часто слезами, и ликованіе переходило въ оплакиваніе страстей Христовыхъ“.[6]) Ѳома разсказываетъ также о томъ, какъ молился Францискъ. Когда его на людяхъ внезапно посѣщала молитвенная благодать, то онъ старался плащемъ или хотя бы рукой прикрыться отъ глазъ окружающихъ. Но въ одиночествѣ, въ лѣсу, онъ уже не стѣснялъ, не сдерживалъ проявленій своего молитвеннаго порыва: „рощи оглашалъ онъ вздохами, землю орошалъ слезами... Часто словами, вслухъ, бесѣдовалъ онъ съ

---

[1]) *Mechthild von Magdeburg* II 25; срв. напр. *Angelae* de *Fulginio* Visionum et revelationum liber, Prologus Secundus, стр. 5—6.

[2]) *Cel.* c. 6.

[3]) *3 Socii*, c. 21.

[4]) *I Cel.* c. 6.

[5]) ibid.

[6]) *Celano*, Vita sec. c. XC.

Господомъ своимъ — отвѣчая Ему, какъ Судьѣ, умоляя Его какъ Отца, разговаривая съ Нимъ какъ съ Другомъ, услаждаясь какъ съ Возлюбленнымъ... Но часто и съ недвижными устами бесѣдовалъ внутренно"... Мы имѣемъ одно такое изліяніе, такое проявленіе, закрѣпленіе во внѣ молитвеннаго порыва Францизска, начертанное собственными его руками въ минуту послѣ его величайшаго мистическаго переживанія — видѣнія распятаго Христа на Альвернской горѣ: это — кусочекъ пергамента съ хвалебнымъ гимномъ, или вѣрнѣе — отрывочными возгласами ликованія, данный имъ тогда же (въ 1224 г.) брату Леону, такъ называемая Cartula fratris Leonis. Вотъ эти возгласы Францизска, обращенные имъ къ Богу изъ глубины потрясенной души, рядъ безыскуственныхъ, не связанныхъ между собой предложеній, изліянія благодарности, умиленія, восторга: „Ты — святый Господь, Богъ единый, творящій чудеса. Ты — сильный. Ты — великій. Ты — высочайшій. Ты — Владыка всемогущій, Ты Отче святый, Владыка неба и земли... Ты — благо, всяческое благо, высшее благо, Господи Боже, живый и истинный. Ты — любовь. Ты — мудрость. Ты — смиреніе. Ты — терпѣніе. Ты — безопасность. Ты — покой. Ты — радость и ликованіе... Ты — всяческое богатство въ изобиліи".[1])

Объ этомъ непреодолимомъ внутреннемъ импульсѣ, заставляющемъ душу изливать во внѣ то, что звучитъ внутри нея, то, что она пережила и ощутила, мистики говорятъ нерѣдко[2]). „Мое сердце ранено, душа моя возгорѣлась и жаждетъ говорить съ Тобою, о, Боже мой", вырывается у Симеона Новаго Богослова. Пораженный избыткомъ благодати, онъ хотѣлъ молчать, но не можетъ: благодать заставляетъ его говорить вопреки его волѣ[3]). Нѣмецкая средневѣковая мистика знаетъ особое состояніе души, которое она называетъ „Genade jubilus" — „благодать ликованія", и которое такъ опредѣляется въ кирхбергской монастырской хроникѣ: „что такое „genad jubilus", это замѣтьте себѣ. Это есть благодать, которая безмѣрна и такъ велика, что *никто не въ состояніи о ней умолчать и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи полностью ее высказать*, по ея преизбыточной сладости, затопляющей сердце, душу, чувства и самыя жилы человѣка, и потому никого нѣтъ столь сдержаннаго, чтобы онъ могъ сдержаться при этой благодати. Совершенная любовь сіяетъ въ этой благодати божественнымъ свѣтомъ, это и есть ликованіе"[4]). Съ этимъ сходно то, что Рэйсбрукъ говоритъ про „духовное опьяненіе": „Ду-

---

[1]) *Böhmer*, H. Analecten zur Geschichte des Franciscus von Assisi. 1904, стр. 69.

[2]) Ср. восклицаніе прор. Амоса: „Господь глаголетъ: кто можетъ тогда не пророчествовать?" (3 8).

[3]) Div. am. 14 ed. Zagoraus; Migne. Patr. graeca, t. 120, col. 511 A.

[4]) *Kirchberg*, l. c, стр. 105; рядъ примѣровъ см. ibid, стр. 107, 110, 111, 113, далѣе у *Wilms'a* l. c. стр. 173 (про сестру Христину Энгельтальскаго монастыря).

ховное опьяненіе возникаетъ, когда человѣкъ ощущаетъ болѣе радости и услады, чѣмъ его сердце можетъ пожелать или вмѣстить. Это опьяненіе вызываетъ въ человѣкѣ различныя странныя состоянія. Многіе поютъ и хвалятъ Бога отъ избытка радости, другіе проливаютъ слезы отъ сладости сердечной. Одинъ становится неспокойнымъ во всѣхъ членахъ, долженъ бѣгать, прыгать, двигаться... Другой восклицаетъ громкимъ голосомъ и описываетъ тотъ избытокъ, который онъ внутренно ощущаетъ. А иной долженъ молчать"...[1]). Такъ про флорентійскую святую 16-го вѣка Maria Maddalena de'Pazzi разсказывается: „Чтобы излить этотъ пылъ, сдержать который въ себѣ она была уже не въ силахъ, она принуждена была усиленно двигаться, и при томъ дивнымъ образомъ. Поэтому можно было видѣть, какъ во время такихъ избытковъ чувства она быстро бѣгала съ мѣста на мѣсто; какъ безумная отъ любви, бродила она по монастырю, восклицая громкимъ голосомъ: „Любовь, Любовь, Любовь!" („Amore, Amore, Amore"). Не будучи въ состояніи вынести столь великій пожаръ любви, она говорила: „О Господи мой, не надо больше любви (non più amore, non più amore). Слишкомъ велика, о Іисусе мой, та любовь, которую Ты питаешь къ твари — слишкомъ велика она не для Твоего величія, а для твари, столь презрѣнной, и низменной". И сознавая себя недостойной этой любви, она прибавляла: „Почему Ты даруешь мнѣ столь великую любовь — мнѣ, которая столь недостойна и презрѣнна?" — Въ другіе раза она говорила: „О Боже любви, О Боже любви, о Боже, что любишь свое твореніе чистой любовью!" и другія, подобныя этимъ, пламенныя рѣчи"[2]).

А съ другой стороны какъ тихо, какъ безмятежно и умиренно изливается эта внутренняя пѣснь у Екатерины Генуэзской! Она говоритъ про высочайшее состояніе души — „чувство столь полнаго мира и покоя, что душѣ кажется, что и сердце и тѣлесное ея существо, и что все внутри и во внѣ погружено въ океанъ совершеннѣйшаго мира, откуда она никогда не выйдетъ, что бы съ ней ни случилось въ жизни... И она ничего другого ощущать не можетъ, кромѣ сладчайшаго мира... И тогда весь день она отъ радости твердитъ, слагая ихъ на свой ладъ, пѣсенки, подобныя слѣдующей:

Vuol tu che te mostr'io
Presto che cosa è Dio?
Pace non trova chi da lui si partio

(„Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ показала, что такое Богъ? — Мира не находитъ тотъ, кто отъ него отдалился"[3])

---

1) *Рэйсбрукъ*. Одѣяніе духовнаго брака. кн. II, гл. 19.

2) D. Vincenzo *Puccini*. La vita di Santa Maria Maddalena de'Pazzi vergine nobile fiorentina. Venetia, 1675, стр. 120.

3) *Caterina da Genova*. Vita e dottrina, c. XVIII.

И Раймундъ Люллій знаетъ, что внутренняя пѣснь стремится вылиться наружу: любовь заставляетъ пѣть: „Влюбленный, услышавъ пѣніе птицы, спросилъ ее...: Скажи мнѣ, птичка, отчего ты поешь? отдалась ли ты подъ покровъ моего Возлюбленнаго, чтобы онъ защитилъ тебя отъ любовнаго оскудѣнія и преумножилъ въ тебѣ любовь?"—такъ пишетъ онъ въ своемъ „Діалогѣ между Влюбленнымъ и Возлюбленнымъ". — „Отвѣчала птица: Кто побуждаетъ меня пѣть, какъ не Владыка Любви, который за позоръ для себя считаетъ любви оскудѣніе?[1])" Недаромъ поэтому и самъ Влюбленный, побуждаемый тѣмъ же Владыкою Любви — Dominus Amoris — не можетъ молчать: и онъ долженъ пѣть или, вѣрнѣе, восклицать или шептать прерывистымъ голосомъ отъ избытка охватывающаго чувства. „Проходилъ Влюбленный по нѣкоему городу и пѣлъ о Возлюбленномъ своемъ, какъ будто объятый безуміемъ...[2]). — „Влюбленный пѣлъ: о, какое великое страданіе—любить! О, какое великое блаженство любить моего Возлюбленнаго, который любитъ любителей своихъ безконечной любовью; и вѣчной, и совершенной всякимъ совершенствомъ!"[3])

„О восторгъ, ликованіе сердца, что побуждаетъ пѣть про любовь!" восклицаетъ Якопоне да Тоди.

„Когда восторгъ разгорается: онъ понуждаетъ человѣка пѣть, и языкъ бормочетъ, и не знаетъ, что говоритъ: не можетъ онъ скрыть то, что внутри: такъ велика эта сладость.

Когда восторгъ возгорѣлся: онъ заставляетъ человѣка восклицать: сердце охвачено любовью и стерпѣть не можетъ, любовь понуждаетъ его громко кричать и вопить, и оно тогда не стыдится.

Когда восторгъ охватилъ влюбленное сердце, люди смѣются надъ такимъ человѣкомъ, обсуждая его рѣчи, а онъ говоритъ, не зная мѣры, о томъ, что чувствуетъ жаръ любви!

О восторгъ, сладостное ликованіе! Когда ты входишь въ душу, сердце становится знающимъ, оно не въ силахъ выдержать — скрыть свое состояніе, оно не въ силахъ не кричать.

Кто этого не испыталъ, считаетъ тебя обезумѣвшимъ, видя отличіе твое отъ другихъ, какъ человѣка, лишившагося силы: сердце, раненое внутри, не ощущается снаружи"[4]).

Нельзя подавить этотъ голосъ любви, нельзя замолчать, затушить эту торжествующую пѣснь любовнаго восторга, что съ неопредѣленной стихійной силой вырывается изъ глубины души:

„Я не въ силахъ послушаться — замолчать любовь: любовь хочу я провозглашать, покуда не испущу дыханье...

Восклицаетъ языкъ и сердце: Любовь! любовь! любовь! Кто молчитъ о твоей сладости, у того сердце не выдержитъ — разорвется.

---

[1]) *(Raimundus Lullius)* Blanquernae Aphorismi 365 de Amico et Amato, § XV

[2]) ibid LV.

[3]) *ibid.* CXV.

[4]) *Jacopone da Todi.* Lauda LXXVI: „Del iubilo del core che esce in voce"

И, право, я увѣренъ, что лопнуло бы сердце, которое испытаетъ тебя; если бы оно не стало провозглашать любви — оно бы тогда захлестнулось!“[1])

Такъ провозглашаетъ послѣдователь Франциска, мистикъ и поэтъ Якопоне да Тоди — что любовь молчать не можетъ.

* * *

Изъ этихъ криковъ восторга, избытка, изумленія, изъ этихъ слезъ любви, изъ этого прерывистаго, робкаго шопота потрясенной души зарождается иногда, какъ слабый отзвукъ, пѣсня, потрясающая и наши души — *мистическая лирика*. Таковы пѣсни Якопоне, гимны „божественной любви“ Симеона Новаго Богослова, изліянія Кабира и648Маникки Вачагаръ[2]), гимнъ Seuse Кресту и его пѣсенныя обращенія къ Вѣчной Премудрости, горящіе діалоги съ Богомъ Мехтильды Магдебургской, торжествующій гимнъ Франциска о „братѣ солнцѣ“ и о всей природѣ, которая возбуждаетъ его къ прославленію Бога, и этотъ возгласъ изъ глубоко потрясенной души Терезы:

„О Красота, которая превосходишь всякую иную красоту! Ты поражаешь безъ раны и безъ боли. Ты устраняешь всякую тварную любовь“[3]).

Въ этой внутренней мелодіи души („la musica callada“) зародилась и полная подъема пѣсня Juan'a de la Cruz: „О ночь, что вела меня! о ночь, что сладостнѣе разсвѣта: о ночь, что объединила возлюбленнаго съ возлюбленной—съ возлюбленной, превращенной въ возлюбленнаго своего!“[4])

„Вся душа моя, всѣ силы мои отданы на служеніе Ему. Я уже больше не стерегу стада и нѣтъ у меня другого занятія, ибо вся работа моя только — въ любви“[5]).

Впрочемъ, на этихъ вершинахъ пѣсня должна опять замереть, это — область неизреченнаго — all'alta fantasia qui mancò possa, говоря словами Данте; душа смолкаетъ благоговѣйно, и въ ней царитъ безраздѣльно, въ безмолвномъ величіи, единая, невыразимая, безконечная и всепокоряющая Любовь[6]).

Николай Арсеньевъ.

---

[1]) Lauda LXXXI: „De l'amor divino e sua laude“, срв. еще Lauda LXXX. „De l'amore divino destinto in tre stadi“.

[2]) см. *G. U. Pope*. The Tiruvaçagam or „Sacred Utterances“ of the famil poet, saint and sage *Manikka-Vaçagar*. Oxford 1900 (Clarendon Press).

[3]) *Santa Teresa* Escritos t. I (Biblioteca de autores españoles, стр. 510).

[4]) *Juan de la Cruz* „La noche oscura“.

[5]) „Cantico espiritual“.

[6]) срв. Paradiso, XXXIII, 142—145.

На грани катастрофы міровой культуры.

Во второй книжкѣ „Русскаго Сборника" проф. Е. В. Спекторскій, разсматривая кризисъ современнаго государства, высказываетъ предположеніе, не идетъ-ли человѣчество къ своеобразному возвращенію въ Средніе вѣка съ ихъ преобладаніемъ общества и отдѣльныхъ группъ его надъ государственностью. Это соображеніе проф. Спекторскаго побуждаетъ и меня высказать нѣсколько мыслей, которыя уже давно, еще передъ войной и гораздо сильнѣе во время войны, тревожили меня.

На первый взглядъ это такъ просто: война была вызвана соперничествомъ политическихъ интересовъ, за которыми скрывались такіе-то экономическіе факторы. Англія хотѣла того-то, Германія того-то; эти хотѣнія были вызваны такими-же необходимостями. И, въ концѣ концовъ, перешагнувъ черезъ нѣсколько еще подобныхъ „необходимостей", мы приходимъ къ неизбѣжности войны. Вѣдь, всѣ же знали, что война будетъ жестокой и разрушительной, и все-таки начали ее. Правда, міръ обнаружилъ тогда такое же легкомысліе, какое онъ обнаруживаетъ и теперь, закрывая глаза на большевизмъ. Матеріальная культура и не можетъ быть иной, кромѣ какъ близорукой и легкомысленной: для того, чтобы видѣть далеко въ будущее, надо умѣть высоко подниматься, а у міра матеріальнаго тѣло слишкомъ грузное, чтобы парить надъ землей. Дѣйствительно, стоило-ли Франціи такъ хлопотать о томъ, чтобы пріобрѣсти двѣ какія-нибудь провинціи, которыя вовсе не такъ уже страдали и подъ нѣмецкой властью, разъ пріобрѣтеніе ихъ было связано съ неизбѣжнымъ разрушеніемъ другихъ цвѣтущихъ провинцій, уже чисто французскихъ, съ неизбѣжнымъ колоссальнымъ задолжаніемъ государства, съ неизбѣжнымъ уничтоженіемъ сотенъ тысячъ жизней? . . . Но то же легкомысліе, которое утѣшало себя необыкновенно быстрымъ исходомъ войны, закрывало глаза и на то, что, какъ бы быстро ни пронесся ураганъ, плоды его разрушительной работы не будутъ легче.

Но думаю, не отъ того война разыгралась и вовлекла въ свое русло все человѣчество, что экономическіе и политическіе интересы всѣхъ народовъ и правительствъ были затронуты соперничествомъ, а потому, что идейно человѣчеству нечѣмъ стало жить. Людямъ всегда нуженъ смыслъ для ихъ существованія. Для извѣстныхъ индивидуальностей такой смыслъ можетъ заключаться въ ихъ политической вѣрѣ. Одинъ вѣруетъ въ Ирландію, другой въ Украину, въ извѣстное національное объединеніе (южно-славянское, панславянское, общерусское и проч.), въ коммунизмъ или въ „кадетскую" программу. Къ осуществленію такихъ цѣлей люди и идутъ съ упрямствомъ, съ фанатизмомъ, съ самопожертвованіемъ. Но что же дальше? Пусть будетъ са-

мостійная Украина, пусть все человѣчество станетъ „кадетами" или „антисемитами", или „синфейнерами". Развѣ будетъ тогда найденъ смыслъ существованія, развѣ за той курицей, которая будетъ въ супѣ каждаго крестьянина, скрывается хоть какое-нибудь внутреннее оправданіе жизни?

Человѣчество, — инстинктивно въ своей массѣ, сознательно въ своихъ отдѣльныхъ лучшихъ представителяхъ, — еще передъ войной пришло въ отчаяніе отъ той ужасающей духовной пустоты, которая развернулась у его ногъ. Прогрессъ техники остается только прогрессомъ техники, несмотря на всѣ безпроволочные телеграфы и летучія машины: успѣхи точныхъ и неточныхъ наукъ только яснѣе обрисовывали ту стѣну, на которую рано или поздно должны были налетѣть эти успѣхи. А то, самое важное, ради чего стоитъ жить, оказывалось, если не разрушеннымъ (какъ нельзя человѣческими силами разрушить, напр., солнце), то какъ будто бы затуманеннымъ гордымъ величіемъ этой „культуры". Вмѣсто религіи, которая для „образованнаго человѣка" становилась чѣмъ-то почти неприличнымъ, имѣлась мораль, основанная на разныхъ хитрыхъ построеніяхъ. Но едва-ли эти построенія удовлетворяли и самихъ ихъ выдумщиковъ. Государство, не имѣвшее религіозной санкціи, съ постылыми всѣмъ „демократическими" формами правленія, въ которыхъ преуспѣвали крикуны, фразеры и не брезгающие никакими средствами политиканы, — такое государство держалось по инерціи.

Въ войну бросились съ какимъ-то отчаяніемъ, съ запасомъ больныхъ силъ, которыя томились въ поискахъ иного примѣненія и теперь вырвались наружу, — со множествомъ удивительныхъ подвиговъ самоотверженія и всяческой доблести: ихъ война видѣла въ изобиліи. Войну вели до тѣхъ поръ, пока оставалась хоть какая-нибудь матеріальная возможность, а, кончивъ войну, увидѣли, что ни одна проблема не разрѣшена. Передъ людьми стоитъ все та же стѣна,—неоправдываемой государственности, безрелигіозной семьи, стѣна національныхъ ненавистей. Тамъ, гдѣ „идеалъ" достигнутъ, — напр., совершилось государственное освобожденіе, національное объединеніе, захватъ новыхъ территорій, городовъ или, хотя бы, чужихъ пароходовъ, — чувствуется такъ же мало внутренняго удовлетворенія, какъ и тамъ, гдѣ побѣжденные народы должны уплатить какіе-то фантастическіе милліарды, которыхъ (какъ знаютъ и побѣдители, и побѣжденные) они никогда не уплатятъ.

Въ блестящей статьѣ о „сумеркахъ" народовъ, которую проф. Э. Д. Гриммъ напечаталъ въ первомъ „Русскомъ Сборникѣ", онъ далъ вѣрную картину этого духовнаго разброда современнаго человѣчества. Я думаю, что кризисъ такъ глубокъ, какъ мы, современники, не можемъ даже представить себѣ. Не даромъ уже нѣсколько разъ высказывалось опасеніе, не окончился-ли нашъ историческій періодъ, и приводились аналогіи къ теперешнему нашему состоянію изъ послѣднихъ временъ Рима. Не даромъ и такъ живы у

многихъ ожиданія эсхатологическія. Но выходъ изъ нашего кризиса, повидимому, еще не намѣтился. Чувствуется только, что если все будетъ идти дальше такъ, безъ катастрофы дѣло не обойдется, и что она медленно и вѣрно подкрадется. Эта страшная растерянность европейскихъ правительствъ — нѣчто роковое. Не въ большевизмѣ, который для Европы слишкомъ грубъ и примитивенъ, чтобы надолго овладѣть умами, — а въ чемъ то другомъ должна будетъ заключаться эта катастрофа, если человѣчество будетъ идти дальше по пути обожествленія эгоизма, личнаго или національнаго, безразлично. И, можетъ быть, несчастная поруганная Россія будетъ счастливѣе самодовольнаго міра „культуры", потому что въ ней будетъ больше смиренія, правды, отрицанія лжи, чѣмъ тамъ.

Нѣкогда Мицкевичъ, находясь среди польской эмиграціи въ Парижѣ, написалъ „Книги польскаго пилигримства", которыя на многіе десятки лѣтъ сдѣлались откровеніемъ и путеводной звѣздой для польскаго народа. Польша ему казалась распятымъ за грѣхи народовъ Христомъ народовъ. И въ этомъ было извѣстное кощунство, но для него имѣлось оправданіе: вѣдь польскіе патріоты гибли во имя освобожденія своего народа отъ чужого насилія. Гибнуть за родину — всегда доблесть, и въ этой гибели всегда лежитъ залогъ возрожденія родины. Мицкевичъ понятенъ намъ и прекрасенъ до сихъ поръ.

Но нѣтъ никакого оправданія для другого сравненія, которое теперь кто-то пустилъ въ оборотъ: „Распятая Россія". Русскій народъ, открывшій свои границы врагу внѣшнему и свои сердца тому врагу, который, по Евангелію, похищаетъ не только жизнь, но и душу, — не есть распятый Христосъ. Правда, онъ распятъ, но за свои грѣхи и безмѣрныя злодѣйства. Это — разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ Христомъ. Мы знаемъ изъ разсказа ученика, котораго любилъ Христосъ, и который стоялъ у креста Его, что изъ двухъ разбойниковъ, висѣвшихъ по обѣ стороны Спасителя, одинъ покаялся и былъ помилованъ, а другой хулилъ Христа и умеръ хулителемъ. И вотъ это сравненіе, я думаю, дѣйствительно подходитъ къ русскому народу. Какимъ разбойникомъ окажется онъ: покаявшимся или злымъ до конца? Скажетъ-ли онъ: „помяни меня, Господи?"

Въ этой проблемѣ, думается мнѣ, разрѣшеніе и всей современной проблемы человѣчества. Новымъ народамъ придти на смѣну теперешнимъ, какъ это было послѣ крушенія Рима, не откуда; новая религія не можетъ возникнуть и не привлечетъ людей. Но паденіе чувства добра, если оно будетъ идти, какъ теперь, должно привести къ такому озвѣрѣнію человѣчества, къ такому упадку регулирующаго государственнаго правопорядка, которое превратится въ настоящую катастрофу.

И отъ Россіи зависитъ теперь рѣшающее слово: если она преодолѣетъ свое внутреннее зло, возродитъ свою жизнь на христіанскихъ началахъ, тогда спасено и все человѣчество. Иначе гніеніе, анархія, катастрофа, гибель . . .

А. Погодинъ.

Европа послѣ мира.

Никогда человѣческая совѣсть не проститъ того, что сейчасъ происходитъ. Всѣ, для кого право — подлинное душевное переживаніе, для кого вѣра и культура создаютъ смыслъ бытія и борьбы, не могутъ спокойно созерцать, какъ культъ насилія, поклоненіе грубой физической силѣ въ теченіе величайшаго историческаго процесса служили символомъ вѣры отвѣтственныхъ за великія культурныя націи государственныхъ вождей цѣлыхъ народовъ.

Безстыдное попраніе тѣхъ началъ, которыя ранѣе служили предметомъ моральнаго воспитанія народовъ, за укрѣпленіе чего проливались рѣки крови, и милліоны людей переносили неслыханныя страданія, открыто, передъ цѣлымъ міромъ, на виду у всѣхъ, стало содержаніемъ осуществляемой политики великихъ европейскихъ державъ.

Подъ различными формами эта безстыдная религія охватывала то одинъ, то другой — изъ руководящихъ народовъ Европы и, не встрѣчая моральнаго протеста даже со стороны тѣхъ, чью чуткую совѣсть привыкли считать мѣриломъ человѣческаго величія, рьяно приводилась въ исполненіе.

И можно было бы въ отчаяніи отвернуться отъ человѣческой культуры, усумниться въ цѣнности человѣческой совѣсти и разума, если бы сама исторія, наперекоръ намѣченному людскими вождями, не претворяла въ реальную дѣйствительность то лишь, что несетъ на себѣ отпечатокъ подлинной нравственной побѣды.

Исторія отказывается стать великой школой безнравственности, несмотря на то, что люди, окрашивающіе историческія событія оттѣнками своей личности, упорно толкають ее на этотъ путь.

Словно великая моральная зараза охватила человѣчество, и тѣ, кто вчера, рискуя всѣмъ, боролись съ этимъ зломъ и побѣдили его, — побѣждая, больны уже тѣмъ же недугомъ, разнствующимъ лишь въ формахъ, многообразныхъ въ своихъ историческихъ проявленіяхъ и осуществленіяхъ, единымъ въ своей страшной сущности.

Называется ли онъ германскимъ имперіализмомъ, съ его стремленіемъ не только добиться тѣхъ или другихъ матеріальныхъ выгодъ отъ побѣжденныхъ, но прекратить самое національное бытіе цѣлыхъ народовъ; зовется ли онъ Версальскимъ миромъ, гдѣ цѣлые народы обращаются въ вѣчныхъ данниковъ и вырожденіемъ своего населенія должны окупить безумныя разрушенія матеріальныхъ цѣнностей, накопленныхъ усердной работой цѣлыхъ вѣковъ; именуется ли онъ Совѣтской соціалистической республикой, гдѣ шестая часть земного шара приносится въ жертву — отнюдь не въ фигуральную а въ дѣйствительную жертву со всѣми забытыми историческими аксессуарами этого страшнаго дѣйства — абстрактнымъ построеніямъ идеаль-

наго общества, гдѣ во имя братской солидарности установлено царство „глада и мора, труса и междуусобицы“; — всюду мы имѣемъ дѣло съ различными ипостасями того же торжествующаго идола насилія, топчащаго право и правду.

Благороднѣйшія движенія человѣческой души и совѣсти цѣлыхъ народовъ используются, какъ знамя, для прикрытія ложной сущности. Живущая въ сознаніи каждаго живого народа вѣра въ исключительное его предназначеніе, мессіанство, какъ стремленіе къ высшему достиженію и совершенству въ историческомъ развитіи народа, становится оправданіемъ исторически осуществляемаго насилія.

Какую безграничную вѣру въ провиденціальную миссію германскаго народа должны были питать нѣмецкіе вожди, чтобъ во имя непосредственныхъ, преходящихъ, сегодняшнихъ цѣлей войны, воспользоваться ненавистными имъ, какъ и всѣмъ культурнымъ людямъ, вожаками революціоннаго соціализма и влить смертельную отраву въ безъ того тяжко больной организмъ русскаго народа. Сколько презрѣнія къ самой національности великаго народа, обогатившаго сокровищницы человѣческой культуры непревзойденными достиженіями человѣческаго духа, должны были испытывать люди, которые, въ результатѣ пораженія Россіи, поставили задачей денаціонализацію русскаго народа и приступили къ осуществленію такового путемъ сведенія Россіи къ Московіи.

И поэтому никто не понимаетъ такъ трагедіи германскаго народа, какъ сами русскіе. Народъ, переживішій величайшую муку Брестъ Литовска, не можетъ не испытывать симпатическихъ переживаній къ страданіямъ нѣмцевъ, пережившихъ Версаль. Въ той школѣ страданій, которая выпала на долю русскаго народа, мы многому научились и сейчасъ на многое происходящее въ мірѣ мы смотримъ просвѣтленнымъ взоромъ и видимъ многое, что еще скрыто отъ взора другихъ. Мы какъ бы стали старше, и часть того, что еще будетъ, испытывается нами, какъ уже бывшее, почти бывшее, осуществляемое.

Мы — сейчасъ чужіе, внѣ своей родины и государства, мучительно переживаемъ грѣхи и неправду нашей культурной родины, Европы, ибо знаемъ, что эти грѣхи отягощаютъ и безъ того тяжелое обрѣтеніе подлиннаго отечества нашего, Россіи.

Тѣмъ не менѣе, съ убѣжденіемъ, коренящимся въ субъективной вѣрѣ перестрадавшихъ сердецъ, можемъ мы ободрить германцевъ: мужайтесь, Германія будетъ, какъ будетъ Россія, несмотря на попытки той же Германіи и вопреки стремленіямъ союзниковъ Россіи по полю брани выйти изъ войны, уничтоживъ не только Германію, но и Россію.

Намъ еще не виденъ ликъ историческаго возмездія, но вѣра наша говоритъ намъ, что если вражескому ножу Бреста былъ противопоставленъ карающій мечъ Версаля, то какая же заслуженная кара обрушится на тѣхъ, кто черство потворствуетъ распаду союзной

Россіи и на ея развалѣ хочетъ строить свое благополучіе, расхищая территорію и добро страны, оставшейся безъ хозяина, и обезсиливаетъ народъ, тяжко захворавшій въ итогѣ наваленныхъ на него непосильныхъ тяготъ крови.

Чужіе у себя на родинѣ и едва терпимые на чужбинѣ, мы сами лишь съ гордостью сознаемъ, что только Россія не дала своей подписи на тѣхъ документахъ, которые съ исключительной циничностью возводили непріемлемые для человѣческой совѣсти акты насилія въ достоинство права, долженствующаго навѣки опредѣлять взаимоотношенія народовъ: Россія не подписала ни Брестскаго, ни Версальскаго договоровъ. Отказъ въ подписи Брестскаго договора былъ сдѣланъ еще задолго до переговоровъ въ Брестѣ: непризнаніе большевистской власти, организація противобольшевистскихъ армій и вооруженная борьба съ большевиками, стоившія Россіи потери многихъ тысячъ ея лучшихъ сыновъ, вотъ какими героическими мѣрами отвѣтила Россія на попытки насильниковъ попрать право, честь и достоинство русскаго народа.

И вообще вся гражданская война въ Россіи питалась на сторонѣ антибольшевистской невозможностью для русскихъ гражданъ принять на себя отвѣтственность за измѣну союзникамъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ Германіей, стремившейся навязать свою имперіалистскую волю подчиненнымъ ей народамъ. Поэтому то для правосознанія большинства русскихъ вооруженная борьба съ большевиками на всѣхъ фронтахъ гражданской войны была непосредственнымъ продолженіемъ внѣшней борьбы съ Германіей.

Нѣмцы и сами отлично сознавали, что Россіи нѣтъ въ Брестѣ, и что русская подпись на этомъ договорѣ въ такой же мѣрѣ выражаетъ волю Россіи, въ какой подпись вора на краденомъ чекѣ выражаетъ волю потерпѣвшаго. И несмотря на очевидность для нѣмцевъ протеста русскаго народа противъ Бреста, сами русскіе кровью своей продолжали отрицать свою причастность къ грязному брестскому дѣлу.

Но одни лишь мы имѣемъ право ставить имперіалистскую Германію къ позорному столбу за проявленныя ею безстыдныя дѣйствія, проявившіяся какъ въ экспортѣ коммунистовъ въ Россію, такъ и за попытку денаціонализировать русскій народъ въ Брестѣ. Тѣ, кто дали свою подпись на Версальскомъ договорѣ, кто настояли на подписи Германіей вердикта о денаціонализаціи германскаго народа, кто усердно потворствуютъ распаду Россіи, морально стали вровень съ авторами Брестскаго договора. Съ гордостью просвѣтленнаго національнаго самосознанія мы говоримъ: Россіи не было въ Версалѣ, не только физически не было, не было и духовно. Россія, сама пережившая то, что сдѣлали теперь съ Германіей, не могла бы, во имя самоопредѣленія національностей, рвать отъ Германіи нѣмецкія земли и препятствовать ея возсоединенію съ нѣмецкой Австріей, а во имя возстановленія разрушенныхъ областей Франціи и Бельгіи превращать Германію въ развалины.

Если, защищая честь русскаго народа, защищая идею права, русскій народъ вложился величайшими жертвами въ ужасы гражданской войны, то, конечно, эгоистическія матеріальныя выгоды и тщеславная амбиція победителей не бросили бы его на путь безчестія въ отношеніи германскаго народа и государства.

Повидимому, человѣчество еще не поднялось на уровень дѣйственнаго воспріятія права и поэтому такія, въ основѣ великія, идеи, какъ Лига націй, обречены на неудачу, нося въ себѣ порокъ аппробаціи Версальскаго договора и расхищенія Россіи.

И исторія выступаетъ въ роли жестокаго наставника народовъ, поставившихъ своекорыстныя задачи выше общечеловѣческихъ цѣнностей. Жестокими испытаніями искупаетъ Германія свой грѣхъ передъ Россіей и человѣчествомъ. И еще большими страданіями отвѣтитъ Европа за то, что она опустилась до жалкой роли мелкаго мстителя, руководимаго низменными мотивами въ отношеніи побѣжденныхъ народовъ, и запятнала себя преступленіями передъ Россіей.

Если высшія побужденія человѣческой души безсильны въ сферѣ европейской политики, если взаимныя отношенія народовъ европейскіе политики намѣрены продолжать строить на основѣ отрицанія всечеловѣческой солидарности, то мѣсто этихъ возвышенныхъ факторовъ заступитъ повседневная житейская проза. Повидимому, побѣдившая Германію Европа должна пройти черезъ такую же школу предметнаго обученія, какую проходитъ сейчасъ Германія, чтобы мѣсто гордыни заняла если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, пониманіе роли и значенія Россіи и Германіи въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ.

Любовь, совѣсть и честь — сейчасъ ничего не опредѣляющіе факторы во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, или вѣрнѣе: ими пользуются только, какъ фиговыми листками для прикрытія наготы человѣческаго безстыдства; такъ именно мастерски воспользовались государственные люди Англіи и Франціи Вильсоновской схемой для реализаціи того мира, который воплотилъ и оскорбительнѣйшія аннексіи, нестерпимыя для національнаго сознанія, и безумныя контрибуціи, абсолютно неисполнимыя для національнаго хозяйства.

Но если мораль и философія безсильны, то попранныя права народовъ будетъ возстанавливать экономика; хлопокъ и уголь, хлѣбъ и металлы заступятъ мѣсто моральныхъ принциповъ и христіанской любви, и Европа познаетъ солидарность народовъ — побѣжденныхъ и побѣдителей; нейтральныхъ и даже раздавленныхъ — въ той великой катастрофѣ, какую она уготовила себѣ, пренебрегши Россіей и раздавивши Германію.

Сквозь русскій хаосъ и европейскую неурядицу уже пробиваются черты того, что надвигается на Европу, послѣ побѣды принявшую вѣру имперіалистской Германіи и забывшую тѣ великія идеалистическія начала, во имя которыхъ поднялась противъ Германіи многомилліонная міровая рать.

Сквозь плевелы торжества силы и нарочитаго подчеркиванія противорѣчія національныхъ интересовъ пробиваются ростки національной солидарности въ общей системѣ европейскаго народнаго хозяйства, подобно тому, какъ сквозь толщу насаждаемой нынѣ въ Россіи идеологіи классовой ненависти пробьется съ исключительной мощью убѣжденіе въ соціальной солидарности и междуклассовомъ національномъ единствѣ.

Побѣда на военныхъ фронтахъ оказалась сопряженной съ пораженіемъ на міровомъ хозяйственномъ фронтѣ, и величайшая логика событій проявляется въ томъ, что чѣмъ рѣшительнѣй и энергичнѣй побѣдители стремятся реализовать свои барыши, принижая побѣжденныхъ, тѣмъ глубже разрушаютъ они основы своего народнаго хозяйства.[1]) Дезорганизація же народнаго хозяйства державъ побѣдительницъ знаменуетъ уже общее крушеніе мірового хозяйства, такъ какъ и заокеанская индустрія принуждена замедлить темпъ своей дѣятельности при суженіи всего европейскаго рынка.

Изложенное представляетъ замѣчательныя по своей неожиданности послѣдствія міровой войны и великой русской катастрофы. Если война, подъ хозяйственнымъ угломъ зрѣнія, велась за возможное расширеніе сферъ вліянія и воздѣйствія національныхъ хозяйствъ странъ, одержавшихъ побѣду, то въ результатѣ войны сузилась хозяйственная территорія уже не только странъ побѣжденныхъ. Конечно, Германія потеряла колоніи, но не потеряли ли Англія и Франція своихъ преимущественныхъ позицій даже въ своихъ собственныхъ колоніяхъ, не теряетъ ли, далѣе, Англія своей великой экономической роли мірового расчетнаго института, а Франція — мірового денежнаго рынка? Сохранилъ ли фунтъ стерлинговъ свое былое значеніе всемірной денежной единицы и не предпочтутъ ли сейчасъ въ міровомъ оборотѣ векселей выписанныхъ въ долларахъ? И одновременно: такъ же ли безпредѣльно господствуетъ англійскій флагъ на морѣ, не на его ли счетъ расширяется торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ и Японіи? Эти вопросы требуютъ пристальнаго вниманія и детальнаго изученія, такъ какъ ими опредѣляется совершенно новая экономическая структура міра, такъ какъ они намѣчаютъ новыя функціи и взаимоотношенія національныхъ хозяйствъ европейскихъ государствъ, а народныя хозяйства Россіи и Германіи пріобрѣтаютъ значеніе, опредѣляющее экономическія судьбы Европы.

Міровая война создала великимъ заокеанскимъ державамъ исключительно благопріятныя условія для почти фантастическаго развитія производительныхъ силъ ихъ національныхъ хозяйствъ. Весь внѣевропейскій міръ въ теченіе долгой европейской войны сдѣлался

1) ... „la solidarité économique fait que les pays dont le change est favorable voient leur importation entravée dans les pays à change déprécié"... См. Maurice Journé — La situation financière des états et la crise économique de 1920 — 1921. Revue Économique Internationale, Août 1921, vol. III, № 2 p. 205.

полемъ активнаго экономическаго воздѣйствія исключительно С. Ш. и Японіи. Уже вскорѣ послѣ возникновенія войны—парализовавъ дѣятельность Германіи внѣ Европы, великія державы Европы не для себя освободили эти территоріи отъ германскаго воздѣйствія. Напряженіе всѣхъ силъ національныхъ хозяйствъ участниковъ европейской военной борьбы дѣлало затруднительнымъ активное участіе ихъ въ экономической борьбѣ внѣ Европы. Къ тому же, чрезвычайно напряженная дѣятельность торговаго флота воюющихъ странъ Европы и вызванный этимъ непомѣрный ростъ морскихъ фрахтовъ, а также опасности заокеанской торговли, проистекавшія отъ подводной войны, привели къ чрезвычайному сокращенію внѣевропейской торговли европейскихъ державъ.

С. Ш. и Японія получили возможность свободно дѣйствовать во всемъ внѣевропейскомъ мірѣ, не опасаясь европейской конкурренціи. И за короткій періодъ долгой европейской войны они добились здѣсь такихъ эффектовъ, что даже въ искони-англійскихъ областяхъ Англія вытолкнута изъ тѣхъ позицій, на завоеваніе и укрѣпленіе коихъ ею затрачены цѣлые вѣка.

Такъ, обращаясь къ изслѣдованію значенія англійскаго импорта въ Австралію сравнительно со значеніемъ импорта С. Ш. и Японіи, мы видимъ, какъ послѣдніе замѣщаютъ слабѣющую торговлю Англіи. А именно, въ то время какъ въ 1913 — 14 году англійскій импортъ въ Австралію составлялъ 63,2% всего импорта въ Австралію и превосходилъ въ 5.36 раза импортъ С. Ш., составлявшій лишь 11,8% всего импорта въ Австралію, уже въ 1918 — 19 году импортъ изъ Англіи составляетъ 46,6% и превосходитъ импортъ С. Ш., увеличившійся до 29,3%, лишь въ 1, 59 раза. Если же противопоставить англійскому импорту въ Австралію импортъ не только С. Ш., но и Японіи, лишь съ 1916—17 года начавшей ввозить въ Австралію, то вытѣсненіе Англіи заокеанскими державами вырисуется вполнѣ явственно: англійскіе 46,6% почти уравновѣшиваются 40,38% общаго импорта изъ С. Ш. и Японіи.

Погодныя данныя о вытѣсненіи англійскаго импорта въ Австралію конкурренціей предложенія С. Ш. и Японіи приводятся въ нижеслѣдующей табличкѣ[1]):

Импортъ отдѣльныхъ государствъ въ отношеніи къ общему импорту въ Австралію.

Годы	Англіи	С. Ш.	Японіи
1913—14	63,2	11,8	—
1914—15	64,9	15,2	—
1915—16	62,1	19,0	—
1916—17	61,2	20,2	4,6
1917—18	48,2	26 6	9,3
1918—19	46,6	29,3	11,8

[1]) См. The Manchester Guardian Commercial, Annual Review за 1920 г. и январьскіе и февральскіе номера 1921 г.

Такимъ образомъ, статистическія данныя объ импортѣ въ Австралію показываютъ, что въ результатѣ короткого промежутка лѣтъ значеніе англійскаго вывоза въ Австралію уменьшилось почти въ полтора раза, тогда какъ значеніе вывоза С. Ш. возросло почти въ 2½ раза и одновременно появился новый импортеръ на австралійскомъ рынкѣ, Японія.

Совершенно такъ же складываются отношенія и въ Британской Вестъ-Индіи. Обозрѣватель хозяйственнаго положенія этихъ британскихъ владѣній отмѣчаетъ, что „цѣнность ввозной торговли Британской Вестъ-Индіи достигаетъ приблизительно 20 милліон. ф. ст., изъ нихъ около половины приходится на долю С. Ш., которые исключительно успѣшно укрѣпили здѣсь ту позицію, какую мы потеряли на этомъ рынкѣ во время войны“.[1])

Такое же положеніе обнаруживается и въ отношеніи Остъ-Индіи. Данныя, опубликованныя Калькуттской статистикой, показываютъ, что С. Ш. и Японія увеличили долю своего участія въ общей торговлѣ Индіи съ 12,5% въ 1913 — 14 г. до 26% въ 1919—20 году, какъ видно изъ приводимой таблички:

%-ное участіе отдѣльныхъ государствъ во внѣшней торговлѣ Остъ-Индіи [2])

	1913—14	1918—19	1919—20
Англіи	41	35	38
С. Ш.	6,2	11,7	13,8
Японіи	6,4	14,9	12,3

Къ сходнымъ выводамъ приходитъ обозрѣватель рынка Вестъ-Индіи въ Oldham and district Journal of Commerce,[3]) анализирующій размѣры англійскаго вывоза въ колоніи за время послѣ заключенія мира: „За первый полный годъ по заключеніи мира, процентное участіе отдѣльныхъ государствъ въ импортѣ главныхъ колоній распредѣлялось такимъ образомъ:

	Англія	С. Ш.	Канада
Ямайка	19,91	66,27	10,42
Тринидадъ	16,68	39,08	20,49
Британская Гвіана	33,66	37,70	21,97

Наконецъ, въ Канадѣ ввозъ С. Ш. достигъ такого значенія, что преимущественно имъ опредѣляется весь ввозъ въ Канаду. Импортъ въ Канаду изъ С. Ш. достигъ 78% всего импорта въ 1919 г. и 69% — въ 1920 г., тогда какъ импортъ изъ Англіи за тѣ же годы равенъ 9% и 16% противъ 22,7% бывшихъ въ 1908—9 г.

---

[1]) „Prosperous British West-Indies“ въ Annual Review The Manch. Guard. Commerc. p. 255.

[2]) The Economist № 4038, 15 January, 1921, p. 85; ср. Charles Cabanon — Le Marché de l'Inde, L'exportateur Français № 229,16 Decembre 1920.

[3]) № 13, January 1921.

Въ отношеніи важнѣйшихъ предметовъ ввоза мы видимъ, что С.-Ш. занимаютъ первое мѣсто; въ сравненіи съ импортомъ С.-Ш. въ Канаду значеніе англійскаго импорта очень невелико. Въ то время, какъ С.-Ш. ввезли въ Канаду 1920 г. металлическихъ издѣлій на 238.184.000 долл., а угля и другихъ горючихъ матеріаловъ на 174.273.000 долл., Англія экспортировала первыхъ на 15.329.000 долл. и послѣднихъ на 9.534.000 долл.[1]).

Не лишены основанія поэтому тревожныя сомнѣнія, высказанныя генеральнымъ агентомъ Британской Колумбіи, F. C. Wade, который „считаетъ исключительно важнымъ увеличеніе объема торговли между Канадой и метрополіей, ибо съ этимъ связано опредѣленіе великаго вопроса, останется ли Канада британской или будетъ потеряна Великобританіей вслѣдствіе вліянія американскихъ денегъ“.

Тотъ же процессъ отмѣчается и въ Бразиліи журналомъ Le Mercure Suisse[3]). С.-Ш. отлично использовали исключительно благопріятную обстановку, созданную войной; съ энергіей и активностью, характерными для американцевъ, принялись они за завоеваніе бразильскаго рынка. Кромѣ потока американскихъ товаровъ, въ Бразилію направились промышленники, торговцы и ихъ довѣренные, ими созданы тамъ спеціальные банки, замѣнившіе вытѣсненные германскіе банки и служащіе какъ непосредственно торгово-промышленнымъ цѣлямъ финансированія осуществляемыхъ операцій, такъ и задачамъ хозяйственно — освѣдомительнымъ; суда подъ звѣзднымъ флагомъ импортируютъ въ Бразилію товары изъ С. Ш. и вывозятъ бразильскіе грузы, они же совершаютъ каботажное плаваніе между бразильскими портами. Наряду съ С. Ш. особаго упоминанія заслуживаетъ Японія, которая, благодаря тѣмъ же причинамъ, значительно усилила импортъ своихъ товаровъ въ Бразилію.

Одновременно съ экономическимъ вытѣсненіемъ Европы изъ внѣевропейскаго міра и въ частности изъ освоенныхъ европейцами колоній, С. Ш. пріобрѣтали не менѣе важное значеніе въ экономической жизни самой же Европы. Трудно сказать, каковъ былъ бы исходъ европейской войны, если бы державы согласія лишены были возможности опереть свои національныя хозяйства на мощное хозяйство С. Ш. Индустрія С. Ш. сдѣлалась рѣшающимъ факторомъ войны: военное снаряженіе и обмундированіе, всѣ техническія средства борьбы и истребленія, всю массу желѣза и стали, какую поглотила война, все это направляли въ страны согласія С. Ш. наряду съ предметами продовольствія, продуктами сельско-хозяйственнаго производства и всякими транспортными средствами для передвиженія и обслуживанія многомилліонныхъ армій.

---

[1]) Le Mercure Suisse, № 20, April 1921 г., p. 48—49.

[2]) Canada and British Trade. Serious American Competition. Northhamptonshire Journal of Commerce № 27 March 1921, p. 4.

[3]) № 17, Janvier 1921, p. p. 35—38.

Ввозъ товаровъ изъ С. Ш. въ страны согласія, составлявшій весьма значительную часть всего экспорта С. Ш. и до возникновенія войны, увеличивался по мѣрѣ того, какъ война разгоралась. Вывозъ же этихъ странъ въ С. Ш., равнымъ образомъ бывшій до войны значительной частью импорта въ С. Ш., съ каждымъ годомъ войны сокращался. Сказанное усматривается изъ приводимыхъ ниже данныхъ о процентномъ участіи странъ согласія во внѣшней торговлѣ С. Ш. за послѣдній мирный годъ и за годы войны[1]).

Экспортъ С. Ш.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Великобританія	23,9	25,1	32,9	35,0	31,9	34,8	28,7
Франція	6,2	6,7	13,3	14,5	14,9	15,7	11,2
Италія	3,1	3,1	6,6	6,2	6,6	8,3	5,5

Импортъ въ С. Ш.

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Великобританія	15,0	15,5	15,3	14,0	10,5	5,0	7,9
Франція	7,6	7,4	4,6	4,6	3,7	2,0	3,1
Италія	3,0	2,9	3,8	2,6	1,3	0,8	1,5

Овладѣніе внѣевропейскими рынками европейскихъ колоній наряду съ использованіемъ самой Европы, какъ емкаго рынка для сбыта фабрикатовъ своей индустріи и продуктовъ сельскаго хозяйства, привело къ никогда ранѣе въ исторіи неслыханному увеличенію внѣшней торговли С. Ш. и Японіи.

За 51 мѣсяцъ войны излишекъ экспорта надъ импортомъ достигъ въ С. Ш. цифры въ 10.900 милліоновъ дол.[2]). Чтобъ оцѣнить значеніе этой цифры необходимо припомнить, что излишекъ экспорта надъ импортомъ за 125 лѣтъ истекшихъ съ 1789 года по августъ 1914 г. составилъ величину въ 9.007 милліон. долл. Вывозъ нѣкоторыхъ продуктовъ увеличился по сравненію съ довоеннымъ вывозомъ въ 75 разъ, напр. вывозъ стальной проволоки. Цифры внѣшней торговли С. Ш. настолько наглядны и поучительны, что вмѣсто иллюстрацій и поясненія ихъ, необходимо просто ихъ привести.

Ростъ внѣшней торговли С. Ш. (въ мил. долл.)

Годы	Экспортъ	Импортъ	Превышеніе экспорта надъ импортомъ
1913	2,428	1,813	615
1914	2,328	1,893	435
1915	2,716	1,674	1,042
1916	4,272	2,197	2,075
1917	6,227	2,659	3,568
1918	5,838	2,946	2,892
1919	6,304	2,802	3,502

1) Приводимая таблица составлена по даннымъ Statistical Abstract of the United States, 1919, forty-second number, Washington 1920, p. p. 389—397.

2) Ср. A. Demangeon — Le déclin de l'Europe. Paris, Payot, 1920 и Prof. Max Turmann — Est-ce le déclin de l'Europe, Le Mercure Suisse № 14, Octobre 1920.

Развитіе активной внѣшней торговли С. Ш. является внѣшнимъ выраженіемъ небывалой мощи народнаго хозяйства, въ частности индустріи С. Ш. Время войны стало лучшими днями американской промышленности. Лишенные возможности иллюстрировать здѣсь цифрами подъемъ большинства отраслей американской индустріи за истекшіе годы европейской войны, мы остановимся на нѣсколькихъ лишь примѣрахъ, типичныхъ, однако, для индустріи С. Ш. въ цѣломъ.

Обратимся къ автомобильной промышленности. Свѣжія данныя объ этой промышленности сейчасъ опубликованы National Automobile Chambre of Commerce въ работѣ „Facts and Figures“ [1]).

Въ 1914 г., до войны, въ Европѣ насчитывали 522.000 автомобилей, а въ С. Ш. — 4.242.000. Одинъ автомобиль приходился на 17 гражданъ заокеанской республики, на 300 англичанъ и на 400 французовъ.

Еще въ 1909 г. размѣры производства опредѣлялись выпускомъ на рынокъ 130 986 легковыхъ и 3.255 грузовыхъ автомобилей, цѣнностью въ 165.148.000 долл. Нынѣшній же размѣръ и развитіе рассматриваемой индустріи за истекшіе годы характеризуются слѣдующими данными:

	1914 г.	1915 г.	Увеличенія (въ %)
Размѣръ помѣщеннаго капитала	407,730,000 долл.	1,802,302,000 долл.	342
Количество произведенныхъ автомобилей	569,000	1,974,000	247
Цѣнность произведеннаго	632,831,000 долл.	2,506,834,000 долл.	296
Число занятыхъ рабочихъ	145,000	651,000	346
Размѣръ выплаченнаго вознагражденія и зар. пл.	139,453,000 долл.	813,731,000 долл.	485

Еще более поражаетъ развитіе химической промышленности въ С. Ш., промышленности новой для этой страны. Еще въ первый годъ войны С. Ш. были страной импорта химическихъ продуктовъ, за истекшіе же годы положеніе рѣзко измѣнилось, и химическая индустріа С. Ш. занимаетъ исключительную роль среди странъ экспорта химическихъ фабрикатовъ. Ростъ этой индустріи былъ наглядно представленъ на состоявшейся 20—25 сентября м. г. шестой національной выставкѣ химической индустріи въ Нью-Йоркѣ. Одинъ изъ организаторовъ выставки, Dr. Charles H. Herty, издатель The Iournal of Industrial and Engineering Chemistry, считаетъ, что въ химической про-

[1]) Ср. Levant Trade Review № 12. December 1920, p. p. 980—982, 1031; Le Mercure Suisse № 12; L'état actuel de l'industrie automobile américaine. L'exportateur français № 233, Janvier 18, 1921.

мышленности возникли за послѣдніе шесть лѣтъ новыя предпріятія съ капиталомъ, превышающимъ полмилліарда долл. Приводимыя имъ данныя, не принимающія въ расчетъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ старыя химическія предпріятія, изъ которыхъ многія достигали колоссальнаго развитія, таковы: въ 1915 г. возникли новыя предпріятія съ капиталомъ въ 65.565.000 долл., въ 1916 г. — съ капиталомъ въ 99.244.000 долл., въ 1917 г. — 146.160.000 долл., въ 1918 г. — 73.403 000 долл., въ 1919 г. — 112.173.000 долл. и за 8 мѣсяцевъ 1920 г. — 167.992.000 долл.[1]).

Относительно производства красокъ въ 1919 г. интересны данныя, приводимыя главнымъ химикомъ тарифной комиссіи С. Ш. Grinnell Jones: „Итогъ производства всѣхъ красокъ увеличился на 8% сравнительно съ производствомъ 1918 г. и доходитъ почти до 63.000.000 lbs, цѣнностью въ 67.000.000 долл. Въ среднемъ цѣна 1 фунта красокъ почти та же, что и цѣна указанная въ отчетѣ за 1918 г., а именно 1,07 долл. Качество же красокъ значительно улучшилось, отчасти благодаря замѣщенію нѣкоторыхъ дешевыхъ красокъ иными гораздо болѣе удовлетворительнаго характера. Такимъ образомъ, потребитель за тѣ же деньги получаетъ продуктъ высшаго качества".

Производство индиго дошло въ 1919 г. до 8.863.824 lbs, цѣнностью въ 5.233.719 долл. Производство это превосходитъ импортъ 1914 г. на 356.465 lbs и производство 1918 г. на 5.779.936 lbs.

Развитіе керамической индустріи — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ достиженій американскихъ химиковъ за истекшіе 5 лѣтъ. Въ началѣ войны въ Европѣ остро ощущался недостатокъ стекла и фарфора, пригодныхъ для лабораторныхъ цѣлей. Множество химиковъ предприняло интенсивную кампанію изслѣдованія и экспериментированія въ этой области, въ результатѣ которой американская промышленность производитъ въ настоящее время разнообразные сорта фарфора и стекла такихъ качествъ, которыя не превзойдены ни одной страной міра.

Оффиціальная статистика свидѣтельствуетъ, что за покрытіемъ всѣхъ туземныхъ потребностей, химическая индустрія, сверхъ того, экспортируетъ свои фабрикаты, снабжая ими державы всѣхъ частей свѣта. Экспортъ этихъ фабрикатовъ за одинъ 1919 г. составилъ 24 милліона долл.

Мы умышленно остановились подробнѣе на развитіи этихъ новыхъ отраслей американской промышленности, которымъ пришлось преодолѣть много затрудненій, характерныхъ для всякихъ новыхъ предпріятій, чтобъ тѣмъ рѣзче оттѣнить развитіе мощныхъ уже и до войны отраслей американской промышленности. При площади равной Европѣ и значительно меньшемъ населеніи, С. Ш. производятъ нынѣ 64% міроваго производства жидкаго топлива, 39% — каменнаго

[1]) См. Levant Trade Review № 12, p. p. 988—996.

угля, 36% — желѣза, около $^2/_3$ общей добычи и производства мѣди и свыше $^2/_3$ всего хлопка[1]).

Принципіально то же, что было сказано о развитіи народнаго хозяйства С. Ш., можно повторить и о Японіи. Здѣсь означенные процессы сказались еще рѣзче, если принять во вниманіе юный возрастъ японской промышленности. Если до войны торговый балансъ Японіи не характеризовался активностью, то уже съ 1915 года положеніе мѣняется, и излишекъ экспорта надъ импортомъ составляетъ 226 милліоновъ йеннъ въ 1915 г., 371 милл. йеннъ — въ 1916 г., 568 милл.—въ 1917 г. и 293 милл.—въ 1918 г. Въ результатѣ войны на міровую экономическую арену выступило народное хозяйство Японіи, какъ величина перваго ранга. Убѣжденіе, что Японія серьезно становится одной изъ великихъ міровыхъ экономическихъ силъ, находитъ выпуклое выраженіе въ адресѣ Манчестерской Торговой Палатѣ, представленномъ Sir John Randle, который недавно посѣтилъ Японію въ качествѣ предсѣдателя междусоюзнической конференціи парламентскихъ комитетовъ парламентовъ союзныхъ державъ[2]). Японское правительство субсидируетъ нѣкоторыя отрасли промышленности, преимущественнно хлопчатобумажную, причемъ субсидіи эти выплачиваются не непосредственно промышленникамъ, а владѣльцамъ судовъ, перевозящихъ хлопокъ и хлопчатоб. издѣлія, чѣмъ оказывается не только поддержка промышленности: облегченіе импорта и экспорта указанныхъ товаровъ, но и національному торговому флоту.

Хлопчатобумажная промышленность произвела обслѣдованіе всѣхъ рынковъ Востока, убѣдилась, въ чемъ таился ранѣе успѣхъ англійскихъ и германскихъ текстильныхъ фабрикатовъ и принялась выпускать продукты, отвѣчающіе національнымъ потребностямъ разнообразныхъ народовъ Востока. Японцы считаютъ, что ихъ міровая роль заключается въ томъ, чтобъ стать „британцами Востока". Они усвоили методы запада, а ихъ образованность, ловкость и настойчивость въ достиженіи поставленныхъ себѣ задачъ гарантируютъ имъ высокое положеніе среди народовъ цивилизованнаго міра. Борьба и конкурренція Англіи съ Японіей неизбѣжны, Sir Randle утѣшается лишь тѣмъ, что работы хватитъ на всѣхъ.

Японіи пришлось преодолѣть огромныя затрудненія, кореняціяся въ отсутствіи въ предѣлахъ государства желѣзныхъ рудъ и хлопка. Въ началѣ войны Японіи пришлось очень дорого заплатить за пріобрѣтенное извнѣ желѣзо: часть Японскаго флота перешла въ собственность С. Ш. Съ исключительной настойчивостью добивается Японія снабженія своей промышленности собственнымъ сырьемъ: она

---

[1]) По даннымъ Statistical Abstract of the United States добыча желѣзной руды увеличилась съ 39.714,2 тысячъ тоннъ цѣнностью въ 71.905 тыс. долл. въ 1914 г. до 72.021,2 тыс. т. цѣнностью въ 244.368,1 т. долл. въ 1918 г.; общая цѣнность добытаго и произведеннаго металла возрасла съ 691.081.700 долл. въ 1914 г. до 2.152.918.200 долл. въ 1918 г. т. е. въ 3, 1 раза.

[2]) Oldham and district Journal of Commerce № 13 January 1921, p. 8.

пріобрѣтаетъ желѣзные рудники въ Кореѣ и въ Китаѣ, громадные японскіе капиталы помѣщаются на изученіе и разведеніе хлопка въ Китаѣ, и японцы не останавливаются даже передъ попытками развести хлопокъ въ неподходящихъ для культуры этого растенія условіяхъ своей родины.

Развитіе хлопчатобумажной промышленности надо особо отмѣтить. Еще въ 1889 г. въ Японіи работало всего 225.000 веретенъ, въ настоящее время 52 компаніямъ принадлежитъ 190 предпріятій съ числомъ веретенъ въ $3^{1}/_{4}$ милліона, потребляющихъ свыше 2 милліоновъ тюковъ хлопка (вѣсомъ каждый въ 400 lbs), ввозимаго изъ Индіи, Америки, Египта и Китая.

Japan Cotton Spinners'Association опубликовала интересныя данныя о хлопчатобум. промышленности, имѣющія своимъ основаніемъ отчеты 44 компаній за 1919 годъ. Въ этомъ году работало въ указанныхъ предпріятіяхъ 31.136 мужчинъ и 101.538 женщинъ; число веретенъ доходило до 3.179.568. Произведено 783.374.826 lbs пряжи, на что пошло 892.231.087 lbs хлопка и 1.650.205.771 lbs каменн. угля. Коммерческая успѣшность дѣятельности хлопчатобум. предпріятій подтверждается оффиціальнымъ отчетомъ Департамента Внѣшней Торговли Японіи, въ которомъ приводятся данныя о дивидендахъ, выплаченныхъ 26 компаніями держателямъ акцій. Въ 1912, 1913 и 1914 г. г. дивидендъ въ среднемъ не превышалъ $10^{1}/_{4}$%, средній дивидендъ за 1915 — 17 г. г. поднялся уже до $20^{1}/_{4}$%, а за 6 мѣсяцевъ 1919 г. дивидендъ составлялъ около 50%. Столь же благопріятно развитіе химической промышленности, фабрикаты коей замѣщаютъ на Востокѣ вытѣсненную индустрію Германіи. Японія въ 7 разъ увеличила свой экспортъ бумаги, вдвое увеличила экспортъ спичекъ; японской обувью снабжается не только Китай, но и Южная Америка и даже Австралія; сахарные заводы и фабрики рыбныхъ консервовъ работаютъ съ полнымъ успѣхомъ и въ значительной долѣ являются экспортными предпріятіями. И если внѣшняя торговля Японіи опредѣлялась въ 1914 г. тѣмъ, что японскому экспорту въ 591.101.461 йеннъ противостоялъ импортъ въ Японію въ 599.735.725 йеннъ, то въ 1919 г. импорту въ 2.173.459.880 йеннъ простивостоитъ экспортъ 2.089.877.617 [1]) йеннъ.

Приведенная характеристика народныхъ хозяйствъ С. Ш. и Японіи была бы неполна и отсутствовалъ бы очень существенный моментъ, если бы мы не указали на развитіе торговаго флота обоихъ государствъ. Мѣрами государственной политики и заботами частной предпріимчивости, какъ С. Ш., такъ и Японіи, удалось добиться такого увеличенія торговаго флота, которое стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общими тенденціями развитія ихъ народныхъ хозяйствъ. И здѣсь по преимуществу идетъ борьба великихъ заокеан-

1) L'exportateur français № 222, Octobre 28 1920, p. 209.

скихъ державъ съ англійской экономической мощью: Англія перестаетъ быть владычицей морей.

Періодъ предшествующій войнѣ былъ періодомъ упадка значенія торговаго флота С. Ш. въ пользу англійскаго флага. За время съ 1861 г. по 1913 г. доля товаровъ, импортируемыхъ подъ американскимъ флагомъ, понизилась съ 60.1°|o до 11,4°|o, а доля товаровъ, экспортируемыхъ подъ тѣмъ же флагомъ сократилась съ 72,1°|o до 9,1°|o. Въ 1912—13 г. участіе американскаго флота въ движеніи въ портахъ С. Ш. выражалось 14°|o противъ 52o|o участія британскаго флота. Американскій торговый флотъ по размѣрамъ своимъ составлялъ 1|10 англійскаго торговаго флота.

Въ 1919 г. торговый флотъ С. Ш. достигъ размѣра 3|4 торговаго флота Великобританіи[1]) и занимаетъ слѣдующее по величинѣ мѣсто послѣ Англіи. Судостроеніе достигло такихъ размѣровъ, что въ теченіе одного лишь 1919 года построено было въ С. Ш 2.338 судовъ вмѣстимостью въ 4,213,891 брутто-тоннъ, что составило 3|4 всего годового мірового судостроенія. Въ области судостроенія С. Ш. установили новые міровые рекорды: за 1 мѣсяцъ, май 1919 г., было построено 136 судовъ вмѣстимостью въ 511,014 брутто тоннъ, а угольщикъ „Tuckahoe“ въ 5.500 тоннъ былъ законченъ въ 27 дней.

Опубликованный весной 1921 г. отчетъ Departement of Commerce указываетъ, что американскій торговый флотъ участвовалъ въ перевозкѣ экспортныхъ грузовъ въ 1920 г. въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ 3 милліардами долл. при общей цѣнности экспорта грузовъ въ 7 милліардовъ долл. Такимъ образомъ, доля участія американскаго торговаго флота выразилась въ 43o|o, въ то время какъ въ 1919 г. она составляла 36o|o, а въ 1918 г. только 20o|o. Насколько въ этомъ отношеніи происходитъ безостановочный ростъ значенія американскаго торговаго флота, мы видимъ изъ того факта, что въ декабрѣ 1920 г. участіе американскаго флота въ экспортѣ равнялось уже работѣ британскаго флота.

Что касается размѣровъ судостроенія, то въ 1920 г. было построено на американскихъ верфяхъ 1.758 торговыхъ судовъ вмѣстимостью въ 2.831.000 тоннъ за американскій счетъ и около 30,000 тоннъ за счетъ иностранцевъ, а всего выпущено было 2,860,000 тоннъ, что превосходитъ въ восемь разъ средній довоенный выпускъ американскихъ верфей.[2])

Японія усиленнымъ судостроеніемъ достигла того, что нынѣ въ области судоходства японскій торговый флотъ занимаетъ третье по величинѣ мѣсто: послѣ Англіи и С. Ш. Одновременно государственная власть тщательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ японскія суда не перешли подъ иностранный флагъ. Закономъ 1917 года запрещается всѣмъ судамъ, зарегистрированнымъ въ Японіи, какъ залогъ судовъ,

[1]) 18 607.875 тоннамъ торговаго флота Великобританіи противостоятъ 13.091.773 тонны флота С. Ш.

[2]) Cp. The Index, April 1920, p. 13.

такъ и заключенiе всякихъ договоровъ и контрактовъ съ иностранцами безъ особаго на то разрѣшенiя государственной власти [1])

За время войны дѣятельность японскихъ судостроительныхъ верфей очень усилилась; такъ въ 1913 году построено было 112 судовъ общей вмѣстимостью въ 156 000 тоннъ, въ 1918 году было построено 531 судно общей вмѣстимостью въ 698.000 т., а въ 1919 году — 300 судовъ вмѣстимостью въ 620,000 т. Успѣхи торговаго флота Японiи обнаруживаются въ почти полномъ овладѣнiи водами Тихаго океана, гдѣ японскiй флагъ прiобрѣлъ почти монополiю, какъ видно изъ приводимыхъ данныхъ объ участiи торговыхъ флотовъ отдѣльныхъ государствъ въ перевозкахъ въ Тихомъ океанѣ.[2])

	до войны	въ 1919 г.
Японiя	33 %	74 %
Англiя	40 %	2 %
Америка	21 %	8 %
Германiя	6 %	—
Голландiя, Норвегiя и проч. страны	—	16 %

Такимъ образомъ С. Ш. и Японiя не только обезпечили внѣшнюю торговлю ресурсами своей индустрiи, но и позаботились о томъ, чтобъ и экспортъ и импортъ товаровъ совершались на судахъ, несущихъ нацiональный флагъ, чтобъ расходы по перевозкѣ оставались въ предѣлахъ нацiональнаго хозяйства и не уменьшали размѣровъ нацiональнаго капитала.

Какъ же расплачивались великiя державы воюющей Европы за направлявшiйся къ нимъ потокъ заокеанскихъ товаровъ, перевозившiйся преимущественно на судахъ заокеанскихъ державъ? Въ разрѣшенiи этого вопроса кроется причина того, что даетъ право французу A. Demangeon'у говорить объ „упадкѣ" Европы.

Международный товарооборотъ построенъ на принципахъ обмѣна эквивалентными цѣнностями, при чемъ туземная валюта контрагента не всегда удостаивается признанiя значенiя эквивалентной цѣнности ввезенныхъ товаровъ. Расплатиться за полученные заокеанскiе товары Европа должна была либо товарами же европейской фабрикацiи, либо золотомъ, либо своимъ капиталомъ, помѣщеннымъ въ странахъ, осуществляющихъ экспортъ, и имѣющимъ форму заокеанскихъ цѣнныхъ бумагъ или заокеанскихъ займовъ.

Сокращенiе туземнаго производства и мощныя потребности военныхъ хозяйствъ, импульсировавшiя самое увеличенiе заокеанскаго импорта, не давали возможности оплатить экспортомъ своихъ товаровъ импортированныя цѣнности: мы знаемъ, что параллельно росту импорта въ Европу идетъ сокращенiе экспорта Европы въ С. Ш. и

---

[1]) Ср. цитиров. выше статью Prof. Max Turmann.

[2]) W. von Pochhammer — Die japanische Seeschiffahrt im Weltkriege. in „Werf und Reederei", Heft 6., 22 März 1921.

Японію. Великимъ державамъ Европы пришлось прибѣгнуть къ реализаціи заокеанскихъ цѣнностей, т. е. отказаться отъ послѣдующаго участія въ расцвѣтшемъ народномъ хозяйствѣ великихъ заокеанскихъ государствъ и, уменьшивъ важную статью актива своего расчетнаго баланса, обезпечить финансовую независимость своихъ величайшихъ соперниковъ на міровомъ рынкѣ.[1]) С. Ш. и Японія не только вернули значительную долю своихъ цѣнныхъ бумагъ, находившихся въ рукахъ европейцевъ, но и освободились отъ своихъ внѣшнихъ государственныхъ долговъ.

Но и это покрытіе заокеанскаго импорта оказалось недостаточнымъ, и воюющія государства, съ такимъ усердіемъ накоплявшія свой золотой запасъ и такъ ревниво его охранявшія, принуждены были открыть кладовыя своихъ казначействъ. Широкимъ потокомъ направилось европейское золото въ американскія хранилища.[2]). С. Ш. получили изъ Европы 1.213 милліон. долл. золотомъ и превратились въ величайшій въ мірѣ резервуаръ золота.

Чтобъ обезпечить непрерывный процессъ товарнаго обращенія между Европой и заокеанскими странами, въ чемъ послѣднія были заинтересованы и какъ военные союзники державъ согласія и какъ экспортеры работающіе на европейскій сбытъ, С. Ш. и Японія выступили и въ роли кредиторовъ Европы, оказывая ей валютные займы. И наряду съ многими хозяйствами частныхъ лицъ и Японія въ результатѣ войны превратилась въ „nouveau riche“. Золотой запасъ ея увеличился съ 340 милл. йеннъ въ 1914 г. до 1.600 милл. Выкупивъ свои внѣшніе долги, Японія кредитовала Европу на 500 милл. йеннъ и кромѣ того оказала кредитъ не только Китаю, но и С. Ш.

Блестящее финансовое положеніе Японіи характеризуется въ такихъ выраженіяхъ The Japan Weekly Chronicle:[3]) „Японія вышла побѣдительницей изъ міровой войны и теперь, и морально и матеріально, пользуется плодами своей побѣды.

Въ настоящее время страна сдѣлалась богаче, и въ коммерческомъ и въ промышленномъ отношеніяхъ, пріобрѣла большее значе-

---

[1]) Интересны произведенные Alfred'омъ Neymarck подсчеты количества цѣнныхъ бумагъ, находившихся въ распоряженіи отдѣльныхъ государствъ, указывающіе на исключительную позицію Франціи въ дѣлѣ реализаціи иностранныхъ займовъ: „Въ 1912 г. существовало 840—850 милліардовъ государственфондовъ и прочихъ цѣнныхъ бумагъ. Наибольшая часть ихъ принадлежала ныхъ Великобританіи: 140—150 милл.; С. Ш. — 131—140 милл; Франціи — 108 — 115 милл.; Германіи — 100 — 110 милл.; прочимъ европейскимъ и внѣевропейскимъ государствамъ — 137 — 160 милл.

Франція была только кредиторомъ и ни въ какой мѣрѣ не была дебиторомъ; всегда давала взаймы и никогда не искала займа. Она сдѣлалась воистину землей Ханаанской для всѣхъ иностранныхъ займовъ“. См. ст. Solidarité économique interalliée. „L'union fait la force“. Revue Economique internationale, vol. II., № 2., Mai 1921 p. 233.

[2]) „Въ С. Ш. прибыло изъ за границы золота на 1 милліардъ долл“. См. Des causes de la cherté actuelle de la vie. Lecture faite par M. Auguste Arnauné, p. 9.

[3]) Ср. The Manchester Guardian Commercial № 2, 16 December 1920

ніе, чѣмъ въ 1913 г. Національный долгъ ея уменьшился сравнительно съ 1914 г. — случай единственный въ исторіи войны, краснорѣчивое свидѣтельство пригодности и предусмотрительности тѣхъ, въ чьи опытныя руки ввѣрено финансовое благополучіе Имперіи. И даже больше того. Въ то время, какъ національный долгъ всѣхъ европейскихъ державъ значительно возросъ, Японія оказалась въ состояніи оказать финансовую поддержку своимъ союзникамъ, у которыхъ въ прошломъ она пользовалась займами."

Уже въ сентябрѣ 1915 г. Англія вмѣстѣ съ Франціей, вслѣдствіе пониженія своихъ валютъ, принуждены были обратиться къ первому внѣшнему валютному займу. Дѣло въ томъ, что ухудшеніе торговаго баланса, какъ слѣдствіе чрезвычайнаго превышенія импорта надъ экспортомъ, осложненное и ухудшеніемъ расчетнаго баланса, въ результатѣ уменьшенія притока въ Англію и Францію доходовъ отъ иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ и уменьшенной выручки отъ фрахтовъ, находило свое видимое выраженіе въ паденіи курсовъ ф. ст. и французскаго франка въ отношеніи къ доллару. Уже въ концѣ января 1915 г. ф. ст. стоялъ ниже паритета (по паритету ф. ст. — 4.8665 долл). и расцѣнивался 26. VIII. 1915 г. въ 4,64 долл., т. е. съ дизажіо въ 4½% и доходилъ въ томъ же сентябрѣ даже до 4,55 долл., т. е. котировался съ курсовой потерей 6½%.

Принимая во вниманіе, что монопольное положеніе С. Ш. въ дѣлѣ поставки на европейскій рынокъ и безъ того приводило къ чрезвычайнымъ потерямъ импортеровъ вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на экспортируемые товары, нетрудно представить себѣ, какія затрудненія должны были испытывать Англія и Франція отъ пониженія своихъ валютъ, т. е. дальнѣйшаго повышенія цѣнъ на привозные товары еще и по соображеніямъ междувалютныхъ отношеній. Для преодолѣнія этихъ затрудненій Англія и Франція обратились къ денежному рынку С. Ш. за займомъ въ американской валютѣ. Исторія этого займа показала, что англійскій государственный кредитъ — стандартная единица измѣренія государственнаго кредита вообще — оказался поколебленнымъ уже въ этотъ ранній періодъ войны.

Американцами былъ обѣщанъ заемъ въ 1 милліардъ долл., въ дѣйствительности же удалось получить лишь 500 милл. долл. и несмотря на высокій доходъ, приносимый этимъ займомъ, превышавшій 6% годовыхъ, финансовой группѣ Моргана удалось собрать на рынкѣ фактически лишь 300 милл., размѣстивъ остальные 200 милл. среди самой финансовой группы, взявшей на себя реализацію займа.

Если къ этому прибавить, что изъ доклада Mac-Kenn'a въ палатѣ общинъ и возникшихъ по поводу этого доклада дебатовъ выясняется первоначальная попытка Англіи получить въ С. Ш. чисто военный заемъ, отъ которой пришлось отказаться, считаясь съ настроеніями американскихъ финансовыхъ круговъ, то станетъ яснымъ, почему уже въ день заключенія англо-французскаго займа въ долла-

рахъ ф. ст. продолжалъ стоять на уровнѣ 4.715 долл. и понизился 21. X. 1915 г. до 4 6735 долл и даже до 4.655 долл. 23. X 1915 г.

Вскорѣ послѣ этого перваго валютнаго займа послѣдовали и другіе, которые, въ общемъ и цѣломъ, не достигали своей основной цѣли: возстановленія нарушеннаго достоинства ф. ст. При самомъ возникновеніи войны соображенія J. Riesser'a[1]) о томъ. что ф. ст. потеряетъ въ результатѣ европейской войны свое значеніе міровыхъ денегъ, казались неубѣдительными и вызвали рѣзкую отповѣдь F. Eulenburg'a,[2]) что „предпочтеніе англійскихъ векселей покоится на высотѣ дисконта. Вслѣдствіе избытка денегъ и капиталовъ въ Англіи, дисконтъ въ Лондонѣ обычно ниже, чѣмъ въ другихъ центрахъ. Торговый вексель неизбѣжно слѣдуетъ за курсомъ наиболѣе дешевыхъ денегъ. Пока это положеніе вещей не измѣнится, всѣ предположенія и пожеланія останутся лишь словами, лишенными значенія". Но въ настоящее время уже не являются „лишенными значенія словами" утвержденія E H. Vogel'a,[3]) что „англійская валюта, бывшая до сихъ поръ міровымъ масштабомъ цѣнности, принципіально должна уступить эту руководящую роль Америкѣ." „Возстановленіе прежнихъ валютныхъ отношеній и вытѣсненіе векселя, выписаннаго на доллары, изъ мірового оборота исключены въ теченіе долгаго промежутка времени и именно потому, что средства, примѣняемыя для достиженія этой цѣли, въ особенности практикуемое въ послѣднее время отчужденіе американскихъ цѣнныхъ бумагъ, приводятъ одновременно къ длительному ослабленію платежнаго баланса. Именно Англія въ результатѣ всей хозяйственной исторіи отличалась исключительнымъ богатствомъ накопленныхъ иностранныхъ бумагъ."

И положенія E. H. Vogel'я оправдываются дѣйствительностью, а такъ какъ, согласно правильнымъ указаніямъ F. Eulenburg'a, предпочтеніе англійскихъ векселей покоилось на избыткѣ денегъ и капиталовъ въ Англіи, то теперь, въ виду избытка денегъ и капиталовъ въ С Ш., коммерческій міръ предпочитаетъ англійскимъ векселямъ векселя, выписанные въ долларахъ. Сказанное подтверждается приводимыми ниже данными о размѣрѣ оборотовъ расчетныхъ институтовъ Англіи, С. Ш и Германіи:[4])

Размѣры оборотовъ Clearing-House

къ концу августа	1918 г.	— 13,5	милліардовъ ф. ст.
„ „ „	1919 г.	— 17	„ „ „
„ „ „	1920 г.	— 26	„ „ „

[1]) J. Riesser. England und wir. Finanzielle und wirtschaftliche Kriegs-Wirkungen in England und Deutschland (Zwischen Krieg und Frieden, VIII). Leipzig 1914.

[2]) Franz Eulenburg. Literatur über Krieg und Volkswirtschaft, Krieg und Wirtschaft 1916, 4 Heft.

[3]) E. H. Vogel Die Anleihen der Kriegführenden Staaten im Jahre 1915, S. 264 — 267, Krieg und Wirtschaft, 1916, 4 Heft.

[4]) К. Колевъ. Възстановяване на народното и международното стопанство, журналъ „Соціалдемократъ", 31 Януари 1921.

Размѣры оборотовъ расчетныхъ палатъ С. Ш.

къ концу сентября	1919 г.	— 294	милліарда долл.
„ „ „	1920 г.	— 338	„ „

Размѣры оборотовъ расчетнаго отдѣленія Reichsbank'а

за первое полугодіе	1914 г.	— 40	милліардовъ мар.
„ „ „	1915 г.	— 29	„ „
„ „ „	1916 г.	— 32	„ „
„ „ „	19 7 г.	— 42	„ „
„ „ „	1918 г.	— 58	„ „
„ „ „	1919 г.	— 63	„ „
„ „ „	1920 г.	— 300	„ „

Значеніе объема обращенія американскихъ обязательствъ подчеркивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ С. Ш. мы имѣемъ дѣло съ устойчивой валютой, чего нельзя сказать объ Англіи и въ особенности о Германіи.

Итакъ, сводя воедино изложенное выше, можно сказать, что народное хозяйство странъ побѣдившихъ въ мировой войнѣ потрясено до самыхъ основъ, и нѣтъ такой важной отрасли экономической жизни, гдѣ бы побѣдившія страны, и въ особенности Англія, не понесли тяжкаго урона.

Что касается, въ частности, индустріи, то затрудненія, происходящія отъ заокеанской конкурренціи С. Ш. и Японіи, какъ на европейскихъ, такъ въ особенности на внѣевропейскихъ рынкахъ, усиливаются еще и развитіемъ экономической самодѣятельности европейскихъ колоній.

Оторванныя экономически отъ странъ метрополіи, колоніи не только измѣнили пути торговли, замѣнивъ метрополіи рынками С. Ш. и Японіи, но и направили усилія на удовлетвореніе своихъ нуждъ собственными сре ствами, путемъ развитія національной индустріи.

Подтвержденіе этому мы находимъ, какъ въ общемъ увеличеніи внѣшней торговли колоній и притомъ преимущественно усиленіи экспорта, такъ и въ измѣненіи характера импорта.

Такъ, обращаясь къ индустріи колоній, мы должны отмѣтить блестящее развитіе хлопчатобум. промышленности Остъ-Индіи за время войны. Въ настоящее время національныя стремленія индусовъ перерабатывать весь производимый въ Остъ-Индіи хлопокъ въ туземныхъ предпріятіяхъ уже пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе реальный характеръ[1]). Изъ сопоставленія данныхъ о размѣрѣ экспорта хлопка и размѣрахъ потребленія его туземными предпріятіями обнаруживается, какъ ростъ послѣдняго за счетъ перваго, такъ и то, что вывозъ хлопка увеличивается лишь по удовлетвореніи мѣстныхъ промышленныхъ нуждъ.

[1]) Leo Ulrich. Lage, Bestrebungen und Entwicklungsmöglichkeiten verschiedener Industrien in Jndien, Weltwirtschaftliches Archiv, August 1917, 10 Bd., 4. Heft.

	Въ тысячахъ тюковъ[1]) 1916—17	1917—18	1918—19	1919—20
Экспортъ въ Великобританію	203	264	111	—
Экспортъ на континентъ	366	165	159	919
Экспортъ на Дальній Востокъ	1,510	1,276	957	—
Экспортъ въ проч. стр.	13	26	26	1,807
Итого экспортъ	2,092	1,731	1,253	2,726
Туземное потребленіе	2,904	2,794	2,753	2,969
Сборъ (приблиз. дан.)	4,985	4,499	3,991	5,635

Мы видимъ, что за послѣдніе 4 года туземная промышленность потребляла не менѣе 52.6% всего сбора хлопка, и бывали годы, когда потребленіе это доходило до 69% всего сбора, тогда какъ экспортъ хлопка не превышалъ 48,3%, держась обычно на уровнѣ 40% всего сбора хлопка.

Правда, ростъ туземнаго потребленія хлопка за счетъ экспорта его ударитъ не столько по Англіи, сколько по Германіи: Англія фабрикуетъ преимущественно тонкія ткани изъ египетскаго хлопка, тогда какъ Германія въ большей мѣрѣ производитъ низшіе и средніе сорта изъ индійскаго хлопка, но не подлежитъ сомнѣнію, что и Англія ощутитъ, какъ сокращеніе доставки хлопка изъ Индіи, такъ и сокращеніе индійскаго рынка, въ немалой части удовлетворяемаго фабрикатами туземнаго изготовленія.

Внѣшняя торговля Новой Зеландіи съ возникновенія войны обнаруживаетъ рѣзкое усиленіе экспорта, которое продолжаетъ сохраняться и по заключеніи мира.

Внѣшняя торговля Новой Зеландіи
(въ тыс. ф. ст.)

Годы	Экспортъ	Импортъ	Излишекъ экспорта
1913	22.810,3	21.653,6	1.156,7
1914	26.253,9	21.144,2	5.109,6
1915	31.430,8	20.658,7	10.772,1
1916	33.281,0	25.045,4	8.235,6
1917	30.613,1	20.742,1	9.871,0
1918	28.438,1	24.131,7	4.306,4
1919	52.573,5	30.308,9	22.284,6

Въ то время какъ вся внѣшняя торговля Новой Зеландіи за время съ 1913 по 1919 г. г. увеличилась въ 1,864 раза, импортъ увеличился лишь въ 1,4 раза, экспортъ же возросъ въ 2,308 раза, а превышеніе экспорта надъ импортомъ усилилось въ 19,26 раза. Совершенно очевидно, что расширеніе внѣшней торговли Новой Зеландіи совершалось почти исключительно за счетъ непрестанно возрастающаго экспорта.

[1]) The Economist, January 15, 1921, p. 84.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя, представляющія значительный интересъ для характеристики современнаго экономическаго положенія Австраліи.

Извѣстно, что разведеніе овецъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ благоденствія этой страны. Потребность воюющихъ странъ въ шерсти для обмундированія армій отразилась на увеличеніи австралійскаго овцеводства. Уже въ 1860 г. Австралія насчитывала 20 милліоновъ овецъ, нынѣ же число это доходитъ до 85 милліоновъ и составляетъ 15,5% всего количества овецъ въ міровомъ хозяйствѣ (550 милліоновъ). Почти всѣ солдаты британской арміи снабжены были австралійскими обмундированіемъ и одѣялами.

Въ 1918 г. въ Австраліи было произведено на 37.000.000 ф. ст. шерсти; экспортъ мороженаго мяса овецъ и ягнятъ составляетъ ежегодно 2 милл. ф. ст.

Годовое производство масла составляетъ 200.000.000 livr., а сыра 28 милл.; экспортъ масла, сыра и сгущеннаго молока достигъ въ послѣдніе годы цифры въ шесть-семь милл. ф. ст. въ годъ.

Чтобы избѣжать подробнаго изложенія производства отдѣльныхъ продуктовъ, мы приведемъ небольшую табличку годового производства Австраліи въ 1917 г. (въ ф. ст.):

земледѣліе, пшеница и проч.	58.000.000
скотоводство, шерсть, мясо и проч.	93.000.000
минералы	25.000.000
продукты птицеводства и молочнаго хозяйства	31.000.000
лѣсоводство и рыболовство	5.000.000
промышленныя издѣлія	70.000.000

Что касается промышленности, то въ 1917 г. было въ Австраліи 15.179 предпріятій съ числомъ рабочихъ въ 321.600 душъ. За этотъ годъ выплачено было заработной платы и жалованья на 36.648.200 ф. ст.; цѣнность затраченнаго сырья составила сумму въ 132.300.000 ф. ст., а произведенные фабрикаты оцѣниваются въ 206.386.000 ф. ст.

Обращаясь къ оцѣнкѣ перспективъ австралійской индустріи, Hon. J. G. Jenkins, бывшій австралійскій премьеръ, а нынѣ директоръ Международной Торгово-Промышленной Камеры, говоритъ:[1] „Онѣ (возможности) огромны; ихъ можно учесть, если разсмотрѣть значеніе капиталовъ, какъ помѣщенныхъ въ новыя предпріятія, такъ и предназначенныхъ на развитіе уже ранѣе существовавшихъ. За послѣдніе три года сумма капиталовъ, собранныхъ въ Австраліи для увеличенія промышленности, составляла 63 милл. ф. ст., изъ нихъ 38 милл. помѣщены въ новыя предпріятія и 25 милл. пошли на развитіе уже существующихъ предпріятій".

[1]) L'Australie, p. p. 283—290, Revue Economique Internationale, Août 1921, Vol III, № 2.

„Въ странѣ, гдѣ производ-тъ столь значительныя количества шерсти, уже существуютъ. многія текстильныя предпріятія и нѣтъ препятствій для ихъ успѣшной дѣятельности. Въ такомъ же положеніи и иныя индустріи, и съ увѣренностью можно сказать, что наступитъ время, когда Австралія сдѣлается могущественнымъ экспортеромъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ, которые она въ настоящее время ввозитъ изъ другихъ странъ".

Анализъ внѣшней торговли и національныхъ хозяйствъ внѣевропейскихъ колоній Европы приводитъ къ заключеніямъ аналогичнымъ тѣмъ, которыя получены нами при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ чертъ народнаго хозяйства Индіи.

Прежде чѣмъ закончить вопросъ объ экономической самодѣятельности европейскихъ колоній укажемъ еще на развитіе Е ипта. Внѣшняя торговля достигла огромныхъ размѣровъ. при этомъ цѣнность экспорта изъ Египта постоянно растетъ и обгоняетъ быстроту роста цѣнности импорта, какъ мы убѣждаемся изъ приводимой таблички внѣшней торговли Египта за годы войны.

Внѣшняя торговля Египта (въ егип. ф.) [1])

Годы	Цѣнность импорта	Цѣнность экспорта
1913	26.782.809	31.662.085
1914	20.807.779	24.891.796
1915	18.47[illegible].098	27.046 072
1916	30.072.213	37.461.763
1917	30.134 698	41 060.612
1918	48.057 377	45.370.020
1919	44.338 973	75.888.221

Ростъ египетской промышленности привлекаетъ серьезное вниманіе англійскихъ дѣловыхъ круговъ и вызываетъ въ ихъ средѣ нѣкоторыя тревожныя чувства. Любопытенъ въ этомъ отношеніи отзывъ журнала The near East[2]) о будущемъ египетской промышленности: „Всѣ, кто заинтересованы въ благосостояніи Египта, съ большимъ удовлетвореніемъ остановятся на выставкѣ египетской промышленности въ Каирѣ. Изъ отчета корреспондента выясняется, что въ рядѣ случаевъ египтяне удовлетворяютъ свои потребности собственными усиліями, тогда какъ ранѣе тѣ же потребности удовлетворялись товарами, привозимыми съ Запада. Становится вѣроятнымъ, что скоро Египетъ окажется въ состояніи снабжать себя рядомъ благъ туземнаго производства и даже возможно развитіе экспортной торговли съ ближайшими рынками: съ Палестиной и Балканскими странами. Но мѣстныя условія ставятъ границы промышленному развитію страны, такъ какъ отсутствуютъ матеріалы для главныхъ отраслей міровой

[1]) См Pierre Arminjon. Situation économique de L'Egypte au moment de la guerre, p. 303, Revue Economique internationale, Mai 1921, Vol. II, № 2.
[2]) № 508, 3 February 1921, p. 149.

индустріи. Въ указанныхъ границахъ, однако, имѣется широкое поле для благопріятнаго роста египетской промышленности. Ростъ этотъ не затронетъ серьезно англійской промышленности, такъ какъ фабрикаты, которые могутъ быть произведены туземной индустріей, ранѣе импортировались въ Египетъ изъ континентальной Европы преимущественно центральными державами, и даже въ условіяхъ постояннаго роста египетскаго хозяйства, имѣются гарантіи того, что для импорта постоянно будетъ обезпечена работа".

Мы видимъ, что и въ колоніяхъ европейская война привела къ мощному развитію производительныхъ силъ туземныхъ хозяйствъ и принципіально — хотя, конечно, въ совершенно иномъ обьемѣ и темпѣ — война великихъ державъ Европы оказалась для экономической жизни колоній такимъ же благопріятнымъ фактомъ, какъ и для народныхъ хозяйствъ С Ш и Японіи.

Европейская война перемѣстила экономическій центръ тяжести мірового хозяйства, и міровая экономическая роль Европы перешла къ С. Ш.[1])

Въ финансово-экономическихъ условіяхъ сегодняшняго дня европейскимъ державамъ не по силамъ тягаться съ С Ш Борьба за возстановленіе нарушеннаго войной мірового экономическаго положенія Европы вѣроятно дастъ содержаніе экономической исторіи ближайшаго поколѣнія, во всякомъ случаѣ это — не программа текущей экономической политики Европы. И скорѣе наоборотъ: борьба за овладѣніе рынками Европы будетъ актуальной цѣлью народнаго хозяйства С. Ш.

Хозяйство Англіи и Франціи оріентировалось на великій міровой рынокъ: промышленность ихъ нуждается въ великихъ массахъ привознаго сырья, фабрикаты ихъ индустріи должны быть размѣщены въ разныхъ концахъ міра. Невозможность подвоза достаточнаго количества сырья, потому ли, что часть этого сырья используется народнымъ хозяйствомъ колоній, потому ли, что валютныя и финансовыя отношенія экономически дѣлаютъ невозможной работу на американскомъ сырьѣ, потому ли, наконецъ, что, провалившаяся въ экономическое небытіе Россія вовсе не даетъ никакого сырья, — ставитъ

[1]) Весьма показательны заключенія, къ которымъ приходитъ извѣстный экономистъ и финансистъ Edwin R.-A. Seligman о современномъ положеніи С. Ш. въ сравненіи съ Европой: „Мы сдѣлались страной кредиторомъ, бывъ ранѣе страной-должникомъ; вмѣсто того, чтобы ссужаться у иностранныхъ державъ, мы ихъ ссудили въ огромныхъ размѣрахъ. Нашъ государственный долгъ сдѣлался исключительно или почти исключительно національнымъ *внутреннимъ* долгомъ. Малы количества — если таковыя вообще имѣются — нашихъ государственныхъ обязательствъ, которыя сохраняются въ рукахъ иностранцевъ. И, съ другой стороны, значительная часть государственнаго долга всѣхъ иностранныхъ государствъ, за исключеніемъ Германіи, размѣщена внѣ государствъ-должниковъ. Понятно, слѣдовательно, что условія XIX вѣка совершенно перевернуты". La liquidation financière de la guerre aux Etats-Unis, Paris 1920, p. 20. Cp. Revue de sc. et de lég. Financières № 1, Janvier — Fevrier — Mars 1920.

передъ промышленностью Европы страшную угрозу не временнаго и случайнаго, а длительнаго и хроническаго сокращенія производства. И съ другой стороны: удовлетвореніе потребностей отчасти мѣстной промышленностью самихъ колоній, отчасти прочно укоренившимся предложеніемъ американской и японской индустрій, наряду съ неучаствующей вовсе въ экономическомъ общеніи народовъ Россіей и неспособными выступать, какъ активные потребители, побѣжденными народами Европы, принуждаетъ европейскую промышленность сократить свое производство изъ за отсутствія рынковъ сбыта.

Среди указаннаго комплекса причинъ, съ двухъ сторонъ принуждающихъ народное хозяйство Европы измѣнить свою экономическую физіономію и деградировать, имѣются явленія, измѣнить которыя не въ силахъ мудрѣйшіе политики и государственные мужи, и феномены, подлежащіе воздѣйствію разумной и энергичной воли. Европа не можетъ измѣнить отношеній, которыя созданы желѣзной логикой военнаго хозяйства: сдвинуть С. Ш. съ захваченныхъ ими экономическихъ позицій и вернуть хозяйства своихъ колоній въ условія, подобныя бывшимъ до возникновенія европейской войны.

Европа можетъ и должна — если не желаетъ деградировать и вымираніемъ значительной части населенія, и упадкомъ общей и экономической культуры приспособиться къ давно изжитымъ хозяйственнымъ состояніямъ — урегулировать европейскій рынокъ и, вернувъ въ міровое хозяйственное общеніе Россію и пересмотромъ мирнаго договора урегулировавъ и возстановивъ экономическій порядокъ въ Германіи и на ближнемъ востокѣ, укрѣпить свое народное хозяйство въ предѣлахъ Европы, чтобы затѣмъ начать борьбу за утраченное міровое значеніе.

Пренебреженіе этими задачами дорого обойдется Европѣ и ложными надеждами 1919 и почти всего 1920 г. нельзя отодвинуть подлинной катастрофы конца 1920 и идущаго 1921 г. Разражающійся міровой кризисъ — послѣднее предупрежденіе Европѣ: экономика зоветъ политиковъ спѣшить съ возстановленіемъ Россіи и съ упорядоченіемъ отношеній съ Германіей и ближнимъ востокомъ, призываетъ и угрожаетъ.

Разразившійся міровой кризисъ въ разныхъ государствахъ въ разной мѣрѣ отражаетъ то первую, то вторую группу причинъ. Кризисъ въ Англіи и въ С. Ш. въ значительной мѣрѣ вызывается сокращеніемъ рынковъ сбыта фабрикатовъ, тогда какъ кризисъ въ нейтральныхъ странахъ и въ особенности въ Скандинавской группѣ государствъ обязанъ преимущественно недостатку или вѣрнѣе непомѣрной дороговизнѣ сырья, наряду съ сокращеніемъ спроса.

Можетъ возникнуть вопросъ, почему же кризисъ въ Англіи и С. Ш. разразился такъ поздно, разъ причины вызвавшія его, а именно отсутствіе народнаго хозяйства Россіи и выпаденіе рынковъ центральной Европы, были налицо уже къ моменту заключенія перемирія и мира? Иначе говоря, почему кризисъ, основныя причины котораго

уже существовали, отсрочился въ своемъ проявленіи больше, чѣмъ на годъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ коренится въ хозяйственныхъ условіяхъ предшествующихъ годовъ войны. Населеніе всей Европы, въ особенности населеніе воюющей Европы и части европейскихъ владѣній внѣ Европы, испытывало во все время теченія войны величайшія лишенія. Недостаточное потребленіе, какъ предметовъ непосредственнаго питанія, такъ и всей совокупности промышленныхъ фабрикатовъ, наряду съ невозможностью возобновить и ремонтировать какъ орудія хозяйства, такъ и утварь, — таковы общія условія хозяйства и быта гражданскаго населенія Европы періода войны. И естественно, что немедленно по возникновеніи возможности, населеніе Европы принялось удовлетворять тѣ потребности, которыя все откладывались до того времени, „когда наступитъ миръ“[1]). Стало быть причиной того, что кризисъ не разразился вскорѣ же по прекращеніи военныхъ дѣйствій, является недопотребленіе Европы въ теченіе войны и благопріятное положеніе промышленности въ 1919—20 г. на насыщеніи населенія побѣдившихъ государствъ. При этомъ очень скоро, уже въ началѣ 1920 г., народное хозяйство Скандинавскихъ странъ начало испытывать затрудненія иного рода: необходимость пополнить свои запасы сырья для возобновленія запаса фабрикатовъ, истощавшихся подъ натискомъ европейскаго спроса, имѣла неожиданныя послѣдствія. Для промышленниковъ сдѣлалось яснымъ, что сбытъ ранѣе изготовленныхъ фабрикатовъ — операція убыточная, если учитывать страшно возросшія цѣны на внѣевропейское сырье. Съ другой стороны, высокій курсъ скандинавской валюты дѣлаетъ невозможнымъ конкурренцію съ фабрикатами странъ съ низкой валютой. Новое дорогое сырье пожирало большую часть прибылей накопленныхъ ранѣе и нашедшихъ свое выраженіе въ высокой національной валютѣ, которая, въ свою очередь, ослабляла позицію этихъ, благопріятно использовавшихъ военную конъюнктуру хозяйствъ въ конкурренціи со странами съ упавшей валютой, въ частности уже съ германской промышленностью.

Активный торговый балансъ этихъ странъ, чрезвычайно возросшій за годы войны, начинаетъ уступать мѣсто излишку импорта надъ экспортомъ. Уже въ 1918 г. Данія ввезла на 910 милліон. кр., а вывезла лишь на 710 милл. кр. За 3/4 1920 г. Данія ввезла однихъ

---

[1]) „Съ начала перемирія усилился спросъ на многіе товары и продукты“. Des causes de la cherté actuelle de la vie. Rapport lu par M. Arnaunè p. 110. „Съ момента прекращенія войны у всѣхъ возникаетъ стремленіе производить расходы. Отпущенные солдаты, обладая средствами, накопленными ими за время пребыванія въ арміи, и вообще всякій считаетъ, что имѣетъ право доставить себѣ тѣ наслажденія, отъ которыхъ онъ воздерживался въ теченіе войны. Въ результатѣ уровень покупокъ достигъ никогда ранѣе не виданныхъ размѣровъ“, пишетъ внимательный наблюдатель, извѣстный американскій финансистъ, банкиръ Otto Kahn въ статьѣ La règle d'or, Réorganisation des conditions du travail en Amérique, Revue Economique internationale, Mai 1921, p. 217—218.

лишь продовольственныхъ продуктовъ на 345 милл. кр., а за купленный у Англіи уголь принуждена была уплатить сумму, превышающую по размѣрамъ своимъ проценты, уплаченные Англіей за размѣщенный въ Даніи англійскій военный заемъ, исчисляемый въ сумму, превышающую 4 милліарда кр.

Такъ же обстоитъ дѣло въ Швеціи, гдѣ излишекъ ввоза надъ вывозомъ за первую лишь половину 1920 г. превзошелъ 687,8 милл. кр., и въ Норвегіи, какъ видно изъ приводимой таблички:

(въ милл. кр.)

	1914	1915	1916	1917	1918	1920[1]
Ввозъ	567	868	1353	1661	1252	2500
Вывозъ	410	677	988	791	755	1300
Заработокъ на фрахтахъ	211	474	1063	1107	905	400

Солидарность мірового хозяйства даетъ себя остро чувствовать въ этихъ странахъ, такъ блестяще разживавшихся на основѣ европейскаго бѣдствія. И они начинаютъ вводить высокіе тарифы противъ конкурренціи дешевыхъ нѣмецкихъ товаровъ и клянутъ дорогой англійскій уголь, мечтая о дешевомъ русскомъ сырьѣ[2]).

Промышленныя страны Европы задыхаются, такъ какъ ампутація Россіи и Германіи превратили народное хозяйство Европы въ нежизнеспособнаго калѣку. Историческое развитіе народнаго хозяйства Россіи выдвигаетъ его на роль костылей ампутированной Европѣ. Страна бездонныхъ запасовъ сырья и величайшій міровой потребитель фабрично-заводской промышленности, послѣреволюціонная крѣпкая мужицкая Россія можетъ вывести великія промышленныя страны Европы изъ того экономическаго тупика, въ который онѣ попали въ результатѣ бѣдствій міровой войны и несправедливаго мира.

Россія сейчасъ не существуетъ, и это откровенно должны признать даже тѣ, кто строитъ свои расчеты на заключеніе договоровъ съ этой несуществующей Россіей. Россія Совѣтовъ — кладбище народнаго хозяйства, и это признаютъ сами совѣтскіе правители и этимъ признаніемъ подписываютъ себѣ смертный приговоръ во имя возрожденія настоящей Россіи. Мы не станемъ повторять здѣсь того, что всѣмъ отлично извѣстно, что уже постепенно, медленно и съ трудомъ проникаетъ въ сознаніе и беспристрастныхъ иностранцевъ. Мы ограничимся лишь воспроизведеніемъ свѣдѣній о внѣшней торговлѣ Совдеповъ въ истекшемъ году, приводимыхъ корреспондентомъ The Manchester Guardian Commercial[3]), Michael Farbman'омъ на основаніи офиціальныхъ совѣтскихъ данныхъ.

---

[1]) За 1920 г. данныя приблизительныя; окончательныхъ получить не удалось.

[2]) См. Fritz Hansen — Zur Wirtschaftslage in den Skandinavichen Ländern, Frankfurter Messzeitung № 26, 15. Januar 1921.

[3]) № 8. Vol. II January 27 1921, p. 312.

Импортъ въ Совѣтскую Россію съ 18 апрѣля по 31 декабря 1920 г. (въ пудахъ):

1. Продовольствіе	979.000,	включая 864.000 п. картофеля
2. Обувь и издѣлія изъ кожи	105 000	
3. Сѣмена	41 000	
4. Резина и каучукъ	42 000	
5. Керамическія издѣлія	31.000	
6. Химическія издѣлія и краски	145.000,	въ томъ числѣ 11.000 п. медик.
7. Машины, орудія и металлы	1.083.000,	изъ нихъ 75 % земледѣл. машины
8. Бумага и типографскіе матеріалы	568.000	
9. Текстильныя издѣлія	66.000	
10. Разные грузы	162.000,	включая 121.000 п. угля
Всего	3.222.000	

Экспортъ Совдепіи составилъ около 300,000 п. Импортъ въ Россію въ 1917 г. выражался въ цифрѣ въ 110.000.000 пудовъ, а въ этомъ году хозяйство уже было основательно подорвано войной и годомъ революціи, что видно изъ сопоставленія со среднимъ за пятилѣтіе 1908—12 г. импортомъ въ 911,2 милл. р. Экспортъ изъ Россіи въ среднемъ за то же пятилѣтіе выражался во внушительной цифрѣ въ 1.326,2 милл. р., въ одномъ 1912 году было вывезено свыше 1.143,3 милл. пуд. разныхъ грузовъ[1]). При этомъ по содержанію своему экспортъ за тѣ же годы состоялъ на 62% изъ предметовъ питанія и на 34,2% изъ сырья, тогда какъ въ импортѣ 37,1% занимали фабричныя издѣлія и 49,2% — полуфабрикаты и сырье.

Участіе Англіи во внѣшней торговлѣ Россіи выражается въ 22,4% всего русскаго экспорта и въ 15,2% импорта въ Россію; значеніе Франціи выражается въ 6,5% экспорта и 5,6% импорта и львиная часть внѣшней торговли Россіи приходится на долю Германіи: 30,1% экспорта и 46,6% импорта.

Бѣдствія, испытанныя Россіей, конечно, измѣнили до основанія народное хозяйство страны; съ большой долей вѣроятности можно говорить о буквальномъ уничтоженіи русской промышленности. Не только сейчасъ, не только на другой день послѣ уничтоженія тиранніи въ Россійскомъ Государствѣ, но и въ теченіе долгихъ лѣтъ русскій народъ будетъ лишенъ національныхъ фабрично-заводскихъ издѣлій, и на удовлетвореніе этого спроса будутъ работать милліоны индустріальныхъ рабочихъ запада Европы и далекаго заокеанскаго запада. Но основные источники національнаго богатства Россіи, ея

---

[1]) Cp. Pierre Chasles — Les coopératives russes. Revue économique internationale, Juin 1921.

сельское хозяйство, ея лѣса и воды, ископаемыя ея горъ, въ основѣ своей останутся непоколебленными годами безумнаго управленія разрушителей.

Вслѣдствіе того упадка русской валюты, которое правильнѣе было бы назвать просто нуллификаціей русскаго рубля и вслѣдствіе неизбѣжной пассивности русскаго торговаго и расчетнаго балансовъ, Европа въ теченіе долгаго ряда тяжелыхъ для русскаго народнаго хозяйства лѣтъ будетъ пользоваться дешевымъ русскимъ сырьемъ. Фабрикаты, изготовленные на этомъ сырьѣ, будутъ имѣть возможность успѣшно конкуррировать на русскомъ же рынкѣ съ промышленными издѣліями даже странъ съ низкой валютой, не говоря уже о продуктахъ С. Ш. и Японіи, дорогихъ, какъ вслѣдствіе дороговизны сырья, такъ и вслѣдствіе высокаго курса валюты.

Конечно, Россія не станетъ на ноги сама, конечно, ей понадобится мощная финансовая помощь Европы и Америки. Но помощь Россіи будетъ самопомощью Европы, останавливающей свои фабрики и заводы, потому что некуда сбыть полные товарами фабричные склады[1]). Страны, союзники Россіи въ великой войнѣ, вышедшіе изъ войны побѣдителями также и Россіи, окажутъ ей помощь не въ силу вѣрности союзнымъ завѣреніямъ и не изъ христіанскаго братолюбія. Если сейчасъ они спокойно созерцаютъ гибель населенія шестой части міра и санкціонируютъ расхищеніе русской земли и за расхищенное золото готовы заключать договоры и даже признать русской государственной властью тѣхъ, кому отказываетъ въ этомъ признаніи весь русскій народъ, то не изъ гуманныхъ побужденій принуждены будутъ они отказаться отъ того, что сейчасъ творятъ. Они помогутъ возродиться Россіи потому же, почему они сейчасъ уже принуждены оказывать финансовую помощь низверженной въ прахъ Австріи, почему завтра они пересмотрятъ Севрскій договоръ и почему въ ближайшее время они окажутъ помощь Германіи и подвергнутъ ревизіи намѣченный къ неуклонному исполненію жестокій миръ побѣдителей.

Сегодня опредѣляющее вліяніе на политику оказываетъ застой въ хлопчатобумажной промышленности, завтра застой охватитъ цѣлый рядъ другихъ отраслей народнаго хозяйства самыхъ крѣпкихъ міровыхъ державъ. Народному хозяйству Европы грозитъ величайшее кру-

---

[1]) „Если нуждающіяся страны въ теченіе продолжительнаго времени будутъ оставаться въ томъ же критическомъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся въ настоящій моментъ, и если нѣкоторыя изъ нихъ погибнутъ, это будетъ имѣть ужасныя послѣдствія для всѣхъ странъ, находящихся теперь въ кажущемся еще благополучіи, и дезорганизація черезъ посредство безработицы, голода и политическихъ смутъ достигнетъ во всемъ мірѣ такихъ размѣровъ, что всѣ страны, называемыя теперь „кредиторами“, будутъ вовлечены въ послѣдующія бѣдствія, или, по меньшей мѣрѣ, испытаютъ тяжкій ударъ“. Это писалъ еще въ концѣ 1919 г. не моралистъ и теоретическій изслѣдователь, а практикъ народнаго хозяйства, банкиръ, директоръ Нидерландскаго Банка С. Vissering въ своей работѣ „Problèmes internationaux, économiques et financiers“. Paris, 1920, p. 48.

шеніе, ибо землетрясеніе, поглотившее Россію, оставило въ Европѣ колоссальную пропасть, которую никакими палліативными мѣрами засыпать не удастся. Выражаясь въ терминахъ экономики: народное хозяйство Европы обречено создавать излишніе продукты безъ всякой надежды размѣстить ихъ на міровомъ рынкѣ.

Мы убѣждены, что скоро Европа попытается приблизить эти излишки производства къ голодному потребителю, что и Англія, столь непримиримая на ближнемъ востокѣ, и Франція, столь непримиримая къ Германіи, станутъ на путь валютныхъ займовъ своимъ бывшимъ врагамъ, поскольку они этимъ путемъ обезпечатъ рынокъ своей промышленности. На этотъ путь уже становятся нейтральныя державы; въ сущности, это — тѣ же методы, какіе примѣнялись С. Ш. по отношенію къ Англіи и Франціи въ теченіе войны.

Мы думаемъ, что германскій заемъ въ 200 милл. голландскихъ гульденовъ, произведенный въ концѣ прошедшаго года въ Голландіи, съ обязательствомъ Германіи израсходовать часть этого займа въ самой Голландіи, а остальное затратить на пріобрѣтеніе сырья въ любомъ мѣстѣ по усмотрѣнію Германіи, послужитъ прототипомъ ряда аналогичныхъ займовъ. Продавцы, желая сбыть свои дорогіе товары бѣднымъ покупателямъ, оказываютъ имъ кредитъ, обязывая частью займа расплатиться за покупаемые у кредитора товары.[1])

Этимъ удастся приблизить излишки производства странъ съ дорогой валютой къ голоднымъ потребителямъ странъ низкихъ валютъ, но этимъ будетъ засыпанъ только едва замѣтный край міровой пустоты, образовавшейся отъ провала Россіи. Кризисъ не будетъ изжитъ такими путями и даже наоборотъ возможно расширеніе его, какъ потому, что промышленность, работающая на низкой валютѣ, начнетъ успѣшно конкуррировать на туземныхъ рынкахъ странъ съ высокой валютой (Германія на рынкахъ Англіи, Франціи и нейтральныхъ государствъ), такъ и потому, что успѣшная дѣятельность промышленныхъ странъ, воспользовавшихся валютными займами, ощутитъ отсутствіе русскаго рынка.

Россія снабжала своими продуктами почти исключительно Европу и потребляла преимущественно европейскіе фабрикаты. И если европейская культура безъ дѣйственнаго протеста созерцаетъ гибель великой русской культуры, если европейскіе рабочіе—безучастные зрители физическаго истребленія русскаго рабочаго класса, то исчезно-

1) Чрезвычайный интересъ представляетъ докладъ, прочитанный въ декабрѣ 1920 г. замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ С. Ш. Herbert Hoover'омъ передъ Ассоціаціей американскихъ банковъ. H. Hoover призываетъ коммерческіе и финансовые круги С. Ш. въ порядкѣ частной иниціативы, а не мѣрами государственной политики оказать Европѣ заемъ въ значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ удастся предотвратить застой американской индустріи и сокращеніе экспорта С. Ш.

Результатомъ сдѣланнаго доклада и послѣдовавшаго совѣщанія является предположеніе организовать American Cooperative Export Trade Financing Corporation съ капиталомъ въ 100 милліоновъ долларовъ.

веніе русскаго сырья и русскихъ потребителей, приводящее къ застою европейской промышленности, обрекающее пролетаріатъ запада на хроническую безработицу, въ полной мѣрѣ проявитъ свою силу.

Если бы русскій народъ физически погибъ и русское государство буквально прекратило свое существованіе, то свободныя естественныя богатства Россіи сдѣлались бы объектомъ освоенія европейскихъ государствъ, русскія необъятныя поля стали бы заселяться выброшеннымъ за бортъ европейской промышленности западнымъ пролетаріатомъ и произошло бы величайшее перемѣщеніе европейскаго (а м. б. и внѣевропейскаго) труда и капитала. Но положеніе Европы осложняется тѣмъ, что никогда Россія не прекратитъ своего историческаго бытія, несмотря на стремленія ея историческихъ враговъ и вопреки надеждамъ ея союзныхъ недруговъ. Существованіе же Совѣтской Россіи дѣлаетъ возможнымъ превращеніе труднаго кризиса европейской промышленности въ міровой пожаръ соціальной революціи и источникъ гражданскихъ и внѣшнихъ войнъ. Накопляющаяся въ народныхъ массахъ Европы стихія злобы и ненависти — естественный и неизбѣжный результатъ тягостей, переносимыхъ ими вслѣдствіе промышленнаго кризиса и общей хозяйственной депрессіи — кристаллизуется подъ воздѣйствіемъ Москвы въ могучее и оформленное орудіе міровой соціальной катастрофы. Наряду съ этимъ, присутствіе на міровой аренѣ разрушительной силы Совѣтской Россіи питаетъ надежды побѣжденныхъ народовъ уравнять свои бѣдствія съ бѣдствіями народовъ побѣдителей, ввергнувъ ихъ въ страшную пучину соціальной революціи, и кровью неизбѣжной тогда гражданской войны въ средѣ побѣдителей смыть условія тяжкихъ договоровъ, обрекающія побѣжденные народы на національное униженіе и экономическую зависимость. Таковы психологическія настроенія, а возможно, въ дальнѣйшемъ, и соціальныя осуществленія существованія Совѣтской Россіи.

И наоборотъ: отсутствіе настоящей Россіи, крѣпкой національнымъ единствомъ и осуществленной соціальной справедливостью, Россіи, какую мы только и мыслимъ, и о возрожденіи которой нѣтъ у насъ сомнѣній даже въ самые мрачные часы совѣтской дѣйствительности, дѣлаетъ психологически понятными, а возможно, въ послѣдующемъ, и реально осуществимыми попытки странъ побѣдителей освободиться отъ давящей гегемоніи С. Ш. и Японіи путемъ провокаціи взаимнаго военнаго столкновенія великихъ заокеанскихъ державъ изъ за захвата безхозяйныхъ русскихъ территорій.

Недаромъ Японія упорно держитъ свои войска на территоріи искони русскихъ земель, часть которыхъ уже откровенно захвачена ею, а С. Ш. часто и по самымъ разнообразнымъ поводамъ прокламируютъ необходимость цѣлости и неприкосновенности территорій государства Россійскаго.

Тѣ же мотивы, по которымъ въ Германіи мечтаютъ освободиться отъ Франціи и Англіи черезъ внутреннія смуты и революцію въ сихъ

послѣднихъ, питаютъ въ Англіи и Франціи надежду освободиться отъ С. Ш. и Японіи черезъ ихъ взаимное столкновеніе.

Отсутствіе Россіи уже ощущается міромъ въ тяжкомъ экономическомъ кризисѣ, охватывающемъ всѣ промышленныя страны міра; не исключена возможность, что землетрясеніе, низвергшее Россію въ преисподнюю коммунистической лабораторіи, скажется въ соціальныхъ революціяхъ на западѣ Европы и новыхъ великихъ войнахъ внѣ Европы.

Россія слишкомъ въ Европѣ, Европа слишкомъ переплела свои судьбы съ Россіей, чтобъ можно было оправдать наблюдаемые сейчасъ равнодушіе и даже злорадство Европы по отношенію къ бѣдствіямъ Россіи.

Россія будетъ великой Россіей и чѣмъ скорѣе станетъ на этотъ свой историческій путь, тѣмъ легче будетъ Европѣ и міру изжить трудности, порожденныя міровой войной; если же процессъ возрожденія Россіи затянется по винѣ Европы, Россія все же подымется черезъ пережившую соціальныя муки Европу.

Возрожденная Россія никогда не забудетъ, что въ страшную годину у нея въ Европѣ не оказалось друзей, и всѣ силы направитъ на возсозданіе своего національнаго хозяйства, единственнаго не измѣнившаго ей союзника.

Д. О. Линскій.

Матеріалы по Фету.

1. Исправленія Тургеневымъ фетовскихъ „Стихотвореній“ 1850 г.

(Окончаніе).

Центральное мѣсто, показывающее дѣйствительное варварство тургеневскаго сбращенія съ Фетомъ, принадлежитъ исторіи съ „Фантазіей“ (с. 321). Она описана неполно въ „Моихъ воспоминаніяхъ“: — какъ Тургеневъ не могъ понять, что жаръ-птица качается „на суку извилистомъ и чудномъ“, пока ему не объяснили, что этотъ сукъ въ стилѣ рококо. Фетъ отстоялъ и чудный сукъ и кое что дальше, но выпустилъ цѣлую строфу прекрасно-фетовскаго стиля.

Первоначальное чтеніе начала:

„Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ. Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.
Что жъ молчимъ мы? Или самовластно
Царство тихой свѣтлой ночи майской?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей надъ розою китайской?
(Знать цвѣты которыхъ нѣтъ завѣтнѣй
Распустились въ нѣгѣ своевольной.
Знать и кактусъ побѣлѣлъ столѣтній
И бананъ, и лотосъ богомольный)“.

Какое „бодлэровское“ богатство красокъ! Рифма „майскій — китайскій“ освящена Пушкинымъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“:

„Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей“.

Фетъ идетъ дальше, дѣлаетъ розу китайской, придавая этимъ „Фантазіи“ сказочно-фантастическій колоритъ. Все это вяжется съ побѣлѣвшимъ отъ цвѣтовъ кактусомъ (его цвѣтеніе онъ описалъ передъ концомъ жизни въ своемъ разсказѣ „Кактусъ“), съ бананомъ и богомольнымъ лотосомъ Фетъ недаромъ взялъ

тоже пушкинское слово „богомольно“ („благоговѣя богомольно передъ святыней красоты“). Въ выпущенныхъ строкахъ „Соловья и Розы“ —

„Мы какъ лотосъ богомольно
Заглядимся въ ручеекъ“.

Это былъ стойкій фетовскій образъ, его нельзя устранять. Онъ, всегда „колѣнопреклоненный“ („смотрю колѣнопреклоненный, „позволь колѣнопреклоненнымъ“ и т. д.), понималъ богомольность лотоса. Для Тургенева это вольность или то, что послѣ презрительно называли люди, непосвященные въ искусство, „декадентствомъ“ или „модернизмомъ“. По его же требованію „Иль поетъ и ярко такъ и страстно“ Фетъ пытался замѣнить (но потомъ оставилъ первое чтеніе) — „Иль поетъ неотразимо страстно“, гораздо обыденнѣе и слабѣе, исключается необходимая пьесѣ яркость.

Но курьезнѣе всего предполагавшіяся другія замѣны „Фантазіи“:

„На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ
Предо мной качается жаръ-птица“.

Фетъ замѣняетъ: „на суку ни съ чѣмъ несообразномъ“, риему „въ сіяніи алмазномъ“ и очевидно самъ чувствуя какъ ни съ чѣмъ несообразенъ этотъ варіантъ.

„Переходятъ радужныя краски
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ. — (Тург. написалъ „пер.“).
Мигъ еще и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ“. (Тург.: „пер.“).

Фетъ послушно перемѣняетъ (курс. мой):

„Раздражая рѣзкимъ свѣтомъ очи
Мигъ еще и нѣтъ волшебной сказки
Разлетѣлись чары майской ночи“.

Эта замѣна помимо банальности „чаръ“ повторяетъ „майскую ночь“, данную уже во второй строфѣ: „Царство тихой, свѣтлой ночи майской“. Интересно, что Тургеневъ взялъ эпиграфомъ къ „Призракамъ“ (1864 г.) какъ разъ тѣ строчки, которыя когда то подвергъ остракизму:

„Мигъ еще и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ“.

„Фантазія“ показываетъ уродливость тургеневской корректуры. Тургеневъ, другъ Гонкуровъ и Флобера, остался въ общемъ чуждымъ направленію, по которому шла въ его время передовая французская лирика. Хранитель романтическихъ завѣтовъ въ новеллѣ, онъ остался глухъ къ возрожденію тѣхъ же завѣтовъ въ лирикѣ — презрительно названной „decadence“. Фетъ же самъ по себѣ шелъ тѣмъ же предопредѣленнымъ лирикѣ путемъ, какимъ

шли французы, соединяя пѣвучесть стиха и символизмъ Тютчева съ пушкинской зрительной отчетливостью и предугадывая этимъ уже тѣхъ, кто пришелъ за символистами и кто учился не только у него, но и у „вычурной“ Каролины Павловой. „Фантазія“ и „Соловей и Роза“ намекъ на ту часто пересыщенную и изысканную роскошь, какую далъ экзотикъ Гумилевъ въ своихъ нѣсколько искусственныхъ китайскихъ стихахъ. Обѣ пьесы умѣреннѣе Гумилева, слишкомъ страстно идущаго за Теофилемъ Готье, котораго онъ любовно перевелъ, но зато „Фантазія“ въ первоначальномъ, неискаженномъ Тургеневымъ видѣ, быть можетъ, одно изъ самыхъ значительныхъ произведеній послѣ-пушкинской и послѣ-тютчевской лирики, ибо если не хронологически — то т. ск. по своему заданію — она слѣдующій за Тютчевымъ этапъ.

Стих. (339):

„За кормою струйки вьются
Мы несемся въ челнокѣ,
И далеко раздаются
Звуки Нормы на рѣкѣ“.

Третья (послѣдняя) строфа читалась:

„По неволи пѣсни вьются:
Ты съ гитарою въ рукѣ,
И далеко раздаются
Звуки Нормы на рѣкѣ“.

Это варіація первой строфы; введена гитара, характерная для романса (вспомнимъ: „Закинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою“). Гитара связана съ цыганщиной, идущей отъ Пушкина и Языкова черезъ Фета къ Блоку. Многія мелодіи Фета, какъ и Блока, вышли изъ цыганскаго романса. Фетъ посвятилъ цѣлый разсказъ „Кактусъ“ цыганскому пѣнію, на которомъ онъ былъ вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ. Въ немъ упоминается гитара: „хоръ разойдется спать, а она возьметъ г и т а р у... ужъ очень она забористо поетъ“.

Фетъ измѣнилъ по требованію Тургенева:

„Струйки вьются, пѣсни вьются,
Стонетъ эхо вдалекѣ,
И дробяся раздаются
Звуки Нормы на рѣкѣ“.

Затѣмъ „Стонетъ эхо“ дало „Вторитъ“... это стихотвореніе навѣяно извѣстнымъ переложеннымъ на музыку стих. Козлова — „Ночь бріенцкая дышала“... гдѣ „Торкватовы октавы раздаются вдалекѣ“ и „чуть дробимыя волны“. Въ послѣднемъ чтеніи связь съ Козловымъ подчеркивается словами „вдалекѣ“ и „дробяся“.

„СТонетъ“ аллитерируетъ со „СТруйки“. При измѣненіи „Стонетъ“ — во „Вторитъ“ получилась особая ритмика звука „в“: „В торитъ эхо В далекѣ“, черезъ слово; тоже въ предыдущей строкѣ: „Струйки В ьются, пѣсни В ьются“.

Стих. „Когда мои мечты" (191) — (съ яркимъ образомъ: „я плачу сладостно какъ первый іудей") печаталось еще въ Моск. Гор. Листкѣ. По сравненію съ 1-й редакціей:

„Не жаль мнѣ жаркихъ слезъ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ"

2-я редакція: „Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ..."

Утерялась игра звуковъ: „ЖА ЛЬ ЖА ркихъ С ЛЬ О зъ ЖА ЛЬ С Н О въ".

Послѣдная строфа:

„По сжатію руки, по отблеску рѣчей
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,
По восторгающей гармоніи рѣчей,
Съ серебрянымъ и вѣчнымъ эхомъ".

Обѣ строки посттроены на аллитераціяхъ, эпитеты къ эху просты и кстати. Измѣнено:

„По ропоту простыхъ незначащихъ рѣчей,
Лишь намъ звучащихъ страсти эхомъ".

„Лишь" очень тяжелитъ и эхо утеряло свою самостоятельность, ставши какъ бы эпитетомъ къ страсти.

Стих. „Даль" (311) раньше читалось:

„Облакомъ волнистымъ
Прахъ встаетъ вдали
Конный или пѣшій
Не видать въ пыли".

Тургеневъ всегда борется съ славянизмами, мы это увидимъ на антологическихъ стихотвореніяхъ, гдѣ казалось бы „власы" придавали бы больше торжественности чѣмъ „волосы". „Прахъ" (въ серб. яз. „прашина" — пыль) замѣнено „пыль", несмотря на повтореніе этого слова въ 4-ой строкѣ, такъ оно и цитируется Тургеневымъ въ его перепискѣ.

Во „Владычицѣ Сіона" (348) „наитіе недуга" — дало „вліяніе недуга", а въ „Мадоннѣ" (347) „Моей душѣ пріятенъ гласъ иной и сердцу голосъ слышится"... — дало непріятное повтореніе, и измѣненіе идетъ за счетъ славянизма: „моей душѣ понятенъ звукъ иной"...

На антологическихъ стихотвореніяхъ ярко видна тенденція тургеневской работы надъ Фетомъ. Въ „Вакханкѣ" Тургеневъ исправляетъ славянизмы, придающіе торжественность рѣчи „какъ будто бы власы" — „какъ будто волосы". У Тургенева есть, если можно такъ выразиться, эстетическіе предразсудки, потому что онъ — эстетикъ-догматикъ. Поэтому въ стих. „Влажное Ложе" (172) „волны сырые тумана" (слѣдующая сттрока кончается: „каштана") — Тургеневъ написалъ: „перем. въ гекзаметрахъ нельзя риѳмовать"; измѣнено: „вольны тумана сѣдого". У Фета ест стойкіе эпитеты, напримѣръ: „вечеревой" и „заревой". „Діану", которая такъ нравилась Достоевскому, оцѣнилъ Тургеневъ: „это стихотво-

реніе — chef d'œuvre". „Зефиръ вечеревой" замѣнено сначала: „вѣтеръ заревой", потомъ невыразительнымъ „вѣтеръ на зарѣ". Въ стих. (182) фетовскіе обороты замѣнены банальными: „Пиръ вечеревой" сдѣлался: „вечерній пиръ", „вѣтеръ заревой" — „вѣтерокъ ночной", явства „жирныя" стали „сочныя", „Любви Проперція" — „любви мечтательной". Все стихотвореніе исказилось. Хозяинъ приглашаетъ: „Зачѣмъ... нашъ пиръ вечеревой вчера не посѣтилъ?" „Діана полная" на пиру:

„Благословляла столъ улыбкою своей
И явства жирныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно-лакомымъ гулякамъ утонченнымъ"...

Нужно было глубоко, какъ Фетъ, почувствовать античность, чтобы понять, что „жирность явствъ" — такая же непремѣнная принадлежность класическаго юга, какъ и бѣломраморность. „Вѣтеръ заревой по фитилямъ порхая началъ слегка огни"... тутъ сидѣла и Лидія, и Пирра, и Цинтія, и Неэра. Послѣ этихъ-то ласкающе звучныхъ именъ Фетъ воскликнулъ:

„... я чувствую я заплачу ей дань
Любви Проперція тоскливой, безотрадной".

Замѣна прекраснозвучнаго „Проперція" третьимъ прилагательнымъ „мечтательной" обезобразила строчку, придавая ей ненужно романтическій, 30-хъ годовъ XIX-го вѣка, характеръ. Такъ четырьмя поправками разрушенъ высоко-торжественный стиль стихотворенія, полнаго жгучихъ couleurs locales какъ это уже было въ томъ стихотвореніи, гдѣ исключается „Весперъ".

Въ стих. „Другъ мой"... (169): „я пишу стихи послушной богини" замѣнено: „я пишу стихи покоряясь богинѣ". Въ первомъ чтеніи большая оригинальность: богиня послушна ему, а не онъ ей, какъ въ варіантѣ „покоряясь", гдѣ обычный трафаретъ.

Въ обращеніи „къ красавцу" (180), который поразилъ вообраҗеніе дѣвушекъ:

„Ты полонъ прелести въ ихъ памяти живешь
И гребню въ ихъ рукахъ искусство придаешь".

Къ этой неловкой фразѣ, вызванной потрѣбностью конкретизировать, придрался Тургеневъ: на поляхъ написано: — „? — перем. развѣ онъ учитъ ихъ искусству коаферовъ?" Замѣна: „Улыбкамъ учитъ (послѣ — „учишь") ихъ и къ зеркалу зоветъ" (послѣ „зовешь" — чтобы сочетать съ риѳмой).

Стих. „Я знаю, гордая" (178) — посвящено при первомъ напечатаніи Б-й (Бржеской??). Фетъ въ немъ говоритъ о красавицѣ, окруженной у своей колесницы рабами. Поэтъ увидѣлъ „подъ бархатомъ рѣсницы" ея взглядъ:

„Давно прочелъ, давно, и знаю съ той поры
Гдѣ жертву новую ты ищешь для игры".

Тургеневъ не понялъ какую „игру“ затѣвала гордая: замѣняется:

„Давно прочелъ и разгадалъ съ тѣхъ поръ,
Гдѣ жертву новую твой выбираетъ взоръ“.

Дальше жертва для красавицы найдена: ѣдущій въ челнокѣ юноша, его гребущая рука

„Минула ужъ бреговъ ухающимъ соблазномъ
Но горе: ты поешь!“ . . .

Тургеневъ поставилъ „!??“ и велѣлъ „перемѣн(ить)“. Онъ всегда борется со славянизмами (какъ „власы“ въ „Діанѣ“), а тутъ еще эпитетъ — „ухающимъ“, возстановленіе слова распространеннаго въ русскомъ языкѣ съ прибавленіемъ „благо“ („благоухающій“), что въ сущности „грецизмъ“ („благо“ соотвѣтствуетъ греческому: „Eu“). „Ухающимъ“ не понятно при всемъ своеобразіи. Мѣняется на „овѣянныхъ“, послѣ вся строчка:

„Минула берега манящіе соблазномъ“.

Юноша упускаетъ весело:

„Онъ скованъ! . . . Ты поешь, ты блещешь красотою
И пѣнишь темный понтъ зубчатой чешуею“.

Красавица оказалась просто сиреной, но тонкій намекъ на античность по мнѣнію Тургенева требуетъ разъясненія. Первая замѣна: „и сдерживаешь. . . хъ (? неразборчиво, Ю. Н.) коварною душою“. Въ этомъ случѣ сирена исчезла бы вовсе. Окончательно:

„для взоровъ божество — сирена подъ водою“.

Фетъ необыкновенно самобытенъ и конкретенъ въ выборѣ словъ. Въ немъ прямо декадентское исканіе новыхъ словъ и творчество ихъ (иногда неудачное, какъ съ эпитетомъ „ухающимъ“), и это сочетается съ потребностью въ той реальности и зрительной почти-опредѣленности, граненности, какую давала классическая поэзія съ ея рѣзкими тѣнями юга; она была почерпнута Фетомъ или непосредственно, или сквозь призму пушкинской лирической школы.

Въ „Узникѣ“ (377) „Отпѣтое горе“ — Тургеневъ требуетъ „перем(ѣнить), немного вычурно“ — красочный эпитетъ вытекающій изъ всего произведенія. Замѣняется „тяжелое“, потомъ „бывалое“. Въ „Колыбельной пѣснѣ сердцу“ — „Сердце незабудка“ — граціозная игра словъ, дала „Сердце ты малютка“ — банальное сравненіе (тамъ же замѣна „старой няни — прежней няни“). Въ стих. „Странное чувство“ (167) „иглы рѣсницъ“ Тургеневъ хочетъ чтобы было замѣнено: „бархатъ рѣсницъ“, какъ въ „Я знаю гордая“ („взглядъ. . . подъ бархатомъ рѣсницы“). Фетъ отстоялъ первое чтеніе. Первое же чтеніе Фетъ отстоялъ въ стих. „Я зналъ ее“ (371), гдѣ „Священную тишину“ Тургеневъ желалъ было перемѣнить на „сердечную“ — психологизируя нѣчто болѣе глубокое, а своеобразныя строки:

„На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать“

— написалъ: „Что за дьяволъ?“. Фетовская „философичность“ грозила быть замѣненной такими банальными строками:

„И на челѣ высокаго служенья
Таинственно покоилась печать“.

Возстановлены 3-я и 4-я строфы фетовскаго обращенія къ Демону, который „читаетъ по книгѣ живота“, въ стих. „Вотъ снова ночь“ (344).

Въ ст. „Радъ я дождю“ (186) замѣчательный образъ. О ручкахъ сказано, что онѣ — „Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ подолгу устами“. Это „подолгу“ — выражающее чрезвычайно много — замѣнено незначущимъ „своими“.

Въ „Помню я, старушка няня“ (316) говорится о гаданіи и послѣ:

„Но зато уже влюбился
Твой воспитанникъ не въ мочь“.

Оригинально вставленное слово „воспитанникъ“ не понравилось Тургеневу и Фету приходится говорить отъ своего имени:

„Но зато (ужъ) (и) я такъ влюбился
Что приходится не въ мочь“.

Въ „Серенадѣ“ (335) „Тихо вечеръ погораетъ“ замѣнено обычнымъ: „догораетъ“.

Тамъ же „Блещутъ ангельскія очи“ замѣнено: „свѣтятъ“, потомъ „смотрятъ“. Малоинтересная послѣдная строфа опускается, можетъ быть, изъ за повторенія „легко“ („какъ легко дыханье ночи“ въ предыд. строфѣ). Приведу выброшенную строфу:

„Такъ легко и такъ привольно,
Страсти укротя,
Въ сердцѣ вымолвить невольно —
Спи мое дитя!“ —

Варіантъ:

„Какъ струна ручей трепещетъ
Зыбь во мглу катя.
Полный мѣсяцъ въ окна блещетъ —
Спи мое дитя —

Въ этомъ случаѣ сравненіе ручья со струной сочеталось бы со 2-ой строфой, гдѣ — „Струна робко зазвенѣла“.

Въ записной книжкѣ Н. П. Остроуховой (ур. Боткиной), на вопросъ: „ваше любимое занятіе?“ Фетъ отвѣтилъ: „была всю жизнь охота“. Поэтому понятно, и въ его духѣ, сравненіе былого стремленія съ далекимъ вечернимъ выстрѣломъ (Стих. „Какъ мошки зарею“ — 331).

„Былое стремленье
Далеко какъ выстрѣлъ вечерній“.

Какъ Тургеневъ, самъ охотникъ, не уловилъ въ этомъ образѣ фетовской неповторимости? „Выстрѣлъ вечерній“ перемѣняется въ — „отблескъ вечерній“.

Тургеневъ опредѣленно чурается остроты фетовскихъ словесныхъ изломовъ. Въ стих. „Уснуло озеро“ (325) русалка выплываетъ какъ лебедь въ то время, когда:

„Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой,
Лишь карпія порой плеснетъ у тростниковъ“.

кончается:

„Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильникъ водяной русалки колыхаютъ“.

Фетъ любилъ поставить рядомъ возвышенное слово и легкое („Веспера“, „чело“ и „вертлявая ножка“), здѣсь рядомъ съ поэтической русалкой ставятся чисто русскія конкретныя словечки какъ „карпія“ (даже не карпъ!), какъ „шильникъ“. Въ другомъ стихотвореніи, не подпавшемъ подъ высокую тургеневскую руку: „соловьихи“ (именно „соловьихи“, не madame же соловей ихъ называть!) хриплымъ свистомъ созываютъ чадъ. Эта черноземная фетовская „грубость“ показалась вылощенному вкусу Тургенева простой вульгарностью и торжественная „карпія“ замѣняется простымъ карпомъ (какъ еще его допустили?!) — и начало строки теперь читается: — „Порой тяжелый карпъ“... а „шильникъ водяной“ далъ „травы на водѣ“ — какую то безличность, какъ будто всякія травы имѣлъ въ виду Фетъ, а не именно шильникъ!

Въ стих. „На зарѣ ты ее не буди“ (повліявшемъ должно быть на одно — Иннок. Анненскаго, въ его „Кипарисовомъ Ларцѣ“) она сидѣла у окна вечеромъ:

„И старалась понять темноту,
Гдѣ свисталъ и урчалъ соловей,
То на небѣ, то въ звонкомъ саду.
Сердце билось слышнѣе у ней“.

Эта строфа подверглась изъятію. Не изъ за слова ли „урчалъ“? Мы привыкли, что урчитъ въ животѣ, и вдругъ соловей — поэтическая птица — тоже урчитъ (и свищетъ). Пристойно ли? Но на этихъ примѣрахъ видно, какъ Фетъ не боялся словъ, какъ онъ выходилъ съ ними на бой, безстрашно желая подчинить ихъ своей власти мага.

Такъ уничтожалась фетовская угловатость.

Въ стих. (169):

„Слышишь ли ты, какъ шумитъ крылами угольное стадо
Съ крикомъ летятъ . . . журавли“

опять фетовскій неподражаемый эпитетъ къ стаду журавлей: „угольное“; его не замѣняетъ „угловатое“, потому что подъ „угловатымъ“ мы разумѣемъ скорѣе „неровный“, и необхо-

димый въ своей отточенности уголъ не обращаетъ такого вниманія — какъ въ словѣ „угольное“. Кромѣ того: „крылами“ въ звуковомъ отношеніи отвѣчаетъ согласнымъ слѣдующей строки: „крикомъ л-етятъ“, что уничтожается при замѣнѣ „крылами угольное стадо“ на „вверху угловатое стадо“.

Далѣе въ этомъ стихотвореніи свищетъ синица:

„Ты говоришь, что опять теплой дождался весны?
Другъ, не сули журавля, дай лучше въ руку синицу“.
(курс. Тург.).

„Дождался“ замѣнено — „дождемся“. Фетъ, особенно въ письмахъ любитъ приправлять свое слово яркой поговоркой, но Тургеневъ не выноситъ такихъ приправъ. Послѣдняя строка ослабляется: „Другъ мой, могу ль при тебѣ дожидаться блаженства въ грядущемъ?“

Это стремленіе даже въ сравненіяхъ прибѣгать къ яркой образности видно на концѣ „Хандры“ (271), гдѣ сравненіе шуршанія принужденной дремоты съ крысами въ худо запертомъ роялѣ Тургеневъ желалъ выкинуть, но Фетъ отстоялъ, хотя на поляхъ есть другой варіантъ:

„Или рыжая сосѣдка
Безвозмездно, неизбѣжно
На разбитомъ фортепьянѣ
Гаммы пробуетъ прилежно“.

Казалось бы если бы мы сравнивали только звуковыя ощущенія — не слѣдовало бы упоминать о рыжести сосѣдки, достаточно и того, что она мучаетъ гаммами, но поэтическій языкъ пользуется всѣми средствами (какъ и тогда, когда называетъ звонъ малиновымъ или краснымъ) и „рыжая“ это лишній камень въ прилежныя гаммы сосѣдки, усиливающій ненависть къ нимъ.

Въ стих. „Къ Офеліи III“ (351) — въ 1-ой строфѣ она только летаетъ вокругъ и бесѣдуетъ, во 2-ой даритъ и врачуетъ, въ 3-й, отвергнутой за повторенное, придающее интимность „то“, описывалось какая она улыбчатая —и когда опечалитъ и когда обрадуетъ:

„То вдругъ опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдругъ.
А все улыбаешься ясно,
Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ“.

Предлагался варіантъ, тоже не удовлетворившій:

„О если бы пѣнье носилось
Вездѣ какъ невидимый духъ
Тѣбѣ (Sic! *Ю. Н.*) наяву бы приснилось
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ“.

Мы видѣли смысловыя замѣны. Тургеневъ не обращалъ вниманія на звуковое построеніе стихотворенія. Возьмемъ то, которое

сейчасъ читается „Полно смѣяться“ (318) и гдѣ перемѣнена совершенно первая строфа. Въ изданіи 1850 г. оно читалось:

„Слушай однаты — намъ не годится
Мертвая тишь!
Только и слышно, чуть шевелится
Рѣзвая мышь. (курс. Тург.)
— Чу! Не стучите! Кто то шагаетъ
Вдоль закромовъ . . .
Сыплетъ да сыплетъ, — пересыпаетъ
Рожь изъ мѣшковъ . . .
Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,
Шубой шумитъ,
Всѣмъ надѣляетъ, все обѣщаетъ,
Только сердитъ! . . .
— Ну а тебѣ что? — Тише сестрицы!
Что то несутъ.
Такъ и трясутся всѣ половицы,
Что то поютъ . . .
Гробъ забиваютъ крышей большою . . .
Кто то завылъ . . .
Страшно сестрицы! Знать надо мною
Шутъ подшутилъ“.

Даже при бѣгломъ чтеніи видно, что все стихотвореніе построено на чередованіи шипящихъ и зубныхъ („т“): „СлуШай“, „тиШь“, „слыШно“, „Шевелится“, „мыШь“, „Шагаетъ“, „мѣШковъ“, „Шубой Шумить“, „обѣШчаетъ“, „Што“, „тиШе“, „Штото“ (2 раза), „крыШей“, „больШою“, „страШно“, „Шутъ подШутил“, „Чуть“, „Чу“, „стуЧите“, „сЧиитаетъ“.

4-ая строка 1-ой и 2-ой строфы созвучны: „Рѣзвая мышь“, — „Рожь изъ мѣшковъ“, — во второй разъ повторяются тѣ же согласныя („рзвмш“ съ дополненіемъ „жк“).

Все это построеніе теряется въ окончательной редакціи, а замѣна „хихикать“ мало умѣстнымъ „смѣяться“ портитъ весь тонъ, да и гудъ пчелъ, обычно веселый (какъ и „смѣяться“), не подготовляетъ такъ, какъ шевеленіе мыши среди „мертвой“ тиши, къ шуткѣ шута и гробу, которыми все оканчивается.

Теперь первая строфа стала читаться:

„Полно (раньше „хихикать“) смѣяться — что это съ вами
Точно базаръ!
Какъ загудѣло, — словно пчелами
Полонъ амбаръ“ . . .

Стих. „Зеркало въ зеркало“ (317) — описываетъ гаданіе. — Вотъ что можетъ привидѣться въ зеркалѣ:

„Ну, какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчъ?
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
Выглянетъ вдругъ изъ за плечъ?
Ленты да радуги ярче и жарче дня
Что жъ обернись, погляди! (курс. Тург.)
Суженный! золото серебро . . . чуръ меня,
Чуръ меня, — сгинь пропади!"

Въ послѣдней строфѣ нечетныя строки начинаются одинаковымъ „Ну какъ", четныя съ одного и того же согласнаго („в"). Въ соотвѣтствіи съ этимъ — „Что жъ обернись, погляди" сочетается съ „Чуръ меня, — сгинь пропади". Обѣ строки начинаются односложными словами, начинающимися однимъ согласнымъ („ч"); риѳмующіяся слова у нихъ оба трехсложныя, одинаково начинающіяся (съ „п"). Обѣ строчки поются почти на однѣхъ и тѣхъ же гласныхъ. Фетовскія замѣны этимъ пренебрегаютъ. Первая: „Хоть ты гляди не гляди", вторая — „Духъ захватило въ груди". Выигрышъ по сравненію съ „Что жъ обернись, погляди!" въ уничтоженіи глагольной риѳмы: „погляди — пропади". Кромѣ того поГЛЯдѣть надо было на выГЛЯнувшаго лохматаго; такое злоупотребленіе однокоренными словами при замѣнѣ уничтожалось.

Въ V-мъ стих. цикла „Къ Офеліи": "Ни въ сердцѣ ни въ окѣ нѣтъ силы", Тургеневъ потребовалъ замѣны. Сначала Фетъ пишетъ „душѣ", что не выходитъ метрически, затѣмъ „мысли". Между тѣмъ „въ окѣ" созвучно съ „во кругъ" — слѣдующей и „одинокой" (могилы) послѣдней строки.

Около вычеркнутаго стих. „Вѣтеръ злой" я нашелъ набросокъ, показывающій, что стихотвореніе зарождается изъ музыкальной мелодіи, въ которой смыслъ проступаетъ пока только пятнами. Онъ трудно разбираемъ:

„Заревая вьюга
Все позанесла
А ревнивый мѣсяцъ
Смотритъ вдоль села
Подойти къ окошку
Долго ль до бѣды
А проснутся завтра
Разберутъ слѣды
Въ огородъ собаки
Изорвутъ смотри (?)
Приходи сегодня
И нельзя найти
По т . . . простенкомъ (??)
Проберусь какъ разъ
Ни свекровь ни мѣсяцъ
Не увидятъ насъ".

Ни одного знака препинанія нѣтъ. Насколько уродливы наши изданія поэтомъ, показываетъ то, что Фету разставлялъ, въ Нивскомъ изданіи, много спустя послѣ его смерти, его редакторъ Б. В. Никольскій.

Для художника „свободная красота“ (pulchritudo vaga — терминъ антовской „Критики способности сужденій“), ничего незначащая красота случайной комбинаціи линій, арабески — предшествуютъ красотѣ „привѣшенной“ (pulchritudo adhaerens), обнаруживающей мысль или назначеніе. Для живописца краски, а для поэта звуки предшествуютъ мысли, что потверждается многочисленными черновиками самыхъ разнообразныхъ поэтовъ, а въ данномъ случаѣ неразборчивыми карандашными строками о заревой вьюгѣ.

Многіе стихи выпущены для изданія 1856 г. Они всѣ попали въ окончательное изданіе, и это исправило жестокость тургеневскаго къ нему отношенія. Выпущенная баллада „Соловей и Роза“ — возстановлена неполно. Фетъ о ней говоритъ въ „Предисловіи къ Вечернимъ Огнямъ“: „даже соглашаясь, что тамъ есть болѣе или менѣе яркіе образы и болѣе или менѣе удачные стихи, мы никакъ не могли помириться съ тѣмъ излишнимъ накопленіемъ красокъ, которое свидѣтельствовало о широкихъ размахахъ неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаемъ, что даже сокращенное почти на половину стихотвореніе и въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ окончательно ясныхъ очертаній. Тѣмъ не менѣе рѣшаемся сохранить его, находя, что ни въ одномъ изъ нашихъ молодыхъ произведеній съ такою ясностью не проявляется направленіе, къ которому постоянно порывалась наша муза“.

Пропущено два діалога Соловья и Розы.

Первый послѣ словъ:

„Ты такъ свята, что ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

О Н А.

Мой другъ, мой братъ, мой милый, мой любовникъ
На милую внимательно взгляни:
За розу ты не принялъ ли шиповникъ,
Смиренное подобіе родни?
И если есть во мнѣ благоуханье,
Оно лишь тѣмъ коснется до тебя,
Что скромное, безвѣстное созданье,
Стремясь къ тебѣ, такъ предало себя.

ОНЪ.

Ты роза долины, я ночи пѣвецъ.
И чувство въ насъ братское тоже;
Намъ мѣсяцъ кристальный готовитъ вѣнецъ,
И солнце пурпурное ложе.
Росою на пѣсни, на пѣсни росой
Дала отвѣчать намъ природа,
И наши всѣ звуки, всѣ блестки какъ рой
Горятъ у небеснаго свода.
Тамъ Ангелъ лазурный, востока жилецъ,
Ихъ огненной мѣритъ рукою.
Ты роза долины, я ночи пѣвецъ
Мы вѣчные братья съ Тобою.

Затѣмъ, послѣ словъ Розы — второй пропущенный діалогъ:

ОНЪ.

На востокѣ небо чисто,
Какъ сапфиръ твоихъ очей;
Въ рощахъ пальмовыхъ тѣнистыхъ,
Лунный лучъ дрожитъ теплѣй.
На востокѣ есть у Бога
Заповѣдныя мѣста:
Сердцу снится та дорога —
Полетимъ съ тобой туда.
Ни фазановъ позлащенныхъ
Ни павлиновъ не сомнемъ.
Ни плодовъ мы запрещенныхъ
Тихомолкомъ не сорвемъ.
Мы, какъ лотосъ, богомольно
Заглядимся въ ручеекъ . . .
Сердцу станетъ сладко, больно —
Полетимъ же на востокъ.

ОНА.

Мой милый, гдѣ сердце — тамъ грезы,
Гдѣ вѣра — тамъ царство весны;
Гдѣ очи — тамъ жаркія слезы
Гдѣ думы — тамъ чудные сны . . .
Во снѣ мое спящее око
Небесный измѣрило кругъ,
Отъ запада вплоть до востока,
Узрѣло и сѣверъ и югъ.
Ни дна; только въ безднѣ рождаясь

Горятъ и сверкаютъ ключи,
И, силою вѣчной вращаясь,
Дрожатъ золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
Къ одной отдаленной звѣздѣ;
А я все молилась, молилась;
Чтобы ты былъ мнѣ вѣренъ вездѣ.

И „Соловей и Роза“ и „Фантазія“ написаны приблизительно въ сер. 40-хъ годовъ (точную хронологію стиховъ Фета установить трудно за неимѣніемъ рукописей). Тамъ и тутъ—лотосъ богомольный и необыкновенное „накопленіе красокъ“. Такъ изысканно сказано, что любовники не сомнутъ фазановъ и павлиновъ позлащенныхъ, а рядомъ пурпурное ложе солнца и кристальный вѣнецъ мѣсяца. Экзотическія конкретности безъ сухой пряности и остроты Гумилева, но съ особенной сочностью и полнозвучностью; все это черезъ Ангела, огненной рукой мѣряющаго звуки, доходитъ до вѣчной силы дрожащей лучами и стремящейся къ одной отдаленной звѣздѣ — къ землѣ. Эта сила воплотится двадцать лѣтъ спустя въ знаменитомъ философскомъ стихотвореніи съ эпиграфомъ изъ Шопенгауера — „Измученъ жизнью“: „вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится“. Такъ не случайны и стойки фетовскіе образы, повторяющіеся черезъ много лѣтъ; это звенья одной поэтической цѣпи, ихъ нельзя выбросить изъ творчества Фета, потому что тогда вся цѣпь разсыпется.

Нивское изданіе отступаетъ отъ первочтенія. Строфа передъ вторымъ выброшеннымъ діалогомъ была такой:

„Но и радость и мученье
Мудро намъ судьба дала.
Ты не пѣлъ бы безъ стремленья
Я бъ безъ страсти не цвѣла“.

„Радость — мученье“ предваряетъ „радость — страданье“ пѣсни Бертрана въ „Розѣ и Крестѣ“ Блока, тоже указывающей на мудрость судьбы. Варіантъ, исправляя глагольность рифмъ, уничтожаетъ глубину задуманнаго:

„Но ни грусти ни мученья
Ты обманомъ не зови.
Гдѣ же пѣсни безъ стремленья?
Гдѣ же юность безъ любви?“

Баллада дышетъ востокомъ: „тамъ у Бога заповѣдныя мѣста“. „Закрывается милое око“ — риѳма: „Мой вѣтеръ съ востока“. Фетъ измѣняетъ: „Закрываются милыя очи“ — „вѣтеръ съ суровой полночи“. Потомъ: „Я сама не дышу не ласкаю“ — риѳмуется: „И кудрями его не играю“. Замѣнено: „Я сама притаила дыханье“ — „И надъ спящимъ склоняюсь въ молчаньи“. „Спалъ до этихъ поръ“ дало „Ждетъ лѣсной просторъ“, а „въ тѣни лавровой“ дало „кленовой“ — очевидно Фетъ усомнился въ существованіи лавра

въ долинахъ Кашемира. Въ „Московскомъ Гор. Листкѣ“, гдѣ баллада была помѣщена впервые, не было послѣдняго обращенія Розы и промежуточный (между выпущенными двумя) діалогъ еще не существовалъ. Вмѣсто Ангела были точки, очевидный результатъ цензуры.

Тургеневскія исправленія игнорируютъ: 1. Самый замыселъ стихотворенія, оттого получается иногда новое стихотвореніе, только отчасти связанное съ тѣмъ, что мы считаемъ первымъ чтеніемъ, но которое по существу своему — другое стихотвореніе, 2. фетовскую склонность къ философичности, иногда переходящую въ разсудочность, 3. сочетаніе возвышеннаго стиля (славянизмы) съ эротическими вольностями, 4. фетовскіе модернизмы, его стремленіе къ тѣлесной конкретности образовъ и смѣлость въ использованіи русскаго языка, 5. звуковое построеніе стиха.

Когда съ человѣкомъ встрѣчаешься впервые, можетъ быть и дорожишь его казовымъ видомъ. Но когда вдругъ, мгновеннымъ токомъ, усвоишь его духовную основу, примешь его внутрь себя, тогда каждый новый штрихъ только углубляетъ проникновеніе и пониманіе того, что „по ту сторону добра и зла“. На художникахъ это ярко видно. Наше внутреннее признаніе автора подлиннымъ поэтомъ освѣщаетъ его слабыя произведенія и не можетъ разрушить созданнаго въ нашемъ духѣ его образа, наоборотъ пополняетъ его. Такъ съ Фетомъ. Цѣня его самобытность, мы должны освободить его отъ чуждой позднѣйшей записи, хотя бы и тургеневской.

Но краски, чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

И новаго Фета слѣдуетъ издать по первому чтенію, приводя обычное наше чтеніе, какъ варіантъ*). Вѣдь онъ самъ чувствовалъ, что его записываютъ, хотя и не могъ противопоставить авторитету пестуновъ свое деликатное и застѣнчивое творческое Я.

Юрій Никольскій.

---

* Такъ было поступлено съ акад. изд. Бараты[illegible] (ред. М. Л. Гофмана) и „Зап. Охотника“ — изд. Комис. Нар. Просв. ([illegible] проф. Эйхенбаумъ[illegible]ля Фета куда больше основаній. *Ю. Н.*

Земельная революція въ Россіи.

„Quels que soient les grands noms liberté, égalité, fraternité dont la Révolution se décore, elle est par essence *une translation de la propriété:* en cela consiste son support intime, sa force permanente, son moteur premier et son sens historique. Jadis, dans l'antiquité, on avait vu des exécutions pareilles, les dettes abolies ou réduites, les biens des riches confisqués, les terres publiques partagées; mais l'opération se renfermait dans une cité et se bornait à un petit territoire. Pour la première fois elle s'accomplit en grand et dans un Etat moderne". (Taine La Révolution I 38).

Въ наши дни подобный процессъ, еще болѣе en grand, совершается въ Россіи. Происходитъ огромное, стихійное перераспредѣленіе земли; въ немъ, можемъ мы повторить за Тэномъ, и внутренняя основа, и двигательная сила, и первый двигатель, и историческій смыслъ русской революціи.

Но въ самомъ ли, непосредственно, перераспредѣленіи земли заключается смыслъ событій, развернувшихся на нашихъ глазахъ? Не слѣдуетъ ли всмотрѣться глубже: что кроется за этимъ грандіознымъ фактическимъ результатомъ?

Вѣдь если дѣло только въ фактѣ перераспредѣленія, то не являются ли тогда всѣ рѣчи о безповоротности земельной революціи ни чѣмъ инымъ, какъ легализаціей грабежа и насилія? Вѣдь разбой и бунтъ могутъ кончиться только фактомъ своего прекращенія — и ничѣмъ инымъ. Рѣчь можетъ итти только о возвращеніи заразившихся бѣшенствомъ безправія людей въ прежнее правовое состояніе, о возстановленіи въ зоологическомъ человѣкѣ человѣка политическаго. Всякая мысль о легализаціи земельныхъ захватовъ звучала бы кощунствомъ надъ самымъ существомъ права.

А между тѣмъ эта мысль, въ разныхъ варіантахъ, является почти общепризнанной. Неужели это только демагогическій пріемъ, только буржуазный испугъ, только извращеніе правового чувства, только циническій оппортюнизмъ? Неужели за стихійной силой революціи нѣтъ никакихъ элементовъ правды? Вѣдь не случайно же генералы Дубасовъ и Треповъ, усмирявшіе разстрѣлами взбунтовавшуюся крестьянскую массу, подымали тотъ же вопросъ о передачѣ земли крестьянамъ!

Если разсматривать русскую земельную революцію съ экономической точки зрѣнія, то она безсмысленна, и таковой же надо признать

попытку закрѣпленія ея результатовъ; если разсматривать русскую земельную революцію съ точки зрѣнія современнаго правового государства, то она возмутительна, и такой же возмутительной нужно признать попытку легализаціи ея результатовъ. Но если мы взглянемъ на русскую земельную революцію въ исторической перспективѣ, то мы обнаружимъ въ ней свою логику и свой смыслъ, и въ этой постановкѣ вопроса поймемъ и неизбѣжность ея, и безповоротность ея результатовъ. Русскую революцію нужно разматривать подъ угломъ зрѣнія *не существующаго, а возникающаго* буржуазнаго правового государства; въ примѣненіи къ землѣ она являетъ собой поединокъ двухъ правовыхъ міровозврѣній, средневѣковаго, основаннаго на публично-правовомъ воспріятіи земельныхъ отношеній, и буржуазнаго, основаннаго на частномъ индивидуальномъ правѣ собственности.

* * *

До 19 февраля крестьянство жило въ атмосферѣ феодальныхъ отношеній. Оно сидѣло на царской землѣ, отданной, въ качествѣ „населенной земли", помѣщикамъ въ вознагражденіе за ихъ службу. И помѣщики и крестьяне владѣли той же землею, одни (крестьяне) непосредственно, другіе (помѣщики) чрезъ посредство подвластныхъ имъ крестьянъ. Правда, забывая постепенно происхожденіе и назначеніе крѣпостной зависимости крестьянъ и воспринимая идеи римскаго права, помѣщики, мало по малу, усваивали точку зрѣнія частной собственности на землю и, такимъ образомъ, расчленяли крѣпостное право на рабовладѣльчество и частную земельную собственность, но крестьянству эта точка зрѣнія оставалась чуждою: они продолжали считать землю своей. Необходимость разрѣшить этотъ непримиримый конфликтъ правовыхъ убѣжденій была одной изъ главныхъ трудностей освобожденія. Реформа 19 февраля вышла изъ затрудненія тѣмъ, что, провозгласивъ собственность помѣщиковъ на всю землю, обезпечила переходъ крестьянамъ опредѣленнаго минимума земли на началахъ выкупа. Помѣщики склонны были считать это рѣшеніе нарушеніемъ ихъ священнаго права собственности; крестьяне, исходя изъ началъ крѣпостного права, воспринимали ограниченіе ихъ земельнаго владѣнія, какъ грубое нарушеніе ихъ исконныхъ правъ.

Раздѣлъ земли между крестьянами и помѣщиками произведенъ былъ не по принципу фактическаго владѣнія — это, болѣе, чѣмъ что-нибудь, могло бы способствовать проникновенію въ сознаніе крестьянъ понятія собственности на землю — а по принципу надѣленія крестьянъ землею въ количествѣ, достаточномъ для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и для обезпеченія ихъ быта. Публично-правовой характеръ земельныхъ отношеній освобожденнаго крестьянства былъ этимъ рѣшительно подчеркнутъ. Аналогичный характеръ получилъ весь его Status. Поступившая крестьянамъ земля сдѣлалась предметомъ особаго законодательства, какъ вообще и вся

фигура крестьянина; изъ подъ опеки помѣщика онъ переходитъ подъ опеку и въ подчиненіе „міру" и мѣстной администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самый порядокъ землепользованія и укладъ всей хозяйственной жизни получилъ болѣе или менѣе отчетливую коллективистскую окраску (община, дворъ), а это, въ свою очередь, создавало условія, благопріятствующія атмосферѣ хозяйственнаго квіэтизма. Неизбѣжнымъ становилось напряженное стремленіе вширь, какъ единственная возможность, при наличіи остановившейся хозяйственной техники, „обезпеченія быта" нарастающаго поколѣнія. Вся крестьянская жизнь проникается ощущеніемъ земельной тѣсноты, земельнаго голода. Эта экономически обоснованная жажда земельнаго расширенія находитъ юридическое оправданіе въ публично-правовомъ воспріятіи земельныхъ отношеній, закрѣпленномъ реформой 19 февраля и постоянно оживляемомъ опытомъ общиннаго землепользованія.[1]) Вѣдь, что есть по существу принципъ: вся земля всему народу, какъ не распространеніе общиннаго начала на весь земльный фондъ государства?

Такимъ образомъ мы видимъ рядомъ два земельныхъ режима, которые рано или поздно должны вступить въ рѣшительную борьбу: или крестьянство должно перейти къ одинаковой для всѣхъ гражданъ индивидуальной собственности, или вся земля въ государствѣ должна быть вовлечена въ сферу вліянія „надѣльнаго" воззрѣнія на землю. Впередъ или назадъ, частная собственность или черный передѣлъ, Столыпинъ или Ленинъ.

Замѣчательно, что подобное противоположеніе было, какъ общее правило, совершенно чуждо политической мысли стараго режима. Общинный порядокъ землепользованія, подчиненіе личности крестьянина деревенскимъ коллективамъ (міръ, дворъ), проникновеніе крестьянскаго правопорядка духомъ опеки, идея „надѣленія" и связанная съ нею идея количественнаго ограниченія крестьянскаго землевладѣнія (что, по существу, содержитъ въ зародышѣ идею права на землю), — все это не только пережитки крестьянскаго міровоззрѣнія, все это основные элементы и общественной идеологіи, и правительственной программы. Идеализація сельскаго быта — это, кажется, единственный случай совпаденія взглядовъ правительства и общества, причемъ общества во всѣхъ его слояхъ, отъ реакціонеровъ до революціонеровъ.

1905 — 1906 годы рѣзко измѣнили положеніе. Съ одной стороны, крестьянство было значительно приближено къ общему гражданскому Status'у. Съ другой стороны, правительство въ лицѣ Столыпина рѣзко перемѣнило фронтъ и пошло войной на общину. Столыпинъ рѣшительно порвалъ съ публично-правовой земельной идеологіей и поставилъ себѣ задачей изъ бывшихъ помѣщиковъ и бывшихъ крѣпостныхъ создать крупныхъ и мелкихъ земельныхъ собственни-

1) Изъ зарубежной литературы обращаемъ вниманіе на замѣчательный по художественной правдѣ очеркъ Е. Е. Яшнова. „У истоковъ революціи". Русское обозрѣніе, вып. V, 1921 г.

ковъ. Соціально-политическія отношенія, не утратившія еще впитавшагося въ нихъ запаха властвованія, должны были превратиться въ чисто экономическія. Эта конверсія правъ должна была произойти безъ количественнаго ихъ измѣненія: крестьяне никакой новой земли не получали, но та, которая находилась въ ихъ пользованіи, дѣлалась объектомъ частной собственности отдѣльныхъ крестьянъ. Реформа Столыпина пошла въ общемъ удачно, и если бы Россія имѣла въ своемъ распоряженіи еще какихъ нибудь спокойныхъ 10 — 15 лѣтъ, соотношеніе силъ и идей могло измѣниться въ такой мѣрѣ, что всероссійскій погромъ, нами пережитый, оказался бы невозможнымъ. Недаромъ, Ленинъ въ 1907 г. давалъ положительный отзывъ о реформѣ Столыпина, отмѣчая, что имъ избранъ одинъ изъ двухъ возможныхъ путей реконструкціи Россіи, именно эволюціонный, съ сохраненіемъ существующаго соотношенія силъ, въ противоположность революціонному, когда мелкая земельная собственность выраститъ лишь изъ процесса предварительнаго принудительнаго овладѣнія всѣмъ земельнымъ фондомъ страны.

Столыпинская реформа, остановленная войной, испытала всѣ послѣдствія незавершеннаго соціальнаго переворота. Деревня была революціонизирована, но соотношеніе силъ еще не перемѣстилось въ сторону частной собственности, которая держалась въ значительной мѣрѣ авторитетомъ и силой правительственнаго аппарата. Когда государственная власть пала, вѣковыя противорѣчія деревни обнажились съ полной рѣзкостью. Бывшій помѣщикъ стоялъ передъ бывшимъ крѣпостнымъ, частный собственникъ передъ общинникомъ. Произошелъ грандіозный рецидивъ, казалось, уже ушедшихъ въ прошлое и забытыхъ представленій крѣпостного быта. Волна чернаго передѣла смыла и помѣщиковъ и мелкихъ собственниковъ, обративъ все государство въ гигантскій анархическій союзъ земельныхъ общинъ. Публично-правовое воззрѣніе на землю возобладало надъ частноправовымъ, вся земля досталась всему народу.

Этимъ было осуществлено такъ сказать отрицательное заданіе революціи: устраненіе помѣщиковъ, возобладаніе историческаго права крестьянства на землю надъ всѣми частноправовыми отношеніями къ землѣ. Но какъ же положительно будутъ опредѣлены земельныя отношенія въ этомъ „новомъ строѣ"?

* * *

Русской общественно-политической мысли стараго режима была свойственна мысль мессіанскаго назначенія Россіи въ области земельныхъ отношеній. Русская община признавалась примитивнымъ, грубымъ, несовершеннымъ выраженіемъ новаго совершеннаго земельнаго строя, долженствующаго замѣнить старый и въ сочетаніи (или въ противорѣчіи) съ западно-европейскими идеями соціализма пересоздать человѣческое общество. Безъ грозящей Европѣ революціонной

соціальной катастрофы, въ процессѣ эволюціи, долженъ изъ темной общины вырасти свѣтлый Божій садъ. Ко времени революціи, эта точка зрѣнія, входя въ обиходъ интеллигентскаго міровоззрѣнія, наиболѣе ярко и рѣшительно была представлена партіей соціалистовъ-революціонеровъ. Неудивителельно, что какъ только пала старая власть и открылось поле для соціальныхъ реформъ, представители главнымъ образомъ этой партіи, поощряемые сочувствіемъ общества и исполненные энтузіазма, приступили къ исполненію своей провиденціальной миссіи. Какъ извѣстно, они были прерваны въ самомъ началѣ своихъ работъ нетерпѣливыми мужиками, которые, слѣдуя совѣту большевиковъ, рѣшили земельный вопросъ сами, домашними средствами, т. е. вилами и топоромъ

Однако, эсерамъ — въ лицѣ лѣваго крыла ихъ — суждено было досказать свою роль до послѣдняго слова. Большевики, въ пылу борьбы, забыли было всякое революціонное приличіе и начали называть вещи своими именами, декретировавъ отмѣну „помѣщичьей" собственности sans phrases, — но потомъ спохватились и, объединившись съ лѣвыми эсерами, быстро исправили свою ошибку. Уже черезъ три мѣсяца былъ обнародованъ „основной законъ о землѣ", составленный по послѣднему слову революціонной моды.

Основной законъ о землѣ является плодомъ компромисса между большевиками и лѣвыми эсерами. Но отклоненія въ сторону коммунизма носятъ характеръ механическихъ поправокъ, не нарушающихъ идейной стройности задуманнаго цѣлаго. Законъ о землѣ — пѣснь торжествующаго народничества, получившаго, наконецъ, возможность воплотить въ живыя законодательныя нормы свои давнія мечтанія; въ этомъ его главный интересъ.

Общія положенія закона формулируютъ обычныя декларативныя заповѣди народнической брошюрной мудрости: Земельная собственность отмѣняется; земля безъ выкупа (явнаго или скрытаго) переходитъ въ пользованіе народа; право пользованія принадлежитъ трудящимся на землѣ; весь частно-владѣльческій живой и мертвый инвентарь и всѣ частно-владѣльческія сельско-хозяйственныя постройки переходятъ безъ выкупа въ распоряженіе народа, которому, въ лицѣ сельской, волостной, уѣздной, губернской, областной, и, наконецъ, федеральной власти, принадлежитъ распоряженіе какъ землей, такъ и инвентаремъ и постройками. Распредѣленіе земли производится на уравнительныхъ началахъ, причемъ общимъ и единственнымъ источникомъ права пользованія землею является личный трудъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на одномъ лишь, главномъ вопросѣ, — именно вопросѣ распредѣленія земли. Общій принципъ таковъ: „распредѣленіе между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовыхъ началахъ, такъ, чтобы потребительно-трудовая норма, примѣняясь въ данномъ районѣ къ исторически сложившейся системѣ пользованія, не превышала трудоспособности на-

личныхъ силъ каждаго отдѣльнаго хозяйства, и, въ то же время, давала бы возможность безбѣднаго существованія семьѣ земледѣльца".

Попробуемъ разобраться въ этомъ нагроможденіи понятій и признаковъ.

Въ основаніе уравнительнаго распредѣленія земли можетъ быть положено два признака: трудовой и потребительный. Первый исходитъ изъ стремленія снабдить каждое хозяйство землею въ количествѣ, достаточномъ для полнаго использованія всей наличной трудовой силы; второй — центръ тяжести переноситъ на моментъ потребленія, ставя количество земли, причитающееся на отдѣльное хозяйство, въ соотвѣтствіе съ суммой продуктовъ, необходимой для удовлетворенія его нуждъ. Такъ какъ земля имѣется въ ограниченномъ количествѣ, то практически „должное" претерпѣваетъ значительныя измѣненія въ зависимости отъ „сущаго", т. е. отъ фактическаго соотношенія между земельнымъ фондомъ и числомъ претендентовъ на него. Но, независимо отъ этого, и самыя нормы не имѣютъ самостоятельнаго содержанія, какъ за отсутствіемъ стойкаго соотношенія между единицей трудовой силы и количествомъ земли, такъ и за совершенной неопредѣленностью понятія потребительной нормы: въ существѣ „нормальное" распредѣленіе сводится къ болѣе или менѣе произвольному фиксированію наблюденныхъ обычныхъ среднихъ величинъ. За всякой попыткой нормированія можно прощупать фактическія, бытовыя явленія.

Необходимость прислониться къ фактическимъ отношеніямъ совершенно отчетливо сознавали творцы реформы 1861 г.: ставъ на точку зрѣнія „надѣленія", они вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ мысли раціонализировать это надѣленіе, а остановились лишь на поправкахъ къ существующимъ земельнымъ отношеніямъ. Установлены были для отдѣльныхъ мѣстностей, связанныхъ общностью хозяйственныхъ условій, высшія и низшія границы надѣловъ; излишекъ отрѣзался (тутъ можно видѣть нѣкоторые элементы трудового принципа — излишекъ противъ нормальнаго трудового хозяйства), недохватокъ прирѣзался (потребительскій принципъ par excellence, обезпеченіе быта). Между этими границами, опредѣлявшими обычные размѣры средняго трудового хозяйства, колебались надѣлы, фактически предоставленные въ пользованіе крестьянамъ.

Любопытно, что схожая система, съ нѣкоторыми существенными измѣненіями, примѣняется и совѣтскимъ закономъ о землѣ. Онъ также предлагаетъ раздѣлить Россію на пояса, примѣнительно къ исторически сложившимся системамъ полеводства, и для каждаго пояса установить средніе размѣры нормальнаго хозяйства. Какъ обнаружить эту среднюю норму — учитъ особая инструкція, вставленная въ законъ. Мы не думаемъ, чтобы на основаніи этой инструкціи можно было что-нибудь практически исчислить, — намъ, по крайней мѣрѣ, понять ее не удалось. Заданіе она ставитъ слѣдующее: надо установить среднее количество земли, приходящееся на крестьянскую рабочую

силу, среднее число нетрудоспособныхъ, приходящихся на одну рабочую силу, среднее количество скота, приходящееся на одну рабочую силу и одну десятину, и среднюю по качеству и урожайности десятину. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ должно быть сочинено (какъ — неизвѣстно) то среднее хозяйство, которое почитается нормальнымъ для всего пояса. Если это среднее хозяйство оказывается недостаточно обезпеченнымъ землею „для безбѣднаго существованія", — норма можетъ быть соотвѣтственно повышена. До этой нормы доводятся, въ порядкѣ дополнительнаго надѣленія, всѣ болѣе малоземельныя хозяйства. Въ этомъ отношеніи законъ о землѣ соприкасается съ крестьянской реформой. Но, все, что превышаетъ эту минимальную норму — отрѣзается; это уже существенное отличіе отъ крестьянской реформы, которая знала кромѣ минимальнаго еще и максимальный надѣлъ, неизвѣстный закону о землѣ, доводящему уравнительность до предѣла возможнаго. Но мало этого, уравнительность идетъ еще дальше, законъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы земельная рента не поступала ни въ коемъ случаѣ въ пользу земледѣльца: всѣ выгоды, проистекающія отъ расположенія или качества земли учитываются особо при опредѣленіи размѣра надѣла; если же таковыя выгоды обнаружились бы впослѣдствіи — весь „излишекъ дохода" отбирается въ распоряженіе совѣтской власти.

Всѣ кричали: земли мало. Дѣйствительно для средняго крестьянскаго хозяйства, при данномъ уровнѣ техники, земли было мало, это объективный фактъ. Теперь, по общему правилу, *эту именно* среднюю величину дѣлаютъ всеобщей, отбирая у всѣхъ излишки, а тотъ хозяйственно техническій строй, при которомъ эта величина была явно недостаточной, презюмируютъ остановившимся и неизмѣннымъ, причемъ отбирая всѣ „излишки дохода", обусловленные разнымъ качествомъ земли, устраняютъ всѣ мотивы къ интенсификаціи хозяйства, всегда, въ конечномъ итогѣ, связанной съ улучшеніемъ качества земли. Не удивительно, что даже совѣтскіе экономисты подвергли законъ о землѣ ѣдкой критикѣ и подняли его на смѣхъ.

Коммунисты позволили эсерамъ изложить въ законѣ ихъ программу; отъ себя они вставили лишь нѣсколько статей, которыя даютъ власти право изъять изъ подъ уравнительной гребенки тѣ земли, на которыхъ находятся или создаются хозяйства, организованныя или организуемыя на началахъ коммунизма или ему близкихъ. Когда затѣмъ черный передѣлъ осуществился (конечно, не по правиламъ закона о землѣ, а вездѣ по разному, примѣнительно къ общимъ мѣстнымъ навыкамъ или воспоминаніямъ), большевики, сохранивъ законъ о землѣ для наружнаго употребленія, рѣшили приступить къ проведенію своей собственной программы. Въ противоположность проводимому эсерами распыленію земли, они выдвигаютъ планъ организаціи сельскаго хозяйства. Они прекрасно понимаютъ, что распредѣленіе земли, ими вызванное и допущенное, есть явленіе однократное и, по существу, переходное. Но къ чему? Ленинъ и самъ раньше,

какъ послѣдовательный марксистъ, считалъ и училъ, что изъ этого передѣла должна вырасти подлинная индивидуальная собственность, освобожденная отъ пережитковъ феодализма, но теперь опьяненіе успѣха заставило большевиковъ забыть эту трезвую истину, и они рѣшаютъ сдѣлать попытку забить и въ сельское хозяйство нѣсколько свай проводимой ими въ жизнь соціалистической организаціи.

Въ трехъ направленіяхъ начинаютъ они работать[1]). Во первыхъ, они изымаютъ изъ подъ уравнительнаго передѣла рядъ крупныхъ экономій и начинаютъ на нихъ государственное хозяйство. Во-вторыхъ, они способствуютъ созданію ячеекъ различной интенсивности коммунистическаго начала и надѣляютъ ихъ преимущественными правами на полученіе земли. Наконецъ, — и это самый серьезный шагъ — они дѣлаютъ попытку найти въ деревнѣ элементы, которые, организовавшись, съумѣли бы сыграть тамъ роль, аналогичную той, которую въ городахъ выполнили рабочіе: это батраки. Ихъ организовываютъ въ комбеды, которымъ присваивается значительная власть, въ частности, — распоряженіе всѣмъ деревенскимъ инвентаремъ. На этихъ трехъ китахъ — совхозы, коммуны, комбеды — большевики думаютъ начать постройку зданія сельско-хозяйственнаго соціализма.

Всѣмъ извѣстно, что изъ этихъ попытокъ ничего не вышло.

Совхозы сберегли для будущей Россіи рядъ высоко-культурныхъ экономій, въ каковомъ смыслѣ они представляютъ значительную цѣнность, — но соціалистическаго въ нихъ обнаружить нельзя ничего; это типичныя разрозненныя бюрократическія учрежденія, характерныя своей полной безпомощностью.

Разные варіанты коммунистическихъ ячеекъ въ однихъ случаяхъ послужили удобной защитной вывѣской для буржуазныхъ хозяйствъ разныхъ типовъ, въ иныхъ случаяхъ дали поводъ появиться на свѣтъ нѣсколькимъ болѣе или менѣе худосочнымъ артелямъ, — больше ничего.

Комбеды должны были faute de combattants пополнить свой составъ середняками и тѣмъ самымъ лишь способствовали организаціи деревенской буржуазіи, измѣнивъ самымъ рѣшительнымъ образомъ своему назначенію.

Вся постройка развалилась, вся энергія большевиковъ не помогла имъ перескочить отъ чернаго передѣла къ зачаткамъ коммунизма, и, наконецъ, Ленинъ долженъ былъ признать, что въ 1907 г. онъ болѣе трезво смотрѣлъ на вещи, чѣмъ въ 1918 г. Постепенно начинается капитуляція передъ мужикомъ. Сначала середнякамъ дается какъ бы отсрочка, потомъ большевики просто машутъ рукой на всю земельную политику въ цѣломъ, сосредоточивая свое вниманіе единственно на сборѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и предоставляя земельнымъ отношеніямъ свободно отстаиваться.

---

1) См. подробнѣе въ моей статьѣ „Земельная политика совѣтской власти", Общее Дѣло, 27 іюня с. г., Статья эта заканчивается двумя фразами редакціоннаго происхожденія, не вытекающими изъ соображеній автора.

Въ результатѣ — деревня предоставлена самой себѣ. Что въ ней произошло и происходитъ, примѣнительно къ земельнымъ отношеніямъ, — намъ неизвѣстно. Знаемъ мы, что совѣтская власть еще въ 1919 г. провозгласила „соціалистическое землеустройство" и принимаетъ мѣры къ его проведенію въ жизнь. Знаемъ мы, что совѣтская власть принимаетъ мѣры къ тому, чтобы передѣленная земля была зафиксирована за опредѣленными землевладѣльцами. Знаемъ мы, что дѣлаетъ это совѣтская власть, „признавая недопустимымъ такое положеніе, когда земледѣлецъ не имѣетъ опредѣленныхъ участковъ земли для обработки, и имѣя въ виду, что послѣдствіемъ этого является плохая обработка и удобреніе земли, понижающая ея производительность, а также неувѣренность хозяевъ въ полномъ возмѣщеніи ихъ трудовыхъ затратъ" (мартовскій декретъ 1921 г., подтверждающій запрещеніе передѣловъ). Мысль эта не новая и выражена она не очень гладко — крестьянскій наказъ депутатамъ Екатерининской Комиссіи, ходатайствовашій о созданіи такого земельнаго порядка, при коемъ „каждый проча себѣ землю свою навозитъ", выражалъ эту мысль болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ короче и проще — но спору нѣтъ, это хорошая и вѣрная мысль. Къ сожалѣнію, однако, нарушенная собственность, повидимому, продолжаетъ мстить, и земельный порядокъ не возстанавливается.

А между тѣмъ, пора, близится время, когда порядокъ долженъ быть и будетъ возстановленъ. Это — очередная настоятельная задача, стоящая передъ русской государственной властью.

Борьба между двумя воззрѣніями на землю, публично-правовымъ и частно-правовымъ, приходитъ къ концу.

* * *

Каковъ же, въ конечномъ итогѣ, результатъ революціи въ примѣненіи къ землѣ?

Мы можемъ повторить лишь то, что говорили въ послѣдній разъ больше года тому назадъ на Ялтинскомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Г. В. Глинки, созванномъ по распоряженію ген. Врангеля, немедленно по принятіи имъ власти, для обсужденія земельнаго вопроса. Мы говорили тогда[1]), что дѣло революціи сводится:

„1) Къ превращенію опекаемой, недоразвившейся крестьянской собственности въ подлинную свободную и полную собственность, точную въ ея территоріальныхъ предѣлахъ и ясную въ ея взаимоотношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, и

2) Къ оформленію процесса ликвидаціи крупнаго землевладѣнія въ смыслѣ перехода обреченнаго на распродажу крупнаго землевладѣнія въ руки мѣстныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ крестьянскаго типа.

---

1) Еще тогда это было „особое мнѣніе", не поддержанное, какъ крайнее, *никѣмъ* изъ членовъ совѣщанія!

Такимъ образомъ, если гражданскій порядокъ и собственность являются тѣми безспорными основами, на которыхъ должна строиться новая Россія, то такъ же безспорнымъ является то, что этими основами должны быть не старый порядокъ и не прежняя общинная и помѣщичья собственность. . .

Значитъ ли это . . . что всѣ фактическіе захваты должны быть признаны, что рѣчь можетъ идти лишь объ оформленіи всего содѣяннаго революціей? — Отнюдь нѣтъ . . . Никоимъ образомъ не долженъ быть поколебленъ основной принципъ гражданскаго строя, а, наоборотъ, должно быть объявлено, что земля будетъ принадлежать лишь владѣльцамъ, пріобрѣтшимъ ее „въ порядкѣ общихъ законовъ гражданскихъ. . .“

Въ одномъ только отношеніи намъ приходится окончательно измѣнить свое мнѣніе. Еще въ апрѣлѣ прошлаго года мы по соображеніямъ цѣлесообразности — полагали, что „обреченныя“ земли должны быть обращены въ распродажу, сначала въ порядкѣ добровольныхъ сдѣлокъ, и потомъ лишь, по истеченіи установленнаго срока, распоряженіемъ власти. Теперь уже ясно, что неизбѣжна прямая и непосредственная продажа „обреченныхъ“ земель распоряженіемъ власти новымъ ихъ собственникамъ, съ совершеннымъ отдѣленіемъ этой операціи отъ операціи вознагражденія прежнихъ собственниковъ за утраченныя ими недвижимыя имущества. Раздѣленіе этихъ двухъ операцій тѣмъ болѣе вѣроятно, то мы отнюдь не удивились бы, если бы завтра прочитали декретъ Ленина, согласно коему „по финансовымъ соображеніямъ“ предлагается мѣстной администраціи приступить къ распродажѣ бывшихъ помѣщичьихъ, монастырскихъ и пр. земель съ аукціоннаго торга, или устанавливается та или иная форма выкупа захваченныхъ земель. . . ducunt volentem fata nolentem trahunt.

Во всякомъ случаѣ, мы продолжаемъ исходить изъ точки зрѣнія оживленія бывшихъ гражданско-правовыхъ земельныхъ отношеній, изъ принципа соціальной „реставраціи“, доводимой до границы „обреченныхъ“ земель, которыя, въ той или иной гражданско-правовой формѣ, переходятъ въ руки новыхъ собственниковъ. Черному передѣлу мы, такимъ образомъ, придаемъ лишь отрицательное значеніе и окончаніе земельной революціи усматриваемъ въ его преодолѣніи, связанномъ съ передачей въ собственность крестьянъ ряда земель, ранѣе имъ на правѣ собственности не принадлежавшихъ.

Но возможна другая точка зрѣнія, порывающая со всѣми прошлыми земельными отношеніями и присваивающая черному передѣлу правотворящую силу. Такъ же, какъ въ процессѣ революціи новая власть, устраняя прежнюю, повелительно диктуетъ правовыя формы своего бытія, не считаясь съ прежнимъ правомъ, не заботясь о преемственности и претворяя фактъ въ право, такъ и черный передѣлъ, погашая всѣ прежнія правовыя земельныя отношенія, распредѣляетъ всѣ земли по новому, придавая этому новому фактическому раздѣлу земель силу новаго права, безъ остатка замѣняющаго прежнее. Во-

просъ тогда сводится уже не къ реставраціи прежняго права и не къ легализаціи на его почвѣ и въ его терминахъ тѣхъ измѣненій въ немъ, которыя признаются неизбѣжными, а лишь къ констатированію новыхъ отношеній и приданію имъ предиката правовыхъ. Задача земельной политики ограничивается тогда распознаніемъ результатовъ чернаго передѣла и разверстаніемъ новыхъ собственниковъ (всѣ тогда новые собственники!).

Мы не скрываемъ отъ себя, что этотъ послѣдній взглядъ теоретически допустимъ, и, съ точки зрѣнія всей нашей историко-политической аргументаціи, вполнѣ обоснованъ[1]). Но и нынѣ мы затрудняемся вѣрить въ его реальность. Поскольку рѣчь идетъ о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель между наличными крестьянами, для насъ еще понятно „пріятіе“ чернаго передѣла; въ подобныхъ случаяхъ весьма вѣроятно сохраненіе результатовъ чернаго передѣла, единственно лишь съ упорядоченіемъ и оформленіемъ ихъ. Но таково ли общее правило? Есть полное основаніе полагать, что черный передѣлъ былъ въ рядѣ случаевъ всеобъемлющимъ, а тогда дѣло рѣшительно мѣняется. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы вся крестьянская и вообще мелкая собственность признала всѣ права свои окончательно погашенными чернымъ передѣломъ и отказалась отъ реставраціи своихъ гражданскихъ правъ; у насъ нѣтъ основаній презюмировать за чернымъ передѣломъ такую силу, которая смогла бы поглотить всѣ прежнія права на землю и создать новыя. Къ сожалѣнію, однако, мы не располагаемъ никакимъ матеріаломъ, характеризующимъ внутренніе процессы деревни и реально демонстрирующимъ подлинныя черты происшедшаго и происходящаго распредѣленія земли, а до полученія подобныхъ матеріаловъ, всѣ умозаключенія наши о степени вѣроятія одного или другого направленія земельной революціи носятъ, силой вещей, условный характеръ.

г. Софія, 16 августа 1921 года.

К. Зайцевъ.

---

1) Противоположеніе указаннныхъ въ текстѣ двухъ путей преодолѣнія чернаго передѣла формулировано нами въ серіи статей, помѣщенныхъ весной 1919 г. въ газетѣ „Свободная Рѣчь“ подъ заглавіемъ: „Какъ ликвидировать земельную революцію“.

Пророкъ русскаго духовнаго возрожденія.

Столѣтіе со дня рожденія Достоевскаго. Цѣлая эпоха русской исторіи — пять царствованій и огромный совершенно исключительный историческій опытъ, и индивидуальный, и соборный! И въ то же время Достоевскій больше и важнѣе той исторической эпохи, въ которую онъ оказался вдвинутымъ. Онъ стоитъ надъ исторіей, ставитъ вопросы вѣчные. Этотъ великій романистъ, во многихъ отношеніяхъ переросшій своихъ первоначальныхъ учителей, Гоголя[1]) и Бальзака[2]), былъ не только великимъ религіознымъ мыслителемъ, онъ самъ — замѣчательное религіозное явленіе.

Одинъ англійскій авторъ, написавшій весьма серьезную интересную книгу о Достоевскомъ, сказалъ, что у Достоевскаго не было жизни. Трудно было произнести сужденіе болѣе превратное. У Достоевскаго не было, быть можетъ, *біографіи*, но у него была *жизнь*, исключительная по напряженности, ибо до краевъ полная самымъ основнымъ религіознымъ содержаніемъ, жизнь, вовсе не только писательская или литературная. Мы можемъ объ этой жизни только догадываться, ибо онъ повѣдалъ ее намъ лишь въ объективныхъ образахъ и проблемахъ своихъ романовъ. Но ихъ объективность не только не есть протокольность, она не есть даже чисто художественное изображеніе чего то внѣ ихъ творца существующаго.

---

1) Въ первые годы своей дѣятельности Достоевскій, при всемъ предвѣщаніи будущей великой силы, — прямой ученикъ Гоголя, печать котораго лежитъ на всѣхъ юношескихъ произведеніяхъ Достоевскаго, даже на ихъ языкѣ. Но послѣ ссылки онъ уже совершенно опирается на самого себя. И насколько по религіозному содержанію „Братья Карамазовы" значительнѣе всего, что писалъ Гоголь!

2) Бальзакъ былъ несравненный изобразитель не столько пошлости, сколько страстей и пороковъ, и Достоевскій недаромъ перевелъ „Eugénie Grandet", но Бальзакъ никогда даже не подозрѣвалъ того, что Достоевскій переживалъ какъ *свой* грѣхъ, *свою* порочность, *свою* судьбу.

Личный душевный опытъ Достоевскаго воплотился въ фигуры и драмы его произведеній: то, что думаютъ и дѣлаютъ его „герои“, этимъ жилъ онъ самъ, надъ этими безднами онъ самъ стоялъ, не отвлеченно, не „воспроизводя“ ихъ, какъ воспроизводили драмы жизни другіе художники, а въ самомъ подлинномъ смыслѣ слова. Раскольниковъ это не произведеніе Достоевскаго, это самъ Достоевскій. Но еще вѣрнѣе, что Карамазовы это самъ Достоевскій, Соберите Карамазовыхъ, Ѳедора Павловича, Ивана, Димитрія и Алешу, и вы получите Достоевскаго. Или иначе: разложите Достоевскаго на отдѣльныя стороны его страшно сложной натуры и вы съ изумленіемъ, я даже скажу — съ содроганіемъ, увидите передъ собой Карамазовыхъ. „Братья Карамазовы“, а не „Преступленіе и наказаніе“, какъ думалъ Розановъ, и являются основнымъ произведеніемъ Достоевскаго: въ немъ онъ сложилъ и воплотилъ свой личный религіозный опытъ, свою страшную борьбу съ Богомъ и за Бога, свое невѣріе и свою вѣру, свое безбожіе и свое благочестіе, свою смрадную грѣховность и свою страстную жажду очищенія и чистоты. Онъ въ своей душѣ носилъ касаніе этихъ полярностей, враждебныхъ и въ то же время родственныхъ. Но носилъ и переживалъ онъ это касаніе не какъ эстетическую психологическую игру, а какъ религіозную, жизненную реальность, изъ которой исходъ одинъ: Богъ. Какъ могутъ сосуществовать грѣхъ и Богъ, страданіе и Богъ, несправедливость и Богъ, — этимъ вопросомъ мучился Достоевскій, въ эту загадку и тайну онъ хотѣлъ проникнуть. Одна мысль была — отвергнуть Бога. Внѣ всякаго сомнѣнія, много разъ Достоевскій подходилъ къ этому рѣшенію. Но онъ пріялъ Бога, и это пріятіе Бога, трудное и въ то же время радостное, есть главная тема не то что его произведеній, но всей его жизни, съ ея страстями и бореніями, съ ея муками, съ ея паденіями и восторгами.

Достоевскій былъ великимъ грѣшникомъ въ томъ реальномъ смыслѣ, въ какомъ ими бывали Ѳиваидскіе и иные христіанскіе старцы. И его писательство было его *послушаніемъ*. Не въ переносномъ, а въ томъ совершенно реальномъ религіозномъ смыслѣ, въ какомъ монахи налагали и налагаютъ на

себя послушаніе. Кто знаетъ, быть можетъ, Достоевскій подъ конецъ жизни такъ же пришелъ бы къ подлинному иночеству, какъ это сдѣлалъ другой великій русскій грѣшникъ и великій религіозный мыслитель Константинъ Леонтьевъ.

Достоевскій пришелъ труднымъ и скорбнымъ путемъ грѣха и борьбы къ Богу, ко Христу, къ Церкви. Онъ сталъ вѣрующимъ, христіаниномъ, православнымъ. Это не есть какое либо „случайное“ и несущественное „біографическое“ дополненіе къ его художественной дѣятельности. Наоборотъ, художественное творчество въ процессѣ душевнаго опыта Достоевскаго стало лишь своеобразнымъ, для него лично естественнымъ и необходимымъ, выраженіемъ его религіознаго послушанія. А это религіозное послушаніе было для него главнымъ итогомъ его жизни, было, въ сущности, его жизнью.

Только такъ можно понять Достоевскаго. Его писательство и его вѣра тѣсно связаны съ его жизнью и съ его грѣхомъ. Алеша, братъ Ивана и Мити, рожденъ Ѳедоромъ Павловичемъ и благословленъ старцемъ Зосимой — это не литературная „выдумка“ Достоевскаго, въ этомъ разсказѣ о Карамазовыхъ онъ повѣдалъ намъ свой религіозный опытъ, опытъ грѣха и покаянія, отверженія Бога и его пріятія.

Достоевскій громадное религіозное явленіе, какъ бы учитель вѣры и отецъ церкви въ оболочкѣ великаго свѣтскаго писателя многосоставной культурной эпохи. Какъ таковой, онъ гораздо больше и сложнѣе, а потому и труднѣе для пониманія, чѣмъ великіе пророки и учителя вѣры прежнихъ временъ. Но по существу и въ конечномъ итогѣ онъ относится къ нимъ. Его философское и политическое міровоззрѣніе — Достоевскій величайшій борецъ противъ атеизма, матеріализма и соціализма — можетъ быть понято тоже только какъ истеченіе его религіозной вѣры. Онъ былъ націоналистомъ во имя Бога, ибо въ національномъ призваніи Россіи онъ видѣлъ подлинный зовъ Божій.

Достоевскій по своему соціально-политическому міровоззрѣнію былъ противникомъ въ одно и то же время и соціализма, и буржуазнаго либерализма, покоящагося на матеріализмѣ и утилитаризмѣ. Ни съ религіозно-метафизической, ни съ исторической точки зрѣнія въ этомъ нѣтъ ничего

страннаго. Буржуазный космополитическій радикализмъ въ духѣ Гольбаха, Гельвеція и Бентама родилъ атеистическій соціализмъ въ духѣ Оуэна и Маркса. Достоевскій, будучи враждебенъ буржуазному радикализму и атеистическому соціализму, былъ своеобразнымъ русскимъ христіанскимъ соціалистомъ.

Принципіально менѣе понятна его враждебность къ католицизму и католической церкви. Въ этой враждебности была нѣкая историческая и націоналистическая ограниченность, непонятная съ той принципіально-церковной точки зрѣнія, на которой въ концѣ своего жизненнаго пути утвердился Достоевскій. Я имѣю въ виду не его легенду о великомъ Инквизиторѣ, которую нельзя принимать за облеченное въ образы отверженіе католичества, какъ таковогo, а ту вполнѣ конкретную враждебность къ римской церкви нашего времени, которая такъ ярко выразилась на многихъ страницахъ „Дневника Писателя". Теперь совершенно ясно, что Достоевскій именно со своей собственной религіозной и церковной точки зрѣнія не дооцѣнивалъ значенія церковнаго и соціальнаго дѣланія римскаго католицизма. Это тѣмъ болѣе ясно, что Достоевскій былъ несомнѣнно христіанскимъ соціалистомъ и въ то же время былъ чуждъ протестантизма съ его религіознымъ субъективизмомъ. Такимъ образомъ, уклонъ его практическихъ церковно-религіозныхъ устремленій былъ какъ разъ очень близокъ къ духу новѣйшаго соціальнаго католицизма. Если бы Достоевскій жилъ въ наше время, его отношеніе къ католицизму было бы совершенно инымъ — не надо, вѣдь, забывать, что въ своей враждебности къ католицизму въ 70-хъ годахъ XIX вѣка онъ доходилъ до сочувствія Бисмарковскому культуркампфу и до сопоставленія римской церкви съ соціалистическимъ интернаціоналомъ. Эта исторически обусловленная враждебность Достоевскаго къ католичеству вовсе же вытекала необходимо изъ его православной религіозности. Послѣдняя для него была дѣйствительно характерна. Католическая, православная, протестантская религіозность суть разные типы христіанской религіозности вообще, и религіозность Достоевскаго была именно православной и притомъ русско-православной. Въ ней не было организаціонной суро-

вости ни римско-католической, ни даже византійской. Не даромъ византійцу Константину Леонтьеву эта религіозность представлялась какимъ то „розовымъ христіанствомъ", чуть что не гуманизмомъ, прикрывающимся христіанствомъ. Это было не такъ: въ старцѣ Зосимѣ, а потому и въ Достоевскомъ больше религіозной русскости, чѣмъ въ Константинѣ Леонтьевѣ, который умеръ инокомъ Оптиной Пустыни. Бывшій фурьеристъ и поклонникъ Жоржъ Зандъ, Достоевскій сталъ настоящимъ столпомъ православной вѣры и выразилъ въ своихъ произведеніяхъ духъ православія съ исключительной, единственной силой. Если въ какомъ нибудь историческомъ явленіи выразилось положительное міровое значеніе русской національной и вѣроисповѣдной стихіи, то именно и прежде всего въ грандіозномъ духовномъ явленіи Достоевскаго. Будучи по духу православнымъ и русскимъ, Достоевскій въ то же время и именно поэтому получилъ міровое значеніе и признаніе.

Для насъ русскихъ въ этомъ и великое поученіе, и великое утѣшеніе. Столѣтіе рожденія Достоевскаго совпадаетъ съ ужасной катастрофой русскаго государственнаго и національнаго бытія. И исцѣленіе отъ язвъ этой прежде всего духовной катастрофы русское сознаніе найдетъ въ самомъ духовномъ явленіи своей новѣйшей исторіи, въ Достоевскомъ. Онъ возвращаетъ русское сознаніе къ его подлиннымъ источникамъ, онъ напояетъ его живой водой.

Достоевскаго Мережковскій назвалъ „пророкомъ русской революціи". Это вѣрно въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Теперь мы уже знаемъ, что Достоевскій воистину предрекъ русскую революцію во всемъ ея духовномъ происхожденіи и существѣ. „Бѣсы" не только романъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ написанная провидцемъ пророческая книга, подобной которой нѣтъ ни въ какой другой литературѣ.[1]) Но въ какой литературѣ есть что-либо подобное „Братьямъ Карамазовымъ"?

---

1) Ибо даже съ чисто положительно-исторической точки зрѣнія „Священное Писаніе" не можетъ быть сопоставляемо съ индивидуально-литературными произведеніями.

Не является ли Достоевскій, какъ провидецъ и духовный вождь, пророкомъ не только русской революціи, но и русскаго духовнаго возрожденія?

Да, онъ таковъ. Ибо возвѣщать возрожденіе и подлинно возрождать могутъ только носители религіознаго свѣта.

А великій грѣшникъ и великій страдалецъ Достоевскій носилъ въ себѣ и высоко вознесъ для другихъ этотъ вѣчный свѣтильникъ.

Петръ Струве.

Русскія дѣла.

(Политическій обзоръ)

III.

Политическій обзоръ — не мѣсто для выявленія чувствъ; его смыслъ — въ спокойномъ анализѣ фактовъ. Но бываютъ событія, въ отношеніи которыхъ такой анализъ недостаточенъ и даже неумѣстенъ. Есть предѣлъ для самаго широкаго пониманія, за которымъ оно уже обращается въ нравственное безразличіе. За этимъ предѣломъ стоятъ послѣдніе акты большевистскаго террора.

Терроръ.

Можно понять и суровыя неизбѣжности борьбы среди хаоса, и психозъ опасности, краснымъ туманомъ застилающій глаза. Поэтому можно скорбѣть о десяткахъ тысячъ разстрѣлянныхъ чрезвычайками во время гражданской войны, можно и должно указывать на варварство системы заложниковъ, примѣнявшейся *только* большевиками, и все же намъ, непримиримымъ врагамъ большевистской власти, не пристало жаловаться міру на то, что противникъ въ борьбѣ бывалъ къ намъ жестокъ.

Но этотъ разстрѣлъ шестидесяти одного! Когда никакая опасность большевистской власти не грозила! Когда давно уже нѣтъ гражданской войны, когда не могло быть психоза опасности! Это уже не актъ борьбы. — И разстрѣлъ — кого и за что?

— Когда читаешь въ совѣтской газетѣ списокъ разстрѣлянныхъ, съ указаніемъ причинъ казни, состоявшейся *безъ суда* — трудно порою повѣрить, что это — не выдумано съ цѣлью очернить большевиковъ, что все это — не грубая подделка! Профессоръ разстрѣлянъ — за сообщеніе заграницу данныхъ о положеніи нефтяной промышленности. Другой — за составленіе проектовъ реформы денежнаго обращенія. Скульпторъ — за сообщеніе свѣдѣній о музейномъ дѣлѣ. Поэтъ, пребываніемъ котораго въ Совѣтской Россіи, — не заграницей, — хвастались сами большевики, разстрѣлянъ ими за какое то „участіе въ составленіи прокламаціи". И такъ далѣе. За *такія* преступленія совѣтская власть казнитъ людей безъ разбору, безъ суда, въ періодъ полнаго спокойствія внутри и во внѣ!

Здѣсь — предѣлъ. Правительство Императора Александра III рѣшались называть кровавымъ за то, что при немъ казнили *царе-*

убійцъ — среди нихъ *одну* женщину... А какъ много горячихъ рѣчей было произнесено по поводу военно-полевыхъ судовъ эпохи Столыпина! Но если бы въ то время кто нибудь обвинилъ правительство въ томъ, что оно *казнитъ безъ суда* за „участіе въ составленіи прокламаціи" — этому бы никто и не повѣрилъ. Вѣдь даже за подстрекательство войскъ къ бунту — соціалъ-демократовъ II-й Думы только сослали на каторгу!

То, что творитъ совѣтская власть, совершенно *несоизмѣримо* ни съ чѣмъ, что дѣлали до нея какія либо другія правительства. Ни оправдать, ни объяснить тупой жестокости послѣднихъ разстрѣловъ — нельзя; ничѣмъ нельзя: даже интересами самой власти; ясно всякому, что ей *ничто* не грозило. Точно нарочно большевики захотѣли бросить кому то вызовъ, показать, что между ними и Россіей — кровь, черезъ которую не перейти.

Двоедушествующимъ людямъ, лепечущимъ о заговорѣ, о „втягиваніи въ него", объ „игрѣ чужими головами", — рекомендуется изучить внимательнѣе списокъ казненныхъ, съ указаніемъ причинъ разстрѣла: тамъ чернымъ по бѣлому они прочтутъ *за что* совѣтская власть лишаетъ жизни, и что она подводитъ подъ понятіе „заговора".

Въ тягучее томленіе совѣтской жизни разстрѣлы въ концѣ августа врѣзались зловѣщей кровавой полосой. Они знаменовали новый успѣхъ непримиримаго ядра коммунистической партіи.

Судьба Общественнаго Комитета.

Возникшій въ концѣ іюля Общественный Комитетъ, использованный большевиками для привлеченія вниманія заграницы къ голоду въ Поволжьѣ, оказывался для нихъ излишнимъ съ того времени, какъ Литвиновъ заключилъ въ Ригѣ соглашеніе съ представителемъ американской благотворительной организаціи Хувера, и съ тѣхъ поръ, какъ Нансенъ предпочелъ переговоры съ совѣтской властью непосредственно, а не черезъ подставныя учрежденія. Въ то же время, какъ ни скроменъ и остороженъ былъ Общественный Комитетъ, какими загородками въ видѣ коммунистическаго президіума онъ ни былъ обставленъ, самый фактъ его существованья тревожилъ коммунистовъ. Одинъ изъ послѣдовательно проводимыхъ пріемовъ большевистскаго властвованія — это обезличеніе, „обезглавливаніе" всего, что не входитъ въ руководящее ядро партіи. Въ Совѣтской Россіи нѣтъ именъ, ни военныхъ, ни гражданскихъ, вокругъ которыхъ сосредоточивались бы симпатіи и надежды; именъ, извѣстныхъ за предѣлами узкаго круга своей дѣятельности. И это не случайно: большевики сознательно не допускаютъ *кристаллизаціи настроеній вокругъ именъ.*

Облетѣвшія всю совѣтскую область имена не-коммунистовъ, вошедшихъ въ Общественный Комитетъ, помимо и даже противъ ихъ собственной воли стали призраками, пугавшими большевиковъ. Скорѣе убрать ихъ — стало страстнымъ желаніемъ болѣе нетерпѣливой части партіи. Сдѣлано это было довольно грубо и просто. Посылка

делегацiи заграницу,—ради чего Комитетъ создавали сами большевики, — была признана излишней, и членамъ Комитета предложили разъѣхаться по провинцiи и заняться работой по открытiю питательныхъ пунктовъ. Комитетъ проявилъ большое гражданское мужество, не давъ безмолвно положить себя подъ сукно; онъ пытался протестовать. 27 августа члены его, собравшiеся на засѣданiе, были арестованы, и Комитетъ объявленъ распущеннымъ. Большинство арестованныхъ было вскорѣ освобождено; но нѣкоторые — въ частности члены президiума Кишкинъ, Кускова, Прокоповичъ — оставлены подъ арестомъ, причемъ сдѣлана попытка приплести и ихъ къ какому то заговору. Большевики обѣщаютъ судить ихъ гласно, въ „трибуналѣ"; такiе процессы обычно не кончаются разстрѣлами. Но кто можетъ ручаться за завтрашнiй день въ Совѣтской Россiи?

Роспускъ общественнаго Комитета развѣялъ „соглашательскiя" иллюзiи и внесъ ясность — трагическую ясность! — въ общее положенiе. Произошедшiе черезъ день-два массовые разстрѣлы еще подчеркнули этотъ поворотъ.

Новый курсъ и „сморщиванiе".

Съ этого времени „новый курсъ", какъ попытку примирительной политики, какъ мостикъ черезъ пропасть между коммунистами и ихъ противниками, можно считать окончательно пока ликвидированнымъ. Но въ области экономической произошло своеобразное слiянiе идеи „буржуазныхъ поправокъ" и мѣропрiятiй, вынужденныхъ катастрофически растущимъ упадкомъ хозяйственной жизни.

Для совѣтской власти стали угрожающе выясняться предѣлы матерiальной возможности ея существованiя. Неурожай, паденiе добычи угля и заготовки дровъ, исчерпанiе промышленныхъ запасовъ — все это оставляло совѣтской власти, почти во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, одну надежду — на подвозъ извнѣ. А платежная способность — ограничена, и сравнительно легко обозрима. Ясно, что даже впроголодь пытаться содержать, какъ до сихъ поръ, все городское населенiе, всѣхъ рабочихъ — невозможно. *На всѣхъ не хватитъ.* И тутъ — даже для лѣвыхъ коммунистовъ — мысль объ отказѣ отъ поглощенiя всей жизни государствомъ оказывалась какъ нельзя кстати.

Цѣль — предуказана неумолимой необходимостью — радикально уменьшить число ртовъ, кормимыхъ государствомъ. И начинается работа въ этомъ направленiи: сокращается — въ менѣе надежной части — красная армiя. Предписывается урѣзать на 50% штаты совѣтскихъ учрежденiй. Въ началѣ сентября появляется декретъ, опредѣляющiй, что на государственномъ снабженiи остаются только красная армiя, совѣтскiе служащiе и (по сильно уменьшенной нормѣ) ихъ семьи, и рабочiе тѣхъ заводовъ и предпрiятiй, о которыхъ это будетъ особо рѣшено. Происходитъ, такимъ образомъ, своего рода усыханiе, „сморщиванiе" большевистскаго строя, который болѣе не претендуетъ на то, что онъ кормитъ всѣхъ, даетъ работу всѣмъ. Оффицiально признается, что за предѣлами совѣтскаго хозяйства

можетъ и даже должна существовать и въ городахъ какая то экономическая жизнь.

Это, несомнѣнно, положеніе новое Большевистская психологія по разному его воспринимаетъ. „Правые“ большевики строятъ расчеты свои на томъ, что въ „частно хозяйственной“ половинѣ совѣтскаго государства разовьется, — можетъ быть съ иностранной помощью, — производство, которое пока что подкормитъ истощенный государственный организмъ, — а тамъ наладится и совѣтское, соціалистическое производство, или придетъ міровая революція. „Лѣвые“ большевики надѣются больше на то, что непригдядныя стороны нарождающейся „новой буржуазіи“ снова помогутъ разжечь классовую ненависть, дадутъ почву для агитаціи; что „частное хозяйство“ потерпитъ фіаско, которое дискредитируетъ его идею.

Но самое важное, конечно, не настроеніе большевиковъ, а то, насколько отказъ отъ идеи *все*-государства можетъ въ современныхъ условіяхъ, при сохраненіи совѣтской власти, освободить и оживить производительныя силы въ странѣ.

И вотъ тутъ пока приходится констатировать, что на это надѣяться трудно; отказъ отъ все-государства происходитъ не въ порядкѣ „новаго курса“, не съ добросовѣстнымъ желаніемъ оживить частное производство, а исключительно въ порядкѣ „сморщиванія“, за невозможностью всѣхъ кормить.

Это сказывается въ томъ, что совѣтская власть оставляетъ за собою всѣ предпріятія, которыя не совсѣмъ еще разрушены и которыя она расчитываетъ снабдить топливомъ. Остальныя — она готова сдать въ аренду (по „крылатому“ выраженію Ларина: „на тебѣ, Боже, что намъ негоже“). Но топливо, но продовольствіе — пусть добываютъ сами. При этомъ ж.-д. транспортъ всецѣло въ рукахъ власти, и ограниченный размѣръ перевозокъ едва хватаетъ дял совѣтскихъ потребностей. Если доставятъ гужемъ (— при обезлошаденной деревнѣ!) — тогда, что же, пускай отапливаютъ свои заводы и господа арендаторы!

Отношеніе самой коммунистической партіи къ частно-хозяйственной дѣятельности также опредѣлилось, — и всецѣло въ духѣ партійной догмы: постановленіе, изданное въ первой половинѣ сентября, запрещаетъ членамъ партіи быть арендаторами или предпринимателями. Такимъ образомъ въ отношеніи внѣ-государственнаго хозяйствованія комунисты остаются — зрителями. „Среди буржуазной стихіи“ — пишетъ совѣтская печать, „партія должна уйти на островъ... На него мы должны взять съ собою лучшія и наиболѣе необходимыя предпріятія, копи“ и т. д.

Когда партія, единственная организованная сила въ странѣ, располагающая всею арміей, остается злораднымъ зрителемъ и виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ распыленнымъ частнымъ хозяйствомъ — трудно ждать, чтобы производство возстановилось; никто не можетъ вѣрить, что въ любую минуту результатъ его работы не будетъ у

него отобрань — разъ власть даже не особенно и скрываетъ таковыя намѣренія. Совѣтская печать уже указываетъ, какъ одно изъ преимуществъ появленія „буржуазіи“ — то, что рабочіе снова увидятъ эксплуататоровъ, и поймутъ, кто имъ другъ и кто врагъ. Въ этомъ отношеніи характерны корреспонденціи совѣтскихъ газетъ изъ Поволжья, съ эффектнымъ противупоставленіемъ голода и „пировъ новой буржуазіи“. При такихъ условіяхъ — единственный видъ частно-хозяйственной дѣятельности, который имѣетъ шансы расцвѣсти, — это азартная спекулятивная торговля подъ лозунгомъ „урвать и удрать“. — Характерно и то, что среди „предпріятій“, сданныхъ до настоящаго времени въ аренду, преобладаютъ бани, кинематографы, кафе и почти отсутствуютъ сколько нибудь значительные фабрики и заводы.

Но наличіе въ городахъ большого количества людей, не зависящихъ отъ казеннаго пайка, все же новый фактъ совѣтской жизни. При томъ, что все организованное и все вооруженное — въ коммунистическомъ лагерѣ, этого факта не слѣдуетъ переоцѣнивать. Для лишеннаго пайка — положеніе можетъ стать трагичнымъ. Для будущаго, быть можетъ, однако лучше, что снабженіе государствомъ всего населенія отмѣнено самими же большевиками.

Періодъ золотого фонда.

„Сморщиваніе“ большевистскаго аппарата, отказъ отъ все-государства, еще болѣе углубляютъ разницу интересовъ между коммунистической властью и покоренной ею страной. Задачи власти все обнаженнѣе сводятся къ тому, чтобы обезпечить существованіе небольшого кадра своихъ „спартіатовъ“. Сейчасъ ихъ число на тарифной конференціи въ концѣ сентября опредѣлялось въ 3—4 милліона (армія, желѣзнодорожники, рабочіе важнѣйшихъ копей и заводовъ, служащіе), но цифра эта „въ дальнѣйшемъ будетъ сокращена“. А чтобы число рабочихъ и служащихъ не разросталось — придумана система „коллективнаго снабженія“: пайки выдаются на заводъ, на учрежденіе и принятіе каждаго новаго „ѣдока“ тѣмъ самымъ сократило бы паекъ остальныхъ. Не приходится сомнѣваться въ томъ, что для этихъ кадровъ обираніе „илотовъ“, съ примѣненіемъ вооруженной силы, будетъ продолжаться. Но производство въ странѣ настолько падаетъ (за послѣднее время наиболѣе рѣзко паденіе добычи угля), что пополнять рессурсы *внутри* становится все труднѣе. Остается — ввозъ.

Только съ этого лѣта, съ открытія петроградскаго порта, внѣшняя торговля большевиковъ приняла болѣе значительные размѣры. За іюль этого года — ввезено болѣе пяти, за августъ — болѣе шести милліоновъ пудовъ. Ввозъ по вѣсу распредѣляется приблизительно поровну между углемъ, продовольствіемъ и ж.-д. матеріалами. Этотъ ввозъ ничтоженъ по сравненію съ довоеннымъ, но по масштабу совѣтскаго хозяйства — это замѣтная величина. 2 милліона пудовъ угля въ мѣсяцъ — это больше, чѣмъ вывозится теперь изъ Донецкаго бассейна. 2 милл. пудовъ продовольствія — это по 20—30

ф. въ мѣсяцъ на каждаго „спартіата". Осенью ожидается и нѣсколько большій ввозъ. Сколько золота въ мѣсяцъ на это нужно? На одно продовольствіе и топливо, при такомъ размѣрѣ — менѣе 10 милл. золотыхъ рублей! Дороже — одежда и обувь. За первую половину 1920 года большевики истратили на это нѣсколько десятковъ милліоновъ своего золота. Но это, конечно, не ежемѣсячная трата.

Во всякомъ случаѣ, ввозъ на золото вноситъ сейчасъ въ совѣтское хозяйство черты, которыя многими принимаются за возрожденіе экономической жизни: оживленіе въ петроградскомъ порту, открытіе магазиновъ, сдѣлки съ валютой и т. д. Но такъ какъ этотъ ввозъ содѣйствуетъ только нѣкоторому повышенію потребленія, а не производства (машины, сырье для промышленности — составляютъ ничтожную долю ввоза) — вызванное имъ внѣшнее оживленіе экономической жизни ограничено размѣрами золотого фонда (и нѣкоторыхъ возможныхъ добавокъ къ нему изъ старыхъ запасовъ). Трудно точно опредѣлить, сколько у большевиковъ осталось золота; расчитывать на очень скорое его исчерпаніе было бы неосторожно: тратить его широко — начали только съ этого года. Но — во всякомъ случаѣ — это вода изъ старыхъ цистернъ, а не новый источникъ!

Что касается концессій, — то съ ними дѣло окончательно неладится. Послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ одинъ изъ главныхъ поборниковъ концессій, англичанинъ Урквартъ, вернулся въ Англію и въ открытомъ письмѣ Красину подробно мотивировалъ свой отказъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Смутны вѣсти съ дальневосточной окраины.

Владивостокъ.

За лѣто постепенно опредѣлился характеръ мѣстной антибольшевистской власти: Временную Верховную власть, называемую Пріамурскимъ правительствомъ, составилъ президіумъ несоціалистическихъ организацій, во главѣ съ Меркуловымъ. Эта власть назначила совѣтъ министровъ; смѣны предсѣдателя совѣта, происходившія нѣсколько разъ, принимались неоднократно европейской печатью за перевороты. На самомъ дѣлѣ, Временная Верховная власть не смѣнялась тамъ ни разу, и существуетъ уже скоро пять мѣсяцевъ. Но въ настоящее время ей угрожаетъ серьезная опасность, и большевистскія радіо, сообщающія каждые два — три дня о ея паденіи, быть можетъ — увы! — только упреждаютъ событія.

Дѣло въ томъ, что Японія вошла въ соглашеніе съ большевистскимъ правительствомъ Читы, и за рядъ обѣщанныхъ ей экономическихъ выгодъ (большевики предлагали чуть-ли не больше, чѣмъ японцы, изъ опасенія Америки, рѣшались брать!) согласилась, на Дайренской конференціи, очистить Владивостокъ. При этомъ, она отказывается вернуть оружіе, отобранное у каппелевцевъ при ихъ провозѣ черезъ Маньчжурію: то есть, уходя изъ Владивостока, Японія оставляетъ русскія антибольшевистскія войска, которыхъ тамъ до 25,000 человѣкъ, безоружными передъ красными партизанами. При

такихъ условіяхъ, взятія Владивостока большевиками приходится опасаться со дня на день.

Борьба въ Монголіи.

Отрядъ Барона Унгернъ-Штернберга, ушедшій годъ тому назадъ въ Монголію и предпринявшій набѣгъ на большевиковъ въ началѣ лѣта, былъ разбитъ; самъ Унгернъ — взятъ въ плѣнъ изъ за предательства монголовъ, перевезенъ въ Новониколаевскъ, гдѣ мѣстный совѣтъ судилъ и разстрѣлялъ его. Въ Монголіи большевистскими отрядами насаждено „Монголнарревправительство", причемъ, впрочемъ, главою государства оставленъ хутухта (князь-„первосвященникъ"). Въ западной части монгольскихъ степей еще продолжаются столкновенія съ отрядами ген.-маіора Бакича, но это — уже партизанская война.

* * *

Въ к.-д. партіи.

Политическая жизнь зарубежной Россіи прошла черезъ періодъ лѣтняго относительнаго затишья. За это время въ к.-д. партіи продолжался процессъ разложенія. Намѣтившееся уже съ весны расхожденіе между большинствомъ партіи, и ея давнимъ лидеромъ, П. Н. Милюковымъ, ставшимъ на путь т. н. „новой тактики", отрекавшейся отъ традиціи антибольшевистской борьбы, привело къ разрыву на конференціи членовъ Центральнаго Комитета партіи, еще въ іюнѣ, а затѣмъ, — когда и парижская группа въ большинствѣ отвергла „новую тактику", — къ образованію П. Н Милюковымъ особой группы, присвоившей себѣ наименованіе „демократической".

По существу, можно сказать, — что если буква кадетской программы ближе къ позиціи большинства, — „духъ" прежняго рядового „кадетства", старое интеллигентское а-государственное или даже противогосударственное міровоззрѣніе полнѣе консервировалось въ группѣ „новотактистовъ". Они, дѣйствительно, ничему не научились изъ революціи; сохранили въ неприкосновенности всѣ старые фетиши и всѣ старыя фикціи; остались типичными старыми интеллигентами, тѣмъ, что называлось раньше „лѣвыми к.-д." и что преобладало въ партіи, кромѣ отдѣльныхъ моментовъ (II-я Дума, 1907-й годъ) Оригинально только то, что лидеромъ этой группы является сейчасъ главный иниціаторъ производившихся партіей въ 1916—19 годахъ поворотовъ направо.

Что касается большинства — оно глубже восприняло опытъ революціи, но сдѣлать ясныхъ выводовъ изъ него пока не рѣшается: велика сила старыхъ формулъ.

Вопросъ о голодѣ.

Намѣчавшееся, въ связи съ вѣстями о голодѣ и съ образованіемъ Общественнаго Комитета, болѣе глубокое разслоеніе всей зарубежной Россіи достигло наибольшаго развитія въ началѣ августа. Это былъ періодъ расцвѣта соглашательскихъ настроеній. Для однихъ — искренне представлялось возмож-

нымъ сотрудничать съ большевиками по борьбѣ съ голодомъ. Для другихъ — голодъ являлся только удобнымъ поводомъ заключить перемиріе съ совѣтской властью На тѣхъ, кто съ самаго начала отрицалъ возможность реально бороться съ голодомъ при наличіи большевистской власти, сыпались укоры въ безсердечіи, въ спекуляціи на голодѣ и т. д. Значеніе Общественнаго Комитета усиленно раздувалось, распространялись слухи о томъ, что его представители принимаютъ власть на мѣстахъ. Въ связи съ этимъ, лѣвые круги стали усиленно готовиться къ „встрѣчѣ", стали образовывать вездѣ Общественные Комитеты по борьбѣ съ голодомъ, съ большинствомъ изъ „демократическихъ" элементовъ. Параллельно, умѣренные круги, составляющіе значительное большинство почти во всѣхъ организаціяхъ, стали учреждать „Объединенные Комитеты", „комитеты организацій". Это дѣленіе прошло почти по всѣмъ городамъ.

Но роспускъ московскаго Общественнаго Комитета, возобновленіе террора убили всѣ соглашательскія настроенія. Въ отношеніи къ этимъ фактамъ — вся зарубежная Россія оказалась солидарной. Это сгладило — быть можетъ временно — остроту розни и сдѣлало возможной совмѣстную работу, общую критику нансеновскихъ проектовъ кредита большевикамъ, и т. д.

Переселеніе Арміи.

Къ началу осени сдвинулся, наконецъ, съ мертвой точки вопросъ о разселеніи Русской Арміи. Изъ Галлипольскаго лагеря, ставшаго отнынѣ историческимъ для Россіи, часть за частью стала отбывать въ славянскія страны, въ Сербію и въ Болгарію.

Переселеніе Арміи имѣетъ, конечно, и свои оборотныя стороны, разрушается дружная единая семья, — но оно является огромнымъ облегченіемъ для составляющихъ ее воиновъ, и, хотя бы временно, устраняетъ постоянную тревогу о дальнѣйшей ихъ судьбѣ.

Казавшееся невозможнымъ — совершилось: почти черезъ годъ послѣ оставленія Крыма Армія жива и въ своемъ ядрѣ отстоялась, спаялась, преодолѣла всѣ препятствія и соблазны. Это — и заслуга ея вождя, ген. Врангеля, и — главное — результатъ того героическаго духа, который закалился въ трехлѣтней совмѣстной борьбѣ.

Мимо этихъ силъ — возсозданіе новой Россіи пройти не можетъ. Примутъ ли онѣ непосредственное участіе въ ея освобожденіи, или только въ ея устроеніи послѣ переворота — мы знать не можемъ. Но людямъ съ печатью галлипольскаго лагеря — предстоитъ великое будущее, когда воскреснетъ Россія: такая закаленная, черезъ всѣ испытанія прошедшая дисциплинированная воля — болѣе всего будетъ ей нужна.

* * *

Большевики, Нансенъ, Лига Націй и державы.

Вопросъ объ отношеніи державъ къ Совѣтской власти былъ выдвинутъ на очередь въ связи съ голодомъ въ Россіи.

Американская частная благотворительная организація, возглавляемая Хуверомъ, приступила къ реальной работѣ, взявъ на себя обязательство прокормить милліонъ русскихъ дѣтей; эта работа стоитъ внѣ спора, и большевики ей не препятствуютъ, хотя совѣтскія газеты и зубоскалятъ по поводу сытыхъ фигуръ американцевъ. Но вопросъ о помощи голодающимъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ застрялъ въ многообразныхъ противорѣчіяхъ общаго мірового положенія.

Большевики стремились использовать голодъ, какъ средство укрѣпить свое политическое положеніе. Съ откровеннымъ цинизмомъ Стекловъ писалъ въ „Извѣстіяхъ" (21 сент.), что кампанія въ пользу помощи Совѣтской республикѣ должна втянуть широкія безпартійныя рабочія массы въ борьбу за міровой соціализмъ; для этого собираются митинги, устраиваются сборы и отчисленія, организуемыя секціями III Интернаціонала. Внутренняя фальшь этой кампаніи уже хотя бы въ томъ, что суммы, расходуемыя большевиками на поддержку своихъ единомышленниковъ въ каждой странѣ, вѣроятно, значительно *превышаютъ* тѣ отчисленія, которыя они отъ нихъ получаютъ! По весьма проблематическому расчету „Извѣстій", за два-три мѣсяца собрано рабочими по всему міру только около 3 милл. золотыхъ рублей (300.000 ф. ст.). Но шуму — много!

Въ то же время, большевики были бы не прочь получить и кредитъ — если бы съ этимъ кредитомъ не связывалось никакихъ обязательствъ. Кредитъ означалъ бы международное признаніе de facto. Поэтому они съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ предложенію Нансена.

Извѣстный путешественникъ, человѣкъ далекій отъ всякой политики, взглянулъ на дѣло о помощи голодающимъ просто и человѣчно: — надо помочь. — Онъ не учелъ при этомъ ни фактическихъ возможностей помощи при наличіи совѣтской власти, ни особыхъ свойствъ ея. Большевики въ вопросѣ обмѣна военноплѣнныхъ, говорилъ онъ, исполнили свои обязательства добросовѣстно, — почему не повѣрить имъ теперь? О томъ, что поддержка, оказанная большевикамъ, продлитъ ихъ власть и удесятеритъ въ 1922—23 г. г. голодъ — Нансенъ не думалъ; это, считалъ онъ, уже „политика".

Надо сказать, что при всей ошибочности и близорукости позиціи Нансена — вся его личность, въ борьбѣ этихъ мѣсяцевъ, является въ глубоко симпатичномъ свѣтѣ. Но трагизмъ въ полной его неосвѣдомленности о природѣ тѣхъ явленій, съ которыми онъ тутъ столкнулся.

Вопросъ о кредитѣ государства государству, — а особенно правительству, столь своеобразному, какъ большевистское — есть по самой сущности своей вопросъ глубоко политическій. Отъ этого не уклониться. Нельзя вопросы міровой важности рѣшать въ порядкѣ благотворительности, какъ нельзя въ такомъ порядкѣ рѣшать и вопросы соціальные. И то, что всѣ державы въ одинъ голосъ утверждали, что они рѣшаютъ его исключительно на основаніи гуманитар-

мыхъ соображеній, было, въ сущности, только оффиціальной, неискренней терминологіей.

Въ Лигѣ Націй была сдѣлана попытка придать теоретической дискуссіи болѣе опредѣленный тонъ. Представитель Югославіи Сполайковичъ въ своей рѣчи подошелъ къ сути вопроса: „что мы тутъ споримъ о способахъ помощи? Корень зла — въ самой большевистской власти!“ — Но Лига не рѣшилась ни занять опредѣленной позиціи противъ большевиковъ, ни оказать имъ поддержку, принявъ проектъ Нансена; она не разрѣшила и квадратуры круга — помощи Россіи безъ уничтоженія большевистскаго строя. Въ результатѣ, никто не былъ удовлетворенъ ея рѣшеніемъ, кромѣ, можетъ быть, большевиковъ, которые въ возможность кредита вѣрили мало, а во всякій разговоръ о себѣ — усердно вчитываются, ища въ немъ почву для пропаганды.

Значительно осторожнѣе и разумнѣе были дѣйствія великихъ державъ. Еще на Верховномъ Совѣтѣ въ августѣ Англія выступила защитницей большевиковъ; съ тѣхъ поръ — и ея позиція нѣсколько перемѣнилась. Первая междусоюзная комиссія по борьбѣ съ голодомъ, подъ предсѣдательствомъ Нуланса, обратилась къ совѣтской власти съ требованіемъ о допущеніи анкетной комиссіи — и получила грубый отказъ. Роспускъ Общественнаго Комитета, терроръ, нота лорда Керзона о большевистской пропагандѣ въ Азіи — все это создало за сентябрь атмосферу, еще болѣе неблагопріятную для большевиковъ. Обѣимъ сторонамъ было ясно, что никакого соглашенія не будетъ.

Собравшаяся въ Брюсселѣ въ октябрѣ конференція державъ, принявшая на этотъ разъ по предложенію Франціи, Бельгіи, — и Англіи, — постановленія, настаивающія на анкетной комиссіи и на признаніи большевиками, хотя бы въ принципѣ. довоеннаго долга, встала въ сущности на позицію, для державъ единственно возможную, — если онѣ сейчасъ не желаютъ вступать въ активную борьбу съ совѣтской властью. Вѣроятно, переговоры на этомъ замрутъ. Тѣ, кто видитъ въ этомъ какую то холодность державъ къ русскому горю, забываютъ хотя бы тотъ фактъ, что остатокъ золотого фонда въ рукахъ большевиковъ значительно больше, чѣмъ тотъ кредитъ, котораго для нихъ домогается Нансенъ; странно ожидать, чтобы державы оказывали безоговорочный кредитъ правительству, которое отрицаетъ международныя обязательства, и при этомъ употребляетъ свои средства, не считаясь съ дѣйствительными потребностями страны, на поддержаніе очага міровой революціи и раздуваніе ея во всѣхъ странахъ.

Попытка большевиковъ добиться черезъ голодъ международнаго признанія — не удалась. Не осуществилась и великодушная мечта Нансена — о широкой помощи голодающимъ. Но одно пріобрѣтеніе отъ этихъ мѣсяцевъ борьбы и интригъ всетаки остается: на русскій голодъ обращено вниманіе; созданъ аппаратъ по изысканію

кредитовъ; и въ случаѣ паденія совѣтской власти — правительство, стоящее на почвѣ права, общаго всѣмъ культурнымъ націямъ, можетъ расчитывать на полученіе необходимыхъ средствъ. А въ первое время международный кредитъ, иностранный хлѣбъ будутъ чуть ли не единственнымъ способомъ удовлетворить наиболѣе настоятельныя потребности истощеннаго большевистскимъ строемъ населенія. Такимъ образомъ, вопросъ о „завтрашнемъ днѣ“ переворота нѣсколько упрощается. И это — уже нѣчто.

Савинковъ и золото.

За сентябрь между Польшей и Совѣтской Россіей отношенія становились натянутыми. Большевики усиленно распространяли слухи о томъ, что Польша и Румынія, по наущенію Франціи, собираются съ ними воевать. Въ сущности же — велся торгъ: поляки требовали обѣщанное имъ по Рижскому міру золото, — около 50 милл. золотыхъ рублей, — для Польши сумма серьезная, — а большевики требовали высылки изъ Польши Савинкова и роспуска его организаціи. Обвиненіе большевиками польскаго штаба въ сношеніяхъ съ Савинковымъ, построенное на документахъ, сфабрикованныхъ нѣкимъ Масловскимъ, было осмѣяно всей польской и зарубежной печатью, послѣ появленія разоблаченій Масловскаго. Но въ концѣ концовъ, Польша съ большевиками сторговалась: 14 человѣкъ, съ Савинковымъ во главѣ, высылаются изъ Польши; взамѣнъ — большевики обѣщаютъ немедленно начать поставку золота!

Торговый договоръ.

Заключенъ еще торговый договоръ съ Норвегіей. Теперь, при появленіи въ Швеціи соціалистическаго министерства, заключитъ торговый договоръ, вѣроятно, и она. Но политическое значеніе этихъ договоровъ невелико — малыя державы идутъ въ этомъ за большими, — а экономическое? Когда торговля сводится къ закупкамъ на золото, производимымъ казной, — какое значеніе имѣютъ тарифы и т. д.?

Вообще — за послѣднее время, примѣрно съ сентября, начинается какой то отливъ, какое то охлажденіе въ отношеніи внѣшняго міра къ большевикамъ. Еще отдѣльные дипломаты ихъ похваливаютъ; но русскій рынокъ при большевикахъ оказывается сведеннымъ къ операціямъ „Внѣшторга“, выясняется неосуществимость концессій; интересъ наживы — пропадаетъ; а искренней симпатіи — никогда не было. Растетъ отчужденіе: совѣтское государство не сживается съ семьей „буржуазныхъ“ странъ. Слишкомъ велика сила взаимнаго отталкиванія.

19/6 октября 1921 г.

С. С. Ольденбургъ.

P. S. До настоящаго времени Владивостокское правительство существуетъ, и, видимо, въ сношеніяхъ большевиковъ съ японцами произошла заминка.

8/26 XI/X. 1921.

Дѣла иностранныя.

(Политическій обзоръ.)

Еще прошлый годъ — 1920-й — проходилъ подъ знакомъ ожиданія катастрофъ. Не то — въ 1921-мъ. Событія уже не спадаютъ водопадомъ: ихъ теченіе замедленное и пути ихъ исповѣдимы, — по крайней мѣрѣ почти настолько же, какъ было до войны.

Міръ какъ-будто приходитъ въ равновѣсіе. Міръ поправляется: послѣдствія болѣзни изживаются во многомъ быстрѣе, чѣмъ думалось. Хозяйственная жизнь входитъ въ берега; упавшее производство постепенно возстанавливается; на брошенныхъ въ дни войны поляхъ Франціи опять колосятся хлѣба; только сравнительно узкія полоски, изрытыя траншеями и взрывами, еще кажутся пустыней. Все это видно уже и въ цифрахъ. Въ 1920 г. торговый балансъ побѣжденной Германіи становится активнымъ. То же въ 1921 г. происходитъ съ торговымъ балансомъ Франціи. Соотношенія валюты главнѣйшихъ государствъ колеблются все меньше и меньше (судьба германской марки — исключеніе, связанное съ причинами политическими); прекратилось пониженіе европейской валюты по сравненію съ американской. Цѣны на предметы первой необходимости падаютъ. И тутъ, конечно, есть колебанія. Но въ общемъ уже болѣе года понижательная тенденція преобладаетъ.

Пожалуй, наиболѣе серьезнымъ признакомъ выздоровленія міра отъ болѣзни войны 1914—18 годовъ является ходъ промышленнаго кризиса въ Англіи и отчасти въ другихъ странахъ. Во время войны создались искусственныя экономическія отношенія. Яркій примѣръ ихъ — угольная промышленность въ Англіи. Пока длилась война, совершенно не считались съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли цѣна на уголь и плата углекопамъ потребностямъ промышленности или цѣнамъ въ другихъ странахъ; — уголь былъ нуженъ для побѣды. Но съ окончаніемъ войны экономика вступила въ свои права; и для того, чтобы привести заработную плату на такой уровень, при которомъ производство себя бы оправдывало, пришлось значительно ее понизить. Это, конечно, не могло пройти безъ борьбы и лишеній, безъ промышленнаго кризиса. Но паденіе цѣнъ и пониженіе заработковъ — это двѣ стороны того же процесса — возвращенія къ нормальному хозяйственному порядку; это — возстановленіе кровообращенія въ онѣмѣвшихъ отъ военныхъ путъ членахъ міроваго хозяйственнаго орга-

низма. Если бы міръ оказался не въ состояніи пройти черезъ этотъ мучительный, но неизбѣжный періодъ, а пытался бы отсрачивать его наступленіе путемъ всевозможныхъ опытовъ типа націонализацій, т. е. занялся бы вмѣсто производства — распредѣленіемъ, тогда можно было бы дѣйствительно сказать, что война 1914—18 годовъ нанесла уже капиталистическому строю, и съ нимъ современной цивилизаціи, смертельный ударъ. На самомъ дѣлѣ происходитъ обратное: заживаніе ранъ, возвращеніе къ прежнему экономическому уровню, — можетъ быть только немного пониженному, что и естественно послѣ уничтоженія большого количества матеріальныхъ цѣнностей — (и милліоновъ творцовъ этихъ цѣнностей!).

Есть, правда, еще области, которыхъ не коснулся процессъ выздоровленія. Но — это уже меньшинство. Самый глубокій провалъ въ міровой экономической жизни — это, конечно, Совѣтская Россія. Кромѣ нея — Польша, Австрія; — и это, пожалуй, все.

Одновременно съ хозяйственнымъ возрожденіемъ, и даже во многомъ быстрѣе его, возстанавливается и прежній бытъ. Исчезли карточки; открываются закрытые въ дни войны музеи; воскресаетъ понятіе „сезоновъ", интересъ ко всякимъ Олимпіадамъ и чемпіонатамъ и т. д. Для переживших — воскресаетъ 1913-й годъ!

Но если военный кризисъ успѣшно преодолѣвается; если даже коммунисты, ища въ настоящемъ признаковъ близкой катастрофы, ссылаются преимущественно какъ разъ на то, что является, наоборотъ, необходимымъ условіемъ возврата къ нормѣ — на процессъ приспособленія промышленности къ естественнымъ требованіямъ рынка; если побѣдно воскресаетъ старый европейскій бытъ, — значитъ ли это, что наступаетъ періодъ нѣкоего великаго расцвѣта, что все въ мірѣ отнынѣ обстоитъ благополучно?

— Развѣ та жизнь, которая была передъ войной, и по сравненію съ которой современность 1921 г. является лишь немного выцвѣтшей копіей—развѣ она не таила въ себѣ зародышей катастрофъ? Развѣ не ощущалась многими близость какого-то конца, глубокій кризисъ культуры, усомнившейся въ своей значительности и въ нравственной своей оправданности? — Здѣсь не мѣсто говорить о духовномъ кризисѣ европейской культуры; но развѣ въ политической и соціальной жизни большинства государствъ не ощущалось наростаніе разрушительныхъ силъ, развѣ не становилась все круче та наклонная плоскость, на концѣ которой — обрывъ большевизма?

Начало войны многимъ казалось грозой послѣ нестерпимо душныхъ дней. Гроза прошла; ея разрушенія — поправимы. Но можно ли сказать, что она очистила воздухъ?

Одной изъ основъ соціально-экономическаго кризиса была растущая пассивность верховъ, ихъ сомнѣнія въ своей правотѣ; и параллельный ростъ классовой вражды и зависти въ низшихъ слояхъ населенія, нравственно оправдываемый и возвеличиваемый теоретиками соціализма, и даже поэтизируемый рядомъ представителей со-

временнаго искусства (взять хотя бы „Ткачей“ Гауптмана!). Эти грозныя явленія вытекали отчасти изъ чрезмѣрной матеріализаціи современной культуры: для защиты собственнаго автомобиля и шампанскаго трудно, конечно, найти нравственный пафосъ! Но при всѣхъ недостаткахъ современнаго „буржуазнаго“ строя нельзя закрывать глаза на то, что на смѣну ему поднималась темная волна уравнительства, грозившая устранить самыя предпосылки духовной культуры, требующей сложнѣйшаго разнообразія внѣшнихъ формъ общежитія. Органическая связь разныхъ сторонъ культуры не сознавалась въ достаточной мѣрѣ.

Перемѣнилось ли что-нибудь въ этомъ отношеніи? Кое-гдѣ, въ странахъ, переживщихъ, хотя бы на краткій періодъ, конечный срывъ — большевизмъ, замѣчается попытка сплоченія въ защиту культуры; въ Финляндіи — „бѣлая гвардія“, „шюцкоры“; въ Баваріи и въ другихъ частяхъ Германіи — гражданская стража, „Оргешъ“; аналогичныя образованія въ Венгріи; въ Италіи — своеобразная боевая организація фашистовъ. Но эти попытки создать силы сопротивленія, которыя могли бы уберечь государства отъ скольженія въ пропасть, встрѣчаютъ непониманіе и несочувствіе не только въ промежуточныхъ слояхъ, но даже въ тѣхъ кругахъ непереболѣвшихъ странъ, стремленія которыхъ по существу, казалось бы, должны быть къ нимъ близки. Нѣтъ еще той великой переоцѣнки политическихъ цѣнностей, которая соотвѣтствовала бы глубинѣ поставленныхъ вопросовъ.

Нѣтъ, пока — ни война, ни даже большевизмъ не сдвинули Европы съ проторенной дороги. Проходитъ только острая болѣзнь; но организмъ остается непрочнымъ. Послѣ огромнаго кровопусканія велика сила инерціи, сила общаго утомленія. Она ведетъ политику на пути наименьшаго сопротивленія, наименьшей затраты силъ. Но приспособляемость и живучесть міровового хозяйства и инерція усталости — это лишь пассивные факторы. Они замедляютъ ходъ событій, но не мѣняютъ его направленія. Работа разрушительныхъ силъ не встрѣчаетъ еще активнаго, и, главное, — достаточнаго идейнаго противодѣйствія. А въ новомъ международно-политическомъ положеніи есть и элементы будущихъ конфликтовъ.

Миры подъ Парижемъ.

Миры, подписанные въ 1919 и 1920 г. г. въ окрестностяхъ Парижа, какъ и еще незакрѣпленные договорами сдвиги на востокѣ Европы, мѣняютъ всю политическую карту міра, какъ нѣкогда Вѣнскій конгрессъ или Вестфальскій миръ — и даже, пожалуй, больше. — Три великихъ державы отстранены отъ участія въ рѣшеніи судебъ міра; три изъ восьми — это много! Три орла — два двуглавыхъ и одинъ одноглавый; три великихъ историческихъ Имперіи... Возникло болѣе десяти новыхъ государствъ (изъ которыхъ нѣкоторыя уже успѣли исчезнуть!). Границы другихъ измѣнились до неузнаваемости. Десятки милліоновъ людей смѣнили подданство. Перемѣны — огромны.

Но и Вѣнскій конгрессъ, и Вестфальскій миръ были итогами компромиссовъ; они только отразили въ договорахъ создавшееся въ дѣйствительности равновѣсіе, притомъ довольно прочное. Между тѣмъ, положеніе, созданное мирами подъ Парижемъ, и гл. обр. Версальскимъ миромъ, является плодомъ не реальнаго соотношенія силъ и интересовъ отдѣльныхъ государствъ, а временной ихъ комбинаціи, быть можетъ неповторимой, и во всякомъ случаѣ въ данный моментъ уже распавшейся. Соединеніе Японіи и Америки, Россіи и Англіи, Италіи и Сербіи, — (не говоря уже о другихъ возможныхъ противорѣчіяхъ интересовъ внутри коалиціи) — было достигнуто для опредѣленой цѣли и на короткій срокъ; результатъ налицо; но вызвавшей его коалиціи уже больше нѣтъ.

И тѣ державы, которыхъ удовлетворяетъ результатъ Версальскаго мира, чувствуютъ, что такъ или иначе его необходимо еще закрѣпить.

Вотъ одинъ путь къ тому, обычно называемый французскимъ: углубить основанія договора; идти дальше въ намѣченномъ направленіи. Миръ можетъ быть обезпеченъ только прочнымъ обезсиленіемъ Германіи. Политику реванша можно предупредить только сдѣлавъ этотъ реваншъ физически невозможнымъ. Необходимо не допускать никакого территоріальнаго приращенія Германіи. Надо поддерживать въ окружающихъ ее государствахъ непримиримое къ ней отношеніе, и поддерживать тѣ изъ нихъ, которыя станутъ на этотъ путь. Слѣдуетъ использовать всѣ возможности, — и въ частности — вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, — для дѣйствительнаго контроля надъ всей политикой Германіи, включая финансовую и экономическую. Слѣдуетъ поддерживать въ Германіи всѣ центростремительныя теченія, и всѣ тѣ партіи, даже самыя крайнія, которыя ведутъ борьбу съ націоналистическими и воинственными элементами. Только такъ можно избѣжать новой міровой войны.

Другой путь — англійскій —: достигнуть того, чтобы договоръ вошелъ въ жизнь, можно только ослабляя сопротивленіе противъ него, сглаживая острые углы. Если Германія будетъ имѣть основанія надѣяться, что при покорности договору и честномъ его исполненіи, ея положеніе станетъ улучшаться — она можетъ предпочесть политику малыхъ мирныхъ достиженій — риску новаго конфликта. Сегодня — Верхняя Силезія; тамъ снятіе экономическихъ санкцій; а тамъ, въ перспективѣ, постепенное очищеніе Рейнской области и надежда на присоединеніе Австріи; все это растянется на многіе годы, а конфликтъ отсроченный — часто на половину ликвидированъ.

Сторонники первой точки зрѣнія указываютъ на опасность нападенія оправившейся и усилившейся Германіи; сторонники второй — на возможность взрыва отчаянія и „политики катастрофъ".

Для Германіи обѣ точки зрѣнія представляются непріемлемыми, такъ такъ исходятъ изъ необходимости долголѣтняго ея подчиненія. Она вся проникнута убѣжденіемъ, что Версальскій миръ такъ или

иначе долженъ быть пересмотрѣнъ; что созданное имъ положеніе не только не должно быть закрѣплено тѣмъ или инымъ путемъ, но наоборотъ должно быть въ корнѣ измѣнено. Соотвѣтственно двумъ главнымъ линіямъ державъ-побѣдительницъ есть и въ Германіи два основныхъ взгляда на то, какимъ путемъ можно выйти изъ подчиненнаго положенія: одинъ — это расчетъ на примиреніе, на обезоруженіе вражды, на поддержку Англіи, на постепенное возвращеніе занятыхъ областей; разница съ англійской позиціей въ цѣли: одни хотятъ свести договоръ постепенно на нѣтъ, другіе-пріучить къ нему, примирить съ нимъ; на практикѣ тутъ возможно извѣстное взаимодѣйствіе. О другомъ пути много говорить нечего: онъ простъ и ясенъ: всѣ силы употребить на то, чтобы возможно скорѣй разорвать путы Версальскаго договора!

Правильность той или иной изъ всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія устанавливать не приходится: въ чемъ критерій правильности? Въ конечномъ счетѣ выборъ дѣлаетъ чувство. Но можно отмѣтить одно: никто не считаетъ, что Версальскій договоръ — есть реальный итогъ. Его разсматриваютъ, какъ должное или не-должное, — не какъ сущее. Это — зданіе, которое требуетъ постоянной работы надъ собой, чтобы не обвалиться.

Остальные миры — въ Сенъ-Жерменѣ и въ Тріанонѣ, въ Нёйи и въ Севрѣ, — быть можетъ менѣе взрывчаты сами по себѣ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ и зависятъ отъ Версальскаго; это — миры по ликвидаціи австрійскаго и балканскаго вопросовъ; въ нихъ тѣ же побѣдители и тѣ же побѣжденные, но комбинація 1914—18 годовъ уже начинаетъ стушевываться, особенно въ отношеніи Турціи и отчасти Венгріи.

Осуществленіе Версальскаго договора.

Договоры вводятся въ дѣйствіе постепенно и съ треніями. Плебисциты; установленіе суммы и способа взиманія контрибуціи, возложенной на Германію въ видѣ обязательства возмѣстить причиненные ею убытки; вопросъ о судѣ надъ „военными преступниками" и т. д. — все это протянулось черезъ весь 1920 годъ и не закончилось еще и теперь.

Контрибуція.

Въ началѣ года Парижская конференція державъ Согласія постановила опредѣлить сумму, подлежащую взысканію съ Германіи, въ 226 милліардовъ марокъ золотомъ, уплачиваемыхъ ежегодными взносами отъ двухъ милліардовъ въ первые годы до шести милліардовъ, начиная съ 1932 г. Долгъ долженъ былъ быть погашенъ полностью въ 42 года; за этотъ же періодъ къ твердой суммѣ годового взноса добавлялось бы 12% стоимости германскаго вывоза за данный годъ.

Эти условія были предложены Германіи въ февралѣ; въ отвѣтъ на ея отказъ — она соглашалась тогда только на сумму много меньшую — были оккупированы нѣсколько городовъ на правомъ берегу Рейна и установлена таможенная граница между оккупированной об-

ластью и остальной Германіей. Въ поискахъ исхода Германія пыталась апеллировать къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Но онъ отклонилъ всякое вмѣшательство въ европейскія дѣла и далъ совѣтъ — сговариваться съ побѣдителями непосредственно.

Согласно Версальскому договору Германія должна была къ 1-му мая 1921 г. уплатить, внѣ общаго плана возмѣщенія убытковъ, 20 милліардовъ марокъ золотомъ. По исчисленіямъ самой Германіи, все то, что она выдала натурой — ж. д. матеріалъ, уголь, торговый флотъ и т. д. — превышало по стоимости эту сумму. Комиссія по возмѣщенію убытковъ, наоборотъ, оцѣнивала всѣ эти выдачи всего въ 8 милліардовъ.

Франція предложила потребовать уплаты этой суммы въ срокъ, и, въ случаѣ отказа, занять главный угольный районъ Германіи — лежащую вблизи отъ Рейна Рурскую область. Для проведенія этой мѣры были ею вновь собраны подъ знамена солдаты призыва 1919 г.

Англія однако возражала; и въ результатѣ Лондонскимъ соглашеніемъ союзниковъ было намѣчено слѣдующее: весь долгъ Германіи былъ установленъ въ 132 милліарда золотыхъ марокъ, подлежащихъ взысканію *съ процентами*. По новому плану уплата должна производиться а) твердыми взносами въ два милліарда золотыхъ марокъ, б) отчисленіями въ 26% стоимости германскаго вывоза; и продолжаться уже не 42 года, а до погашенія всей суммы долга. Въ итогѣ трудно опредѣлить, какой способъ, парижскій или лондонскій, являлся менѣе обременительнымъ для Германіи. Первые два года — взносы по лондонскому плану больше; въ послѣдующіе это зависить отъ размѣровъ вывоза; такъ, въ 1932 году только въ томъ случаѣ они достигнутъ размѣровъ предлагавшагося въ Парижѣ взноса, если германскій вывозъ къ тому времени превзойдетъ 28 милліардовъ (въ 1920 онъ былъ около 5, до войны около 10).

Лондонская цифра долга была предъявлена Германіи въ порядкѣ ультиматума, и, послѣ смѣны министерства, ею безоговорочно принята. Первый взносъ—(милліардъ марокъ золотомъ и иностранной валютой, до 31-го августа) — уже произведенъ. Причитавшаяся къ 15 ноября доля второго милліарда покрыта поставками. Подлежащія *ежегодно* уплатѣ суммы, даже за первые годы, исчисляются около 4-хъ милліардовъ золотыхъ марокъ въ годъ; это — сумма, равная всей контрибуціи, взысканной Германіей съ Франціи послѣ войны 1870—71 годовъ. Правда, и масштабъ всей войны теперь совершенно иной. Такъ проценты по государственному долгу одной Франціи достигаютъ въ настоящее время въ годъ почти такой же суммы.

Насколько осуществимъ весь установленный планъ — это вопросъ въ такой же мѣрѣ политическій, какъ финансово-экономическій. Въ отношеніи къ нему державъ-побѣдительницъ есть одно роковое противорѣчіе: если желать длительнаго ослабленія Германіи, — трудно ждать, что она будетъ въ состояніи много платить; если же стремиться къ тому, чтобы Германія богатѣла, въ частности, чтобы

ея вывозъ достигалъ гигантскихъ размѣровъ-то существуетъ опасеніе, что окрѣпшая Германія можетъ и отказаться отъ дальнѣйшей уплаты. Для выхода изъ положенія, финансисты державъ согласія хотѣли бы придать германскому долгу характеръ международный, сбывая нейтральнымъ германскія долговыя обязательства. Но самый размѣръ суммы дѣлаетъ этотъ способъ трудно осуществимымъ.

Разоруженіе.

Одновременно съ вопросомъ о контрибуціи, ультиматумъ, принятый Германіей, заключаетъ и требованіе о томъ, чтобы разоруженіе было закончено къ 30-му іюня. Поскольку дѣло шло о выдачѣ пушекъ, разрушеніи укрѣпленій, и т. д.,—это военно-техническій вопросъ, предрѣшенный Версальскимъ договоромъ. Гораздо сложнѣй былъ вопросъ о сокращеніи личнаго состава арміи. Версальскій договоръ ограничивалъ вооруженныя силы Германіи цифрой въ 100.000 человѣкъ, при этомъ добровольцевъ, а не призванныхъ по набору (этимъ хотѣли предупредить возможность боевой подготовки населенія путемъ смѣны состава 100.000-го контингента). Это условіе было выполнено. Но создавшіяся въ процессѣ борьбы съ большевизмомъ полу-военныя, полу-политическія организаціи, гражданскія стражи разныхъ наименованій, особенно сильныя въ Баваріи и въ Восточной Пруссіи, возбуждали опасенія и недовѣріе во Франціи, видѣвшей въ нихъ (съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ) готовые кадры арміи и (болѣе основательно) опору націоналистическихъ теченій.

При не очень интенсивномъ сопротивленіи со стороны Англіи, требованіе о разоруженіи и *роспускѣ* гражданской стражи было также включено въ ультиматумъ. Въ назначенный срокъ, до 30-го іюня, германское правительство издало соотвѣтствующій законъ. Насколько это постановленіе могло быть проведено въ жизнь, насколько могли быть велѣніемъ закона разрушены сложившіяся идейно-политическія и организаціонныя связи — сейчасъ трудно опредѣлить. Коммунисты и независимые соціалисты, еще болѣе, чѣмъ Франція, заинтересованные въ уничтоженіи гражданской стражи, во всякомъ случаѣ усердно стараются выслѣживать всякіе признаки ея существованія и обличать ее передъ комиссіями контроля. Отношеніе къ этому вопросу французскаго правительства—вообще ярко антибольшевистскаго — одинъ изъ наиболѣе печальныхъ примѣровъ отсутствія солидарности культурныхъ силъ Европы передъ лицомъ красной опасности.

Верхняя Силезія.

20-го марта состоялся послѣдній и самый важный изъ предусмотрѣнныхъ Версальскимъ договоромъ плебисцитовъ — верхнесилезскій. Первоначально было рѣшено мирной конференціей отдать Верхнюю Силезію Польшѣ; но въ послѣднюю минуту державы-побѣдительницы сдѣлали уступки, согласившись на плебисцитъ.

Въ виду огромнаго экономическаго значенія области были приняты мѣры предосторожности. Власть на мѣстѣ была передана междусоюзнической комиссіи изъ француза, англичанина и итальянца, и об-

ласть была занята отрядомъ войскъ (въ которомъ преобладали французы). Голосовать могли всѣ уроженцы Верхней Силезіи: и поэтому ко дню плебисцита они съѣхались со всѣхъ концовъ свѣта — всего больше изъ Германіи; — были даже введены особые поѣзда. Голосованіе дало 716.000 въ пользу Германіи и 471.000 въ пользу Польши. Но Версальскимъ договоромъ открывалась возможность раздѣла области. И ссылаясь на данныя того же плебисцита, и Германія и Польша притязали на промышленный районъ.

Если брать результаты въ цѣломъ — большинство за Германію. Если взять результатъ по административнымъ округамъ, то лишь два южныхъ округа — Плессъ и Рыбникъ — достаются Польшѣ. Если же итоги подводить по отдѣльнымъ общинамъ (что всего ближе къ буквѣ договора), то получится невѣроятная черезполосица, причемъ эти общины совершенно не равноцѣнны: есть города въ нѣсколько *десятковъ тысячъ* и имѣнія въ нѣсколько *десятковъ* голосовавшихъ! — Но если отвести сѣверные округа, съ огромнымъ нѣмецкимъ большинствомъ, а къ промышленнымъ округамъ, гдѣ оно невелико, прибавить Плессъ и Рыбникъ — (о которыхъ поляки утверждаютъ, что они — нераздѣльная часть промышленнаго района), тогда можно получить въ созданномъ такимъ путемъ отрѣзкѣ польское большинство въ нѣсколько тысячъ голосовъ.

Такъ какъ точнаго заранѣе установленнаго критерія для раздѣла не было, легко себѣ представить, какъ разгорѣлись страсти вокругъ этого вопроса. Узнавъ, что англійскій и итальянскій представители склоняются къ передачѣ промышленнаго района Германіи поляки подъ руководствомъ бывшаго польскаго депутата въ Рейхстагѣ Корфанты, подняли возстаніе и захватили, при слабомъ противодѣйствіи международныхъ отрядовъ, почти весь промышленный районъ въ свои руки. Это возстаніе, совпавшее съ окончательной стадіей переговоровъ о германской контрибуціи, побудило Англію — или дало ей поводъ — занять въ верхнесилезскомъ вопросѣ болѣе опредѣленную позицію Ллойдъ Джорджъ выступилъ въ Палатѣ Общинъ съ обличительной рѣчью противъ Польши. Въ то же время во Франціи общественное мнѣніе рѣшительно противилось подавленію польскаго возстанія французскими войсками.

Начавшееся со второй половины мая контръ наступленіе нѣмецкихъ добровольческихъ дружинъ положило предѣлъ успѣхамъ Корфанты, и междусоюзная комиссія, получивъ подкрѣпленіе въ видѣ отряда англійскихъ войскъ, сначала добилась перемирія, а потомъ и очищенія спорной зоны нѣмецкими и польскими отрядами.

Но силезскій вопросъ оставался нерѣшеннымъ. Англія стояла за передачу промышленнаго района Германіи; она считала, что этимъ поддержитъ въ ней примирительныя теченія. Франція, наоборотъ, противилась тому, чтобы уголь и руда Верхней Силезіи вернулись въ нѣмецкія руки; это значило бы, по ея мнѣнію, въ опасной мѣрѣ усилить боевую готовность Германіи.

Вопросъ явно вышелъ изъ области права и передвинулся въ сферу общей политики. Тѣмъ не менѣе продолжали работать эксперты, чертились карты, перекраивались границы округовъ и общинъ, велась газетная полемика о соотношеніяхъ голосовъ и о смыслѣ статей договора.

Такъ какъ большинство союзныхъ державъ склонялось въ сторону Англіи, Франція хотѣла возможно долѣе отсрочить рѣшеніе. Она, кромѣ того, выдвигала теорію, имѣющую значеніе не для одного верхнесилезскаго вопроса: во всѣхъ случаяхъ, когда въ версальскомъ договорѣ говорится о рѣшеніи того или иного вопроса „союзными и соединенными державами", рѣшеніе это должно быть единогласное, а не по большинству.

На состоявшемся въ первой половинѣ августа Верховномъ Совѣтѣ обѣ главныя точки зрѣнія согласовать не удалось. Французы шли не далѣе отдачи Германіи одной трети промышленнаго района, англичане — поддержанные Италіей и Японіей — соглашались только немного обкромсать его въ пользу Польши. Но обѣ стороны хотѣли избѣжать конфликта: въ англо-французскихъ отношеніяхъ интересы, объединяющіе побѣдителей, и связь совмѣстно пролитой крови пока перевѣшиваютъ расхожденія политики дня. Верховный Совѣтъ союзниковъ рѣшилъ передать вопросъ на заключеніе Совѣту Лиги Націй, принявъ на себя моральное обязательство подчиниться его рѣшенію.

Французская печать, ожидавшая, что нейтральные будутъ еще примирительнѣе къ Германіи, чѣмъ Англія, Италія и Японія, протестовала противъ такого рѣшенія; англійская, наоборотъ, признавала его мудрымъ.

Совѣтъ Лиги Націй, состоящій изъ четырехъ союзныхъ великихъ державъ и входящихъ въ него по жребію четырехъ изъ меньшихъ странъ, поручилъ разработку вопроса комиссіи изъ послѣднихъ четырехъ (Бельгіи, Бразиліи, Испаніи и Китая).

Послѣ полутора мѣсяцевъ работы, комиссія внесла свое заключеніе — весьма неожиданное: оно почти полностью воспроизводило французскія предложенія на Верховномъ Совѣтѣ. Большая часть промышленнаго района, всѣ цинковые рудники, около $^2/_3$ желѣза и угля, города Кенигсхютте и Каттовицъ, съ нѣмецкимъ большинствомъ свыше $^3/_4$ голосовъ — отдавались Польшѣ. Для смягченія хозяйственныхъ затрудненій, возникающихъ изъ раздѣла экономически единой территоріи, предлагалось установить переходный режимъ, до 15 лѣтъ срокомъ, въ теченіе котораго спорные вопросы, касающіеся области, рѣшались бы комиссіей изъ двухъ представителей Германіи и двухъ Польши, съ предсѣдателемъ, назначеннымъ Лигой Націй.

Это рѣшеніе, чрезвычайно невыгодное для Германіи, вызвало глубокое недовольство въ широкихъ англійскихъ (а также и итальянскихъ) кругахъ. Но Англія считала себя связанной. Она сама взяла починъ въ обращеніи къ Лигѣ Націй — и теперь ея политика оказывалась пораженной ея же собственнымъ оружіемъ!

Совѣтъ Лиги Націй и Верховный Совѣтъ одобрили принятое рѣшеніе; Германія сейчасъ сопротивляться не можетъ, и оно, вѣроятно, скоро будетъ осуществлено.

Раздѣлъ Верхней Силезіи, съ отдачей промышленнаго раіона хозяйственно неустроенной Польшѣ, понижаетъ вообще производительныя силы Европы. Уменьшая платежную способность Германіи, онъ можетъ и Францію лишить ожидающихся поступленій по Висбаденскому соглашенію и вообще по контрибуціи. Быть можетъ, въ самой Франціи проявившіяся за послѣднее время примирительныя теченія не были обрадованы этимъ подаркомъ Лиги Націй. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе верхне-силезскаго вопроса идетъ въ разрѣзъ съ недавно намѣтившейся общей тенденціей къ ослабленію вражды, хотя бы временному. Оно явилось торжествомъ непримиримой „французской“ точки зрѣнія.

Что же побудило представителей Бельгіи, Бразиліи, Испаніи и Китая принять такое рѣшеніе? Внимательное изученіе подробностей вопроса показываетъ, что не желая выбирать *по существу* между французской и англійской политикой, представители малыхъ державъ предпочли стать на самую *формальную* точку зрѣнія, придерживаться *буквы* статей Версальскаго договора. Пограничную линію они провели „согласно результатамъ голосованія по отдѣльнымъ общинамъ“ (en tenant compte du vote par communes), причемъ, когда общины съ тѣмъ или инымъ большинствомъ оказывались островами среди общинъ съ большинствомъ обратнымъ — онѣ раздѣляли судьбу всей округи. Это рѣшеніе, при которомъ крупные нѣмецкіе города въ нѣсколько десятковъ тысячъ голосовъ отошли къ Польшѣ потому, что окрестныя деревни или имѣнія (въ нѣсколько сотъ, а то и десятковъ избирателей) голосовали за поляковъ — едва ли справедливо по существу; но давая для раздѣла формальный, механическій критерій, оно тѣмъ самымъ являлось наиболѣе желательнымъ для тѣхъ, кто выбора по существу какъ разъ хотѣлъ избѣжать. Чтобы согласовать постановленіе съ другой частью статьи договора — о соблюденіи экономическихъ интересовъ населенія — были затѣмъ придуманы переходный режимъ и смѣшанная комиссія.

Своимъ рѣшеніемъ Совѣтъ Лиги Націй ясно показалъ, что этотъ международный организмъ не способенъ къ независимому сужденію въ крупныхъ вопросахъ международной политики. И это понятно: какая охота малымъ государствамъ (а Лигу Націй образуютъ *представители государствъ*) дѣлать выборъ между политикой двухъ великихъ державъ, и возстанавливать противъ себя одну изъ нихъ? Остается — укрыться за чисто формальное рѣшеніе. Но это — для Лиги Націй — есть отказъ отъ самостоятельной международной политической роли!

Франція. Внѣшняя политика.

Можно какъ угодно относиться къ политикѣ Франціи по существу; но надо признать, что она пряма, ясна и послѣдовательна. Одна Франція — изъ

побѣдителей — знаетъ, чего она хочетъ. И это выдвигаетъ сейчасъ ее, — и по населенію, и по экономической мощи чуть не слабѣйшую изъ великихъ державъ — на первое мѣсто на міровой сценѣ. Оріентируются по Франціи: за или противъ ея политики. Конечно, ей не все удается полностью осуществлять, но на каждое рѣшеніе она накладываетъ свой отпечатокъ.

Продолжая жить психологіей войны, отвергая самую возможность примиренія, Франція-побѣдительница ставитъ свою судьбу на карту Версальскаго мира и всѣ вопросы разсматриваетъ съ точки зрѣнія его упроченія. Ненависть и недовѣріе къ побѣжденному врагу объясняются отчасти ощущеніемъ того, что побѣдить, избѣгнуть опасности удалось на этотъ разъ только благодаря помощи извнѣ; что въ единоборствѣ шансы были бы неравны: и всѣ усилія Франціи направлены къ тому, чтобы въ будущемъ она могла бы отстояться противъ Германіи уже одна, безъ гадательной заморской и заокеанской подмоги.

Внутреннія дѣла.

Во внутренней политикѣ Франціи — затишье; во внѣшней единодушіе (если не считать коммунистовъ!). Національный блокъ, побѣдившій на выборахъ въ ноябрѣ 1919 года, продолжаетъ держаться; дополнительные выборы не показываютъ сколько-нибудь значительнаго сдвига голосовъ, хотя радикалы и выиграли два-три мѣста. Сближеніе власти съ націоналистскими и отчасти католическими кругами нашло себѣ выраженіе въ торжественномъ празднованіи столѣтія смерти Наполеона, въ установленіи государственнаго праздника въ честь Іоанны д'Аркъ (такъ какъ избавительницу Франціи католическая церковь признала святой, нѣкоторые вліятельные радикальные круги считаютъ до сихъ поръ своимъ долгомъ ее „не признавать“ и всячески порочить!). — Наконецъ, послѣ почти 16-лѣтняго перерыва возстановлены дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ: въ Парижѣ появился папскій нунцій.

Англія. Упадокъ коалиціи.

Родственная Національному блоку англійская коалиція, восторжествовавшая на первыхъ выборахъ по новому избирательному закону, въ декабрѣ 1918 г., непосредственно послѣ побѣды, — переживаетъ наоборотъ довольно критическое время. Въ Англіи нѣтъ сейчасъ того психологическаго преобладанія вопросовъ внѣшней политики надъ внутренней, которымъ гл. обр. и держится создавшійся на военныхъ настроеніяхъ Національный блокъ. Коалиція встрѣчаетъ сопротивленіе не только слѣва, въ рабочей партіи и въ оправляющихся послѣ разгрома независимыхъ либералахъ; она не удовлетворяетъ и консерваторовъ своей уклончивой и уступчивой политикой; наконецъ, въ связи съ огромнымъ ростомъ бюджета (противъ довоенныхъ его размѣровъ) намѣчается сильное теченіе въ пользу сокращенія расходовъ государства; на выборахъ выступаютъ особые кандидаты „анти-расточительства“ (anti-waste) и часто одерживаютъ верхъ. Это теченіе, въ значительной мѣрѣ опирающееся на рядового обывателя, ставитъ од-

нако на очередь серьезный вопросъ — о сокращенiи функцiй государства. Правительство идетъ отчасти навстрѣчу; упраздняются цѣлыя вѣдомства, выросшiя за время войны. Учрежденъ недавно особый комитетъ по сокращенiю бюджета. Но почва для агитацiи остается достаточная. И почти на всѣхъ дополнительныхъ выборахъ коалицiя теряетъ мѣста въ ту или другую сторону.

Промышленный кризисъ.

Промышленный кризисъ, вызванный общими факторами, — сокращенiемъ вывоза, уменьшенiемъ покупной способности въ самой странѣ, — привелъ къ необходимости понизить заработную плату почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Тяжелыя послѣдствiя отъ этого пониженiя въ значительной мѣрѣ смягчались параллельнымъ паденiемъ цѣнъ; оно не прошло однако безъ сопротивленiя. Углекопы давно уже пытались добиться нацiонализацiи копей, считая, что только она могла бы поставить заработную плату внѣ зависимости отъ колебанiя цѣнъ на уголь. Но именно въ этомъ и была одна изъ главныхъ опасностей нацiонализацiи: нарушилась бы связь между экономической цѣнностью продукта производства и получаемымъ за него вознагражденiемъ; и правительство рѣшительно отказалось стать на этотъ путь. Попытки поставить угольную промышленность внѣ нормальныхъ экономическихъ условiй однако продолжались. За требованiе „общаго котла“ (national pool) для всей угольной промышленности, т. е. за то, чтобы прибыль отъ болѣе доходныхъ рудниковъ обращалась на покрытiе дефицита по менѣе выгоднымъ, углекопы держались особенно упорно. Забастовка длилась два съ половиной мѣсяца; еще передъ самымъ ея концомъ референдумъ углекоповъ отвергъ соглашенiе. Для борьбы съ возможными безпорядками былъ объявленъ наборъ добровольцевъ, создалась и въ Англiи гражданская стража. Твердая позицiя власти и „буржуазiи“ не дала забастовкѣ превратиться въ революцiонное движенiе; желѣзнодорожники и другiе профессiональные союзы, послѣ колебанiй, рѣшили воздержаться отъ стачки, помня еще неуспѣхъ ж.-д. забастовки осенью 1919 г. Въ концѣ концовъ, углекопы уступили, причемъ правительство обѣщало отпустить 10 милл. ф. ст. на добавки къ жалованью въ первые мѣсяцы. Въ другихъ отрасляхъ промышленности приспособленiе къ условiямъ рынка прошло съ меньшими тренiями. Процессъ этотъ еще не закончился; еще велико число безработныхъ — около 1½ миллiоновъ. Но пока — развитiе идетъ въ здоровомъ направленiи.

Имперская Конференцiя.

Засѣдавшая лѣтомъ Имперская Конференцiя — новое звено въ сложной цѣпи взаимоотношенiй Англiи и ея колонiй. За первое десятилѣтiе XX-го вѣка нѣкоторыя колонiи съ преобладанiемъ англiйскаго (или во всякомъ случаѣ бѣлаго) элемента, получили почти полную самостоятельность. Это — Канада (съ Ньюфаундлендомъ); Австралiя; Новая Зеландiя; Южная Африка; — страны, общая цифра населенiя которыхъ менѣе 20 миллiоновъ; но экономическое ихъ значенiе, особенно въ сельско-хозяйственной обла-

сти, очень велико. Война сблизила ихъ съ Англіей; происходящія съ тѣхъ поръ совѣщанія преслѣдуютъ цѣль — закрѣпить это сближеніе. Этимъ колоніямъ, имѣющимъ званіе Доминіоновъ (Dominions), предоставляется извѣстное участіе во внѣшней политикѣ Британской Имперіи. Онѣ имѣютъ, наравнѣ съ Великобританіей, самостоятельный голосъ въ Лигѣ Націй. Конечно, въ основныхъ вопросахъ европейской политики рѣшающій голосъ остается за метрополіей; она сама—болѣе всѣхъ Доминіоновъ, вмѣстѣ взятыхъ, и кромѣ того управляетъ колоніями и Индіей, съ ихъ сотнями милліоновъ жителей (участіе Индіи на конференціи, при отсутствіи тамъ самоуправленія, конечно не ставить ее въ положеніе Доминіоновъ). Но въ нѣкоторыхъ вопросахъ внѣевропейскихъ Англія несомнѣнно будетъ считаться съ мнѣніемъ Доминіоновъ, въ общемъ настроенныхъ сочувственно къ С. Штатамъ и недовѣрчиво — къ желтой расѣ. Со своей стороны, Доминіоны будутъ содѣйствовать поддержанію морского могущества Англіи. Но старый принципъ: англійскій флотъ долженъ быть равенъ по силѣ флотамъ двухъ сильнѣйшихъ державъ вмѣстѣ — отнынѣ замѣненъ болѣе скромнымъ — равенства съ сильнѣйшимъ флотомъ въ мірѣ.

Ирландія.

Сближеніе съ дальними частями Имперіи — и ожесточенная борьба съ ближайшей — такова была картина въ Англіи за послѣдніе годы. Разгорѣвшееся во время войны сепаратистское движеніе въ Ирландіи оказалось крайне интенсивнымъ и упорнымъ. Послѣ выборовъ 1918 г., давшихъ по Ирландіи огромное большинство синнъ-фейнерамъ, они отказались засѣдать въ Англійскомъ парламентѣ; ихъ депутаты, собравшись, провозгласили независимость Ирландіи. Съ тѣхъ поръ два съ половиной года продолжались партизанская война и терроръ. Сотни англійскихъ солдатъ, полицейскихъ, чиновниковъ были убиты. Во всѣхъ городахъ происходили пожары, уличныя стычки. Синнъ-фейнеры проявили много смѣлости и своеобразной романтической фантазіи въ своихъ нападеніяхъ, поджогахъ и налетахъ. Ихъ дѣятельность не ослабили ни суровыя репрессіи (доходившія до разрушенія домовъ, въ которыхъ находили какое-либо оружіе), ни новый законъ о гомрулѣ, съ расширенными правами. Они воспользовались имъ для выборовъ новаго состава своего парламента, и провели полностью свои списки въ южной Ирландіи, и даже въ Ульстерѣ человѣкъ 10 изъ 50; но ни на минуту не прекращали террора.

Послѣ Имперской конференціи, при содѣйствіи представителя Южной Африки ген. Смётса, Ллойдъ-Джорджъ рѣшилъ сдѣлать серьезную попытку примиренія. Онъ предложилъ перемиріе синнъ-фейнерамъ, считавшимся до того времени мятежниками, подлежавшими карѣ. Оно было принято. Боевыя дѣйствія пріостановились. Были выпущены изъ тюремъ и лагерей арестованные депутаты. Скрывавшійся до того времени вождь синнъ-фейнеровъ де-Валера, считающійся президентомъ Ирландской Республики, былъ принятъ Ллойдъ-Джорджемъ и велъ съ нимъ переговоры.

Предложеніе Ллойдъ-Джорджа сводилось къ предоставленію Ирландіи положенія Доминіона, съ небольшими ограниченіями военнаго характера, и безъ права принуждать Ульстеръ силой войти въ составъ Ирландскаго государства. Это предложеніе шло много дальше прежнихъ проектовъ въ объемѣ правъ; только въ отношеніи Ульстера асквитовскій гомруль давалъ ирландскому правительству больше. Свои законы, свои финансы, свои внѣшнія сношенія и въ извѣстныхъ предѣлахъ свое войско — все это предлагалось теперь Ирландіи.

Но вожди синъ-фейнеровъ отнеслись въ общемъ къ предложенію отрицательно. Ирландское движеніе, болѣе отвлеченно идейное, чѣмъ практическое, не склонно было довольствоваться самымъ широкимъ объемомъ правъ; для него главнымъ являлся самый *принципъ* независимости; „существо" безъ „формы" его не удовлетворяло. Право полнаго отдѣленія отъ Англіи было боевымъ кличемъ синнъ-фейна, — какъ и единство Ирландіи. Переговоры еще не закончились; но столкновеніе чистой идеи и государственной необходимости дѣлаетъ шансы ихъ успѣха незначительными. Въ то же время, конечно, обѣ стороны предпочли бы одіумъ возобновленія военныхъ дѣйствій возложить на противника.

Послѣ цѣлаго мѣсяца споровъ о юридическихъ предпосылкахъ конференціи, представители англійскаго правительства и синнъ-фейнеры собрались наконецъ для переговоровъ. Но реальнаго компромисса еще не намѣтилось. Недавняя телеграмма де-Валеры римскому папѣ, протестующая противъ того, что англійскій король назвалъ ирландцевъ „своимъ народомъ" въ обращеніи къ духовенству, показываетъ, какъ обострено отношеніе синнъ-фейнеровъ ко всякому проявленію англійскаго суверенитета.

Италія. Красная опасность и фашизмъ.

Италія со времени войны переживала рядъ волненій, дошедшихъ до высшей точки въ сентябрѣ 1920 г., когда рабочіе въ сѣверныхъ провинціяхъ сдѣлали попытку насильственнаго отчужденія фабрикъ въ свою пользу и двадцать два дня держали ихъ въ своихъ рукахъ. Правительства — сначала Нитти, потомъ Джіолитти—держались выжидательно и боролись слабо съ нароставшей опасностью. Джіолитти даже охотно бросалъ слова о „соціальной трансформаціи" и при сентябрьскомъ захватѣ фабрикъ рабочими содѣйствовалъ тому, что онъ закончился не ихъ пораженіемъ, а установленіемъ своего рода „рабочаго контроля".

Но бездѣйствіе и попустительство власти вызвали въ самомъ обществѣ неожиданныя силы сопротивленія. Вокругъ союзовъ участниковъ великой войны (fasci di combattanti)*) создались боевыя организаціи „фашистовъ", преимущественно изъ молодежи, которыя занялись систематической борьбой противъ большевиствующаго соціализма и поддерживающихъ его рабочихъ организацій. Борьба ве-

*) Фашисты отъ fasci, — связки, союзы (латинское fasces — поэтому и знакъ фашистовъ — топоръ въ связкѣ прутьевъ).

лась съ южной страстностью, на терроръ отвѣчали терроромъ, на оскорбительныя выходки давали быстрый и рѣшительный отпоръ. Соціалистическія рабочія организаціи, привыкшія давить на правительство и на фабрикантовъ угрозами забастовокъ и массой своихъ голосовъ на выборахъ, не могли прибѣгнуть къ этимъ пріемамъ противъ силъ, исходящихъ изъ среды самого общества. Онѣ были отброшены въ оборонительное положеніе; онѣ уже не призывали къ ниспроверженію закона, а обращались къ его защитѣ. Произошелъ сдвигъ; напряженіе упало. Итальянская соціалистическая партія стала умѣреннѣй, увидѣвъ, что тактика насилія можетъ быть обращена и противъ нея.

Сейчасъ уже фашистское движеніе идетъ на убыль и отчасти распыляется на мелочи. Обыватель, избавленный фашистами отъ опасности, начинаетъ тяготиться безпокойными союзниками; часть фашистовъ заключаетъ съ соціалистами мирный договоръ. Но историческое значеніе за этимъ движеніемъ остается: оно показало, что красная опасность не такъ стихійно-непреодолима, какъ часто полагали; что въ борьбѣ съ ней приносятъ плоды рѣшительность и дерзость и, главное — вѣра въ себя. Движеніе фашистовъ въ защиту оскорбляемой родины — одинъ изъ наиболѣе положительныхъ фактовъ современности.

Новые выборы.

Новые выборы, происходившіе въ маѣ, не показали особеннаго сдвига голосовъ; соотношеніе силъ въ странѣ не всегда соотвѣтствуетъ соотношеніямъ чиселъ избирательныхъ бюллетеней. Немного уменьшилось число соціалистовъ; вошло въ палату нѣсколько десятковъ фашистовъ. Но рѣзкой перемѣны противъ „красныхъ выборовъ" 1919 г. не произошло. И передъ новой палатой Джіолитти, съ его умѣніемъ комбинировать силы отдѣльныхъ группъ либераловъ и радикаловъ, составлявшихъ подавляющее большинство въ палатѣ до новаго избирательнаго закона, долженъ былъ убѣдиться, что его время прошло — или еще не настало. Оказалось, что выросшія новыя силы — соціалисты, католическая (народная) партія и націоналисты съ фашистами составляютъ по прежнему большинство, какъ въ палатѣ 1919 г., а прежнія партіи, называемыя собирательно „конституціонными", сами по себѣ не могутъ образовать правительства. Коалиція съ соціалистами, которая, быть можетъ, наиболѣе была пріемлема для Джіолитти, не соотвѣтствовала создавшемуся положенію, и онъ ушелъ, предоставивъ другимъ разбираться съ рядомъ неразрѣшенныхъ конфликтовъ и съ парламентомъ безъ большинства. Сейчасъ у власти комбинація изъ католиковъ и радикаловъ, — не очень прочная.

Въ создавшемся кризисѣ, не остромъ, но придающемъ государству извѣстную неустойчивость — сказалась оборотная сторона пропорціональной системы выборовъ: при нихъ происходитъ своего рода стабилизація состава парламентовъ; всѣ сдвиги очень незначительны. Это придавало бы устойчивость власти, если бы въ борьбѣ были двѣ

стороны; но когда ихъ больше, — какъ сейчасъ въ Италіи, — то большинства не имѣетъ никто, и однородная устойчивая власть въ условіяхъ парламентаризма становится невозможной.

Германія. Народное хозяйство и контрибуція.

На Германіи можно въ наиболѣе полномъ видѣ наблюдать основныя черты современнаго положенія: быстрый ходъ процесса самозаживленія ранъ войны и разстройство, вносимое въ народное хозяйство политическими слѣдствіями мирныхъ договоровъ.

Германія, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ разрушеній, экономически истощенная болѣе, чѣмъ главные ея противники, отдавшая при заключеніи мира весь свой торговый флотъ и большія количества ж.-д. матеріаловъ, несущая бремя ежегодныхъ угольныхъ поставокъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ пудовъ и лишенная рудниковъ Лотарингіи и Саарской области — довела въ 1920—21 г. г. свое производство и добычу своихъ копей въ среднемъ до двухъ третей довоеннаго, свой вывозъ — до 50—60% прежняго, причемъ, несмотря на огромную потребность въ сырьѣ, балансъ ея сталъ активнымъ. Низкій курсъ валюты способствовалъ росту вывоза. Цѣны внутри страны, противъ 1919 г., пали на 30—40% къ началу 1921 г. Но этотъ процессъ пріостановился за послѣднее время — вслѣдствіе необходимости начать платежи по контрибуціи. Взносъ перваго милліарда золотомъ и валютой, и поставки и платежи въ счетъ второго вызвали этой осенью катастрофическое паденіе германской валюты, за какой нибудь мѣсяцъ — на 50%. Это вноситъ разстройство во всю міровую торговлю, путая всѣ разсчеты.

Для покрытія взносовъ по контрибуціи, уже въ первые годы достигающихъ 4 милліардовъ марокъ золотомъ (или, по послѣднему курсу, 120—150 милліардовъ бумажныхъ марокъ!) — обычныхъ платежныхъ средствъ очевидно не хватаетъ. Приходится изыскивать новые. Соціалисты видятъ исходъ въ отчужденіи части капиталовъ и желаютъ воспользоваться вопросомъ о контрибуціи для расширенія предѣловъ государственнаго вмѣшательства. Ихъ противники желаютъ, наоборотъ, главную долю налоговъ переложить на потребленіе, учитывая, что только послѣдовательное самоограниченіе всѣхъ можетъ дать реальный перевѣсъ производства надъ потребленіемъ, а отчужденіе капитала, наоборотъ, приведетъ къ сокращенію производственныхъ возможностей. Но самоограниченіе имѣетъ свой предѣлъ — въ голодномъ минимумѣ. И какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о налогахъ — необходимость ежегодно отдавать *даромъ* заграницу такую долю національнаго дохода должна, повидимому, привести къ кризису, наступленіе котораго еще ускорено отнятіемъ отъ Германіи верхне-силезскаго раіона. Висбаденское соглашеніе еще не является достаточнымъ практическимъ исходомъ*).

---

*) Учитывая сомнительную возможность дальнѣйшихъ платежей золотомъ, Франція заключила въ началѣ октября съ Германіей т. н. Висбаденское соглашеніе (Лушеръ—Ратенау) о платежахъ натурой. На сумму, которая до

Внутреннія противорѣчія.

Необходимость подчиненія волѣ побѣдителей выдвигаетъ въ Германіи къ власти тѣ круги, которые стоятъ за политику примиренія. Это не соотвѣтствуетъ преобладающему въ странѣ настроенію. Партіи, составлявшія правительство Вирта съ мая 1921 г., не имѣли большинства даже и въ рейхстагѣ. Сдвигъ направо, ростъ національныхъ и государственныхъ теченій, отходъ отъ соціализма — идутъ неуклонно съ 1919 г. И выборы въ рейхстагъ въ іюнѣ 1920 г., и выборы въ Пруссіи въ февралѣ 1921 г. и недавніе (октябрьскіе) выборы въ Берлинскую городскую думу (*впервые съ 80-хъ годовъ* большинство берлинскихъ избирателей голосовало не за соціалистовъ!) — всѣ даютъ одинъ и тотъ же результатъ: наибольшій ростъ — на крайней правой, наибольшая убыль — для рейхстага у демократовъ, для Пруссіи и Берлина — у независимыхъ соціалистовъ.

Страна двигается вправо — а правительство влѣво: послѣ министерства Ференбаха (нац.-либералы, демократы, католики), сталъ у власти первый кабинетъ Вирта (демократы — католики — соціалисты). Такой сдвигъ, вызываемый большей уступчивостью лѣвыхъ передъ требованіями побѣдителей, врядъ ли способствуетъ успѣху радикальныхъ и соціалистическихъ идей. Да и республиканскій строй, плодъ разгрома и клеймо пораженія (не для одной Германіи!), врядъ ли выигрываетъ отъ нетерпимаго отношенія враговъ Германіи къ монархическимъ выступленіямъ. Связь національныхъ и монархическихъ тенденцій отъ этого только крѣпнетъ. Политика уступокъ, проводимая нѣмецкими республиканцами и соціалистами, тяжела для національнаго самолюбія побѣжденнаго, но духовно не сломленнаго народа.

Конфликтъ съ Баваріей.

Въ Баваріи, послѣ короткаго періода большевизма, установилось наиболѣе консервативное изъ германскихъ правительствъ, опирающееся на коалицію отъ крайней правой до демократовъ, съ остріемъ противъ соціалистовъ. Происходившія этимъ лѣтомъ въ Мюнхенѣ манифестаціи при посѣщеніи города королемъ Лудвигомъ, заявленія недавняго пре-

---

1926 г. не можетъ превысить семи милліардовъ золотомъ, т. е. примѣрно одной трети всего причитающагося съ Германіи вознагражденія, платежи золотомъ могутъ быть замѣнены поставками товаровъ, необходимыхъ для возстановленія опустошенныхъ мѣстностей. Оцѣнка поставокъ въ золотыхъ маркахъ производится особыми комиссіями на основаніи цѣнъ международнаго рынка. Это соглашеніе отчасти освобождаетъ Германію отъ невыгодныхъ послѣдствій обезцѣненія марки заграницей, а Франціи оно даетъ большую вѣроятность реальной уплаты контрибуціи. Соглашеніе въ большей мѣрѣ удовлетворяетъ Францію, такъ какъ для Германіи мѣняется, въ сущности, *форма*, облегчается *способъ* уплаты, но размѣръ контрибуціи не мѣняется. Висбаденское соглашеніе — пока главное достиженіе примирительной политики. Другимъ признакомъ того, что и французы не считаютъ единственно возможнымъ путь, названный „французскимъ", — была рѣчь Бріана въ С. Назерѣ, гдѣ онъ опредѣленно заявилъ, что интересамъ Франціи совершенно не соотвѣтствовало бы банкротство и экономическое разореніе Германіи.

ньера ф.-Кара о томъ, что ноябрьская революція была преступленіемъ, высылка совѣтскихъ „представителей" — яркія проявленія господствующаго въ Баваріи духа. Расхожденіе между лѣвѣющимъ (подъ внѣшнимъ давленіемъ) имперскимъ правительствомъ и Баваріей привело въ сентябрѣ къ рѣзкому столкновенію.

Въ концѣ августа былъ убитъ депутатъ Эрцбергеръ, котораго за послѣднее время общественное мнѣніе широкихъ національно настроенныхъ круговъ избрало козломъ отпущенія за капитуляцію передъ державами Согласія. Такіе факты, какъ это убійство, невольно вызываютъ противъ себя реакцію и вредятъ прежде всего тѣмъ, кому ихъ приписываютъ. Политическій единичный терроръ по существу безплоденъ: онъ возвеличиваетъ жертвы и унижаетъ убійцъ. Въ данномъ случаѣ онъ вызвалъ массовыя манифестаціи, объединившія въ протестѣ демократовъ и соціалистовъ, — и обязательное постановленіе президента, давшее властямъ право закрывать газеты, запрещать собранія и т. д., — на основаніи чего было сразу закрыто болѣе десяти націоналистическихъ газетъ.

Баварское правительство отказалось проводить въ жизнь это постановленіе на своей территоріи. Возникъ конфликтъ съ Имперіей. Отъ Баваріи потребовали общей перемѣны режима, снятія осаднаго положенія. Большинство баварской коалиціи предпочло въ данный моментъ уступить. Министерство ф.-Кара вышло въ отставку; его смѣнилъ представитель умѣреннаго крыла католической партіи графъ Лерхенфельдъ.

Распадъ малой коалиціи.

Но вскорѣ послѣ этой внутренней политической побѣды республиканско-соціалистическаго министерства Вирта послѣдовало тяжелое пораженіе его внѣшней политики: утрата Верхней Силезіи. Уступки, „примиренчество" — не привели ни къ чему: „французская" точка зрѣнія торжествовала. Замолкли разговоры о „большой коалиціи" — о вхожденіи народной партіи (нац.-либералы) въ правительство. Объединяться съ „примиренцами", въ моментъ полнаго крушенія ихъ тактики — націоналъ-либералы не пожелали. Наоборотъ: участвовавшіе до сихъ поръ въ коалиціи демократы (mutatis mutandis — германскіе к.-д.) рѣшили теперь изъ нея уйти. Съ соціалистами во второмъ кабинетѣ Вирта остается уже только „центръ", католическая партія (оригинальный конгломератъ, способный одинаково къ коаліціямъ и съ правой и съ лѣвой — смотря по обстоятельствамъ). Такимъ образомъ идетъ все тотъ же сдвигъ: направо — въ озлобленномъ отнятіемъ Верхней Силезіи народѣ, налѣво — въ продолжающемъ тактику уступокъ правительствѣ, вынужденномъ теперь опираться уже и на независимыхъ соціалистовъ.

Конечно, и лѣвое правительство Германіи не съ легкимъ сердцемъ подчиняется волѣ побѣдителей. Но въ современномъ положеніи оно не видитъ другихъ возможностей и упрекаетъ болѣе правыя партіи въ томъ, что онѣ въ тяжелую минуту уклоняются отъ при-

нятія на себя доли отвѣтственности. Упрекъ едва ли справедливый: національные круги имѣютъ свой отвѣтъ на вопросъ — что дѣлать. Но для успѣшнаго проведенія тактики *пассивнаго сопротивленія*, приводящаго гдѣ то и когда то къ активному, нужна сознательная дисциплина всего народа, единство національной воли (хотя бы въ той мѣрѣ, какъ его сейчасъ являютъ ирландцы). И естественно, что сторонники борьбы предоставляютъ въ настоящее время власть и бремя отвѣтственности какъ разъ тѣмъ партіямъ, которыя смотрятъ скептически и даже враждебно на политику сопротивленія и тѣмъ подрываютъ единство національной воли — необходимое условіе успѣха. Кто правъ — разсудитъ только будущее. Но несомнѣнно одно: сейчасъ, подъ вліяніемъ верхне-силезскаго рѣшенія и тяготъ контрибуціи, психологическія силы сопротивленія въ Германіи растутъ. Перевѣсятъ ли ихъ техническое разоруженіе и хозяйственное обезкровленіе, какъ на то разсчитываютъ сторонники „французской" позиціи?

Новыя государства.

Новыя государства — этотъ терминъ объединяетъ и воскресшія послѣ долгаго историческаго небытія, какъ Чехія и Польша; и выросшія изъ небольшихъ „пьемонтовъ", какъ Югославія и Румынія; и наконецъ, государства-осколки, какъ Австрія и Венгрія — всѣ они переживаютъ сложный періодъ приспособленія къ новымъ условіямъ. Одни, какъ Чехо-Словакія и Румынія, провели у себя земельную реформу, упразднившую крупное землевладѣніе и сохранившую только среднее и мелкое. Другія еще только закончили разработку своей конституціи (Польша — весной, Югославія — лѣтомъ 1921 г.). Наиболѣе сложно положеніе Польши, которая по размѣрамъ и по своимъ національнымъ стремленіямъ приближается къ великодержавности, а по экономическому разоренію, административной неустроенности и особенно катастрофическому положенію финансовъ стоитъ на самыхъ послѣднихъ ступеняхъ государственности. Курсъ польской марки, спустившійся до 30 — 40 сантимовъ за 100 марокъ, выше, кажется, только совѣтскаго рубля.

Неустановленность жизни даетъ благопріятную почву для агитаціи коммунистовъ; поэтому и борьба противъ нихъ ведется правительствами новыхъ странъ энергичнѣй, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ Югославіи, послѣ покушенія на престолонаслѣдника и на премьера и убійства бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, депутаты — коммунисты недавно исключены изъ парламента.

Изъ государствъ осколковъ промышленная въ своемъ большинствѣ Австрія, маленькое худенькое тѣльце съ огромной головой — Вѣной, нѣкогда столицей цѣлой имперіи, — влачитъ печальное существованіе въ ожиданіи финансовой поддержки побѣдителей, накладывающихъ свое вето на ея присоединеніе къ Германіи. Происходившіе въ Тиролѣ и Зальцбургѣ демонстративные плебисциты дали до 95% въ пользу присоединенія. Но такого прироста Германія не

желаетъ не только Францiя, но и сходящаяся съ нею въ этомъ вопросѣ Италiя.

Наоборотъ, Венгрiя, страна сельскохозяйственная и, какъ таковая, болѣе устойчивая и самодовлѣющая, установила у себя твердый порядокъ и управляется сейчасъ, пожалуй, наиболѣе консервативнымъ правительствомъ въ Европѣ. Въ избранномъ въ 1920 г. парламентѣ подавляющее большинство монархистовъ. Венгрiя и сейчасъ называетъ себя монархiей; но временно ею правитъ верховный правитель адмиралъ Хорти. Вопросъ о королѣ осложнился тѣмъ, что на возвращенiе въ Венгрiю короля Карла, бывшаго австрiйскаго императора, налагаетъ запретъ Трiанонскiй договоръ, и на его исполненiи въ этомъ пунктѣ особенно настаиваютъ т. н. страны-наслѣдницы дунайской монархiи, опасающiяся, что появленiе на венгерскомъ престолѣ династiи Габсбурговъ сдѣлаетъ Венгрiю центромъ притяженiя для ихъ бывшихъ подданныхъ. Между тѣмъ, выборъ новаго короля для венгерскаго парламента, притомъ, что большинство или во всякомъ случаѣ значительная часть его членовъ считаетъ законнымъ королемъ Карла, представляетъ значительныя трудности. Всѣ эти вопросы выдвинулись, на короткое время, на первый планъ всеобщаго вниманiя, когда Карлъ прiѣхалъ на Пасхѣ въ Венгрiю и около недѣли оставался тамъ. Протесты сосѣдей и постановленiе державъ-побѣдительницъ заставили венгерское правительство побудить короля вернуться въ Швейцарiю. Вторичный его прiѣздъ въ октябрѣ опять закончился неудачей. Отряды Карла, дошедшiе до окрестностей Будапешта, были разсѣяны послѣ короткаго боя, самъ король и жена его Цита взяты въ плѣнъ. Этотъ конфликтъ, приведшiй къ побѣдѣ диктатуры, поддержанной внѣшнимъ давленiемъ, надъ королевской властью, вноситъ глубокую идейную смуту въ консервативные венгерскiе круги; tertius gaudens — конечно, лѣвыя партiи. Возможно, что во внѣшней политикѣ Венгрiя добьется нѣкоторыхъ успѣховъ, черезъ сближенiе съ Италiей; что она получитъ обратно часть земель, отдаваемыхъ Австрiи Трiанонскимъ договоромъ; но врядъ ли и этотъ успѣхъ искупитъ внутреннiй надломъ.

Греко-турецкая борьба.

Послѣднiй по времени Севрскiй договоръ о раздѣлѣ Турцiи не только не осуществленъ, но и не ратификованъ. Онъ натолкнулся на дѣятельное сопротивленiе младотурокъ, поднявшихъ возстанiе противъ подписавшаго договоръ константинопольскаго правительства и захватившихъ почти всю Малую Азiю въ свои руки.

Въ вопросѣ о Турцiи причудливо скрещиваются нити современной политики. Въ то время какъ Англiя, съ гордостью называющая себя первой мусульманской страной въ мiрѣ, стремится въ максимальной доступной степени ослабить Турцiю и духовное главенство надъ мусульманскимъ мiромъ — халифатъ — передать полузависимому отъ англичанъ правителю Аравiи, — Францiя пыталась стать на защиту остатковъ турецкаго влiянiя. Въ то же время младо-

турки, или, какъ ихъ теперь зовутъ по имени главы ихъ правительства, кемалисты, состоятъ въ союзѣ съ большевиками: вмѣстѣ съ ними упразднили Арменію, отдали имъ Батумъ; получаютъ отъ нихъ военные матеріалы. Непосредственнымъ противникомъ кемалистовъ является Греція; въ первую очередь противъ уступки земель, отводимыхъ Севрскимъ договоромъ ей, и былъ направленъ протестъ Ангорскаго правительства.

Происшедшія въ концѣ 1920-го года внутреннія перемѣны въ Греціи еще усилили уклонъ французской политики въ пользу турокъ. Первые свободные выборы послѣ войны свергли правительство Венизелоса, которому греческое національное чувство не простило того, что къ власти его привели, черезъ насильственное отреченіе короля, направленныя на Афины орудія англо-французской эскадры и штыки солдатъ салоникской арміи. Единодушнымъ народнымъ голосованіемъ былъ призванъ обратно на престолъ король Константинъ, — тотъ, котораго въ свое время державы согласія смѣстили за упорное нежеланіе ввести Грецію въ войну на ихъ сторонѣ. Попытки воспрепятствовать его возвращенію успѣха не имѣли; но оно дало поводъ къ стремленіямъ пересмотрѣть Севрскій договоръ, отдававшій Греціи Смирну и Восточную Фракію. Тутъ, однако, политики Англіи и Франціи настолько разошлись, что обѣ, въ концѣ концовъ, должны были сговориться на невмѣшательствѣ въ борьбу между Греціей и кемалистами, чему способствовала также заносчивость послѣднихъ послѣ ихъ временнаго успѣха подъ Эски-Шеиромъ въ началѣ апрѣля.

Происходящая сейчасъ въ Малой Азіи борьба имѣетъ однако и болѣе широкое значеніе, чѣмъ споръ о границахъ между Греціей и Турціей. Міровое положеніе сложилось такъ, что турецкій національзмъ и панмусульманское движеніе оказались главными, — пожалуй, единственными серьезными попутчиками совѣтской власти. Для третьяго Интернаціонала кемалисты явились точкой приложенія рычага, которымъ большевики надѣются сдвинуть власть европейскихъ державъ надъ Азіей и Сѣверной Африкой. Примѣчательно, что возстанія въ Индіи, одинъ изъ главныхъ козырей большевистской игры, разыгрываются какъ разъ среди мусульманскаго населенія; что большевистскіе эмиссары проникаютъ въ кочевья бедуиновъ сѣверной Сахары вмѣстѣ съ проповѣдниками священной войны. Конечно, идейной связи между коммунистами и этими ихъ попутчиками нѣтъ; но при современномъ положеніи, несомнѣнно, болѣе слабые и неорганизованные мусульманскіе элементы являются орудіемъ въ рукахъ совѣтскихъ политиковъ, а не наоборотъ. А цѣль коммунистовъ — все таже: общее возстаніе въ колоніяхъ, которое должно раззорить капиталистическое хозяйство и рикошетомъ вызвать революцію въ Европѣ. Поэтому, всякій успѣхъ кемалистовъ есть въ извѣстной степени побѣда большевиковъ (что и отразилось въ недавнемъ обмѣнѣ привѣтствіями между нимъ и Кемалемъ).

Испанія и Марокко

Трудно установить, есть ли связь между общимъ броженіемъ въ мусульманскомъ мірѣ и тѣми крупными событіями въ колоніальной жизни въ сѣверной Африкѣ, которыя разыгрались въ концѣ іюля вокругъ Мелильи, стараго испанскаго владѣнія на Мароккскомъ побережьи. Войско около 20,000 испанцевъ, двинувшееся вглубь страны для карательной экспедиціи, вслѣдствіе неосторожныхъ дѣйствій командовавшаго генерала и измѣны туземныхъ солдатъ, подверглось поголовному истребленію; вся испанская зона Марокко возстала, и даже Мелилья подверглась серьезной угрозѣ. Катастрофа подъ Ануалемъ въ іюлѣ 1921 года поистинѣ безпримѣрна въ лѣтописяхъ колоніальныхъ войнъ; она по своимъ размѣрамъ превосходитъ и пораженіе итальянцевъ въ Абиссиніи и всѣ неуспѣхи англичанъ въ южной Африкѣ и Афганистанѣ.

Можно было опасаться по опыту 1909-го года, что необходимость посылки значительныхъ подкрѣпленій въ Африку вызоветъ безпорядки въ самой Испаніи. Но пока этого не произошло. Министерство вышло въ отставку и во главѣ новаго, составленнаго изъ всѣхъ правыхъ и умѣренныхъ группъ, сталъ извѣстный донъ Антоніо Маура, наиболѣе выдающійся изъ испанскихъ политиковъ, которагo въ свое время, послѣ международной ферреровской шумихи, пытались подвергнуть остракизму. Внутреннее положеніе Испаніи сейчасъ вообще не является критическимъ: ея финансы, въ результатѣ политики нейтралитета, блестящи, какъ никогда. Въ „ротаціонной системѣ“ — частой смѣнѣ у власти „династической лѣвой“ и „династической правой“ (либераловъ и консерваторовъ) — послѣднее время преобладала правая сторона. Противъ усилившагося съ недавнихъ поръ коммунистическаго движенія введены суровые законы. Въ Барселонѣ — обычно, главномъ центрѣ волненій—политическая борьба выродилась въ соревнованіе двухъ маффій, коммунистической и рехіоналистской[1], мало при этомъ нарушающее общій ходъ жизни. Значеніе офицерскихъ организацій отошло нѣсколько на задній планъ. Въ общемъ, по сравненію со своей сосѣдкой Португаліей, въ которой, со времени введенія въ ней республики, военные перевороты происходятъ каждые два — три года (послѣдній, въ іюнѣ 1921-го года, закончился отставкой министерства и роспускомъ парламента[2]), — Испанія—страна благополучная, и нѣтъ пока основанія опасаться, что мароккская неудача на ней серьезно отразится.

Америка и Японія.

Изъ пяти великихъ державъ — двѣ внѣ Европы! — Японія и Соединенные Штаты, хотя и участвовали въ міровой войнѣ, вышли изъ нея не только неистощенными, но значительно усилившимися и съ возросшимъ вліяніемъ. Такъ какъ оба эти государства граничатъ съ Тихимъ океа-

[1]) Рехіоналисты — „областники“, каталонскіе автономисты.

[2]) Въ октябрѣ въ Лиссабонѣ произошелъ опять переворотъ; убиты министры; распускается избранный только въ іюлѣ парламентъ!

немъ, многіе уже говорятъ о наступленіи тихоокеанскаго періода мировой исторіи. Но это — во всякомъ случаѣ преждевременно. Тихій океанъ — эта гигантская водная пустыня, дѣлящая пополамъ земной шаръ; — его восточное прибрежье — Крайній Западъ, его западное — Дальній Востокъ. Кромѣ части Азіи, берега его населены довольно рѣдко. На всѣхъ его островахъ — (если исключить лежащіе около самой Азіи) — меньше жителей, чѣмъ въ одномъ Лондонѣ; а разстоянія на немъ громадны, многонедѣльны. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то и для нихъ тихоокеанскіе штаты, отдѣленные отъ остальныхъ горами и пустынями, составляютъ примѣрно одну седьмую населенія. Поэтому значеніе тихоокеанскихъ вопросовъ не слѣдуетъ, все же, переоцѣнивать. Оно выросло, безспорно. Но до перваго мѣста въ мірѣ ему еще далеко.

Положеніе Японіи, при ея растущемъ перенаселеніи, вынуждаетъ ее искать тѣхъ или иныхъ способовъ расширенія своихъ владѣній. Пріобрѣтенія послѣдней четверти вѣка — Формоза, Сахалинъ, Корея, Каролинскіе и Маріанскіе о-ва, Цинъ-дао — мѣстности съ уже довольно густымъ населеніемъ (или со слишкомъ суровымъ для японцевъ климатомъ). Опасенія, отразившіяся еще въ „Сказаніи объ Антихристѣ" Вл. Соловьева, — что Японія возьметъ на себя руководство „желтой расой" и поведетъ ее на Европу, пока совершенно не оправдываются: между японцами и главной массой „желтыхъ" — Китаемъ — отношенія прямо враждебныя. Японія, наоборотъ, пока стремится принять участіе въ раздѣлѣ и „европеизаціи" Китая.

Соединенные Штаты, безспорно самое богатое и экономически сильное изъ современныхъ государствъ, не имѣетъ до настоящаго времени ни традицій, ни ясныхъ цѣлей международной политики. Они приняли участіе въ великой войнѣ въ силу ряда причинъ, давшихъ — рѣшившей, въ конечномъ счетѣ, волѣ президента Вильсона — возможность бросить свѣжія силы Америки на вѣсы чуждаго ей по существу историческаго спора. Тутъ были и симпатіи къ западнымъ демократіямъ, искусно поддержанныя пропагандой, и раздраженіе на потопленіе нѣмцами судовъ, и желаніе произвести пробную мобилизацію, создать собственную военную силу; послѣднее-отчасти изъ опасенія передъ усилившейся Японіей, бывшей уже членомъ могущественной противогерманской коалиціи. Но когда война была закончена, въ Соединенныхъ Штатахъ воспреобладало опять старое отвращеніе ко всякимъ связывающимъ заокеанскимъ обязательствамъ, и произошелъ фактъ, довольно оригинальный: договоръ, созданный при весьма активномъ воздѣйствіи главы американскаго правительства не былъ ратифицированъ какъ разъ его государствомъ. Соединенные Штаты, однако, разочаровали и своихъ соратниковъ и своихъ противниковъ, понадѣявшихся, было, что отказъ отъ ратификаціи вызванъ въ нѣкоторой мѣрѣ симпатіями къ Германіи; они просто ушли изъ Европы, отвергли всѣ предложенные „мандаты", а также не пожелали дѣлаться арбитромъ.

Единственной отчетливой чертой во внѣшней политикѣ С. Америки остался ея антагонизмъ съ Японіей. Опасенія десанта почти отпали, конечно, съ возникновеніемъ регулярной арміи; но соревнованіе въ постройкѣ флота продолжалось.

Вашингтонская конференція.

Вступившій въ должность президента Гардингъ, избранный подавляющимъ большинствомъ голосовъ, отразившемъ недовольство политикой Вильсона, теперь созываетъ на 11-ое ноября въ Вашингтонѣ конференцію державъ, предлагая ей обсудить вопросъ о сокращеніи вооруженій — (Имѣются въ виду гл. обр. военные флоты). Попутно, конечно, будутъ подняты вопросы, успѣшное разрѣшеніе которыхъ могло бы содѣйствовать разоруженію. Но уже Японія дѣлаетъ на этотъ счетъ оговорки: она соглашается принять участіе въ конференціи лишь въ томъ случаѣ, если вопросы, рѣшенные недавними договорами, не подвергнутся вновь пересмотру. Кругъ вопросовъ, подлежащихъ попутному разсмотрѣнію, поневолѣ, вѣроятно, сузится: политика „открытыхъ дверей“ — въ Китаѣ и въ Сибири; финансовыя и торговыя соглашенія — вотъ вѣроятный ихъ объемъ. О значеніи конференціи говорить рано. Можно только отмѣтить, что возросшая роль неевропейскихъ державъ сказывается въ томъ, съ какой готовностью предложеніе Америки принимается Европой, и какъ много вниманія удѣляетъ этой конференціи европейская печать.

Третій Интернаціоналъ.

Міръ живетъ опять своей безконечно сложной жизнью и выдѣлить главныя черты въ его многообразіи — не легко. Упрощеніе времени войны, со сгущеніемъ интересовъ въ одной точкѣ, перестаетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Упрощеніе совѣтское, сводящее все къ вопросу о соціальной революціи, о борьбѣ классовъ, становится безнадежно одностороннимъ. Но съ прежнимъ упорствомъ Коммунистическій Интернаціоналъ продолжаетъ вести свою линію и „готовить завтрашній день въ сегодняшнемъ“.

Насколько успѣшно идетъ эта работа? Первою подготовительной ея стадіей являлось образованіе во всѣхъ странахъ однородныхъ коммунистическихъ партій. Это могло произойти только за счетъ раскола старыхъ соціалистическихъ организацій. — Въ эту сторону и были обращены усилія; въ настоящее время во Франціи, въ Германіи, въ Италіи расколъ произведенъ, и возникли коммунистическія партіи „чистой воды“, имѣющія представителей въ парламентѣ и развѣтвленныя организаціи въ странѣ. Въ Англіи партійная коммунистическая группа пока невелика. Есть коммунистическія партіи и въ Испаніи, и въ Скандинавіи, и въ новыхъ государствахъ. Въ Чехословакіи партія насчитываетъ сотни тысячъ членовъ.

Въ каждой изъ странъ, конечно, есть и свои затрудненія для коммунизма: въ Германія, напр., имѣются двѣ коммунистическихъ партіи, изъ которыхъ одна, называющая себя коммунистической *Рабочей* Партіей, считаетъ себя лѣвѣе Московскаго Интернаціонала. Во Франціи профессіональные союзы, даже коммунистическa настроенные, противятся организаціонному сближенію съ партіей, требуя автономности. Въ Италіи еще не закончились переговоры объ отношеніи главнаго ядра соціалистовъ къ коммунистической партіи. (Итальянскіе соціалисты участвовали во второмъ съѣздѣ Московскаго Интернаціонала, и, впослѣдствіи исключенные, пытались оправдаться передъ третьимъ съѣздомъ; они, видимо, дорожатъ связью съ Москвой). Наконецъ, въ рядѣ странъ выросли внѣшнія преграды для дѣятельности коммунистовъ. Но работа ихъ всюду продолжается. Политика третьяго Интернаціонала направлена сейчасъ главнымъ образомъ на созданіе одной организаціи. Въ современный періодъ отлива, усталости, онъ полагаетъ цѣлесообразнѣе имѣть въ каждой странѣ небольшую, но фанатически преданную его идеѣ группу сторонниковъ, чѣмъ многочисленную партію, склеенную путемъ компромисса. Въ преніяхъ на третьемъ съѣздѣ выяснялось, что послѣ этой первой стадіи, создавшаяся группа сейчасъ должна работать надъ привлеченіемъ симпатій массъ, а не пытаться, даже въ случаѣ относительной многочисленности, выступать немедленно, особенно въ малыхъ государствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, коммунистическій переворотъ въ небольшой странѣ, если она не лежитъ на периферіи Совѣтской области, не имѣетъ шансовъ на длительный успѣхъ и только вызоветъ противъ себя реакцію. *Минировать почву*, а не производить безпорядочныхъ отдѣльныхъ взрывовъ — послѣдній пароль Московскаго Интернаціонала. Чтобы взрывы могли производиться впослѣдствіи планомѣрно, всюду должны быть протянуты нити отъ одного руководящаго центра — изъ Москвы. Если бы не существовало Совѣтской области, эта заговорщическая дѣятельность не представляла бы изъ себя ничего необычнаго и особенно опаснаго. Но теперь, впервые за всѣ вѣка исторіи, организаціонный центръ міровой революціи обладаетъ аппаратомъ власти большой страны, и защищенъ огромными пространствами и кое-какими войсками отъ попытокъ устранить его силой. Онъ можетъ на большой территоріи дѣйствовать легально, печатать любыя изданія въ любомъ количествѣ, давать у себя убѣжище своимъ единомышленникамъ и даже финансировать ихъ въ нѣкоторой мѣрѣ.

И какъ ни ограничены матеріальныя силы коммунистовъ, какъ ни ужасно экономическое положеніе подвластной имъ области, — существованіе ихъ власти является вполнѣ реальной угрозой для міра въ случаѣ какого-либо новаго серьезнаго международнаго конфликта. Тогда только могутъ съ полной силой проявиться техническія преимущества единой организаціи, имѣющей сторонниковъ во всѣхъ странахъ, по обѣ стороны фронтовъ и среди нейтральныхъ.

Въ предвидѣньи этихъ широчайшихъ возможностей коммунисты и напрягаютъ всѣ силы, чтобы продержаться лишній годъ, лишній мѣсяцъ, и страстно мечтаютъ о японо-американскомъ конфликтѣ, о возстаніяхъ въ Индіи и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но сейчасъ на міровомъ политическомъ горизонтѣ еще не видно желанныхъ для нихъ облаковъ. Затишье — *послѣ* бури!

14/27 октября 1921 г.

С. С. Ольденбургъ.

Историко-политическія замѣтки о современности.

VII.

„Соціалдемократія большинства“ (Mehrheitssozialdemokratie) на своемъ послѣднемъ съѣздѣ въ Герлицѣ въ началѣ октября этого года измѣнила свою программу въ духѣ ревизіонизма и приняла резолюцію, допущую возможность партіи на извѣстныхъ условіяхъ вступать въ коалицію съ буржуазными партіями. Въ этихъ программномъ и тактическомъ рѣшеніяхъ нѣтъ ничего новаго, но они окончательно закрѣпляютъ ту эволюцію германской соціалдемократіи, которая обозначилась еще до міровой войны и которую, казалось, могло бурно нарушить слѣдствіе войны — революція. Съ принятіемъ новой программы германская соціалдемократія окончательно освободилась отъ революціонной словесности „манифеста коммунистической партіи“ Маркса и Энгельса, составленнаго въ 1847 г. и опубликованнаго въ 1848 г.

Къ 1914 году эта словесность уже подлинно „до дыръ износилась“. Экономическое развитіе пошло совершенно не по тѣмъ путямъ, которые предрекала революціонная доктрина Маркса и Энгельса, построенная на основаніи скороспѣлаго и тенденціознаго истолкованія экономическихъ процессовъ первой половины 19 вѣка. Хозяйственная эволюція совсѣмъ устраняла, казалось, то предположеніе экономической и соціальной катастрофы капитализма, на которомъ была построена эта доктрина, словесно легшая въ основу такъ наз. Эрфуртской программы 1891 года. Обозначился кризисъ соціализма, реальный кризисъ въ экономической обстановкѣ и чисто психологическій и идейный кризисъ въ настроеніяхъ массъ и построеніяхъ вождей, та facies hippocratica соціализма, какъ движенія и міровоззрѣнія, о которой я писалъ около 1910 года.

Въ этотъ процессъ вывѣтриванія соціалистической доктрины и линянія революціоннаго наряда вклинилась великая міровая война. Подлинная политическая катастрофа, настоящій циклонъ, который снесъ съ лица земли многія вѣковыя постройки традиціонной государственности и революціонировалъ сознаніе истомленныхъ и въ то же время возгордившихся пролетарскихъ массъ. Правда, въ началѣ войны идеи соціалистическаго эволюціонизма восторжествовали. Но затѣмъ война, которая явилась политической катастрофой, невиданной по захвату, неслыханной по интенсивности, оживила, галь-

канонизировала идею экономической катастрофы и соціальной революціи. Это совершилось во всемъ мірѣ съ нѣкой психологической неотвратимостью, означая торжество революціонныхъ инстинктовъ и революціонной идеологіи. Мирное развитіе укрѣпляло соціально-психическіе „задерживающіе центры", война ихъ ослабляла и, казалось, подавила.

Казалось, война и ея слѣдствія кризису соціализма положили конецъ и открыли эру быстрыхъ и полныхъ соціалистическихъ побѣдъ.

Но это только — *казалось*.

Война, формально въ „военномъ соціализмѣ" осуществляя соціализмъ и передавая власть демократическимъ массамъ, по существу въ огромной мѣрѣ двигала и подвинула впередъ все тотъ же кризисъ соціализма.

Она во многихъ мѣстахъ призвала къ власти пролетаріатъ и политическія организаціи, говорившія отъ его имени, и тѣмъ изъ состоянія критикующихъ зрителей и объектовъ перевела ихъ въ состояніе отвѣтственныхъ дѣятелей и субъектовъ. И въ то же время она покончила, и радикально покончила, съ басней о томъ, что человѣчество и его отдѣльныя группы достаточно для соціализма — богаты. Военный соціализмъ показалъ, что соціализмъ нуженъ какъ героическое средство, при помощи котораго человѣческія общества могутъ выносить искусственную, требуемую войной, бѣдность. Но какъ только отпалъ для человѣческихъ обществъ тотъ принудительный мотивъ — искусственно поддерживать извѣстное равенство въ бѣдности, который создавала война, люди отвернулись отъ соціализма. Могущественное отвращеніе всѣхъ классовъ населенія отъ военнаго соціализма есть реальный отказъ отъ соціализма вообще.

Обнаружилось и другое: доктрина или вѣроученіе такъ называемаго „научнаго соціализма" Маркса учило, что соціализмъ родится изъ богатства и отъ богатства, какъ зрѣлый плодъ „роста производительныхъ силъ". Теперь, послѣ опыта войны и военнаго соціализма, послѣ торжества революціонной психологіи массъ, отъ этого вѣроученія ничего не осталось. Война и ея слѣдствія указали предѣлы человѣческому богатству, вѣрнѣе, раскрыли передъ человѣчествомъ его бѣдность. Будущій историкъ соціализма, я глубоко убѣжденъ, отмѣтитъ, что значеніе самаго интереснаго и блестящаго новѣйшаго соціалистическаго построенія, — соціализма Вальтера Ратенау, состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ, этотъ практикъ и организаторъ хозяйственной жизни, показалъ и доказалъ, что у соціализма нѣтъ и не можетъ быть того именно экономическаго обоснованія, ради котораго научный соціализмъ Маркса какъ разъ и требовалъ осуществленія соціалистическаго строя. Для Ратенау соціализмъ есть не экономическая необходимость, какъ для Маркса, а психологическій и моральный постулатъ (въ сущности таково же и менѣе талантливое обоснованіе соціализма у проф. Вильбрандта и другихъ ученыхъ экономистовъ, нынѣ проповѣдующихъ соціализмъ). Этотъ новый, по пріемамъ

обоснованія несомнѣнно тоже „научный", соціализмъ Ратенау и другихъ есть въ сущности диктуемый научнымъ опытомъ и научной добросовѣстностью отказъ отъ соціализма въ томъ смыслѣ, въ какомъ Марксъ научно обосновывалъ и утверждалъ соціализмъ. И это есть плодъ не недомыслія этихъ умовъ, что бы о нихъ ни думать, а плодъ ихъ добросовѣстнаго стремленія научно формулировать то, что *они* видятъ въ экономической дѣйствительности.

Война и ея политическія и экономическія слѣдствія гальванизировали отмиравшіе революціонные инстинкты и идеалы массъ. Но, именно, она, война и вытекшія изъ нея явленія, раскрыли утопичность не только революціоннаго, но и всякаго соціализма, какъ цѣлостной противобуржуазной концепціи. Читая Ратенау, Вильбрандта и другихъ „свѣжихъ" нѣмецкихъ глашатаевъ соціализма, я, человѣкъ, прошедшій черезъ школу марксизма и продумавшій исторически до конца его идею, не могу отдѣлаться отъ мысли, что для этой новѣйшей фазы соціалистической идеологіи, выдерживающимъ критику и осуществимымъ представляется только тотъ соціализмъ, который Марксъ клеймилъ наименованіемъ утопическаго.

Поскольку марксизмъ есть научное построеніе и научная методика, а не революціонная фразеологія и агитаціонная словесность, онъ теперь обращается противъ всякаго соціализма въ сколько нибудь цѣлостномъ и опредѣленномъ смыслѣ, начиная отъ кроваваго краснаго соціализма коммунистическаго манифеста и Ленина и кончая высоко-этическимъ розовымъ соціализмомъ Ратенау и Вильбрандта. Марксизмъ, какъ идея, какъ построеніе, цѣликомъ возвращается обратно въ то консервативно-историческое лоно, изъ котораго онъ, какъ странный революціонный отпрыскъ, выросъ нѣкогда въ эпоху реакціи противъ духа французской революціи, въ лоно Жозефа де Мэстра, Савиньи и Гегеля. И остается — марксистская революціонная фраза, ставшая безъидейной и безкрылой, фраза, въ которую могутъ вѣрить только тѣ, кто либо разучился, либо не научился научно мыслить.

Характерно, что на герлицскомъ партейтагѣ почти вовсе не было серьезныхъ программныхъ преній. Ясно, что не спорами о программныхъ пунктахъ опредѣляются развитіе и судьбы такой партіи, какъ германская соціалъ-демократія. Тридцать лѣтъ эта соціалъ-демократія влачила за собой Эрфуртскую программу, которая уже въ моментъ своего составленія была научно несостоятельной революціонной словесностью. И еще тридцать лѣтъ могло бы быть то же самое. Политическія партіи могутъ существовать вопреки своимъ программамъ и дѣйствовать наперекоръ имъ.

Одинъ изъ самыхъ реалистическихъ умовъ современной правящей соціалъ-демократіи сказалъ недавно о своей партіи весьма мѣтко, что она раздираема двумя страстями и силами: похотью власти (Regierungsbrunst) и похотью агитаціонной (Agitationsbedürfnis).

Для того, чтобы стоять во главѣ буржуазнаго общества, этой соціалистической партіи нужно найти какое-то „золотое сѣченіе“ между этими двумя похотями. Будетъ ли это „золотое сѣченіе“, эта политически-эстетическая мѣра воли и разума найдена въ дѣйствительномъ поведеніи партіи, — это въ весьма малой мѣрѣ зависѣло отъ формулировки програмы. Совсѣмъ наоборотъ. Формулировка партійной програмы опредѣляется всегда реальнымъ поведеніемъ партіи. Марксъ, который въ критикѣ чужихъ мыслей и построеній былъ жестокимъ реалистомъ, сказалъ однажды, что одинъ шагъ впередъ въ дѣйствительномъ движеніи важнѣе дюжины програмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ тѣ или иные мотивы и пункты програмы, совсѣмъ другое, а именно, какъ быстро соціализмъ германской соціалдемократіи на самомъ дѣлѣ „выцвѣтаетъ“ въ реальной политической и экономической жизни, превращаясь въ особую психологическую и политическую категорію самого буржуазнаго строя, какъ быстро соціалъ-демократическая партія становится подлинной партіей рабочаго класса, существованіе котораго, какъ класса, необходимо именно въ буржуазномъ обществѣ, и для котораго поэтому такъ же необходимо само буржуазное общество.

Въ этомъ, вѣдь, и состоитъ одна изъ главнѣйшихъ и интереснѣйшихъ парадоксій марксизма, что классовая борьба, которую онъ утверждаетъ, предполагаетъ стойкую наличность класса (конкретно — рабочаго класса) и его психологіи. И то и другое возможно настоящимъ образомъ только въ *буржуазномъ* обществѣ. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые новоявленные соціалисты изъ профессоровъ упрекаютъ соціалъ-демократовъ въ томъ, что ихъ реальная политика ради классовой борьбы жертвуетъ идеей соціализма. Между тѣмъ для соціалдемократіи, какъ рабочей партіи, это совершенно неизбѣжно, ибо пролетаріатъ въ обстановкѣ реальной хозяйственной жизни есть элементъ буржуазнаго общества и психологически и морально лишь одна изъ разновидностей типа „буржуа“.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать: соціализмъ будетъ „буржуазнымъ“ или его не будетъ. Въ Россіи онъ не былъ „буржуазнымъ“ и потому съѣлъ государство, пролетаріатъ и себя.

Соціалъ-демократическая партія Германіи въ своей програмѣ въ извѣстной мѣрѣ уже выразила это реальное соотношеніе. Теперь, вѣроятно, ея соціализмъ начнетъ всерьезъ осуществляться.

И это осуществленіе будетъ концомъ соціализма, какъ цѣлостнаго идейнаго построенія, которое можно принципіально противопоставлять буржуазному строю.

Сейчасъ, самое существенное въ соціалдемократической партіи это — что она партія *рабочая* и въ то же время *республиканская*. Возможности соціализма и даже соціальной политики въ современной Германіи такъ узки и прямо ничтожны, что для партіи пролетаріата главной задачей становится задача политическая, укрѣпленіе республики и воспитаніе республиканской идеологіи.

Но на германской республикѣ тяготѣетъ ея происхожденіе изъ національнаго крушенія, которое психологически родилось изъ зараженія широкихъ народныхъ массъ (сперва солдатскихъ и матросскихъ) именно революціонной психологіей и идеологіей — прекращенія войны. Объективно-экономически войну Германія проиграла вслѣдствіе конечнаго несоотвѣтствія силъ ея и ея союзниковъ силамъ противостоявшей коалиціи, въ которой Россію замѣстила Сѣв. Америка. Но психологическая форма народной революціи, произведенной ради мира, опредѣлила собой характеръ и размѣры той неудачи, которою для Германіи и ея союзниковъ окончилась война. И именно эта революція, которая, покончивъ съ войной, принесла такой тяжелый миръ, она то установила республику и дала соціалдемократіи руководящую идейную роль въ новой республиканской Германіи. Республика есть „Версальскій миръ"; соціалдемократія есть подчиненіе этому миру.

Этимъ объясняется непопулярность и республики и соціалдемократіи въ Германіи, отсутствіе у нихъ того престижа и той народности, которые республика уже съ первыхъ дней существованія пріобрѣла въ свое время во Франціи. Во Франціи республика была совершенно въ сторонѣ отъ національнаго крушенія; въ лицѣ Гамбетты она пыталась даже повернуть колесо исторіи. Здѣсь она — въ силу рокового сплетенія историческихъ силъ и фактовъ — психологически связана съ національнымъ крушеніемъ.

Эта связь, замѣтная для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, какъ объективный и тяжеловѣсный психологическій фактъ, ставитъ соціалдемократію въ чрезвычайно невыгодное положеніе. Широкія соціальныя реформы (не говоря уже о соціализмѣ) экономически неосуществимы и, такъ сказать, лишены всякаго смысла и вкуса при современномъ международномъ и экономическомъ положеніи Германіи, а республика, стражемъ которой выступаетъ соціалдемократія, стала символомъ національнаго крушенія.

Вотъ въ какихъ условіяхъ дѣйствуетъ германская соціалдемократія большинства. Тутъ приходится еще удивляться, что она и республика такъ хорошо удерживаютъ свои позиціи. Вѣдь вотъ во что психологически обходится и республикѣ и соціалдемократіи поддержка республики со стороны враговъ-побѣдителей! Въ положеніи правящихъ политическихъ партій Германіи вообще и въ особенности соціалдемократіи, активно двигавшей революцію, есть то ненормальное и парадоксальное, что онѣ могутъ держаться у власти только ладя съ побѣдителями и уступая имъ, а чѣмъ болѣе онѣ уступаютъ побѣдителямъ, тѣмъ слабѣе ихъ престижъ въ странѣ.

Ставъ правящей партіей въ республикѣ и тѣмъ самымъ поставивъ въ центрѣ всѣхъ своихъ реальныхъ устремленій сохраненіе республики, — соціалдемократія, въ сущности, взяла на себя функцію, которая въ другихъ странахъ всегда лежала на буржуазномъ радикализмѣ. И своеобразіе этой позиціи заключается въ томъ, что она вынуждаетъ соціалистическую партію къ компромиссамъ въ области

соціально-экономической и тѣмъ естественно ослабляетъ ея соціалистическій характеръ. Республику можно поддерживать сейчасъ только при весьма широкой коалиціи съ буржуазными партіями. Такимъ образомъ и по существу самого соціальнаго процесса соціалдемократія не можетъ не выцвѣтать, какъ соціалистическая партія, и къ этому выцвѣтанію ее еще вынуждаетъ ея республиканизмъ, который, повторяю, сталъ сейчасъ ея основной политической характеристикой.

VIII

Въ совѣтской газетѣ „Путь“, издаваемой въ Гельсингфорсѣ, (№ 171 отъ 14-го сентября), напечатана статья г. С. А. Адріанова, которую нельзя обойти молчаніемъ и моральный смыслъ которой надлежитъ разъяснить.

Этотъ небезъизвѣстный въ петербургскихъ газетныхъ кругахъ журналистъ и никому неизвѣстный „профессоръ“ той эпохи, когда въ профессора не записываются только отчаянно лѣнивые, проливаетъ слезы (и предаетъ ихъ тисненію на казенный совѣтскій счетъ) надъ тѣми русскими интеллигентами, которые пали жертвой короткой „чрезвычайной“ расправы совѣтской власти. Дѣлая это въ совѣтской газетѣ, онъ не только не обращается противъ той власти и тѣхъ учрежденій, которыя совершали и совершаютъ эти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, даже съ ихъ собственной точки зрѣнія, совершенно безсмысленныя казни, но громитъ какихъ то „конспираторовъ“, „заправилъ воинствующей эмиграціи“, за то, что они вовлекли и вовлекаютъ разныхъ лицъ, отъ профессоровъ до студентовъ, въ „безсмысленные заговоры“ противъ совѣтской власти.

Пусть г. Адріановъ и его собесѣдники защищаютъ совѣтскую власть и видятъ въ ней выраженіе „воли исторіи“!

Пусть они громятъ „заправилъ“ и „конспираторовъ“!

Правъ на это у г. Адріанова формально отнять не можетъ даже его нѣсколько пестрое прошлое, прошлое одного изъ главныхъ составителей юбилейной исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, написанной и напечатанной по приказанію Плеве, (что удостовѣрено на каждомъ экземплярѣ и на каждомъ томѣ этого труда воспроизведеніемъ автографа самого Плеве), затѣмъ ближайшаго сотрудника „Страны“ и „Вѣстника Европы“ Максима Ковалевскаго, „Русской Молвы“ А. В. Тырковой и Д. Д. Протопопова, наконецъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ эпохи войны.

Но кто далъ и что дало г. Адріанову право, вслѣдъ за чрезвычайкой, вторя ей, обличать въ заговорахъ лицъ, казненныхъ?!

Откуда, кромѣ тѣхъ оффиціальныхъ документовъ, въ которыхъ сама чрезвычайка сообщаетъ о казняхъ (напримѣръ, о разстрѣлѣ Н. И. Лазаревскаго, М. М. Тихвинскаго, Н. С. Гумилева и др.), г. профессоръ Адріановъ и его свидѣтели — подайте намъ и ихъ имена, г. Адріановъ! — знаютъ, что эти лица дѣйствительно участвовали въ

„заговорахъ?“ Кто и что даетъ этимъ господамъ-историкамъ право послѣ казни выступать въ роли свидѣтелей обвиненія чрезвычайки и тѣмъ оправдывать и обосновывать и прежнія и новыя казни?!

Вотъ какой вопросъ мы должны поставить въ упоръ г. Адріанову и его присныть.

Вотъ въ чемъ состоитъ *низость*, всякому здоровому человѣку отвратительная низость такихъ выступленій, какъ Іудушкины разсужденія и возгласы господъ Адріановыхъ и его свидѣтелей.

Но, выступая свидѣтелями обвиненія противъ казненныхъ, эти господа совершаютъ, кромѣ неслыханной низости, и невѣроятную глупость, не приличествующую ученымъ людямъ. Ибо вѣрить чрезвычайкамъ и совѣтскимъ полицейскимъ документамъ значитъ вѣрить безграмотнымъ баснямъ разныхъ новоявленныхъ красныхъ охранниковъ. Это уже просто глупо, а для магистранта исторіи и составителя одобренной Плеве весьма полезной исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ совершенно непростительно.

А какъ тотъ профессоръ исторіи (подайте же намъ его имя, г. Адріановъ!), который бросаетъ намъ, такъ называемымъ „эмигрантамъ“, упрекъ въ томъ, что мы „чужаки“ для живущихъ въ Россіи „образованныхъ тружениковъ“, какъ сей ученый мужъ объяснитъ намъ то примѣчательное явленіе, что „образованные труженики“ каждый день спасаются изъ совѣтской Россіи, но въ совѣтскую Россію никто не хочетъ спасаться?!

И кто чужаки? Тѣ, которые бѣжали третьяго дня? Или тѣ, кто бѣжали вчера?

А кто бѣжалъ сегодня тоже — чужакъ?

Господинъ анонимный профессоръ исторіи говоритъ отъ имени „образованныхъ людей, не ушедшихъ изъ Россіи“. Неужели этотъ ученый обличитель „чужаковъ“ не знаетъ того, что, мы „чужаки“, очень хорошо знаемъ изъ безчисленныхъ писемъ, получаемыхъ изъ Совѣтской Россіи, изъ разсказовъ и отъ лицъ, временно пріѣзжающихъ (за ними по большей части состоятъ „заложники“, учрежденіе, какъ долженъ хорошо знать историкъ Адріановъ, въ арсеналѣ министра Плеве не находившееся), и отъ лицъ, прочно бѣгущихъ оттуда, а именно, что въ совѣтской Россіи все умираетъ: и „темный, черный народъ“, и „образованные труженики“, что имя, точное и подлинное имя совѣтской власти это —

моръ.

И „муки горькаго опыта“, изъ которыхъ родится, среди „неслыханныхъ страданій“, „новая правда“, есть, говоря просто и ясно, позитивно-исторически и позитивно-статистически,

вымираніе великаго народа и его интеллигенціи.

Да, „заговорщики“ не страшны совѣтской власти, ибо она сама — въ заговорѣ со смертью.

Вотъ въ чемъ ужасъ!

Да, „заговоры“ безсильны передъ лицомъ не „новой жизни“, не „новой правды“, а древней смерти, съ которой совѣтская власть заключила роковой союзъ.

Такъ, мы знаемъ, что въ одномъ только Петроградѣ подъ совѣтской властью отъ голода и болѣзней погибло гораздо больше людей, чѣмъ на „ковельскихъ позиціяхъ“ отъ пулеметовъ и пушекъ нѣмцевъ, что въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ регистрируется смертность, неизвѣстенъ такой моръ городского люда, какой происходилъ и происходитъ въ Петроградѣ при совѣтскомъ владычествѣ.

Это — статистическій фактъ.

Ужасъ положенія Россіи не въ томъ, что отъ совѣтскихъ казней гибнутъ „заговорщики“, „авантюристы“ и „фанатики“, а въ томъ, что сама эта власть есть

моръ и казнь цѣлаго народа.

* * *

Въ позднѣйшемъ № 195 газеты „Путь“ отъ 12-го Октября г. Адріановъ что то пытается отвѣтить мнѣ на предшествующія строки, первоначально напечатанныя въ „Рулѣ“. Но изъ этого, конечно, ничего путнаго и приличнаго не могло выйти. Вѣдь, дѣло совсѣмъ не въ томъ, что г. Адріановъ работаетъ тамъ, въ Совѣтской Россіи. Тамъ работаетъ очень много честныхъ и дѣльныхъ русскихъ людей, и поскольку они дѣлаютъ свое дѣло на пользу родины, честь и слава имъ и братскій привѣтъ! Мы прекрасно понимаемъ, что имъ приходится работать въ совершенно другихъ условіяхъ, болѣе тяжелыхъ матеріально и морально, чѣмъ намъ. Но эта дѣйствительная работа, полная матеріальныхъ тяготъ и нравственныхъ страданій, не есть то, воистину, „подлое приспособленіе“ къ постыдной лжи, къ неслыханному произволу совѣтской власти, которое проповѣдуютъ г. г. Адріановы и имъ подобные. Мы хорошо знаемъ, что думаютъ о своей работѣ, объ ея условіяхъ и значеніи честные труженики, безмолвно несущіе свой крестъ въ Совѣтской Россіи. Можетъ быть, съ нѣкоторыми изъ нихъ мы расходимся въ тѣхъ или иныхъ оцѣнкахъ и предчувствіяхъ. Каждый судитъ изъ своего угла и каждый видитъ по своему. Кто правъ, — разсудитъ исторія. Но мы гораздо ближе ко всѣмъ этимъ людямъ, — это мы хорошо знаемъ, знаемъ непосредственно изъ первоисточника, — чѣмъ тѣ прислужники и апологеты совѣтской власти изъ интеллигенціи, которые проповѣдуютъ подлое, убивающее души, къ ней приспособленіе, зная хорошо, что у огромнаго большинства настоящихъ работниковъ русской культуры въ Совѣтской Россіи скованы уста.

Честь и слава подлиннымъ работникамъ и презрѣніе празднобoлтающимъ апологетамъ! Своимъ суесловіемъ и своей крикливой ложью вторые не могутъ затемнить безмолвной правды первыхъ.

Петръ Струве.

Н. Гумилевъ.

Стихи изъ книги „Огненный Столпъ“.

(Петроградъ 1921 г.) *)

1. Память.

Только змѣи сбрасываютъ кожи,
Чтобъ душа старѣла и росла,
Мы, увы, со змѣями не схожи.
Мы мѣняемъ души, не тѣла.
Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, какъ подъ уздцы коня,
Ты разскажешь мнѣ о тѣхъ, что раньше
Въ этомъ тѣлѣ жили до меня.
Самый первый: некрасивъ и тонокъ,
Полюбившій только сумракъ рощъ,
Листъ опавшій, — колдовской ребенокъ,
Словомъ останавливавшій дождь.
Дерево, да рыжая собака,
Вотъ кого онъ взялъ себѣ въ друзья.
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не увѣришь міръ, что то былъ я.
И второй . . . любилъ онъ вѣтеръ съ юга,
Въ каждомъ шумѣ слышалъ звоны лиръ,
Говорилъ, что жизнь — его подруга,
Коврикъ подъ его ногами — міръ.
Онъ совсѣмъ не нравится мнѣ. Это
Онъ хотѣлъ стать богомъ и царемъ,

---

*) Печатаемые ниже стихи Н. С. Гумилева только что получены нами изъ Россіи въ рукописномъ видѣ. Они взяты изъ его послѣдней книги, вышедшей, если не ошибаемся, незадолго до его трагической гибели. Читая эти стихи, лишній разъ мы убѣждаемся, что въ лицѣ Гумилева мы потеряли не только большого, но и неизмѣнно выраставшаго поэта.

Ред.

Онъ повѣсилъ вывѣску поэта
Надъ дверьми въ мой молчаливый домъ.
Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрѣлка,
Ахъ ему такъ звонко пѣли воды,
И завидовали облака.
Высока была его палатка,
Мулы были рѣзвы и сильны,
Какъ вино впивалъ онъ воздухъ сладкій
Бѣлому невѣдомой страны,
Память, ты слабѣе годъ отъ году:
Тотъ ли это или кто другой
Промѣнялъ священную свободу
На священный долгожданный бой?
Зналъ онъ муки голода и жажды,
Сонъ тревожный, безконечный путь,
Но святой Георгій тронулъ дважды
Пулею нетронутую грудь.
Я — угрюмый и упрямый зодчій
Храма, возстающаго во мглѣ,
Я возревновалъ о славѣ Отчей
Какъ на небесахъ и на землѣ.
Сердце будетъ пламенемъ палимо
Вплоть до дня, когда взойдутъ, ясны,
Стѣны Новаго Іерусалима
На поляхъ моей родной страны.
И тогда повѣетъ вѣтеръ странный,
И прольется съ неба странный свѣтъ,
Это Млечный Путь расцвѣлъ нежданно
Садомъ ослѣпительныхъ планетъ.
Предо мной предстанетъ, мнѣ невѣдомъ,
Путникъ, скрывъ лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящагося слѣдомъ,
И орла, летящаго къ нему.
Крикну я . . . но развѣ кто поможетъ,
Чтобъ моя душа не умерла?
Только змѣи сбрасываютъ кожи,
Мы мѣняемъ души, не тѣла.

2. Слово.

Въ оный день когда надъ мiромъ новымъ
Богъ склонилъ лицо свое, тогда
Солнце останавливали словомъ,
Словомъ разрушали города.
И орелъ не взмахивалъ крылами,
Звѣзды жались въ ужасѣ къ лунѣ,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало въ вышинѣ.
А для низкой жизни были числа,
Какъ домашнiй подъяремный скотъ,
Потому что всѣ оттѣнки смысла
Умное число передаетъ.
Патрiархъ сѣдой, себѣ подъ руку
Покорившiй и добро и зло,
Не рѣшаясь обратиться къ звуку
Тростью на пескѣ чертилъ число.
Но забыли мы, что осiянно
Только слово средь земныхъ тревогъ,
И въ Евангельи отъ Iоанна
Сказано, что слово это Богъ.
Мы ему поставили предѣломъ
Скудные предѣлы естества,
И, какъ пчелы въ ульѣ опустѣломъ,
Дурно пахнутъ мертвыя слова.

3. Шестое чувство.

Прекрасно въ насъ влюбленное вино
И добрый хлѣбъ, что въ печь для насъ садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, намъ насладиться.
Но что намъ дѣлать съ розовой зарей
Надъ холодѣющими небесами,
Гдѣ тишина и неземной покой,
Что дѣлать намъ съ безсмертными стихами?
Ни съѣсть, ни выпить, ни поцѣловать.

Мгновеніе бѣжитъ неудержимо,
И мы ломаемъ руки, но опять
Осуждены итти все мимо, мимо.
Какъ мальчикъ, игры позабывъ свои,
Слѣдитъ порой за дѣвичьимъ купаньемъ
И, ничего не зная о любви,
Все жъ мучится таинственнымъ желаньемъ.
Какъ нѣкогда въ разросшихся хвощахъ
Ревѣла отъ сознанія безсилья
Тварь скользкая, почуя на плечахъ
Еще не появившіяся крылья,
Такъ вѣкъ за вѣкомъ—скоро ли, Господь?—
Подъ скальпелемъ природы и искусства
Кричитъ нашъ духъ, изнемогаетъ плоть,
Рождая органъ для шестого чувства.

Канцона первая.

Закричалъ громогласно
Въ сине-черную сонь
На дворѣ моемъ красный
И пернатый огонь.
Вѣтеръ, милый и вольный,
Прилетѣвшій съ луны,
Хлещетъ дерзко и больно
По щекамъ тишины.
И вступая на кручи
Молодая заря
Кормитъ жадныя тучи
Ячменемъ янтаря.
Въ этотъ часъ я родился,
Въ этотъ часъ я умру,
И зато мнѣ не снился
Путь, ведущій къ добру.
И уста мои рады
Цѣловать лишь одну,
Ту, съ которой не надо
Улетать въ вышину.

Канцона вторая.

И совсѣмъ не въ мірѣ мы, а гдѣ то
На задворкахъ міра средь тѣней.
Сонно перелистываетъ лѣто
Синія страницы ясныхъ дней.
Маятникъ старательный и грубый,
Времени непризнанный женихъ,
Заговорщицамъ секундамъ рубитъ
Головы хорошенькія ихъ.
Такъ пыльна здѣсь каждая дорога,
Каждый кустъ такъ хочетъ быть сухимъ,
Что не приведетъ единорога
Подъ уздцы къ намъ бѣлый серафимъ.
И въ твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурманъ,
Что въ проклятомъ этомъ захолустьи
Точно вѣтеръ изъ далекихъ странъ.
Тамъ, гдѣ все — сверканье, все — движенье,
Пѣнье — все, — тамъ мы съ тобой живемъ.
Здѣсь же только наше отраженье
Полонилъ гніющій водоемъ.

Персидская миніатюра.

Когда я кончу, наконецъ,
Игру въ cache-cache со смертью хмурой,
То сдѣлаетъ меня Творецъ
Персидскою миніатюрой.
И небо, точно бирюза,
И принцъ поднявшій еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлетъ дѣвическихъ качелей.
Съ копьемъ окровавленнымъ шахъ,
Стремящійся тропой невѣрной
На киноварныхъ высотахъ
За улетающею серной.
И ни во снѣ, ни наяву

Невиданныя туберозы,
И сладкимъ вечеромъ въ траву
Уже наклоненныя лозы.
А на обратной сторонѣ,
Какъ облака Тибета чистой,
Носить отрадно будетъ мнѣ
Значекъ великаго артиста.
Благоухающій старикъ,
Негоціантъ или придворный,
Взглянувъ, меня полюбитъ вмигъ
Любовью острой и упорной.
Его однообразныхъ дней
Звѣздой я буду путеводной,
Вино, любовницъ и друзей
Я замѣню поочередно.
И вотъ когда я утолю
Безъ упоенья, безъ страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

Н. Гумилевъ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Крыловъ, какъ переводчикъ Лафонтена.

Какія именно басни заимствованы Крыловымъ у Лафонтена, критикой уже установлено: 27 басенъ признаны безспорно заимствованными у Лафонтена, а 4 оставлены подъ сомнѣніемъ*). Главная заслуга въ выясненіи этого вопроса принадлежитъ Кеневичу.

Каковы же особенности и пріемы Крылова какъ переводчика, въ достаточной мѣрѣ не выяснено. Между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія, а работа надъ нимъ даетъ интересные выводы. Басни Крылова представляютъ не только художественный переводъ, но и произведенія оригинальной творческой работы, причемъ наиболѣе раннія по времени являются и наиболѣе близким переводомъ, позднѣйшія — болѣе самостоятельнымъ. Ихъ можно разбить на три категоріи:

I. Басни, представляющія близкій переводъ, но имѣющія отличія въ стилѣ и формѣ. Таковы: „Дубъ и Трость", „Разборчивая Невѣста", „Лягушка и Волъ", „Левъ на ловлѣ", „Волкъ и Ягненокъ", „Крестьянинъ и Смерть", „Волкъ и Журавль", „Вороненокъ", „Левъ состарѣвшійся".

2. Басни, представляющія болѣе свободный переводъ: на одной и той же канвѣ рисунокъ у Крылова сложнѣе. Таковы: „Старикъ и трое молодыхъ", „Ворона и Лисица", „Стрекоза и Муравей", „Лисица и Виноградъ", „Два Голубя", „Моръ Звѣрей", „Лягушки, просящія Царя", „Откупщикъ и Сапожникъ", „Подагра и Паукъ", „Пастухъ и Море".

3. Басни, сохранившія лишь основу басни Лафонтена. Рисунокъ у Крылова здѣсь оригинальный. Часто онъ измѣняетъ не только содержаніе, но идею басни. Таковы: „Пустынникъ и Медвѣдь", „Муха и Дорожные", „Левъ и Комаръ", „Пѣтухъ и Жемчужное Зерно", „Госпожа и двѣ служанки", „Скупой и Курица", „Пчела и Муха", „Левъ и Мышь", „Котелъ и Горшокъ", „Ворона", „Котенокъ и Скворецъ" и „Два Мальчика".

Такимъ образомъ первая его басня „Дубъ и Трость" является наиболѣе точнымъ переводомъ, послѣдяя изъ нихъ „Два Мальчика" 1836 г., а также „Котенокъ и Скворецъ" ничего не заимствуютъ у Лафонтена, кромѣ основного мотива; ихъ скорѣе можно считать

*) Смирновскій: „Исторія Русской Литературы XIX в." вып. V 1902 г. стр. 68

самостоятельными: Крыловъ все болѣе и болѣе освобождается отъ вліянія Лафонтена и проявляетъ свою самостоятельность, какъ баснописецъ.

Изъ послѣдней категоріи басенъ, которыя представляютъ собой не переводъ, а передѣлку, басня „Левъ и Мышь" ближе стоитъ къ Эзопу, нежели къ Лафонтену, а басня „Пѣтухъ и Жемчужное Зерно" — ближе къ Федру[1]). Что касается басни „Ворона", которая, какъ и „Левъ и Мышь" въ отношеніи къ Лафонтену является вопросомъ спорнымъ, то ее рѣшительно слѣдуетъ отнести къ Лафонтену. У Эзопа дѣйствующимъ лицомъ въ этой баснѣ являются Соя и Голуби; мотивомъ поступка Сои — жадность. У Лафонтена, хотя остается еще Соя, но вмѣсто голубей уже павлины. Какъ и у Крылова она украшаетъ себя павлиньими перьями. Мотивомъ поступка является тщеславіе, какъ и у Крылова.

Каковы же особенности перевода Крылова и что оригинальное вноситъ онъ въ заимствованную басню?

Пріемы его, какъ переводчика, постоянно, но въ различной мѣрѣ проявляющіеся во всѣхъ этихъ басняхъ, сводятся къ слѣдующему:

1. Онъ упрощаетъ напыщенный стиль литературной моды XVII в. и устраняетъ миѳологическій элементъ.

Такъ: вмѣсто „L'oiseau de Jupiter" у него просто „орелъ"; сравненіе шерсти ягненка съ бородой Полифема замѣнено — тулупомъ. („Вороненокъ" — „Le corbeau voulant imiter l'Aigle").

Вмѣсто „Le Phenix des hôtes de ces bois"—у него „Царь-птица" („Ворона и Лисица" — „Le Corbeau et le Renard").

Совершенно изгнаны имъ „Фетида", „Аврора" и „Златокудрый Фебъ" („Госпожа и двѣ служанки" — „La vielle et les deux Servantes"), а также „рука блѣдныхъ парокъ", играющая судьбой юношей и старика. („Старикъ и трое молодыхъ").

2. Онъ національзуетъ басню, вводя отдѣльныя черты изъ русскаго быта взамѣнъ понятій, чуждыхъ русской жизни.

Такъ: вмѣсто „Прелата" у него „Превосходительство" („Подагра и паукъ"); вмѣсто „Financier" — „откупщикъ" („Откупщикъ и Сапожникъ"); вмѣсто: „les impôts" и „la corvée" — „подушное", „оброкъ", „боярщина". („Крестьянинъ и смерть"). Въ баснѣ „Разборчивая невѣста" — фигурируютъ — „свахи" и „сговоръ".

3. Національный колоритъ басни онъ поддерживаетъ оборотами народной русской рѣчи.

Такъ: разборчивая невѣста „смышляла" жениха. („Prétendait trouver un mari"). Ворона „утыкала себѣ павлиньимъ *перьемъ* хвостъ". („Le l'accommoda"); „L'état démocratique" перевелъ: „правленіе на-

[1]) Такъ у Лафонтена „Le Coq et la perle" — пѣтухъ похитилъ жемчужину и несетъ къ гранильщику. Кромѣ того, Лафонтенъ пояснилъ свою басню израилелью о невѣждѣ, получившемъ въ наслѣдство цѣнный манускриптъ. У Федра, какъ и у Крылова, пѣтухъ находитъ жемчужину, роясь въ сорѣ.

родно" („Лягушки, просящія Царя"); chemin sablonneux" — „сыпучими песками" („Муха и Дорожные"). Просьбу лягушекъ назвалъ „челобитьемъ".

4. Вноситъ психологическую мотивировку. — Такъ онъ изобразилъ праздную роскошную жизнь откупщика и его душевное состояніе, какъ причину его безсонницы.

5. Онъ усиливаетъ комическій элементъ въ баснѣ.

Такъ напр.: паука Лафонтена въ богатомъ домѣ тревожитъ лишь метла служанки; Крыловъ пустилъ противъ него всѣ средства: метлу и щетку и крыло. Это — усиливаетъ комическое движеніе въ баснѣ.

Примѣрами могутъ также служить басни: „Моръ звѣрей" и „Лягушки, просящія царя".

6. Онъ неизмѣнно стремится къ изображенію живому, картинному.

Часто текстъ Лафонтена сухъ и прозаиченъ въ сравненіи съ нимъ, иногда безцвѣтенъ, какъ конспектъ.

Такъ прозаична стрекоза Лафонтена. Она выступаетъ въ роли заемщицы, просящей о ссудѣ. Разговоръ съ муравьемъ — чисто дѣловой; дѣловая — терминологія („prêter", „l'interêt", „principale"). Стрекоза Крылова — легкомысленнѣйшее созданіе. Ея разговоръ съ муравьемъ — слезная мольба. Такимъ образомъ болѣе оттѣнена противоположность ихъ характеровъ, и басня передана живѣе и поэтичнѣе.

Часто одна строка Лафонтена превращается у него въ картину. Напр. изъ одной строки „Deux pigeons s'aimaient d'amour tendrs" у него явилась сцена неразлучной жизни голубей („Два голубя"). Изъ одной строки „les trésors, déchargés sur la plage" — —картина богатой гавани („Пастухъ и море"). Въ баснѣ „Ворона и Лисица" каждая прозаичная фраза Лафонтена превращается въ живую сцену. Вмѣсто того, чтобы передать строку: „Лиса, привлеченная запахомъ"..., онъ нарисовалъ, какъ плутовка подкрадывается къ дереву и т. д.

Поправки, сдѣланныя Крыловымъ къ Лафонтену, указываютъ, насколько сознательно было его творчество. — Такъ въ баснѣ „Левъ на ловлѣ" онъ замѣнилъ союзниковъ льва, телку, овцу и козу, животными хищными, что болѣе естественно. Въ баснѣ „Моръ Звѣрей" послѣдняго героя басни, осла, замѣнилъ воломъ. Волу, какъ жертвенному животному, болѣе всего приличествовало своею смертью умилостивить боговъ. И смерть ему выбрана подобающая очистительной жертвѣ — костеръ.

Картинность изложенія и національный колоритъ вотъ то оригинальное, что въ сущности отличаетъ басню Крылова отъ ея французскаго образца, что дѣлаетъ ее такой живой и вполнѣ русской.

У Крылова были въ этомъ отношеніи предшественники, которые ранѣе его пытались перенести французскую басню на русскую почву. Ими Крыловъ и воспользовался съ большимъ искусствомъ, особенно Сумароковымъ.

Слабѣе всего отразилось на немъ вліяніе Тредьяковскаго и Дмитріева.

Подобно Тредьяковскому, онъ изобразилъ свою подагру на пуховикѣ, рисуя ея райское житье въ богатомъ домѣ. Въ баснѣ „Крестьянинъ и Смерть" — вліяніе Тредьяковскаго проявляется въ сценѣ отдыха старика и явленія ему смерти. Переводъ Тредьяковскаго „Пѣтухъ и Жемчужина" ближе стоитъ къ Крылову, нежели Лафонтенъ, такъ какъ и у него Пѣтухъ находитъ жемчужину въ навозѣ.

Подъ вліяніемъ Дмитріева и отчасти Хвостова онъ измѣнилъ конецъ басни „Старикъ и трое молодыхъ", подчеркнувъ въ судьбѣ, постигшей юношей, ихъ легкомысліе. У Лафонтена же они кончаютъ жизнь болѣе честной смертью.

Подъ вліяніемъ Дмитріева же онъ обработалъ въ сантиментальномъ жанрѣ басню „Два голубя". Правда первый картину счастливой жизни голубей создалъ Сумароковъ. Ее повторили Хвостовъ и Дмитріевъ, но ближе всего текстъ Крылова къ тексту Дмитріева.

Хвостовымъ Крыловъ воспользовался болѣе широко. У него онъ заимствовалъ преимущественно черты стилистическія, риѳмы. Такъ: „подушное", „оброкъ" вмѣсто „les impôts" (налоги) взято имъ у Хвостова. Выраженіе:

„Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно" —

явилось подъ вліяніемъ Хвостова: у него лягушки нашли, что „нягодно правленіе народно". Откупщикъ вмѣсто „Financier" также заимствованъ у Хвостова. Подагра и Паукъ, вступая въ свѣтъ, видятъ передъ собой „чертоги" и „хижины убоги", какъ и у Хвостова, и риѳма здѣсь та же. Одинаковыя риѳмы въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ басенъ у нихъ встрѣчаемъ въ басняхъ „Моръ Звѣрей", „Лягушки, просящія Царя", „Откупщикъ и Сапожникъ". Упоминаніе же „Юнонина двора" у Крылова въ баснѣ „Ворона" указываетъ на знакомство его съ текстомъ „Вороны въ павлиньихъ перьяхъ" Хвостова. Очевидно и Сою онъ замѣнилъ вороной подъ вліяніемъ этой басни.

Возможность пользоваться изданіемъ басенъ Хвостова 1802 года позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя поправки къ Кеневичу.

Пользуясь лишь позднѣйшими изданіями басенъ Хвостова, онъ ошибочно считаетъ нѣкоторыя басни Хвостова написанными послѣ Крылова видитъ влiян е Крылова на Хвостова тамъ, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить обратное. Таковы басни Хвостова: „Орелъ и Ворона", „Лягушки и ихъ царь", „Сапожникъ и Откупщикъ" — и ***, соотвѣтствующія Крыловскимъ: „Вороненокъ", „Лягушки, прося-

щія Царя", „Сапожникъ и Откупщикъ" и „Разборчивая невѣста"

Нѣкоторыхъ переводовъ Хвостова Кеневичъ совсѣмъ не указалъ: это басни, соотвѣтствующія переводамъ Крылова: „Пчела и Муха", „Госпожа и двѣ служанки", „Подагра и Паукъ", „Старикъ и трое молодыхъ", „Муха и Дорожные". Эти переводы Хвостова также имѣются въ изданіи 1802 года и дали въ отношеніи къ Крылову интересный матеріалъ.

Наиболѣе цѣннымъ для Крылова оказался Сумароковъ. Несмотря на неуклюжесть его языка, Крыловъ сумѣлъ оцѣнить въ немъ стремленіе къ національзаціи басни и къ народности языка.

У него онъ заимствовалъ не только отдѣльные мотивы, но цѣлыя сцены и картины.

Наиболѣе рельефнымъ примѣромъ такого заимствованія можетъ служить басня „Муха и Дорожные". У Лафонтена фигурируетъ почтовая карета — родъ дилижанса. Ѣдущіе — случайные пассажиры: „femmes, moines, viellards". Каждый по своему проводитъ время, пока карета поднимается въ гору: монахъ читаетъ требникъ, одна изъ женщинъ поетъ. Сумароковъ первый придалъ этой сценѣ колоритъ русскаго быта, замѣнивъ французскую карету барскимъ экипажемъ а ѣдущихъ — бариномъ и барыней со слугами. Вотъ откуда у Крылова рыдванъ съ семействомъ дворянъ и слугами въ этой баснѣ.

Портретъ своей „старушки кропотливой, неугомонной и брюзгливой" Крыловъ также изобразилъ по Сумарокову, конечно, смягчивъ и облагородивъ нѣкоторыя черты, но самая сцена пробужденія пряхъ „клюкою" прямо заимствована у Сумарокова.

То примѣненіе, которое сдѣлалъ Крыловъ въ своей баснѣ „Ворона", пояснивъ ее бытовой картиною о Матренѣ, явилось, очевидно, подражаніемъ Сумарокову. У него встрѣчаемъ также примѣненіе фабулы басни къ русской жизни, хотя и другого содержанія. Свою басню „коршунъ въ павлиньихъ перьяхъ" онъ примѣнилъ къ мужику „въ чести". Послѣднія строки басни Крылова: „И сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни ворона" напоминаютъ Сумарокова о коршунѣ: „ощипанъ онъ, и сталъ ни коршунъ, ни павлинъ".

Сентиментальный оттѣнокъ въ изображеніи стрекозы также ведетъ начало отъ Сумарокова. Онъ отбросилъ дѣловой ея разговоръ съ муравьемъ и трогательно представилъ ея печальное положеніе и „заплаканы глаза тяжкова ея страданья" и мольбу ея

„Сжалься, сжалься муравей
Ты надъ бѣдностью моей"...

Сладкія рѣчи лисы, вызванныя сыромъ, всѣ эти уменьшительныя и ласкательныя имена: „перышки", „носокъ", „сестрица", „свѣтикъ", а также выраженіе: и пѣть ты мастерица" заимствованы у Сумарокова. (Послѣднее: „Мнѣ сказываютъ ты пѣть велика мастерица").

Иногда Крыловъ заимствовалъ у Сумарокова и стилистическія черты, напр. въ басняхъ „Волкъ и Ягненокъ“, „Лисица и Виноградъ“ и др. Недостатокъ мѣста заставляетъ меня ограничиться приведенными примѣрами.

Итакъ: главною заслугой Крылова является созданіе русской національной басни, но изъ приведеннаго разбора нѣкоторыхъ его басенъ видно, что онъ имѣлъ предшественниковъ на этомъ пути.

Изъ нихъ особенно слѣдуетъ отмѣтить Сумарокова, который первый сознательно поставилъ своей задачей национализировать русскую басню.

Ко всѣмъ его переводамъ и передѣлкамъ иностранныхъ баснописцевъ могутъ служить девизомъ строки, которыми онъ начинаетъ басню „Воръ“.

„На Русску стать я Федра превращу
И Русскимъ образцомъ я Басню сплесть хочу“.

Зоя Розова.

2. В. Станкевичъ.

Судьбы народовъ Россіи. Бѣлоруссія. Украина. Литва. Латвія. Эстонія. Арменія. Грузія. Азербейджанъ. Финляндія. Польша. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлинъ, 1921. стр. 373.

Полезная книга. И не потому, что она для выясненія „новой главы въ Исторіи Россіи“ даетъ основу, покоющуюся на „совмѣстномъ изученіи судебъ“ тѣхъ образованій, которыя появились на дотолѣ единой русской территоріи (стр. 19). Полезная книга, такъ какъ, несмотря на рѣшительное осужденіе ею всей русской національной политики прошлаго, она развертываетъ, даже и вопреки намѣренію автора, возвышающую душу картину этого прошлаго. Характеристика г. Станкевичемъ судьбы каждаго изъ „народовъ Россіи,“ провозгласившаго себя независимымъ, характеристика правдивая и искренняя, хотя, порою, не особенно глубокая, полна краснорѣчивыми фактами. Они говорятъ, что безъ Россіи всѣ эти гордые нынѣ своею государственностью народы не оказались бы въ состояніи проявить свой національный обликъ. Они свидѣтельствуютъ, что подъ защитою именно русской государственности выросли, сложились и окрѣпли національности, которыя или недостаточно сильно сознавали себя таковыми, или были обречены на погибель въ неравной борьбѣ съ болѣе приспособленными соперниками.

Развѣ не краснорѣчивъ, напримѣръ, фактъ открытія въ 1912 г. народнаго дома и національнаго театра „Эстонія,“ имѣвшій мѣсто въ Ревелѣ на той же самой площади, гдѣ въ серединѣ XIX столѣтія были жестоко наказаны крестьяне эстонцы, возставшіе противъ помѣщиковъ нѣмцевъ? (стр. 177). Развѣ не знаменательно то обстоятельство, что эстонскій народъ, „забитый и безправный“ (стр. 178), къ началу 20 в. становится поголовно грамотнымъ (стр. 189), развиваетъ широкую экономическую и хозяйственную организацію (187) и во всѣхъ городахъ вытѣсняетъ изъ общественныхъ самоуправленій своихъ соперниковъ нѣмцевъ (стр. 189)? Правда, Эстонское Учредительное Собраніе заявило въ торжественной деклараціи 19 мая 1919 г., что „отъ соединенія съ Россіей въ душѣ эстонскаго народа остались только чувство горечи и воспоминаніе о многочисленныхъ обидахъ“ (стр. 200). Нельзя по-

тому не пожалѣть, что въ книгѣ г. Станкевича мы не встрѣчаемъ ни малѣйшей попытки выяснить, какимъ образомъ при условіяхъ многолѣтней руссификаціи не разрушился порядокъ, обезпечившій сохраненіе народностей, ранѣе угнетавшихся ихъ прежними властителями. Вниманіе къ изученію значенія въ этомъ отношеніи мѣропріятій русскихъ правительства и общества казалось бы тѣмъ понятнѣе, что въ ихъ именно сторону направлялись взоры населенія также и другихъ частей Россіи. Сосѣди эстонцевъ, латыши, въ моментъ одного изъ первыхъ проявленій своей національной жизни обнаружили въ лицѣ младо-латышской партіи „ощущеніе неразрывности связей съ Россіею и надеждъ на Россію" (стр. 164). Руссификація края и здѣсь не остановила роста его національной организованности, просвѣщенія и матеріальнаго преуспѣянія. Это послѣднее пошатнулось, однако, послѣ того какъ съ образованіемъ Латвіи порвались связи съ Россіею, обслуживаніе которой построенными ею портами Рижскаго залива „отражалось на всемъ строѣ экономической жизни края" (стр. 162, 172).

Положеніе на русской государственной территоріи народностей, проникнутыхъ вліяніемъ своей родной культуры, сказалось во всемъ его своеобразіи у сосѣдей латышей, у литовцевъ. Руссификаторская политика заставляетъ ихъ взирать на ихъ сородичей въ Восточной Пруссіи, какъ на творцовъ яко бы литовскаго Пьемонта. И вотъ въ концѣ 70 годовъ тамъ, въ Пруссіи, мѣстная литовская газета открываетъ свои столбцы зарубежнымъ дѣятелямъ литовскаго національнаго движенія. Увы, имъ скоро приходится „отказаться отъ мысли использовать изданія, выходящія для германскихъ литовцевъ," и „обратиться къ плану самостоятельнаго изданія". Литовцы-нѣмцы признали разрабатываемыя темы... несовмѣстимыми съ урозиемъ и горизонтомъ добропорядочнаго нѣмецкаго патріота (стр. 113.) Поэтому возрожденія литовской національности можно было ожидать исключительно на территоріи руссификаторской дѣятельности. Благотворное значеніе таковой, однако, опредѣленно сознавалось изъ всѣхъ населяющихъ территорію Россіи лишь народностями Кавказа. Русскіе армяне ставили своимъ идеаломъ персональную, а не территоріальную автономію, а также склонялись „органически и неустранимо" въ сторону русской оріентаціи (стр. 235) По словамъ Станкевича, въ самомъ началѣ XX ст. весь грузинскій народъ „искренне принялъ участіе" въ торжественномъ празднованіи присоединенія Грузіи (стр. 220). Понятно, что въ основѣ такого отношенія лежали признаваемыя и г. Станкевичемъ, — почему то лишь относительно Кавказа, — заслуги Россіи не только какъ силы, содѣйствовавшей поднятію экономическаго благосостоянія края, но и какъ его замирительницы, устроительницы его управленія и созидательницы его путей и дорогъ.

При чтеніи книги г. Станкевича получается впечатлѣніе, что выдающійся успѣхъ въ ростѣ всѣхъ проявленій національной жизни каждой изъ разсматриваемыхъ имъ народностей достигнутъ благодаря ихъ самодѣятельности, которая какъ бы развивалась внѣ какого бы то ни было положительнаго вліянія русскаго правительства и общества. Тенденція автора не считаться съ этимъ вліяніемъ привела его къ совершенно одностороннему освѣщенію яркой страницы русскаго прошлаго, связанной съ присоединеніемъ Малороссіи. Роль Москвы въ ея содѣйствіи національному освобожденію русскаго населенія польскихъ окраинныхъ земель, если основываться на историческихъ экскурсахъ г. Станкевича, выражалась „въ наплывѣ буйныхъ вольницкихъ и „воровскихъ" элементовъ изъ Москвы, усилившемъ нужныя для возстанія черты украинскаго народа" (стр. 58.) Между тѣмъ, страстное стремленіе этого послѣдняго сохранить свою русскую душу и свое русское имя могло осуществиться не иначе, какъ при наличности помощи, обусловленной тяжелыми жертвами послѣ тяжелой многолѣтней войны, вынесенной единокровною и единовѣрною Москвою за тѣхъ, кто страшились, что при господствѣ поляковъ, — они говорили это сами, — „на Руси (т. е. на ея коренной территоріи) не будетъ Руси" (т. е. народа русскаго). Знаменателенъ

въ этомъ отношенiи памятникъ Богдану Хмѣльницкому въ Кiевѣ на Софiйской площади. Къ ногамъ общерусской святыни, вѣками застывшей въ камняхъ, но всегда живой въ народной душѣ, гетманъ, сынъ своего народа, привлекъ край, гдѣ искони жило русское племя, всегда раздавалась русская рѣчь, а яркiй свѣтъ православной вѣры живилъ народную душу. Злая воля людей не сломила, — и будемъ надѣяться не сломитъ, — великiя силы, проникающiя собою безсмертную душу многихъ поколѣнiй, творившихъ общее братское дѣло.

На этой страницѣ русскаго прошлаго авторъ книги о „судьбахъ народовъ Россiи" долженъ бы остановиться со вниманiемъ, хотя бы для выясненiя современныхъ отношенiй между обѣими обширными вѣтвями единаго русскаго народа. Въ эпоху, когда значенiе нацiональной идеи вообще мало привлекало къ себѣ вниманiя и „нацiональные вопросы, говоря словами Станкевича, были чужды европейской культурѣ.", Москва сознательно спасла народную душу „русскаго" (таковымъ оно само считало себя) населенiя Польши. Нынѣшнiе „украинцы" могутъ стремиться къ всестороннему развитiю особенностей своей культуры только потому, что три вѣка назадъ ихъ предки опирались на помощь своихъ братьевъ изъ единокровнаго и единовѣрнаго Московскаго Царства. Но если теперь они забываютъ смыслъ совершеннаго въ то время, то ихъ предки въ Малороссiи придавали тогда огромное нацiональное значенiе соединенiю обѣихъ вѣтвей русскаго племени. И не только они, но и предки современныхъ бѣлоруссовъ знали, что объединенiе съ единоплеменною Москвой дастъ имъ возможность сохранить ихъ родную культуру. Поэтому неоднократно и съ разныхъ сторонъ московскимъ дипломатамъ сообщалось, что „въ литовскихъ городѣхъ въ Могилевѣ и въ иныхъ городѣхъ всякiе люди благочестивые желаютъ быти подъ высокою рукою... его царскаго величества." Думается, что въ той „силѣ приближенiя" бѣлорусской къ „русской культурѣ", о которой, наблюдая современность, говоритъ г. Станкевичъ (стр. 37), имѣетъ значительный вѣсъ вѣками утвердившееся сознанiе значенiя связи съ Московскимъ Государствомъ, какъ основы сохраненiя нацiональной культуры. Такимъ образомъ, взаимоотношенiе между Великороссiей, Малороссiей и Бѣлоруссiей покоится на почвѣ родственной близости, которая послѣ соединенiя ихъ всѣхъ создала единый русскiй народъ.

Повидимому г. Станкевичъ не случайно въ длинный списокъ изучаемыхъ имъ „народовъ" не вноситъ великороссовъ, лишь упоминая о нихъ вскользь раза три-четыре. Въ то же время онъ неоднократно говоритъ о русской государственности, русской культурѣ, русской стихiи, русской демократiи, русской общественности, противополагая послѣднюю какъ бы общественности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ „бывшихъ народовъ Россiи". Представленiе о всѣхъ этихъ понятiяхъ, по большей части, связано въ разсматриваемой книгѣ съ великорусскимъ племенемъ (считаемъ себя вправѣ употребить это слово, такъ какъ авторъ книги не далъ великороссамъ титула — народа). Всѣ силы свои названное племя отдало на созданiе совмѣстно съ малороссами и бѣлоруссами русскаго народа, носителя опредѣленныхъ нравственныхъ началъ, существованiе которыхъ стало историческимъ призванiемъ Россiи. Особое отношенiе г. Станкевича къ великороссамъ подчеркивается тѣмъ фактомъ, что, говоря о невозможной, по его мнѣнiю, будущей постройкѣ Россiи сверху (волею Всероссiйскаго Учредительнаго Собранiя) и предполагая, что таковая осуществится снизу (соглашенiемъ народовъ), онъ противополагаетъ „всѣ народы" именно великороссамъ. въ сущности, занимающимъ мало имъ выясненное мѣсто въ составѣ общей семьи „народовъ Россiи". Это противоположенiе вытекаетъ изъ словъ о „всѣхъ народахъ, составляющихъ свыше 50% всего населенiя Россiи" (стр. 347), вытекаетъ такъ какъ по даннымъ переписи 1897 г. именно великороссы составляютъ 43, 3 % всего населенiя. Но, какъ бы отожествляя въ особенности великороссовъ съ понятiемъ русскаго народа (ср. стр. 356), г. Стан-

кевичъ въ дѣйствительности забываетъ, что этотъ послѣдній представленъ тремя вѣтвями (великороссы, малороссы и бѣлоруссы) и составляетъ въ общей сложности не только не менѣе 50%, а болѣе 65% всего населенія Россіи. И если „однимъ великороссамъ многое изъ выполненнаго по осуществленію міровыхъ культурныхъ задачъ Россіи оказалось бы не подъ силу" (стр. 355), то, конечно, русскій народъ, объединенный въ лицѣ всѣхъ его племенныхъ развѣтвленій, ни чемъ, къ сожалѣнію, г. Станкевичъ почти не останавливается, не покинетъ начатаго дѣла и обезпечитъ его проведеніе въ жизнь съ тѣми же послѣдовательностью и настойчивостью, которыя оставили свой плодотворный слѣдъ въ міровой исторіи. Что же касается до смысла и оправданія Россіи, т. е. государства, созданнаго русскимъ народомъ для окраинныхъ (въ сущности иноплеменныхъ) культуръ, то таковыя, конечно, не сводятся, какъ это думаетъ г. Станкевичъ (стр. 316), къ защитѣ отъ внѣшняго врага. Какъ ранѣе, такъ и впредь, эти смыслъ и оправданіе будутъ связаны съ обезпеченіемъ всесторонняго развитія національной культуры окраинныхъ народовъ, которымъ, насколько видно изъ разсматриваемой книги, уже угрожаютъ послѣ распада Россіи немалыя опасности.

Мы убѣждены, что для окраинныхъ образованій на русской территоріи наступитъ часъ, когда они сознаютъ, что Россія сторожъ не только ихъ внѣшней безопасности, но и благожелательная сила, содѣйствующая росту ихъ національныхъ культуръ. Мы не сомнѣваемся также, что въ качествѣ таковой силы можетъ выступить исключительно единый русскій народъ, создавшій это единство въ сознаніи общности со всѣми его частями племенныхъ, культурныхъ и экономическихъ основъ, общности, расширяющей понятіе русскаго народа далеко за предѣлы великорусскаго племени. Поэтому мы думаемъ, что дальнѣйшій ходъ возрожденія Россіи, расчлененной нынѣ, въ значительной степени искусственно, подъ вліяніемъ сначала нѣмецкихъ, а затѣмъ и иныхъ временныхъ и одностороннихъ интересовъ, пойдетъ по иному пути, чѣмъ тотъ, который намѣчается авторомъ „судебъ народовъ Россіи". Въ высказываемыхъ имъ предположеніяхъ о будущемъ г. Станкевичъ склоняется къ мысли о „возсозданіи Россіи" волею „народовъ Россіи" посредствомъ „общаго новаго договора" (стр. 346). Мысль о федеративномъ объединеніи красной нитью проходитъ въ этихъ предположеніяхъ. Но если главы, посвященныя въ книгѣ г. Станкевича характеристикѣ отдѣльныхъ національностей, представляютъ для читателя значительный интересъ по богатству матеріала, то соображенія о будущемъ федеративномъ строѣ Россіи мало разработаны авторомъ и, порою, противорѣчатъ даннымъ государственной практики и теоріи.

Намъ представляется преувеличеннымъ значеніе, придаваемое „самоопредѣленію" народовъ, какъ правовой основѣ будущей русской федераціи (стр. 344). Вѣдь положительное право еще не пришло въ этой области къ точнымъ и безспорнымъ нормамъ. Современныя постановленія международныхъ договоровъ, заключенныхъ „главными союзными державами", краснорѣчиво говорятъ скорѣе о политическомъ, чѣмъ о правовомъ значеніи означеннаго принципа. Принятыя ими постановленія о защитѣ т. н. меньшинствъ значительно ослабляютъ мысли г. Станкевича (стр. 345) касательно объема правъ окраинныхъ народовъ. Въ то же время намъ представляется, что содержаніе порядка, въ которомъ должна выразиться намѣчаемая г. Станкевичемъ организація федеративнаго объединенія Россіи, противорѣчитъ природѣ федераціи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ такого рода федераціи были бы немыслимы участіе ея членовъ въ Лигѣ Націй (англійскіе доминіоны и колоніи не члены федераціи), и рѣшенія вопросовъ войны „каждымъ народомъ въ отдѣльности" (стр. 371, 372). Г. Станкевичъ забываетъ, намѣчая характеръ будущей русской федераціи, что послѣднюю, если она отвѣчаетъ дѣйствительной природѣ этой формы, долженъ опредѣлять принципъ единства интересовъ, и что она будетъ полезна и сильна только при искреннемъ желаніи каждаго ея члена ограничить свои права, подчи-

нымъ ихъ интересамъ цѣлаго. Величайшая изъ современныхъ федерацій, Сѣв. Американскіе Соедин. Штаты, всѣ силы обращаетъ въ сторону укрѣпленія въ своихъ частяхъ сознанія принадлежности къ единой націи, придавая огромное значеніе даже и единству языка.

При такихъ условіяхъ „новый договоръ" между проникнутыми заботою только о себѣ и забвеніемъ значенія подвига, осуществленнаго народомъ, проводящимъ въ жизнь свою великую историческую миссію, противорѣчитъ одному изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній политической мысли. Федерація, гласитъ она, имѣетъ своимъ основаніемъ не договоръ, а законъ, выражающій волю цѣлаго народа, а не отдѣльныхъ его частей.

Проф. П. Богаевскій.

3. Всеволодъ Рождественскій. Лѣто. Деревенскіе ямбы. (Стихи 1918 г.) Петербургъ 1921 г. Напечатано въ 26-ой Государственной Типографіи. Разрѣшено Военной Цензурой (sic!), стр. 26.

Эта чудесная книжка стиховъ совсѣмъ молодого еще поэта выпущена возникшимъ недавно издательствомъ „Картонный Домикъ." И внѣшне она въ самомъ дѣлѣ какая то „кукольная" и эстетически пріятная; портитъ лишь новая орѳографія, и досадно становится, что стихи поэта, явно любящаго русскій языкъ и столь бережно хранящаго его богатство, напечатаны по этой новой орѳографіи, безъ буквы „ѣ," незамѣнимой съ точки зрѣнія эстетической. На обложкѣ книжки рисунокъ работы А. Я. Головина, простой и очень хорошо передающій знойный лѣтній полдень въ русской деревнѣ, контрастъ тяжелыхъ, густыхъ облаковъ и манящей рѣчной прохлады. Іюльскимъ полдневнымъ солнцемъ и прохладой среднерусскихъ рощъ и рѣкъ насыщены и напоены всѣ 16 стихотвореній этой маленькой книжки, такой цѣльной и стильной. Она вся полна подлинной и такой вещной любви къ Россіи, къ ея быту и укладу, сейчасъ можетъ быть невозвратно ушедшему отъ насъ

Туманятъ ночи грозовыя
Мое цыганское житье,
И я люблю, люблю впервые,
О, Тульская моя Россія,
Сухое золото твое.

За церковью Бориса-Глѣба,
Краюхой аржаного хлѣба
Горячія ползутъ поля,
И не было синѣе неба,
Не пахла радостнѣй земля.

Во всемъ этомъ лѣтнемъ циклѣ отразился схваченный острымъ поэтическимъ глазомъ поэта и переданный имъ въ строгихъ и ритмически исключительно богатыхъ ямбахъ —

Такой лѣнивый, старый, старый
И вѣчно-ласковый уютъ.

Имъ насыщено все первое стихотвореніе, недаромъ посвященное М. Кузьмину, описывающее радость возвращенія домой и соприкасанія съ землей. Словесная живопись его замѣчательна:

Вотъ, потянуло къ *чернозёму*,
Оврагъ, полынь — какъ наяву.
Тоскою по родному дому
Я эти пѣсни назову.
Дорога круче, солнце выше,
Бесѣдку ветхую мою
Я издали по *красной* крышѣ
Въ пятнѣ *зеленомъ* узнаю.

Скорѣй, лѣнивыя колеса!
Вы видите, мнѣ невтерпежъ,
Соскакиваю у откоса
И съ головой ныряю въ рожь.
Хватаютъ цѣпкіе колосья,
Ломаясь, подъ ногой скользятъ,
Но близко, близко: домъ, Федосья,
Калитка, тополь, прудъ и садъ.

О, *раскаленныя* ступени,
Побѣдный жаръ оранжерей
И *зноемъ брошенныя тѣни*
У старыхъ липовыхъ корней!
„Откуда? Легокъ на поминѣ!
А мы обѣдать. Въ самый разъ“ —
И солнце въ выпукломъ графинѣ
Переливаясь, рѣжетъ глазъ.

Уже восторженно влюбленный
Смотрю какъ *смуглою* рукой
Плоды разсыпала Помона
На скатерти передо мной:
Прозрачный медъ, *рубинъ* малины,
Антоновки *полузагаръ*.
И ты, и ты, мой другъ единый,
Изъ *красной мѣди* самоваръ.

Еще гуще и конкретнѣе изображеніе быта въ стихотвореніи „Гости:“

Опять неугомонная гитара,
И красный фельдшеръ съ чувствомъ, [не спѣша,
Поетъ „Каминъ,“ а въ нѣдрахъ са-[мовара
Урчитъ самодовольная душа.
Двѣ барышни смѣются „по секрету,“
Воркуя надъ червоннымъ королемъ.
Читаешь прошлогоднюю газету,
Разсматриваешь плюшевый альбомъ.
А тамъ въ бесѣдкѣ розанъ изъ батиста,
Лукавыя рѣсницы уроня,
Цѣлуетъ длиннаго семинариста
И шепчетъ: „не сомни меня!“

Или это описаніе, должно быть, студента:

Подъ козырькомъ его фуражки
Пронизируютъ очки,
И вышитые васильки
Бѣгутъ по вороту рубашки
. . . .
Онъ дышетъ Волгою, бульваромъ,
Черемухою и весной.

Прелестны стихотворенія „Именины“ и „Вечерній чай,“ изъ которыхъ процитирую нѣсколько строчекъ:

. . . И за стеклянными дверями
Мелькнуло милое лицо.
Въ холодный сумракъ за колонной,
Пока не увидалъ никто,
Скользнешь ты дѣвочкой влюбленной,
Накинувъ второпяхъ пальто.
Порывистый, невольно грубый,
На этихъ старыхъ ступеняхъ
Прохладныя цѣлую губы
И звѣзды въ ласковыхъ глазахъ.
(„Именины“)

Что можетъ быть милѣй и проще, —
Когда еще прозраченъ май,
Къ березовой причалить рощѣ
И пить въ тѣни вечерній чай!
. . . .
Такъ нѣжно со стаканомъ чая
Въ струистой синевѣ костра
Склоняется ко мнѣ — не знаю —
Любимая или сестра.
И кажется, что это Счастье
Встаетъ, спускается къ рѣкѣ.
А бѣлое мелькаетъ платье
Какъ облако въ березнякѣ.

Старый бытъ умеръ или изуродованъ, и на его мѣстѣ не создано ничего. А вмѣстѣ съ нимъ ушли и тѣ люди стараго дворянскаго закала, которые имъ жили и въ него вкладывали жизнь и содержаніе. Поэтическій портретъ такого человѣка даетъ В. Рождественскій въ стихотвореніи „Портретъ“:

Изысканно простую рѣчь,
Породистость движеній плавныхъ,
Улыбку, почеркъ своенравный —
Всю жизнь мнѣ суждено беречь.
Надменное лицо красиво,
А старая уже рука
Бахромокъ чернаго платка
Касается неторопливо.
Слегка презрительной тоски
Зрачки расширилъ пламень сѣрый,
И такъ подходитъ: имя Вѣры
И бѣлые воротнички.

Одно изъ наиболѣе совершенныхъ по формѣ и по сліянности ея съ содержаніемъ стихотвореній — „Требникъ“. Въ немъ замѣчателенъ также красочный рисунокъ, весь выдержанный въ тонѣ „sombre“:

Гдѣ пахнетъ ладаномъ и воскомъ
Полузасохшихъ вербъ пучекъ,
Не меркнетъ на кіотѣ блесткомъ
Темнозеленый уголекъ.
Цвѣтами вышитая скатерть,
Дѣвичьихъ четокъ бирюза
И Тихвинская Божья Матерь —
Большіе, какъ печаль, глаза.
Персты Никола т е м н о л и ц ы й
Подъемлетъ — осѣнить народъ.
Смотрю на ж е л т ы я страницы,
На т у с к л о й кожи переплетъ...

Стихи Рождественскаго интересны и цѣнны не только по настроенію и содержанію, но и по формѣ. Будучи очень просты и классичны — за исключеніемъ одного всѣ написаны правильными четырехстопными ямбами — они таятъ въ себѣ большое ритмическое разнообразіе и богатство. Примѣровъ можно привести много почти изъ каждаго стихотворенія, и интересующійся читатель самъ можетъ произвести формальный, ритмическій и звуковой, анализъ процитированныхъ стихотвореній. Взять хотя бы такія двѣ строчки:

И пыльный полдень плавитъ главы
За Тихвинкой въ монастырѣ.

Здѣсь интересна не только звуковая инструментовка первой строки (пл-пл-пл-гл), передающая гулъ монастырскихъ колоколовъ, но и ритмическое соприкасаніе этихъ двухъ строчекъ, изъ которыхъ первая — тяжелая (ни одной безударной стопы), а другая — легкая (пэаны во второй и третьей стопѣ), что тоже весьма удачно передаетъ колокольный звонъ.

Надо надѣяться, что сбудутся заключительныя слова поэта въ этомъ стихотвореніи, обращенномъ къ Тихвину:

Когда нибудь узломъ поэмы
Ты станешь, тихій городъ мой,
Самъ узелъ Тихвинской системы
Стянувшій крѣпкою рукой.

Берлинъ, 5. XI. 1921 г.

Глѣбъ Струве.

4. Проф. А Н. Анцыферовъ. Революція и русское земледѣліе. Изд. Международнаго аграрнаго бюро. Русскій отдѣлъ. № 4, Прага. 1921. 21 стр.

Интересная брошюра проф. А. Н. Анцыферова*) ставитъ своею задачею охарактеризовать путемъ наиболѣе выпуклыхъ чертъ сравнительное положеніе русскаго сельскаго хозяйства въ нормальное время, ко времени переворотовъ 1917 года и теперь. Авторъ отмѣчаетъ, что Россія всегда была страной сельскаго хозяйства и притомъ крестьянскаго хозяйства по преимуществу. Несмотря на это сельскимъ *хозяйствомъ* и поднятіемъ его производительности интересовались очень мало. „Интересы общественныхъ круговъ, пишетъ авторъ, шли мимо сельскаго х о з я й с т в а; они сосредоточивались исключительно вокругъ „аграрнаго вопроса“, понимаемаго притомъ чрезвычайно узко и элементарно просто, въ смыслѣ надѣленія крестьянъ землей въ той или иной формѣ. Безконечные и безплодные споры... о „муниципализаціи“, „соціализаціи“, и „національзаціи“ земли и тому подобная словесная діалектика, конечно, никакъ не могли способствовать ни развитію сельскаго хозяйства, ни увеличенію производительныхъ силъ. — Дѣло доходило до такихъ курьезовъ, какъ требованіе „націонализаціи“ земель, издавна принадлежавшихъ государству, т. е. уже „національзированныхъ“ (4). И тѣмъ не менѣе, по признанію проф. А. Н. Анцыферова, рус. сель. хоз. „было устойчиво, крѣпко и наперекоръ всему развивалось, составляя основу народнаго хозяйства, питая индустрію и огромные города, и служа житницей Западной Европы“ (4—5). Далѣе авторъ приводитъ данныя статистики землевладѣнія въ 1905 г. и движенія землевладѣнія за время съ 1877 г. по 1917 г. При этомъ самое характерное, это таяніе дворянскаго землевладѣнія, особенно быстрое послѣ 1905 г.

*) Эта брошюра вошла также въ качествѣ статьи въ № 1 начавшаго выходить въ Прагѣ русскаго земледѣльческаго и кооперативнаго журнала.

Земель дворянъ было въ 1877 г. — 73 милл. десятинъ, въ 1905 г. — 53 милл. дес., а въ 1917 — всего 23-25 милл. дес. Крестьянское же землевладѣніе расло за счетъ дворянскихъ и казенныхъ земель. Въ 1877 г. крестьянскихъ земель было 123 милл. дес., въ 1905 г. — 163 милл. дес., а въ 1917 г. — около 190 милл. дес. Однако, еще быстрѣе шелъ ростъ числа хозяйствъ (8,4 милл. въ 1877 г. и 15,0 милл. въ 1916 г.), поэтому количество десятинъ на 1 хозяйство упало за это время съ 13,2 дес. до 9,0 дес. Правда, это уменшеніе средней площади, по заключенію автора, уравновѣсилось за разсматриваемый 40-лѣтній періодъ увеличеніемъ урожайности (31 пудъ на 1 дес. въ 1877 г. и 45,9 пуд. въ 1916 г.). Но при очень низкой урожайности и вообще большой экстенсивности хозяйства ростъ числа хозяйствъ создавалъ исключительно-острую тягу мужика къ землѣ. Она облегчила задачу демагогической пропаганды и создала почву для крестьянскаго бунта. Тутъ же авторъ сообщаетъ нѣсколько цифръ, характеризующихъ размѣръ сел.-хоз. производства Россіи передъ войной. Зерна производилось въ началѣ XX вѣка ок. 3,8 милліардовъ пудовъ, а въ 1913 г. — 4,7 млрд. пуд., кромѣ того, картофеля въ 1913 г. — 1,5 млрд. пд. Такимъ образомъ, Россія давала около 1/5 всего мірового производства зерна. Вывозъ зерна изъ Россіи составлялъ въ XX вѣкѣ въ среднемъ по 650 милл. пуд. въ годъ, т. е. Россія покрывала свыше 1/4 потребности всей Зап. Европы во ввозномъ хлѣбѣ. Слѣдующія страницы брошюры посвящены характеристикѣ поведенія временнаго правительства къ сельскому хозяйству. Авторъ разбираетъ неопредѣленность аграрной политики этого правительства, запрещеніе имъ земельныхъ сдѣлокъ, послѣ чего: „весь рыночный оборотъ земель и кредитный оборотъ сельскаго хозяйства сразу остановились. Точно въ сказкѣ о „Спящей царевнѣ" сразу остановилась жизнь, и все замерло въ летаргическомъ снѣ" (12). Еще рѣзче критикуетъ авторъ хлѣбную монополію, проведенную покойнымъ А. И. Шингаревымъ, отмѣчая тотъ развалъ и развратъ, которые она породила, не облегчивъ продовольственныхъ затрудненій. Результатомъ монополіи были реквизиціи, а слѣдствіемъ ихъ „то пассивное сопротивленіе крестьянства, которое сыграло такую крупную роль во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ и сыграетъ въ будущемъ, можетъ быть, роль еще болѣе серьезную" (15). За описаніемъ эпохи временнаго правительства слѣдуетъ характеристика вліянія большевиковъ на русское сел. хоз. Авторъ отмѣчаетъ законъ о соціализаціи земли 19 февраля 1918 г., описываетъ аграрные погромы, происходившіе подъ марксистскимъ лозунгомъ „грабь награбленное" и принесшіе разрушеніе сотенъ тысячъ хозяйствъ. Кое-что авторъ говоритъ о порядкѣ раздѣла крестьянами захваченной земли. При этомъ, по его предположеніямъ, дополнительная (сверхъ арендъ) площадь, перешедшая къ крестьянамъ путемъ захватовъ, едва ли достигаетъ 25 милл. дес., т. е. 15% крестьянскаго землевладѣнія или по 0,72 дес. въ среднемъ на хозяйство. „Такъ, заключаетъ авторъ, было разрѣшено то, что въ Россіи, нѣчто же сумняшеся, всегда именовалось „аграрнымъ вопросомъ", т. е. вопросъ о владѣніи землей. Въ создавшіяся земельныя отношенія, и вѣроятно вполнѣ сознательно, внесено столько путаницы и создано столько сложныхъ „юридическихъ казусовъ", что и послѣ паденія большевистской власти, они еще на долгіе годы дадутъ почву для споровъ, тяжбъ, столкновеній и работы юридической мысли и практики" (18). Въ заключеніе проф. А. Н. Анцыферовъ говоритъ о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ въ смыслѣ результатовъ сельскаго хозяйства привела эта реформаторская дѣятельность. Произошло рѣзкое сокращеніе площади посѣвовъ, на засѣянной упала урожайность. Созданныя для возмѣщенія недобора хлѣба совѣтскія хозяйства съ новой крѣпостной барщиной не внесли никакого улучшенія. Такъ, въ 1920 г. въ 40 губерніяхъ было 2949 „совхозовъ" съ площадью въ 1½ милл. дес., изъ которыхъ 783 тыс. дес. пахотной; засѣяно же было всего 283 тыс., а 500 тыс. дес. брошено. Совхозы требовали

зерна не только для сѣмянъ, но и для прокормленія своего персонала. Такимъ образомъ знаменитыя „хлѣбныя фабрики“ нужно было прокармливать хлѣбомъ, взятымъ со стороны. Въ результатѣ всего этого получилось невѣроятное сокращеніе производительности сел. хоз. Россіи. Точныхъ данныхъ по этому вопросу нѣтъ. Но по свѣдѣніямъ англійскаго изд. „The Statesman's Jearbook“ за 1920 г. площадь посѣвовъ въ Евр. Россіи сократилась по сравненію съ 1914 г. болѣе, чѣмъ въ 3½ раза; сборъ же зерна въ Россіи упалъ до 1185 милл. пудовъ, т. е. уменьшился почти въ 4 раза (3,7) и сборъ картофеля до 515 милл. пудовъ, т. е. уменьшился въ три раза. Уже это влекло за собой голодъ, потому что для прокормленія населенія даже по голодной нормѣ необходимо по меньшой мѣрѣ 2 милліарда пуд. зерна въ годъ. Засуха 1921 г. въ Поволжьѣ только наложила послѣдній штрихъ, закончившій давно подготовленную картину, и Россія не только городская, но и сельская умираетъ съ голоду. „Система“, заключаетъ авторъ, „возымѣла надлежащее дѣйствіе. Послѣ разрушенія индустріи, торговли и транспорта, не выдержалъ, зашатался и рухнулъ послѣдній, основной устой русскаго народнаго хозяйства, доселѣ выдерживавшій всякія испытанія, — хозяйство крестьянское“ (21).

Таково содержаніе интересной брошюры проф. А. Н. Анцыферова. Она не даетъ какого либо новаго матеріала, въ ней много пробѣловъ. Но она въ сжатой формѣ ярко показываетъ, чѣмъ былъ главный промыселъ Россіи и чѣмъ сталъ послѣ короткаго господства революціонеровъ и большевиковъ. Краткая и ясная повѣсть на тему: „чѣмъ ты былъ и чѣмъ сталъ и что есть у тебя“. Весьма показательно и цѣнно въ разбираемой брошюрѣ отрезвленіе по отношенію къ аграрному вопросу, равно какъ приходъ къ убѣжденію, что центръ тяжести лежитъ въ сел.-хоз. производствѣ, а не въ аграрномъ вопросѣ и вообще не въ распредѣлительной проблемѣ. О, если бы русскіе ученые экономисты и русскіе кооператоры, къ которымъ принадлежитъ проф. А. Н. Анцыферовъ, такъ думали и такъ писали въ 1905 и послѣдующіе годы. Можетъ быть тогда не пришлось бы писать въ Прагѣ брошюръ о Россіи, „saignée à blanc“. И еще одно замѣчаніе. Авторъ, на стр. 6 говоря о дореволюціонномъ періодѣ, указываетъ, что для разрѣшенія „аграрнаго вопроса“: 1) надо было ежегодно проводить черезъ аппаратъ рынка и крестьянскаго банка отъ 2 до 3 милл. дес. частной и казенной земли для устройства ежегодно отъ 250 до 300 тыс. новыхъ индивидуальныхъ трудовыхъ хозяйствъ, и 2) надо было направить всѣ усилія къ увеличенію интенсивности крест. хозяйства. „Конечно, замѣчаетъ авторъ, ни того, ни другого сдѣлано не было“. Здѣсь историческая справедливость должна была бы заставить автора упомянуть о Столыпинѣ. Съ запозданіемъ, но именно Столыпинъ началъ дѣлать „и то и другое“, притомъ дѣлать съ исключительнымъ размахомъ и энергіей. Однако, какъ его травили всѣ, начиная съ кадетъ. Въ томъ числѣ какъ травили его и всю послѣдующую землеустроительную дѣятельность экономисты московской школы и русскіе кооператоры. Умолчаніе проф. А. Н. Анцыферова о Столыпинѣ показываетъ, что идущій процессъ отрезвленія и теперь, къ 1921 г., еще не закончился. А мы имѣемъ смѣлость думать, что путь къ здравой сел.-хоз. политикѣ въ послѣбольшевистской Россіи, съ перешедшею къ крестьянамъ землею, лежитъ всетаки черезъ Столыпина. Онъ уведетъ новую крестьянскую Россію дальше Столыпина, но поведетъ ее черезъ его землеустройство, черезъ его крестьянъ-собственниковъ и его „вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія“.

Проф. Ал. Билимовичъ.

5. К. Д. Бальмонтъ. Сонеты Солнца, Меда и Луны. Пѣсня Міровъ. Издательство С. Ефронъ, Берлинъ 271 стр.[1])

Въ этой книгѣ стиховъ выявлены въ чистѣйшемъ видѣ не только особенности бальмонтовской поэзіи, но и основныя черты русской символической школы вообще. Въ ней — богатый матеріалъ для построенія поэтики символизма. Двѣсти пятьдесятъ пять сонетовъ, охватывающихъ все мірозданіе и весь „разбѣгъ" вѣковъ, все явное и тайное, конечное и безконечное, написанныхъ со всѣми утонченностями риѳмы, ассонансовъ и аллитерацій, со всѣми строфическими варіаціями, въ предѣлахъ сонетнаго канона! Это изобиліе выростаетъ изъ одного корня, и чтобы приблизиться къ пестрой клумбѣ Бальмонта, необходимо войти въ „символическій садъ".

Мы много читали о міровоззрѣніи символизма, о присущемъ ему „чувствѣ жизни", о его связи съ нѣмецкимъ романтизмомъ и идеалистической философіей; мы знаемъ о теургическомъ началѣ, тайнодѣйствѣ, жизнетворчествѣ, мистическомъ прозрѣніи, и все же о символизмѣ, какъ литературномъ направленіи въ Россіи на рубежѣ XIX и XX вѣковъ, мы имѣемъ весьма расплывчатое представленіе. Эстетическаго опредѣленія термина „символизмъ" не существуетъ. Художественныя оцѣнки стиховъ неизбѣжно подмѣняются философскими разсужденіями. На вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ символическая школа на ряду съ другими направленіями въ искусствѣ, — намъ отвѣчаютъ, что всякое настоящее искусство — символично, что и Данте, и Шекспиръ, и Кальдеронъ были символистами. Дефиниція просто превращается въ похвальный отзывъ, но отъ этого поэтика Бальмонта, Брюсова или В. Иванова не становится намъ яснѣе. Разсматривая съ литературной точки зрѣнія стихи К. Бальмонта, мы полагаемъ, что наши выводы могутъ быть распространены и на всю символическую школу.

Въ искусствѣ слова самое показательное — матеріалъ (словарь): наличность и преобладаніе тѣхъ или иныхъ словъ сразу опредѣляетъ характеръ школы. Поэзія Бальмонта не обладаетъ большимъ діапазономъ, не изобилуетъ полутонами и нюансами звуковъ. Она знаетъ одно только непрерывное forte, монотонное въ своей напряженности, утомительное въ своей патетической торжественности. Его сонеты испещрены реченіями съ большой буквы, этими величественно-священными субстанціями, предъ „алтарями" которыхъ поэтъ „качаетъ кадило" своихъ пѣснопѣній. Міръ есть храмъ, въ которомъ совершаетъ свой праздникъ Всебожность. И эта святость, равно обтекающая Солнце, Луну, Звѣзды, Небо, Землю, Море и Океанъ, Ночь и День, Млечный Путь, Весну и Осень, Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Закатъ, застилающая безцвѣтной пеленой всю природу и проникающая въ интеллигибельныя сущности вродѣ Бытія, Вещества, Вѣчности и Тайны распространяется и на такія вредоносныя существа, какъ Гашишъ, Опій, Морфій и Алкоголь. Міръ Бальмонта такъ загроможденъ кумирами и жертвенниками и такъ густо закуренъ фиміамомъ, что простое человѣческое слово, не имѣющее претензій на „тайновѣсть" мѣста въ немъ не находитъ. Въ „чертогѣ, гдѣ прядетъ мечта" поэта, все многообразное звучаніе земли сливается въ одинъ неразличимый гулъ, всѣ краски, раскаленныя его упорнымъ и выносливымъ паѳосомъ, слѣпятъ сплошной бѣлизной. Прозрѣвъ тайну всеединства, „поэтъ-кудесникъ" разрушаетъ обособленность вещей, ломаетъ ихъ грани, смѣшиваетъ ихъ очертанія; самые эти „конечные" лики его не прельщаютъ — онъ прочелъ въ нихъ „знакъ вѣчности"; выпивъ изъ чаши вино, онъ безъ сожалѣній разбиваетъ чашу. И слово-вещь подвергается жестокимъ экспериментамъ.

[1]) Перепечатка московскаго изданія Пашуканиса 1917 года

вѣдь оно ограничено въ пространствѣ и времени, имѣетъ свой индивидуальный вкусъ и запахъ, оно непроницаемо и вѣсомо. Нужно его заставать, вопреки его природѣ, быть безконечнымъ, общимъ; прозрачнымъ покровомъ Одного, „ликомъ", безплотнымъ намекомъ, „чарой". — Отсюда — огромное преобладаніе въ словарѣ Бальмонта общихъ и абстрактныхъ понятій. Ихъ всеобъемность, безформенность, и туманность отвѣчаютъ его магическому универсализму. Конкретныя вещи вытѣсняются мыслимыми субстанціями, отвлеченностями качества или дѣйствія. Изъ глагола выжимается его недвижимая суть — и движеніе застываетъ въ абстракціи. Таковы безчисленные слова на — нье, безъ которыхъ не обходится ни одинъ сонетъ. Эпитеты превращаются въ существительныя и удареніе переносится на нихъ. Исчезаетъ непосредственное воздѣйствіе образовъ — остается умственная игра понятіями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „звенѣнье крылъ", „рьяность рвеній", „дразненье музыкальнаго расцвѣта", „отяжелѣнье бѣлизны", „міръ возниканья сновъ", „игранье влажной пыли", „непознанность красивой чаши", „онъ былъ запечатлѣнностью страстей", „въ рукѣ возникла змѣйность трепетанья", „продольность разожженной ризы", „спустись къ глубоководности разсудка" и т. д.

Конкретное слово въ стихахъ Бальмонта почти никогда не живетъ своимъ собственнымъ полнымъ звукомъ и смысломъ. Всѣ эти „знаки" и „черты" давно потеряли связь съ вещами; индивидуальное и чувственное въ нихъ тщательно прикрыто покровами „тайны", „чары" и „грезы". Въ ретортѣ символизма изъ нихъ извлекается эссенція „духовности". Таковы эти „сказка крови", „сказка временъ", „сказка листьевъ", „греза мига", „сны земли", „восторгъ влаги", „пѣсня звѣздъ", „созвѣздность всѣхъ сердецъ", „мечта цвѣточныхъ ласковыхъ коронокъ" и т. д. Попытки оформить абстрактное, изобразить его метафорой приводятъ къ условной фразеологіи, построенной на словесныхъ комбинаціяхъ самаго произвольнаго характера. Глубокомысліе этихъ сакральныхъ сочетаній, этихъ „шороховъ чуда" и „зыбей грезы молодой", обусловлено полнымъ смѣшеніемъ представленій съ понятіями. Цѣлые сонеты, нерѣдко, проникнуты своеобразнымъ жаромъ абстракціи, причудливой фантазіей схоластики. Какъ объяснить иначе выраженья, вродѣ: „безмѣрная яма жгучихъ средоточій", „кадильница сгораній", „ликующіе пиры міротворенья", „теченіе внушенья", „ликъ сокрытостей полярныхъ", „сладкій духъ благоволеній", „сліянный поцѣлуй созвучныхъ силъ"? Развѣ это — не воображеніе средневѣковаго реалиста, пользующагося образомъ, какъ иносказаніемъ?

Обращеніе съ эпитетами особенно характерно для поэтики той или другой школы. Удачный эпитетъ зажигаетъ слово неожиданнымъ блескомъ, придаетъ ему энергичные рельефъ, приводитъ въ движеніе его скрытыя силы. У Бальмонта или тавтологическіе или ложноэффектные клише: шаткія подпорки неустойчивыхъ словъ. Напр. „мятежное рдѣнье", „млѣющія стѣны", „загрезившія ракиты", „вѣщій узелъ", „сладимая бѣлена" (?), „безцвѣтный цвѣтъ", узывный демонъ и проч. Но пафосъ поэта обращенъ на абстракціи, поэтому его эпитеты теряютъ смыслъ и выразительность. Трудно опредѣлить, по какому закону происходитъ хитроумная раскраска общихъ понятій конкретными качествами. Насъ ни въ чемъ не убѣждаютъ эти „зеленые сны", „бѣлые псалмы", „голубыя млѣнія", „рдяныя радованья" и „багряные крики". Наше отношеніе къ слову стало строже и проще, и намъ перестали нравиться такіе изыски, какъ „душистое чудо", „пахучая утрата", „тоска ручьистая", „лазоревая отрава", „жемчужно-красныхъ млѣній черела" и „лилейно-бѣлыя часы сіянья". Мы устали отъ символическаго „пира буйныхъ пьянствъ" и послѣ „звукового разгула" насъ потянуло въ порядку: какъ нашалившіе школьники, мы возвращаемся къ букварю классицизма. Вотъ почему, быть можетъ, „утонченности" стиля кажутся намъ теперь болѣзненными гримасами. Эпитетъ, ничего не живописующій, дегенерируетъ; вмѣстѣ съ его

эстетической значимостью, постепенно утрачивается и его грамматическій смыслъ. Бальмонтъ создаетъ новыя прилагательныя possesiva вродѣ „орхидейные сны“, „лепестковыя устремленья“, „колчанный сѣвъ“ (стрѣлы) и „тучевой объемъ“. Изъ контекста можно догадаться, что это должно означать „сны орхидей“, „устремленья лепестковъ“ и т. д., однако по законамъ языка означать этого не можетъ. Вѣдь „поэма страсти“ и „страстная поэма“, „полетъ ума“ и „умный полетъ“ — выраженія не тождественныя.

Распадъ языка наиболѣе ясно проступаетъ въ области глагольныхъ конструкцій. Здѣсь риторика словосочетаній раскрывается во всей своей мертвенной грузности. Появляются сакральныя формулы, торжественные славянизмы, отвлеченныя описанія. Въ храмѣ схоластическихъ сущностей вмѣсто дѣйствія — ритуалъ. Отъ глагола въ процессѣ обобщенія остается одинъ „знакъ“. Имъ можно связать любыя выраженія, его можно вставить въ каждое предложеніе, ибо онъ — многообъеменъ и пустъ. Когда все реальное содержаніе изъ него вынуто, онъ способенъ означать что угодно. Это близко къ алгебрѣ. Любимые глаголы Бальмонта: пріять, являть, стремить, совершать, мести, крѣпить („пріяла смерть, въ себя пріявши свѣтъ“, „черный цвѣтъ и красный, пріявши бѣлый, стихли къ нестротѣ“, „пріявши гордый сонъ“ „на вѣчномъ мигу ликъ являя свой“, „являя ликомъ властъ“, „того, что есть по существу одно, хотя бы въ ликахъ намъ являлось разныхъ... желаютъ всѣ“... „стремить горѣнье“, „взоръ стремя въ затоны“, „совершая влюбленіе цвѣтка въ цвѣтокъ“, „осторожность съ мечтой сліявъ, крѣпитъ свой храмъ Всебожность“, „токъ крѣпить скрижали“). Громоздкія перифразы придаютъ языку выспренность XVIII вѣка, напр. „не дѣлаетъ уборъ“, „онъ длилъ свои молитвы“, „уже готовящихъ свой зимній сонъ деревъ“, „жара дымилась, дѣланье творя“). Но алгебраически безóбразныхъ глаголовъ въ словарѣ сравнительно немного и поэту неизбѣжно проходится пользоваться глаголами конкретными. Онъ выбираетъ наиболѣе расплывчатые, текучіе и туманные: онъ ставитъ ихъ въ самыя произвольныя и несообразныя отношенія къ существительнымъ: линіи искривляются и краски тускнѣютъ: сквозь сѣрый саванъ міра просвѣчиваетъ Вѣчность.

Примѣры: „Набатъ къ любви с т р у я т ъ кусты и почки“, „кадило с к о л ь з и т ъ, лелѣемое мглой“, „т е ч е т ъ кажденіе изъ древнаго кадила“, „аквамаринъ“, с т р у я с ь... в т е к а с т ъ“, „спѣшитъ, отвивъ, з а в и т ь живое воплощенье“, „о каждой тайнѣ Бытія шепталъ, ее к а ч а я, ты моя“, „дымъ к а ч а л ъ тамъ Океанъ“, „по грани ощущенія с к о л ь з и м ъ“ и т. д.

Въ результатѣ борьбы съ природой слова, пренебреженія его законами и насильственныхъ попытокъ обезличить и обезплодить его, — поэтъ теряетъ власть надъ своимъ матеріаломъ. Отдѣльные камни вывѣтриваются и выпадаютъ, и все зданіе расшатывается. У Бальмонта чувствуется неувѣренность въ синтаксисѣ — неясности и неправильности конструкцій затемняютъ и безъ того нерѣдко „заумный“ смыслъ его стиховъ. Мы читаемъ: „всѣмъ жаждамъ дорогая“, „поетъ, чтобъ взятой быть судьбою“, „лишь въ плоть его не тронь, чтобь звѣрь былъ бѣгъ твоихъ погонь“, „звѣзда лишь гробъ с е б я желѣзный“, „внизу вглуби... гдѣ земляные черви, точно змѣи, съ приказомъ жить лишь тамъ, а если тутъ покажутся, немедленно умрутъ“ и проч. Совокупность всѣхъ нами выше перечисленныхъ особенностей создаетъ полную словесную анархію: существительныя, утратившія свой непосредственный смыслъ и забывшія свой первоначальный образъ, эпитеты подобранные по звучанію, глаголы, превращенные въ алгебраическіе значки — вступаютъ въ причудливо-произвольныя комбинаціи. По какой то инерціи называются слова, плетется хитрая сѣть непонятныхъ сочетаній. Нѣтъ ли въ этой замысловатой, терпѣливой игрѣ пресловутой „романтической ироніи“? Вѣдьмовское варево

такъ густо замѣшано въ котлѣ „поэтомъ-кудесникомъ", что никому не прійдетъ охота вылавливать изъ него „намеки" и „символы".

Объ этомъ распадѣ языка свидѣтельствуетъ любой изъ двухсотъ пятидесяти пяти сонетовъ. Всюду можно встрѣтить реченія вродѣ: „По облакамъ прошло отяжелѣнье бѣлизны, завладѣванье всѣмъ, кругомъ, объемомъ", „внушаемость теченьемъ общей сказки", „въ рядахъ періодическихъ дробей спустись къ глубоководности разсудка", „вижу каждое явленье дробленіемъ въ провалахъ углубленья", „сознаніе гармоніи окраски, упорно ощущаемое тѣмъ"... и т. д.

К. Мочульскій.

6. Конецъ войны.

Karl Friedrich Nowak. Der Sturz der Mittelmächte. München 1921. Стр. VIII + 436 in 4°.

Вокругъ войны уже выросла цѣлая литература. На страницахъ безчисленныхъ мемуаровъ главные дѣятели военнаго времени продолжаютъ другъ съ другомъ борьбу. Ген. Лудендорфъ обвиняетъ гражданскія власти, покойный Бетманъ-Гольвегъ — Главное командованіе, Пуанкаре — Германію и т. д. Появился цѣлый рядъ военныхъ монографій объ отдѣльныхъ фазахъ борьбы. Но это все либо очень узкія, частичныя описанія, либо апологетическія или обличительныя произведенія.

Тѣмъ цѣннѣе вышедшій недавно трудъ К. Ф. Новака. Это одна изъ рѣдкихъ синтетическихъ книгъ, она передаетъ событія съ такой яркой убѣдительностью, такъ проникая въ нихъ психологическія основанія, что строгое документальное историческое изслѣдованіе обращается въ полное драматизма художественное произведеніе. Въ отношеніи послѣдняго времени только, пожалуй, посвященныя Версальской конференціи страницы извѣстной книги Кейнса могутъ идти въ сравненіе съ книгою Новака.

„Крушеніе срединныхъ державъ" — это изложеніе послѣдняго года войны, отъ начала брестскихъ переговоровъ въ декабрѣ 1917 г. до просьбы Австріи о сепаратномъ мирѣ 28 октября 1918 г. Авторъ близко стоялъ къ центру событій, свое изложеніе давалъ на просмотръ тѣмъ главнымъ государственнымъ дѣятелямъ, о которыхъ писалъ, — книга, поэтому, является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ первичнымъ матеріаломъ. Русскимъ, которые какъ разъ въ этотъ періодъ были заняты почти исключительно своими внутренними дѣлами, она даетъ особенно много новаго, открываетъ пути къ пониманію исторической связи явленій.

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности передать сложное содержаніе книги Новака, цѣнной именно чрезвычайной всесторонностью изображенія: тутъ учтены и личныя взаимоотношенія полководцевъ и дипломатовъ, и военно технческія условія, и экономика, и политика. Но можно изъ объективнаго изложенія автора сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, которые остаются у него недоговоренными.

Въ 1918 г. центральныя державы вели борьбу уже черезъ силу. Закончить ее полной побѣдой было, по соотношенію силъ, немыслимо. Поэтому, пожалуй, „скептики", гр. Чернинъ и ф. Кюльманъ были болѣе правы въ анализѣ положенія, чѣмъ „люди съ желѣзными нервами". Но имъ не хватало авторитетности, яркости убѣжденія. Центральныя державы оказались до послѣднихъ мѣсяцевъ въ рукахъ военныхъ потому, что ясно осознанная воля была только у нихъ, — при отсутствіи политическаго глазомѣра.

Роковой для Германіи и ея союзниковъ ошибкой было, повидимому, наступленіе 1918 года на западномъ фронтѣ. Пожертвовавъ всѣми дру

нимы возможными цѣлями (уничтоженье салоникской арміи и путь въ Грецію; разгромъ Италіи; сверженіе большевиковъ и возсозданіе дружественной Россіи; азіатскіе планы;) — поставивъ въ обще-стратегическомъ отношеніи все на одну карту, — западный театръ военныхъ дѣйствій, — германское командованіе, при этомъ, въ болѣе узкомъ военномъ смыслѣ всетаки не рѣшилось на такую игру va banque и раздробило наступленіе на рядъ короткихъ ударовъ въ разныхъ мѣстахъ фронта. Рискнувъ рискнули не до конца и проиграли.

Съ захватывающимъ интересомъ читаешь о тѣхъ роковыхъ мѣсяцахъ сентябрь—октябрь 1918 г., когда (по образному выраженію Радека) „кони исторіи бѣжали, закусивъ удила". О томъ, кто виноватъ во внезапномъ крушеніи Германіи, спорятъ въ ней и сейчасъ политическія партіи. По изложенію Новака, конечную катастрофу вызвало непониманіе Главнымъ командованіемъ психологическаго момента, — въ большей мѣрѣ, чѣмъ тотъ фактъ, что германскіе лѣвые круги, къ которымъ перешла власть съ отставкой гр. Гертлинга въ концѣ сентября, совершенно оказались неопытны и неумѣлы и во внѣшней и во внутренней политикѣ.

Главное командованіе само настояло на немедленномъ открытомъ предложеніи мира и перемирія на условіяхъ Вильсона. Ген. Лудендорфъ объясняетъ это въ своихъ мемуарахъ — желаніемъ узнать, пойдутъ ли враги на честный миръ. Но именно это предложеніе, — понятое и внутри и во внѣ какъ капитуляція — сдвинуло лавину событій, и въ дальнѣйшемъ уже разложеніе шло такъ быстро, что даже само новое германское правительство подпало подъ психологію паники. „Желѣзный человѣкъ", ген. Лудендорфъ съ возмущеніемъ отмѣчаетъ сдачу позицій передъ Вильсономъ. Но тутъ все уже идетъ стихійно; роковой психологической ошибкой Главнаго командованія было представленіе о томъ, что германскій народъ сможетъ, послѣ того, какъ уже начатъ разговоръ о мирѣ, опять, какъ ни въ чемъ не бывало, возобновить борьбу.

Много мѣста удѣляетъ Новакъ развалу Австро-Венгріи. При большой объективности чувствуется, все же, что авторъ — убѣжденный австріецъ; это замѣтно въ нѣкоторыхъ характеристикахъ, въ теплотѣ, съ которой говорится о героическомъ отходѣ ген. Пфланцеръ-Балтина изъ Албаніи, въ послѣднихъ горькихъ фразахъ объ „арміи безъ родины", еще боровшейся на итальянскомъ фронтѣ послѣ распада государства.

Книга Новака — даетъ очень много для пониманія современности. Она принадлежитъ къ тѣмъ, которыя надо прочесть.

С. С. Ольденбургъ.

7. Анна Ахматова. Подорожникъ. Изд. Petropolis. Петроградъ 1921, стр. 52.

Маленькая книжка, полная горькой полынной печали и томленія женской души. Но какую радость даетъ она намъ, находящимся заграницей! Всетаки тамъ, за совѣтской чертой, въ условіяхъ бытовыхъ и моральныхъ, весь ужасъ которыхъ мы перестали понимать и ощущать, тамъ, гдѣ одинъ большой поэтъ современности умираетъ отъ голодной цынги, а другой погибаетъ „у стѣнки", — творятся подлинныя и значительныя художественныя цѣнности. И должно быть не случайно, что поскольку дѣло идетъ о литературѣ, наиболѣе цѣнное и значительное создается въ области поэзіи; въ ней находитъ себѣ выходъ насквозь трагическое міроощущеніе нашей эпохи. И на новой книжкѣ Ахматовой, столь же „Ахматовской", столь же субъективной, интимной, какъ ея

прежнія книги, наложило свой отпечатокъ переживаемое нами время. Прошли дни пѣсенъ, и голосъ сталъ приглушеннѣй, слова сдержаннѣй. Но отъ этого они не потеряли въ силѣ. Пѣсни стали похожи на молитвы — такія строгія и тихія.

Теперь никто не станетъ слушать пѣсенъ,
Предсказанные наступили дни.
Моя послѣдняя, міръ больше не чудесенъ,
Не разрывай мнѣ сердца, не звени.
Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренній полетъ,
А нынѣ станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужихъ воротъ.

Одно изъ самыхъ значительныхъ и сильныхъ стихотвореній въ „Подорожникѣ“ — прямо о пережитомъ и переживаемомъ:

Когда въ тоскѣ самоубійства
Народъ гостей нѣмецкихъ ждалъ,
И духъ суровый византійства
Отъ русской Церкви отлеталъ,
Мнѣ голосъ былъ. Онъ звалъ утѣшно,
Онъ говорилъ: „Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грѣшный,
Оставь Россію навсегда.
Я кровь отъ рукъ твоихъ отмою,
Изъ сердца выну черный стыдъ,
Я новымъ именемъ покрою
Боль пораженій и обидъ.“
Но равнодушно и спокойно
Руками я заткнула слухъ
Чтобъ этой рѣчью недостойной
Не осквернился скорбный духъ.

Это стихотвореніе не только цѣнно какъ поэтическое произведеніе, но и любопытно психологически, какъ живое человѣческое слово оттуда, въ которомъ слышатся глубокая боль и скорбь о Россіи и любовь, не идущая на отрывъ отъ родной почвы. То, что Ахматова осталась т а м ъ, не можетъ не быть цѣнно и дорого для насъ.

Изъ всей плеяды поэтовъ-акмеистовъ Ахматова наиболѣе „акмеистична“, если подъ акмеизмомъ понимать стремленіе къ конкретизаціи поэтическихъ переживаній, извѣстную душевную и поэтическую заостренность. Этой заостренности и вещности у Ахматовой больше, чѣмъ у „основателей“ школы акмеизма Гумилева и Городецкаго (да простятъ мнѣ это сопоставленіе), изъ которыхъ первый до конца оставался романтикомъ. Собственно говоря, школы акмеизма, какъ таковой, сейчасъ уже не существуетъ, и сами акмеисты пошли своими, разными путями. Но явленіе ихъ оставило замѣтный слѣдъ на всей новѣйшей русской поэзіи и извѣстнымъ образомъ намѣтило пути ея развитія. Акмеистомъ былъ въ широкомъ смыслѣ слова и Пушкинъ: у него мы находимъ нерѣдко ту же вещность и поэтическую насыщенность, характерную для современныхъ акмеистовъ и совершенно чуждую поэтамъ-символистамъ (пушкинизмъ Андрея Бѣлаго, напримѣръ, въ поэмѣ „Первое свиданіе“ совершенно поверхностенъ и инороденъ его поэтической натурѣ). Не случайно поэтому, что поэты вышедшіе изъ акмеизма, повернули назадъ къ Пушкину. Особенно замѣтенъ этотъ поворотъ у Ахматовой, еще въ „Бѣлой стаѣ“. Въ „Подорожникѣ“ также есть нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ видна пушкинская не простота — для такой простоты и солнечности слишкомъ изломана и какъ бы перетянута душа Ахматовой, — но строгость и че-

кость. Особенно въ стихотвореніи „Покинувъ рощи родины священной".

Интересно, что Ахматова полюбила бѣлый безрифменный стихъ и владѣетъ имъ съ исключительнымъ мастерствомъ (она доказала это, впрочемъ, уже своей поэмой „У самаго моря"). Чудесно, напримѣръ, такое маленькое стихотвореніе:

И въ тайную дружбу съ высокимъ,
Какъ юный орелъ темноглазымъ,
Я, словно въ цвѣтникъ предосенній,
Походкою легкой вошла.
Тамъ были послѣднія розы,
И мѣсяцъ прозрачный качался
На сѣрыхъ густыхъ облакахъ.

Чаще встрѣчается у нея теперь и правильные, классическіе размѣры — исчезло ритмическое волненіе, постоянные перебои и неровности, характерные для „Четокъ".

Прежняя манера Ахматовой, нѣкоторая смятенность и тревожность „Четокъ", всего сильнѣе сказалась въ слѣдующемъ „акмеистичномъ" стихотвореніи, гдѣ нѣсколькими штрихами, остро-подмѣченными черточками переданы сложныя переживанія:

На шеѣ легкихъ четокъ рядъ,
Въ широкой муфтѣ руки прячу,
Глаза разсѣянно глядятъ
И больше никогда не плачутъ.

И кажется лицо блѣднѣй
Отъ лиловѣющаго шелка,
Почти доходитъ до бровей
Моя незавитая челка.

И не похожа на полетъ
Походка медленная эта,
Какъ будто подъ ногами плотъ,
А не квадратики паркета.

А блѣдный ротъ слегка разжатъ,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожатъ
Цвѣты не бывшаго свиданья.

Та же острота воспріятія и эпиграмматичность передачи въ четырехъ какъ бы брошенныхъ кому то строкахъ:

Брошена! Придуманное слово, -
Развѣ я цвѣтокъ или письмо.
А глаза глядятъ уже сурово
Въ потемнѣвшее трюмо.

Тема „Подорожника", за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній о Россіи, правда тоже въ очень личномъ преломленіи, все та же: женская любовь, горькая и мятущаяся, ирраціональная, полная противорѣчій. Какъ всегда у Ахматовой, необыкновенно богаты, остры и вещны ея эпитеты; ихъ не замѣнишь другими и одними ими сказано такъ много:

А ты теперь *тяжелый* и унылый,
Отрекшійся отъ славы и мечты,
Но для меня *непоправимо* милый
И чѣмъ *темнѣй*, тѣмъ трогательнѣй ты.
Ты пьешь вино, твои *нечисты* ночи,
Что наяву, не знаешь, что во снѣ,
Но *зелены* мучительныя очи,
Покоя, видно не нашелъ въ винѣ.

И сердце только скорой смерти проситъ
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще вѣтеръ западный приноситъ
Твои упреки и твои мольбы.

. . . .

Такъ дни идутъ, печали умножая.
Какъ за тебя мнѣ Господа молить?
Ты угадалъ: моя любовь такая,
Что даже ты ее не могъ убить.

Эта любовь всегда конкретная, вещная, земная, страстная и вмѣстѣ сдержанная:

Ты, росой окропляющій травы,
Вѣстью душу мою оживи, —
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

Да будетъ позволено процитировать цѣликомъ (вѣдь заграницу попали лишь нѣсколько экземпляровъ „Подорожника"!) одно изъ лучшихъ стихотвореній въ книгѣ, все насыщенное такой страстной и сдержанной любовью и совершенное по формѣ:

Я слышу иволги всегда печальный голосъ
И лѣта пышнаго привѣтствую ущербъ,
А къ колосу прижатый тѣсно колосъ
Съ змѣинымъ свистомъ срѣзываетъ серпъ.
И стройныхъ жницъ короткіе подолы,
Какъ флаги въ праздникъ, по вѣтру летятъ.
Теперь бы звонъ бубенчиковъ веселыхъ
Сквозь пыльныя рѣсницы долгій взглядъ.
Не ласки жду я, не любовной лести —
Въ предчувствіи неотвратимой тьмы.
Но приходи взглянуть на рай, гдѣ вмѣстѣ
Блаженны и невинны были мы.

На огнѣ такой любви сгораетъ собственная воля и такъ сладко всю себя вручить другому:

Все по твоему будетъ: пусть!
Обѣту вѣрна своему,
Отдала тебѣ жизнь, но грусть
Я въ могилу съ собой возьму.

Какъ уже сказано, по остротѣ поэтическаго видѣнія съ Ахматовой не можетъ сравниться ни одинъ современный поэтъ. Возьмите, напримѣръ, слѣдующія двѣ строчки изъ „Подорожника":

Моя рука, закапанная воскомъ,
Дрожала, принимая поцѣлуй...

Здѣсь въ двухъ подчеркнутыхъ словахъ сказано гораздо больше и передано гораздо полнѣе и ярче внутреннее душевное состояніе, чѣмъ въ глаголѣ „дрожала". Маленькой звуковой или зрительной деталью передаетъ Ахматова сложное и большое чувство:

И слаще всѣхъ пѣсенъ пропѣтыхъ
Мнѣ этотъ исполненный сонъ,
Качаніе вѣтокъ задѣтыхъ
И шпоръ твоихъ легонькій звонъ.

Исторія русской литературы небогата женскими именами. Крупныхъ же почти совсѣмъ нѣтъ. Полузабытая и лишь недавно открытая

Брюсовымъ, но до сихъ поръ мало извѣстная и неоцѣненная Каролина Павлова, высокоталантливая Зинаида Гиппіусъ — кромѣ нихъ и Ахматовой назвать некого. Но весь тонусъ поэзіи Павловой скорѣе мужественный, Гиппіусъ же болѣе значительна какъ авторъ прозаическихъ произведеній и критикъ, чѣмъ какъ поэтесса. Ахматова — единственная въ русской литературѣ женщина, женственность своей души съумѣвшая переложить въ исключительные по мастерству формы стихи. Она была права, сказавъ немного горько-насмѣшливо:

...когда нибудь имя мое
Прочитаютъ въ учебникѣ дѣти.

Да, ея имя несомнѣнно останется въ исторіи русской литературы.

Изданъ „Подорожникъ" очень недурно: радуютъ глазъ пріятный шрифтъ и изящная обложка работы Добужинскаго. Первое изданіе вышло въ количествѣ 1000 экземпляровъ и носитъ помѣтку „Р. В. Ц." (разрѣшено военной цензурой).

Берлинъ, 6/XI.1921.

Глѣбъ Струве.

8. Морской Сборникъ. Редакторъ кап. П. Р. Монастыревъ. № 4. Сентябрь 1921 года. Бизерта (Тунисъ) Русская Эскадра. Подводная лодка „Утка". Литографія Морского Корпуса. 96 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ литографированная тетрадка около ста страницъ. Несмотря на убогость внѣшняго вида книжечка производитъ впечатлѣніе.

Заброшенные дальше всѣхъ, въ какую то Бизерту, самое существованіе которой мало кто подозрѣвалъ изъ насъ, русскіе моряки и „подъ дыханіемъ Сахары" стараются остаться и русскими, и моряками.

Морской Сборникъ—спеціальный журналъ—морской. Въ немъ разраются чисто морскіе вопросы. Цыфры тоннажа, калибры орудій, скорости въ узлахъ перемежаются съ чертежами, графиками, таблицами. Но это именно и производитъ впечатлѣніе. Производитъ впечатлѣніе, что русскіе морскіе офицеры, хотя, видимо, многому научились и учатся, но ничего не забыли. Они практикуютъ и разсуждаютъ о морскихъ вопросахъ и задачахъ такъ, какъ будто бы ничего не случилось. Россія была и будетъ, а значитъ ей нуженъ будетъ флотъ, а значитъ флоту нужны будутъ образованные офицеры, слѣдящіе за тѣмъ, что происходитъ въ военно-морскомъ мірѣ. И если принять во вниманіе, что это настроеніе — въ душѣ людей, заброшенныхъ за нѣсколько тысячъ морскихъ миль отъ родины, то это импонируетъ. Въ этой тетрадкѣ изъ неполныхъ ста страницъ есть то горчичное зерно вѣры, которое двигаетъ горами.

Хотя всѣ статьи имѣютъ спеціальный характеръ, но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть прочтены съ интересомъ и не спеціалистами. Напримѣръ статья капитана Бохановскаго „Погружающійся флотъ" представляетъ изъ себя краткій, но рельефный очеркъ, дающій представленіе о томъ, куда шагнуло въ настоящее время подводное плаваніе.

Выраженіе „подводная лодка" въ настоящее время является уже анахронизмомъ. Невозможно называть лодкой корабли въ 3,000 тоннъ, а такіе именно и были заказаны въ началѣ 1916 года. Авторъ утверждаетъ, что въ настоящее время „погружающіеся корабли въ 7,000, 14,000 тоннъ водоизмѣщенія подъ водою не представляютъ никакихъ техниче-

скихъ затрудненій". Чтобы дать читателю понятіе о томъ, что значить 14,000 тоннъ, напомнимъ „Ріонъ", всѣмъ извѣстный корабль Добровольнаго Флота, эвакуировавшій въ ноябрѣ 1920 года около десяти тысячъ человѣкъ. „Ріонъ", если память намъ не измѣняетъ, имѣетъ 13,000 тоннъ водоизмѣщенія.

Краткая статья старшаго лейтенанта Коссовича „На Востокѣ" знаменательна. Прочтя эти три страницы и приложенную къ нимъ таблицу, ясно понимаешь скрытый смыслъ Вашингтонской конференціи: флотъ Японіи въ концѣ 1921 года будетъ почти равносиленъ Сѣверо-Американскому, но въ 1922 году Американскій рѣзко усилится вступленіемъ въ строй линейныхъ крейсеровъ типа "Saratoga" и кораблей типа „Indiana". Поэтому начало 1922 года было бы самымъ удобнымъ моментомъ для Японіи, если она готовится къ нападенію на Америку.

Остальныя статьи посвящены болѣе спеціальнымъ вопросамъ, какъ напримѣръ „Наблюденія надъ теченіями въ Югорскомъ шарѣ и ихъ обработка" старшаго лейтенанта Духовича или „О тактическихъ свойствахъ и маневрированіи подводныхъ миноносцевъ и заградителей" кап. П. Р. Монастырева.

Интересна переводная статья „Ютландскій бой", въ которой англійскій авторъ старается подвести итогъ англійскимъ ошибкамъ. Очень характерно для англичанина вступленіе, которое можно было бы повѣсить въ качествѣ назиданія въ редакціи одной парижской русской газеты. „Между критикой административной системы или даже адмиралтейства, и критикой адмирала, стоящаго во главѣ сражающихся силъ, имѣется существенная разница. Ничего не можетъ быть пагубнѣе критики командованія, если эта критика не достигаетъ цѣли немедленно. Она подрываетъ престижъ власти вождя, какъ въ глазахъ его соратниковъ, такъ и въ глазахъ его соотечественниковъ вообще и служитъ къ ободренію противника... Когда рѣшаютъ оставить главнокомандующаго у власти, то для человѣка, убѣжденнаго въ ошибочности его дѣйствій, не остается ничего другого, какъ молчать, или даже дойти до того, что стараться укрѣплять положеніе вождя, а никакъ не ослабѣвать его. Съ момента рѣшенія Бальфура сохранить командованіе надъ большимъ флотомъ за лордомъ Джелико долгомъ всѣхъ патріотически настроенныхъ писателей было стараться усилить авторитетъ Главнокомандующаго надъ его подчиненными и поднять престижъ его въ глазахъ общества".

В. Шульгинъ.

9. Българска народна поезия. Отборъ народни поетически творения. Наредили А. Ангеловъ и проф. М. Арнаудовъ. София 1921 г. — 445 стр. цѣна 74 лева.

Эта книга — первый томъ предпринятаго подъ редакціей Б. Ангелова изданія — „История на Българската Литература въ примѣри и библиография". — Дать читающей болгарской публикѣ рядъ книгъ, по которымъ она бы могла слѣдить въ исторической послѣдовательности за развитіемъ творчества болгарскаго слова — мысль, заслуживающая вниманія и поддержки. Только что вышедшій первый томъ этого изданія показываетъ, что оно будетъ не хрестоматіей, въ которой даются отрывки произведеній, не позволяющіе часто получить цѣльное впечатлѣніе ни объ одномъ литературномъ произведеніи. Здѣсь послѣ (стр. I—XXX) абстрактнаго очерка о болгарской народной поэзіи съ цѣнными библіографическими указаніями находимъ под-

боръ пѣсенъ лирическихъ, эпическихъ, сказокъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.

Произведенія эти приводятся полностью и снабжены указаніями, гдѣ они записаны или гдѣ изданы. Очень умѣстнымъ и цѣннымъ нужно считать матеріалы о народномъ календарѣ.

Такого рода изданіе можетъ быть чрезвычайно полезнымъ не только для Болгаріи. Имъ съ успѣхомъ можно пользоваться напр. и въ Россіи, при преподаваніи болгарской литературы. Въ виду этого крайне желательно, чтобы въ послѣдующихъ томахъ редакторы давали бы объясненія большаго числа мало извѣстныхъ словъ, чѣмъ это сдѣлано въ I томѣ.

М. П.

10. The Russian Economist. Journal of The Russian Economic Association. Записки Русскаго Экономическаго О-ва въ Лондонѣ. London 1920—21 томъ I №№ 1, 2, 3, 4.

Русское экономическое общество въ Лондонѣ (Правленіе: М. В. Брайкевичъ, Ф. А. Ивановъ, К. Е. Заменъ, Н. Т. Бѣляевъ) можетъ справедливо гордиться созданнымъ имъ журналомъ, первый томъ котораго (№№ 1—4 около 1500 стр. текста) лежитъ передъ нами. Въ теченіе цѣлаго года (сентябрь 1920 — сентябрь 1921 г.), въ условіяхъ эмиграціи, издается большой серьезный экономическій журналъ! И какъ издается! Прекрасная строгая внѣшность, отличная бумага, два параллельныхъ текста (англійскій и русскій) и всегда интересное содержаніе. Какъ жалко, что этотъ журналъ недоступенъ широкимъ кругамъ эмиграціи (цѣна 12 s 6 d), особенно въ странахъ съ низкой валютой. Между тѣмъ, мы не знаемъ лучшаго, чѣмъ „Русскій Экономистъ", источника для ознакомленія съ хозяйственной жизнью современной Россіи, ибо все, что появляется по этому вопросу въ совѣтской прессѣ, тщательно собирается и сжато передается „Русскимъ Экономистомъ". Такъ, въ № 1 данъ подробный обзоръ состоянія транспорта, каменноугольной промышленности, нефтяного дѣла, торфяной, машиностроительной, ткацкой, прядильной, стекло-фарфоровой, табачной, крахмало-паточной и т. д. промышленностей въ первую треть 1920 г.; въ № 2 данъ обзоръ результатовъ коммун. хозяйства за 9 мѣсяцевъ 1920 г.; даны интересныя свѣдѣнія о положеніи кооперации, продовольственнаго дѣла, сельскаго хозяйства; въ № 3 даны обзоры (за весь 1920 г.) состоянія добычи топлива, рудъ, металловъ и соли; охарактеризована бумажная, кожевенная, текстильная, химическая промышленности; подведены итоги внѣшней торговли совѣтской Россіи; сообщены любопытныя данныя о натуральномъ налогѣ и о концессіяхъ; въ № 4 данъ обзоръ (за первую половину 1921 г.) состоянія промышленности: горной, текстильной, сахарной, табачной, электротехнической, химической, резиновой, мыловаренной, маслобойной, крахмало-паточной, стекольной, бумажной, спичечной, винокуренной, кожевенной, меатллообрабатывающей и т. д.

Какъ видитъ читатель, освѣдомительная часть поставлена отлично. Не довольствуясь сводкой совѣтскихъ матеріаловъ, журналъ далъ рядъ статей, стремящихся критически освѣтить ту или иную сторону хозяйственной жизни Россіи. Отмѣтимъ прекрасныя статьи М, В. Брайкевича (Возстановленіе движенія на Россійскихъ ж. д. № 1.), Ф. А. Иванова (Производство драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи, № 1. Производство цвѣтныхъ металловъ № 2), Павловскаго (Русскій государственный долгъ, № 3), А. В. Рутченко (Прошедшее и будущее каменноугольной промышленности въ Донецкомъ

бассейнѣ, № 2), П. А. Бурышкина (Хлопчатобумажная промышленность въ Россіи № 4), Каубиша (Обзоръ русской химич. промышл. № 3). Отличны работы спеціальныхъ комиссій Р. Э. О. „Положеніе рабочаго класса въ Россіи" (№ 4), „Сельское хозяйство въ Россіи" (№ 4). Мы не останавливаемся на другихъ статьяхъ (многія изъ которыхъ очень хороши), такъ какъ желаемъ подчеркнуть, какой громадный интересъ представляетъ журналъ даже для широкой публики, мало интересующейся спеціальными экономическими темами, но жаждущей знать о всемъ, что происходитъ въ далекой Россіи.

Наконецъ, громаднымъ плюсомъ журнала является самый тонъ его. Спокойный и безпристрастный анализъ, отсутствіе всякаго злорадства, честное желаніе познать настоящее и найти пути къ спасенію. Въ наше тяжелое время всѣ эти качества являются большою рѣдкостью. И мы не сомнѣваемся, что именно эти качества помогутъ журналу сыграть нѣкоторую роль въ англійскихъ общественныхъ кругахъ. Желаемъ Русскому Экономическому Обществу въ Лондонѣ и редактору журнала М. В. Брайкевичу всяческаго успѣха въ ихъ большомъ и культурномъ предпріятіи!

С. С. Демосѳеновъ.

11. Валерій Левитскій. „О любви къ отечеству и народной гордости". (Бесѣды). Царьградъ, 1921 г., стр. 68.

Наивная, но пріятная книга! Наивная — въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ авторъ, устами участниковъ „бесѣдъ", желаетъ показать — „эрудицію". Не стоило посвящать двухъ очерковъ, двадцати страницъ, „нашему прошлому" (бесѣды: „У стѣнъ") — для того, чтобы воскликнуть: „какова была мощь культурнаго напора Кіевской Руси!" или констатировать, что „послѣ страшнаго татарскаго разгрома медленно крѣпла Русь. Преодолѣвая всѣ препятствія, не жалѣя живота, прикупая и примышляя деревню къ деревнѣ, волость къ волости, копя казну, упрямо выполняли князья Московскіе національные русскіе завѣты"... Подобными восклицаніями и констатированіями исчерпывается историческое пониманіе автора. — И всетаки „Бесѣды" по своему пріятны — „благодаря искреннему національному чувству, ихъ проникающему. То идеологическое настроеніе, которое воодушевляло борцовъ Добровольческой и затѣмъ Русской Арміи въ отверженіи большевизма, авторъ пронесъ черезъ „Кіевъ, Одессу, Екатеринодаръ, Ростовъ, Новороссійскъ, Севастополь" и въ полнотѣ сохранилъ на чужбинѣ. Бесѣды, пріуроченныя то къ „св. Софіи", то къ „Кахріе-Джами", то къ „Принцевымъ островамъ" и т. д. являются документомъ того, что думаютъ и чувствуютъ многіе изъ числа русскихъ людей, нашедшихъ въ 1920—21 году пріютъ на берегахъ Босфора.

S. P.

А. В. Кривошеинъ.

Род. 1858 г. † 28/15 Октября 1921 г. въ Берлинѣ.

Не стало А. В. Кривошеина. Въ его лицѣ съ русской исторической сцены сошелъ человѣкъ своеобразный и значительный. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, значеніе и значительность которыхъ не зависѣли отъ ихъ внѣшняго положенія. Это относится одинаково и къ дореволюціонной и къ послѣреволюціонной эпохѣ его жизни и дѣятельности. Если А. В. Кривошеинъ сдѣлалъ блестящую карьеру, то этимъ онъ былъ обязанъ не знатному происхожденію и не привилегированному образованію и товариществу, а исключительно своимъ личнымъ дарованіямъ. Примѣры Витте, Столыпина и Кривошеина доказываютъ, что т. н. „старый режимъ" умѣлъ отбирать людей и ставить ихъ на свое мѣсто. Къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ ихъ цѣнить и хранить.

Дореволюціонный періодъ жизни и дѣятельности Кривошеина навсегда связалъ его имя съ именемъ Столыпина — на долю Кривошеина выпалъ жребій быть главнымъ исполнителемъ столыпинской аграрной реформы. Но онъ не былъ только исполнителемъ и простымъ исполнителемъ: столыпинская реформа была воспринята и осуществляема имъ лишь какъ *одна* изъ задачъ государственнаго содѣйствія основному для Россіи сельско-хозяйственному промыслу. Съ удивительнымъ размахомъ и исключительнымъ психологическимъ мастерствомъ осуществлялъ Кривошеинъ задачи министра земледѣлія. Въ этой роли онъ развилъ кипучую культурно-государственную дѣятельность, порвавъ съ прежними чисто-бюрократическими пріемами и выйдя на широкую дорогу самаго либеральнаго, въ лучшемъ смыслѣ слова, и въ то же время чисто дѣлового сотрудничества съ общественными силами. Какъ государственный дѣятель, онъ сталъ „ловцомъ человѣковъ", беря ихъ вездѣ, гдѣ только онъ ихъ замѣчалъ и съ несравненнымъ искусствомъ ставя ихъ на службу государственному дѣлу. Въ старой Россіи всегда бывало въ ея бюрократическомъ аппаратѣ одно вѣдомство, которому въ культурной работѣ, производимой государственной машиной, принадлежала руководящая роль. Съ половины 60-хъ гг. XIX вѣка до перваго десятилѣтія XX вѣка эта роль принадлежала министерству финансовъ. При А. В. Кривошеинѣ она совершенно явственнымъ образомъ перешла къ министерству земледѣлія, которое стало фокусомъ культурной работы всего государства.

Сейчасъ именно *культурныя* разрушенія, произведенныя революціей, такъ велики, что *обозрѣть* все сдѣланное въ этой области въ управленіе Кривошеина, по его иниціативѣ и подъ его руководствомъ, не такъ легко. Но зато съ какой ясностью мы *ощущаемъ* громадность сдѣланнаго и размѣры произведенныхъ разрушеній!

Чисто политическая роль А. В. Кривошеина, какъ члена правительства до міровой войны, мнѣ мало извѣстна, и я о ней не имѣю никакого сужденія по существу. Ясно, однако, что значеніе и роль А. В. Кривошеина и тутъ значительно превышали его оффиціальное положеніе какъ одного изъ министровъ.

Это обнаружилось совершенно ясно въ 1915 г.*), въ критическій годъ, когда могъ и долженъ былъ въ политикѣ русской монархіи въ отношеніи *среднихъ* общественныхъ элементовъ произойти какой-то поворотъ и сдвигъ. А. В Кривошеинъ въ одной изъ своихъ незабытыхъ рѣчей вычеканилъ и пустилъ въ оборотъ въ свое время крылатое слово „мы и они", какъ выразительную формулу пагубнаго противопоставленія правительства и общества. Въ 1915 г., казалось, наступалъ моментъ, когда въ интересахъ великой національной борьбы надлежало окончательно порвать съ этимъ противопоставленіемъ. А. В. Кривошеинъ напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы этотъ спасительный сдвигъ осуществился безъ всякаго ущерба для государства и его мощи. Эти усилія постигла неудача, и Кривошеинъ ушелъ. Съ глубокой скорбью взиралъ онъ на дальнѣйшее расхожденіе монархической власти и народнаго представительства, расхожденіе, смертельная опасность котораго для государства не учитывалась ни той, ни другой стороной.

Разразилась революція и въ быстрой смѣнѣ лицъ и событій привела къ торжеству большевизма. Если удивительна была та блестящая карьера, которую Кривошеинъ, благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ, сдѣлалъ въ твердыхъ рамкахъ старой государственности, то еще болѣе разительно было то значеніе, которое онъ, единственный изъ государственныхъ людей т. н. „стараго режима", пріобрѣлъ послѣ революціи или, вѣрнѣе, послѣ крушенія ея первоначальныхъ политическихъ замысловъ. Послѣ большевистскаго переворота приблизительно въ теченіе года въ тѣхъ московскихъ кругахъ, гдѣ формировалась общественная поддержка бѣлому движенію, А. В. Кривошеину принадлежала центральная и наиболѣе авторитетная роль. Внѣшнеполитическое положеніе бѣлой Россіи было тогда въ извѣстной мѣрѣ еще менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ позже: она была зажата между заполонившей Россію, но уже явно ослабѣвавшей Германіей и державами Согласія. А. В. Кривошеинъ не держался никакой „оріентаціи" и преслѣдовалъ исключительно практическія цѣли организаціи борьбы съ большевиками. Въ августѣ 1918 г. онъ переѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ, а затѣмъ въ Одессу, гдѣ его застало военное крушеніе сред-

*) Въ этомъ году я съ нимъ лично познакомился и сошелся.

не-европейскихъ державъ. Наступила новая эпоха борьбы бѣлыхъ противъ большевиковъ, эпоха, полная великихъ надеждъ и такихъ-же разочарованій. Къ сожалѣнію и въ эту эпоху въ русской антибольшевистской средѣ не господствовало того единенія, которое было нужно для этой трудной во всѣхъ отношеніяхъ, а въ военномъ съ самаго начала совершенно неравной борьбы. Вотъ почему только, когда счастье рѣзко повернулось противъ бѣлаго дѣла, и войска ген. Деникина были наканунѣ оставленія Ростова, А. В. Кривошеинъ былъ призванъ въ правительство. Сейчасъ уже почти всѣ, не участвовавшіе прямо въ политической жизни бѣлаго юга тѣхъ дней, я увѣренъ, забыли, что въ декабрѣ 1919 г. А. В. Кривошеинъ вошелъ въ правительство ген. Деникина въ роли главнаго начальника снабженій. Въ это время онъ уже былъ въ Новороссійскѣ съ заграничнымъ паспортомъ въ карманѣ, готовый къ отъѣзду заграницу. Несмотря на, если не полную безнадежность, то во всякомъ случаѣ, крайнюю смутность и положенія дѣлъ вообще и, въ частности, положенія самого правительства, А. В. Кривошеинъ не счелъ возможнымъ отказаться отъ предложенной ему должности и остался въ Новороссійскѣ. Тотъ, кто, какъ пишущій эти строки, пережилъ эти ужасные два мѣсяца въ Новороссійскѣ, когда со всѣхъ сторонъ валились люди отъ сыпного тифа, когда на самого А. В. съ фронта обрушилась вѣсть о гибели одного и безслѣдномъ исчезновеніи другого сына, знаетъ, какую роль игралъ въ эти дни А. В. Кривошеинъ, являвшійся духовнымъ и волевымъ цементомъ тѣхъ остатковъ Деникинскаго правительства, которые пребывали въ Новороссійскѣ. Ему пришлось сыграть главную роль въ трудныхъ и подчасъ унизительныхъ переговорахъ съ англичанами; вмѣстѣ съ другими политическими и общественными дѣятелями онъ пытался (безуспѣшно!) наладить отношенія ген. Деникина съ генераломъ Врангелемъ, значеніе котораго, какъ военачальника, пользовавшагося огромнымъ довѣріемъ арміи, было тогда уже ясно всякому зрячему. Вся эта работа не привела ни къ чему, и въ половинѣ февраля А. В., превратившись опять въ частное лицо, уѣхалъ въ Константинополь и далѣе въ Парижъ.

Тутъ его застало извѣстіе о переходѣ главнаго командованія въ руки ген. Врангеля и предложеніе послѣдняго принять на себя обязанности помощника правителя и главнокомандующаго. Несмотря на большія сомнѣнія въ успѣшности всего предпріятія и ужасную физическую слабость, вызванную въ значительной мѣрѣ той подкрадывавшейся уже къ нему коварной болѣзнью, отъ которой ему было суждено погибнуть такъ быстро въ настоящемъ году, А. В. поѣхалъ въ Крымъ и занялъ постъ, трудности котораго нельзя было преувеличить.

По существу, все зависѣло отъ соотношенія *военныхъ* силъ обѣихъ сторонъ, и никакая политика вообще, а тѣмъ болѣе политика, осуществляемая въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ на ничтожномъ по сравненію съ остальной Россіей пространствѣ Крыма, не могла измѣ-

нить этого соотношенія. А. В. ясно понималъ это. Все въ государственномъ управленіи зависѣло отъ военнаго положенія. Но, понимая это, А. В. Кривошеинъ не покладалъ рукъ. Разъ была хоть какая-нибудь надежда удержаться въ Крыму, необходимо было всячески совершенствовать управленіе, подымать уровень экономической жизни, заботиться о военномъ и иномъ снабженіи и поддерживать финансы. Соотвѣтственно этому на три вещи было направлено главное вниманіе А. В.: на финансы, на военное снабженіе и на внутреннее управленіе. Но дни Крыма уже были сочтены, и въ ноябрѣ 1920 г. наступила катастрофа. Сейчасъ не время и здѣсь не мѣсто разсматривать причины того, что совершилось. Но это была чисто военная катастрофа, которую, въ данныхъ условіяхъ времени и мѣста, не могла предупредить никакая политика.

*

Съ 1915 г. я сблизился съ А. В. Кривошеинымъ и съ этого года мы, иногда расходясь въ оцѣнкѣ задачъ даннаго момента, въ основныхъ цѣляхъ и даже методахъ политическаго дѣйствія, чувствовали себя единомышленниками, несмотря на различіе въ возрастѣ, въ путяхъ нашего политическаго развитія и въ содержаніи нашего государственнаго опыта. Я шелъ слѣва, онъ шелъ справа, и мы сошлись въ какой то точкѣ или, вѣрнѣе, постоянно въ ней сходились. Во многомъ мы чувствовали по разному, но мы всегда понимали другъ друга, иногда сговариваясь чуть ли не на полусловѣ.

Вотъ почему я думаю, что политическій обликъ А. В., какимъ онъ сталъ въ эпоху революціи, для меня до конца ясенъ.

Прежде всего А. В. принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые не только многое пережили, но и многому научились. То, чему онъ научился, можно охарактеризовать такъ: любя Россію, онъ научился, ради нея, духу соглашенія. Человѣкъ консервативныхъ убѣжденій, монархистъ по чувству и по разуму, онъ сталъ именно къ концу жизни принципіальнымъ сторонникомъ широкаго политическаго компромисса. Онъ сталъ таковымъ изъ *политическаго реализма* и въ предѣлахъ, имъ диктуемыхъ. Этимъ благопріобрѣтеннымъ духомъ широкаго компромисса объясняется и та роль, которую А. В. Кривошеинъ игралъ въ Новороссійскѣ, и тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался у иностранцевъ. Въ Новороссійскѣ мнѣ приходилось отъ представителей лѣвыхъ теченій слышать самыя восторженныя похвалы дѣловитости и умѣренности А. В. и тамъ же и въ Севастополѣ я видѣлъ, съ какимъ уваженіемъ относились къ нему иностранцы за его тактичность и сдержанность, которую они оцѣнивали какъ политическую мудрость.

И въ самомъ дѣлѣ: въ результатѣ долгой жизни онъ, вѣрный слуга исторической государственности, пережившій ея ужасное крушеніе, въ этихъ переживаніяхъ не сломился, а вышелъ изъ нихъ

обладателемъ подлинной политической мудрости. Человѣкъ съ насмѣшливой и подчасъ даже саркастической складкой, какъ умѣлъ онъ въ прежнихъ политическихъ врагахъ оцѣнивать проявленія и политическаго здраваго смысла и доброй воли къ соглашеніямъ! Это знаютъ тѣ, кому приходилось съ нимъ обсуждать каждый практическій шагъ и оцѣнивать и предугадывать поведеніе всѣхъ участниковъ той сложной политической работы, которая велась въ интересахъ Россіи съ конца 1917 г. по сей день. Я бы хотѣлъ, чтобы въ умахъ всѣхъ политически сознательныхъ русскихъ людей запечатлѣлся этотъ подлинный и послѣдній образъ А. В. Кривошеина, образъ умудреннаго, но не ожесточеннаго великими личными и государственными страданіями политическаго дѣятеля.

Еще одно я хотѣлъ бы подчеркнуть. Тѣ, кому пришлось быть современниками Витте, Столыпина и Кривошеина, не могутъ не чувствовать, что при всемъ индивидуальномъ различіи этихъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, они принадлежали въ извѣстномъ смыслѣ къ одной исторической формаціи. Но какъ они были дѣйствительно индивидуально различны! Я встрѣчалъ и чувствовалъ Витте. Это былъ не только замѣчательно умный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо геніальный человѣкъ, однако безъ всякой индивидуальной духовной культуры. Столыпинъ, съ которымъ мнѣ, въ бытность членомъ второй Государственной Думы, пришлось вести длинныя и содержательныя бесѣды былъ человѣкъ не только большого ума, но и исключительнаго волевого закала. Ни административно-политической геніальности Витте въ вопросахъ хозяйственной политики, ни волевого упора Столыпина не было у А. В. Кривошеина. Зато этотъ сынъ армейскаго подполковника и худородной польки былъ человѣкомъ индивидуальной культуры и имѣлъ вкусъ къ культурѣ вообще, чего нельзя сказать ни о Витте, ни о Столыпинѣ. Будучи политическимъ реалистомъ, который живо ощущалъ ту народную почву, изъ которой онъ самъ вышелъ и въ этомъ смыслѣ будучи, пожалуй, демократомъ, А. В. въ то же время былъ подлиннымъ культурнымъ аристократомъ. Самъ ни ученый, ни художникъ, ни писатель, онъ любилъ мысль, влекся къ красотѣ, наслаждался искусствомъ и тонко цѣнилъ слово. Въ бесѣдахъ съ нимъ можно было находить большое умственное удовлетвореніе. Обобщающая мысль, образное слово, художественная форма были дороги и сродни его духу. Вотъ почему онъ такъ искренно и такъ глубоко принималъ къ сердцу интересы культуры; это была стихія, для него лично драгоцѣнная.

Берлинъ, 31 октября 1921 г.

Петръ Струве.

